

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Журнал
социально-политических и экономических исследований

Том 4
Выпуск 1–2
2010

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции Азербайджанской Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®

Швеция

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 1218

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета (Баку) Тел/факс: (994 – 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ	Ответственный секретарь (Баку) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: kenan.allakhverdiev@gmail.com
Азер САФАРОВ	Представитель журнала в России (Москва) Тел.: (7 – 495) 937 77 27 E-mail: a.safarov@ibam.ru
Нодар ХАДУРИ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (995 – 32) 99 59 67 E-mail: undp@parliament.ge
Айча ЭРГЮН	Представитель журнала в Турции (Анкара) Тел.: (+90 – 312) 210 59 96 E-mail: ayer@metu.edu.tr

Редакционная коллегия

Назим МУЗАФФАРЛИ (ИМАНОВ)	Главный редактор (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 499 11 74 E-mail: n_imanov@email.com
Владимир ПАПАВА	Заместитель главного редактора (Грузия) Тел.: (995 – 32) 24 35 55 E-mail: papavavladimer@gfsis.org
Акиф АБДУЛЛАЕВ	Заместитель главного редактора (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: akifabdulla@gmail.com

Члены редколлегии:

Мустафа АЙДЫН	Профессор Анкарского университета (Турция)
Заза АЛЕКСИДЗЕ	Доктор исторических наук, профессор, Член-корреспондент Национальной академии наук Грузии, руководитель научного отделения Института рукописей имени Корнели Кекелидзе (Грузия)
Ирина БАБИЧ	Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Россия)
Дуглас БЛУМ	Профессор, заведующий кафедрой политических наук Провиденс колледжа (США)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Шамседдин ГАДЖИЕВ	Доктор экономических наук, профессор, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (Азербайджан)
Джамиль ГАСАНЛЫ	Доктор исторических наук, профессор Бакинского государственного университета (Азербайджан)
Арчил ГЕГЕШИДЗЕ	Кандидат географических наук, ведущий эксперт Грузинского фонда стратегических и международных исследований (Грузия)
Парвин ДАРАБАДИ	Доктор исторических наук, профессор Бакинского государственного университета (Азербайджан)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Рауф КАРАГЕЗОВ	Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Эльмир КУЛИЕВ	Директор Департамента геокультуры Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Ведущий специалист отдела политики и международных отношений Кентского университета Кентербери; ведущий специалист по евразийским проблемам в военной области в рамках программы «Евразийские исследования» Фонда Джеймстауна, Вашингтон (Великобритания)
Акира МАЦУНАГА	Доктор, эксперт по Центральной Азии и Кавказу, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков, член Президиума Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фуад МУРШУДЛИ	Кандидат экономических наук, советник президента Международного Банка Азербайджана (Азербайджан)
Александр РОНДЕЛИ	Профессор, президент Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Мехди САНАИ	Профессор Тегеранского университета, директор центра по изучению России (Иран)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель директора Института стратегических исследований Кавказа, заместитель главного редактора журнала социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Азербайджан)
Мурад ЭСЕНОВ	Доктор политических наук, главный редактор журнала социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакционного совета и Редколлегии

Адрес редакции:

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
AZ1009, Баку, Азербайджан
ул. Аловсата Гулиева, 98
ВЕБ САЙТ: www.ca-c.org

© «Кавказ & Глобализация», 2010
© CA&CC Press®, 2010
© Институт стратегических исследований Кавказа, 2010

«КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»

Журнал
социально-политических и экономических исследований
Том 4 Выпуск 1—2 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В МЕЖДУНАРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА	<i>Парвин ДАРАБАДИ</i>	7
АЛГОРИТМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)	<i>Паата ЛЕИАШВИЛИ</i>	21
РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	<i>Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ</i>	31
ГРУЗИЯ В НОВОЙ ВОЛНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	<i>Марина МУСХЕЛИШВИЛИ</i>	42
ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ	<i>Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ</i>	52

ГЕОЭКОНОМИКА

СОВРЕМЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ И МОНЕТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГРУЗИИ	<i>Автандил СИЛАГАДЗЕ</i>	62
К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА	<i>Рузи МАМЕДОВ</i>	78

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА УРОВНЯ ЗАНЯТОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)	<i>Вахтанг БУРДУЛИ, Нанули АРЕВАДЗЕ</i>	96
ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И КРАТКОСРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (ПРИМЕР ГРУЗИИ)	<i>Иза НАТЕЛАУРИ</i>	108
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ОПЫТ ГРУЗИИ	<i>Джордж БЕРУЛАВА</i>	114
СРЕДНИЙ КЛАСС: НОВАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА И ОПЫТ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ К СТРАНАМ КАВКАЗА	<i>Итэй СЕНЕД, Маршал ТОМПСОН, Роберт УОКЕР, Рон УОТСОН</i>	124
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МАСШТАБЫ И СТРУКТУРУ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ МОЩНОСТЕЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	<i>Нурали ЮСИФБЕЙЛИ, Валех НАСИБОВ, Рена АЛИЗАДЕ</i>	138

ГЕОКУЛЬТУРА

ДОВЕРИЕ И ДЕМОКРАТИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ: РАЗНЫЕ ТРАЕКТОРИИ, РАЗНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ	<i>Рауф КАРАГЕЗОВ Рена КАДЫРОВА</i>	146
ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА НА СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	<i>Ирина БАБИЧ</i>	161
К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	<i>Эльмир КУЛИЕВ</i>	170

ГЕОИСТОРИЯ

СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	<i>Эльдар Р. ИСМАИЛОВ</i>	194
---	-------------------------------	-----

СТАТУС АБХАЗИИ В СОСТАВЕ ГРУЗИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА	<i>Мариам ЛОРДКИПАНИДЗЕ, Георгий ОТХМЕЗУРИ</i>	205
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА	<i>Эльмира МУРАДАЛИЕВА</i>	217
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И АРМЕНИИ)	<i>Ситара МУСТАФАЕВА</i>	230
РУССКО-ТУРЕЦКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА (1919—1921 гг.)	<i>Васиф ГАФАРОВ</i>	240

ГЕОПОЛИТИКА**Парвин ДАРАБАДИ**

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
НАЧАЛА XXI ВЕКА****Резюме**

В статье исследуются основные международно-геополитические, геоэкономические проблемы, связанные с Каспийским регионом в первом десятилетии XXI века. Анализируются позиции по отношению к этому региону основных «геополитических игроков» — мировых и региональных держав — Рос-

сии, США, Евросоюза, Турции, Ирана и Китая.

Рассматриваются геополитические и геоэкономические перспективы Каспийского региона в наступившем столетии и их влияние на геополитическую ситуацию на всем Большом Ближнем Востоке.

Введение

В последовавший после распада Советского Союза в конце 1991 года период начался процесс постепенного превращения Каспийского региона в серьезный геополитический и геоэкономический фактор. Регион стал восприниматься не как замкнутый и статичный, а в динамике глобального геополитического взаимодействия. В то же время он является лишь одним из фрагментов и узлов стягивания напряжений в системе современных всемирных геополитических процессов.

Важнейшим внешним фактором, оказывающим влияние на Каспийский регион, является значительное расширение в начале XXI века круга стран, имеющих здесь свои геополитические и геоэкономические интересы. Совокупность географического положения и растущего значения каспийских энергетических ресурсов привела к росту стратегической важности Кавказа и Каспия для мировой, в том числе и европейской, безопасности¹. Не случайно Хавьер Солана, отмечая важность Кавказа для Европы, еще в 1997 году, выступая в Баку, подчеркивал, что «Европа не будет полностью безопасной, пока страны Кавказа будут оставаться за пределами европейской (системы) безопасности»².

Наряду с традиционными «геополитическими игроками»: Россией, США, Великобританией, Турцией и Ираном — все большую политико-экономическую активность здесь проявляют Франция, Германия, Китай, Япония, Пакистан, Саудовская Аравия, Израиль, ряд других стран, что, в свою очередь, значительно усложняет ситуацию в регионе. Их взаимоотношения, наряду с прочим, определяются и интересами контроля над региональными топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки.

Находясь в центре геополитического разлома постсоветского пространства, Каспийский регион начиная с 1990-х годов стал неотъемлемой частью новой «большой игры» в мире, ведущейся по классическим правилам геополитики.

Кавказский «узел»: многоходовая «геополитическая игра»

С заключением в Баку 20 сентября 1994 года «Контракта века» на разработку каспийских нефтяных месторождений Азербайджана активизировался процесс вовлечения кавказских и прикаспийских стран в разыгрываемую в регионе мировыми и региональными державами «геополитическую игру» на «каспийской шахматной доске», в роли главных игроков выступили Россия и Запад.

Для России чрезвычайно важную стратегическую роль на Кавказе традиционно играла и продолжает играть Армения, которая является ее традиционным «форпостом» в этом регионе. К тому же эта страна служит для России основной базой противостояния проникновению НАТО и Турции в этот регион. По мнению некоторых российских экспертов, она «обречена быть вечным союзником России»³ и «в геополитическом коде Армении доминирует традиционный российский вектор»⁴.

В то же время Армения пытается проводить внешнюю политику, сбалансированную между сотрудничеством с Россией и интеграцией с Западом⁵. В последние годы она, при активной поддержке США и согласии России, предпринимает попытки наладить свои взаимоотношения с Турцией. Это со всей наглядностью подтвердили армяно-турецкие протоколы, подписанные в Цюрихе 11 октября 2009 года. В этих документах нашло отражение и стремление Турции еще более активизировать свою политику на Кавказе.

¹ См.: Кунз Ф. НАТО и Южный Кавказ. Тбилиси: Кавказский институт мира, демократии и развития, 2003. С. 13.

² Цит. по: Кунз Ф. Указ. соч. С. 16.

³ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. С. 314.

⁴ Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004, С. 354.

⁵ См.: Татикян С. Тенденции евро-атлантической интеграции государств Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 4 (46). С. 130.

Грузия как единственная кавказская страна, имеющая выход к Черному морю, также имеет стратегическое значение в отношениях России и Запада. По территории этой страны проходят транскавказские транспортные линии — железнодорожные и автомобильные, к которым за последние годы прибавились магистральные нефтегазовые трубопроводы.

Грузия, в особенности после «революции роз» 2003 года, открыто придерживается прозападной ориентации, а ее пребывание в СНГ и до осени 2008 года носило скорее символический характер.

После распада СССР осетины и абхазы были использованы Россией с целью заставить Грузию уступить давлению Москвы и отказаться от намерений вступить в НАТО. В России ясно осознавали, что Грузия, видящая свое будущее в единстве с Западом, является важным звеном в цепи, по которой западное влияние распространяется через Турцию и Азербайджан в Центральную Азию.

Не случайно, что именно по отношению к Грузии Россия применяла наиболее жесткую политику. Вначале это было введение визового режима, торгового эмбарго, «случайные» бомбардировки приграничных районов и пр. В условиях, когда присоединение Грузии к НАТО стало реальной перспективой, в августе 2008 года Россия применила прямые военно-силовые методы, приведшие в конце концов к отторжению от Грузии Абхазии и Южной Осетии и выходу страны осенью того же года из СНГ.

Эта акция позволила РФ:

- во-первых, расширить сферу своего влияния на Черном море;
- во-вторых, Россия провела запретную черту, указывающую пределы для расширения НАТО на восток на «кавказском направлении»;
- в-третьих, эти события продемонстрировали слабость позиций Запада на Кавказе, выявив разногласия как среди европейских стран, так и между «старой Европой» и Соединенными Штатами, которые ограничились, в основном, разного рода «резолюциями об озабоченности» и весьма неэффективными дипломатическими демаршами;
- и, наконец, в-четвертых, другие стремящиеся в НАТО постсоветские государства получили недвусмысленный жесткий сигнал о том, что их настойчивые стремления в альянс могут закончиться войной с последующим расчленением их территорий⁶.

С другой стороны, августовский кризис 2008 года объективно открыл новые возможности для активизации на Кавказе Турции, которая выступила с инициативой создания системы региональной безопасности («Платформы мира и стабильности на Кавказе»), включающей в себя пять кавказских стран: Турцию, Россию, Азербайджан, Грузию и Армению, и приступила к налаживанию прерванных в 1993 году отношений с Арменией. Все это свидетельствует о том, что Турция явно намерена использовать кризис на Кавказе для укрепления собственного влияния в регионе и своего статуса как регионального центра силы. Россия же, учитывая сложившуюся на Кавказе ситуацию, склонна поддерживать инициативы Турции о создании «Платформы мира и стабильности на Кавказе» с условием участия в этом проекте Ирана, что позволило бы значительно ограничить влияние США и Евросоюза в этом регионе⁷.

⁶ См.: *Чантуридзе Л.* Здесь не нужно пророка: война и мир на Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*, 2009, № 1 (61). С. 12; *Какача К.* Российско-грузинская пятидневная война: цена, которую предстоит заплатить, и непредвиденные последствия // *Центральная Азия и Кавказ*, 2009, № 1 (61). С. 16.

⁷ См.: *Скаков А.* Августовский кризис на Кавказе и его последствия // *Центральная Азия и Кавказ*, 2009, № 1 (61). С. 38.

Иранский фактор в геополитических процессах в Каспийском регионе

Попытки усилить свое влияние в Каспийском регионе предпринимает и Иран — региональная держава континентального типа, антиамериканская, антиатлантическая и геополитически активная страна, чьи интересы в регионе во многом совпадают с интересами России. Учитывая, что территория Ирана является одним из геополитически ключевых звеньев для новых независимых государств Кавказа и Центральной Азии, полностью исключить Тегеран из участия в каспийских проектах Западу вряд ли удастся. Именно Иран, наряду с Арменией, является основным стратегическим союзником России, противостоящим продвижению НАТО на восток.

Прежде всего, для Тегерана важно не допустить усиления влияния прозападных сил, способных лишить Иран доступа к важному со стратегической и экономической точек зрения региону. В свою очередь, расширение влияния на Кавказе и Центральной Азии позволит Ирану укрепить свой статус региональной державы, что заставит тот же Запад считаться с позицией этой страны на международной арене. Основную же ставку в «каспийском направлении» своей внешней политики Тегеран делает на Россию как реальную силу, противодействующую натиску Запада в этот регион⁸.

Принципиально поддерживая развитие международного сотрудничества во всем Каспийском регионе, в том числе в освоении его энергетических и биологических ресурсов, иранская сторона твердо выступает против какого-либо военного присутствия здесь нерегиональных стран. В то же время собственные интересы Ирана при определенном развитии событий могут способствовать дестабилизации обстановки в Каспийском регионе. В первую очередь речь идет о проблеме статуса Каспийского моря. Первоначально Иран занимал позицию, чрезвычайно близкую к российской: Каспийское море и его ресурсы должны рассматриваться с точки зрения кондоминиума — как общее богатство, без границ и секторов. Однако в дальнейшем руководство Ирана решило воспользоваться результатами развала Советского Союза, начав претендовать на большую, чем прежде, часть при разделе Каспийского моря, то есть вместо 13% — доля, на которую были согласны большинство прикаспийских стран, на 20% акватории Каспия.

Между тем, согласно трехстороннему соглашению, заключенному Россией, Казахстаном и Азербайджаном в мае 2003 года, было разделено 64% акватории Каспия в его северной части. Казахстан получил 27%, Россия — 19%, Азербайджан — 18%. Ирану и Туркменистану оставили 36%, предложив делить их по своему усмотрению⁹.

В целом же проблема окончательного определения международно-правового статуса Каспия из-за особых позиций Ирана и Туркменистана зашла в тупик. Причем в южной части акватории, где расположены перспективные месторождения нефти, неминуемо сталкиваются интересы Ирана, Азербайджана и Туркменистана. Несмотря на то что на протяжении последних двух десятков лет ведутся достаточно интенсивные переговоры между Тегераном, Баку и Ашхабадом, конфликтный потенциал этой проблемы далеко не исчерпан.

Еще одно направление, где интересы Ирана в определенной степени вступают в конфликт с интересами России, — это проблема транспортировки энергоресурсов на мировые рынки. Иран предлагает прикаспийским государствам, прежде всего Казахстану и Туркменистану, направить часть своего экспорта через его территорию. Тегеран готов

⁸ См.: *Арье Гут*. Геополитические реалии Южного Кавказа [1.news.az], 16 марта 2009.

⁹ См.: *Лукоянов А.* Саммит в Тегеране, или визит Президента России в Иран // *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 1 (55). С. 82.

предоставить для этого готовую инфраструктуру: порты, причалы, нефтеперерабатывающие заводы в районе Персидского залива. Возможна и другая форма сделки, когда север Ирана снабжался бы энергоресурсами из Каспийского региона, а аналогичный их объем Тегеран продавал бы от лица этих стран на мировом рынке. Реализация подобных предложений объективно снизила бы роль России в регионе. Против подобных планов открыто выступают и США, которые полагают, что Иран стремится в перспективе «воспрепятствовать свободному перемещению энергоресурсов в мире»¹⁰.

Хотя Иран и Россия не располагают большими запасами нефти и газа в своих секторах Каспийского моря, давление со стороны сменявших друг друга администраций Билла Клинтона, Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, которое испытывали за последние десятилетия и продолжают испытывать обе страны, в значительной степени способствовало сближению их позиций по ряду кардинальных вопросов, затрагивающих в целом Каспийский регион и, прежде всего, по вопросу о необходимости не допустить здесь доминирование Запада.

Стремление же Ирана осуществить свою ядерную программу может спровоцировать неадекватную реакцию Запада, прежде всего США и Израиля, что может кардинально изменить всю военно-политическую ситуацию на Большом Ближнем Востоке с далеко идущими геополитическими последствиями как для Ирана, так и для России, не говоря уже о других прикаспийских странах.

Турецкие «геополитические маневры»: игра на будущее

Среди важных геополитических игроков, определяющих будущее Большого Среднего Востока и непосредственно влияющих на геополитические сдвиги на постсоветском пространстве и в особенности на Кавказе, выделяется Турция. После разрушения советского геополитического пространства в 1991 году Турция получила реальный шанс максимально использовать новую конфигурацию на Кавказе и в Центральной Азии для усиления своего геополитического влияния здесь.

В создавшейся в регионе геополитической ситуации Турция использовала свое особое геостратегическое положение государства, «находящегося и в Европе, и в Азии», связи с евро-атлантическими военно-политическими структурами и идеологию весьма европеизированной, модернистской, но в то же время традиционно-мусульманской страны.

В наступившем столетии Турция предпринимает попытки корректировать свою внешнюю политику на «кавказско-каспийском направлении», взяв курс на укрепление отношений с Россией и Ираном, в частности, в энергетической сфере.

В то же время, в целом, Турция, как и Иран, в настоящее время не обладает достаточными военно-политическими и экономическими возможностями, чтобы обеспечить себе доминирование в Каспийском регионе, вытеснив оттуда Россию и Запад.

Каспийские планы Китая

Повышение интереса Китая к Каспийскому региону за последние два десятилетия продиктовано прежде всего тем, что Пекин явно опасается установления геополитичес-

¹⁰ Каспийский узел (Геополитический контекст «акции возмездия» США в Афганистане), 8 января 2002, № 2 (425) [<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/425/31.html>].

кого контроля США над регионом и приближения зоны американского влияния к своим границам. Во-вторых, в условиях резкого роста китайского импорта нефти и нефтепродуктов за последние годы Пекин стремится «застолбить», по крайней мере, хоть какой-то доступ к запасам нефти и газа Каспия на будущее в рамках общей задачи обеспечения своей энергетической безопасности.

В целом, у Китая в этом регионе есть фундаментальные геэкономические и геополитические интересы, в связи с чем его активность с течением времени будет только усиливаться, особенно в восточной части региона. Это связано, прежде всего, с перспективами китайско-казахстанского и китайско-туркменского сотрудничества, в результате чего Китай рассчитывает существенно расширить сырьевую базу для развития собственного топливно-энергетического сектора. Однако выход США в Центральную Азию может поставить под вопрос реализацию этого вектора китайской политики, что делает возможным возобновление интереса КНР к российским энергетическим ресурсам. Не случайно в наступившем столетии Китай делает главный упор на активизацию сотрудничества с Россией и центральноазиатскими государствами как в двустороннем формате, так и рамках ШОС¹¹.

США в Каспийском регионе: стремление к реальному геополитическому присутствию

За последние два десятка лет Каспийский регион приобрел для Запада, в особенности для США, огромное геополитическое значение. Уже в середине 1990-х годов Соединенные Штаты, не имея возможности активно вмешиваться в ситуацию на постсоветском пространстве, определили для себя трех фаворитов: Украину, Азербайджан и Казахстан, ставя перед собой геополитическую задачу — поставить предел распространению российского влияния на трех ключевых направлениях: на Балканы (Украина), на Кавказ (Азербайджан) и в Центральную Азию (Казахстан)¹².

Первого октября 1998 года Азербайджан, Грузия, Армения, Украина, Беларусь и Молдова были включены в зону ответственности Европейского командования ВС Соединенных Штатов — ЕВКОМ. В 1999 году Пентагон, признавая возрастающее геостратегическое значение Каспийского региона, передал американские военные подразделения в Центральной Азии из подчинения Тихоокеанского командования в распоряжение Объединенного Центрального командования. Это решение было охарактеризовано американским аналитиком Майклом Клером как «редкостный пример изменения военной географии»¹³.

В ходе начавшейся 7 октября 2001 года антитеррористической операции «Несокрушимая свобода», в ходе которой был оккупирован Афганистан, Пентагон начал использовать ряд военных баз и аэродромов в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, разместив на некоторых из них свои воинские контингенты. Интенсифицировались также военные контакты США с кавказскими странами.

США видят в нефти Каспия дополнительный источник энергии, которую можно будет использовать в случае, если поставки из стран Персидского залива окажутся под

¹¹ См.: *Сыздыков М.З.* Геополитические коллизии Центральной Азии: эволюция интересов внешних сил и вопросы безопасности региона [<http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=59>].

¹² См.: *Уткин А.Н.* Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000. С. 105.

¹³ Цит. по: *Ибрагим А.* Эволюция политики Соединенных Штатов в Каспийском регионе: неустойчивое равновесие // *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 4 (52). С. 45.

угрозой. Помимо этого американские интересы в Центральной Азии и в регионе Каспийского моря во многом определяются стремлением сохранить влияние на своих союзников, то есть на объединенную Европу и Японию. США заинтересованы дистанцировать центральноазиатские страны от России и, в конечном счете, даже вывести их из зоны российского влияния, ослабив ее потенциальные возможности вновь бросить когда-либо геополитический вызов Соединенным Штатам.

Возрастающее влияние США в Центральной Азии, особенно после событий 11 сентября 2001 года и начала антитеррористической войны в Афганистане, безусловно, дало Вашингтону геополитическое преимущество в отношении Китая, Ирана, Юго-Западной Азии и Южной Азии, не говоря уже о России. В русле своей стратегии в Евразии Вашингтон, используя фактор так называемого «исламского фундаментализма и экстремизма», стремится пристегнуть Центральную Азию к «географическому поясу», который составляют Турция, Саудовская Аравия и Пакистан¹⁴. Однако без подключения к этому процессу стран Каспийского региона, и прежде всего Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, выполнение данной геостратегической задачи выглядит весьма проблематичным.

Евросоюз в Каспийском регионе: утоление «энергетической жажды»

В отличие от США страны Евросоюза в Каспийском регионе имеют преимущественно экономические интересы. Главной целью европейской политики здесь является обеспечение собственной энергетической безопасности в XXI веке. Новые поставщики нефти и газа в лице Азербайджана, Казахстана и Туркменистана могут значительно уменьшить зависимость Европы от ближневосточной и российской нефти. Второй основной целью ведущих стран Евросоюза в этом регионе является сохранение и развитие собственной нефтедобывающей отрасли за счет работы своих нефтяных компаний на более богатых месторождениях за пределами своих стран.

Как известно, после очередного расширения Евросоюза на восток в 2004 году все три страны Кавказа вошли в группу из 17 стран, подготовивших и подписавших углубленные программы сотрудничества с этой европейской структурой. В октябре 2006 года Евросоюз подписал с ними обновленные Соглашения о партнерстве и сотрудничестве в рамках Европейской политики соседства (ЕПС). Программа действий Европейской политики соседства для каждой из кавказских стран была составлена с учетом их интересов.

Россия на Каспии: лицом к лицу с геополитическими реалиями XXI века

Тем временем события последних лет вокруг Каспия не могут не вызывать серьезную обеспокоенность России. Это связано в основном с двумя факторами. С одной сторо-

¹⁴ Российские стратегические исследования. Ежегодник. М.: Логос, 2002. С. 104.

ны, Россия в 1990-х годах не в полной мере осознавала, в чем конкретно заключаются ее интересы на этой части постсоветского пространства, что и дало возможность Западу беспрепятственно войти и закрепиться в ряде стран Каспийского региона. С другой же стороны, значительное ослабление экономического потенциала России в этот период не позволяло ей в полной мере отстаивать свои геополитические и геоэкономические интересы в этом регионе¹⁵. Фактически границы с Кавказом отошли к рубежу начала XIX века, а с Центральной Азией — середины того же столетия, что в конце концов привело к сжатию геополитического пространства в этих регионах и уменьшению роли России как основного геополитического центра на Каспии.

В ельцинский период «разброда и шатаний» во внутренних и иностранных делах «каспийская политика» России отличалась непоследовательностью и фрагментарностью; она игнорировала специфические особенности как региона в целом, так и конкретных прикаспийских государств. К тому же, увязнув в 1990-х годах в войне в Чечне, которая являлась важным звеном перекачки каспийской нефти на экспорт — на ее территории стыковались нефтепроводы из Азербайджана и Казахстана, — Москва значительно уложила свои позиции на Северном Кавказе.

Связь событий в Чечне с борьбой за трубопроводы со всей очевидностью проявилась в конце 1994 года, когда Москва начала здесь активные боевые действия, переросшие затем в новую кавказскую войну. Все это в конце концов поставило Россию перед реальной угрозой потери своих геополитических позиций в регионе со всеми вытекающими из этого геостратегическими последствиями.

В целом же в этот период «у России не было синтезированной, ориентированной на будущее, общенациональной позиции в отношении Каспия»¹⁶.

Лишь после прихода к власти в России В. Путина внешнеполитические шаги российской дипломатии приобрели прагматичность и последовательность. Причем во внешнеполитической доктрине РФ появилась новая тенденция — придерживаться концепции гибких коалиций, то есть не входить в долгосрочные союзы ни с одним государством, делая ставку в основном на налаживание стабильных двух- и многосторонних отношений с государствами постсоветского пространства, согласно своим конкретным геополитическим и геоэкономическим целям и задачам.

Стремление России нормализовать отношения со всеми прикаспийскими государствами было наглядно продемонстрировано в ходе официальных визитов президентов В. Путина и А. Медведева в прикаспийские страны, когда был подписан ряд важных межгосударственных политических и экономических соглашений.

Приход к власти администрации В. Путина ознаменовался усилением позиций РФ на Каспии. В этот период Россия более активно вовлекается в конкурентную борьбу за ресурсы региона.

Военные игры на Каспии

Безусловно, одной из важнейших проблем, затрагивающей как настоящее, так и будущее Каспийского региона, является проблема демилитаризации Каспия. Курс же на наращивание всеми пятью прикаспийскими государствами своей военно-морской мощи является дестабилизирующим фактором и чреват непредсказуемыми последствиями.

¹⁵ См.: Жильцов С. Геополитическое влияние России в Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 4 (34). С. 61.

¹⁶ Баргесов Ю.Г. Каспий в международном праве и мировой политике. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С. 64.

Между тем российская сторона на саммите по проблемам каспийской нефти и газа, состоявшемся в Лондоне 22—23 марта 2001 года, открыто заявила, что предметом озабоченности является угроза этому региону со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма, а также региональных и локальных конфликтов, что оправдывает и требует разностороннего присутствия России в этом регионе, включая и военное¹⁷.

Между тем первые же годы наступившего столетия ознаменовались активизацией под благовидным поводом «борьбы с международным терроризмом» усилий США и НАТО по установлению военно-политического контроля над важнейшими в геостратегическом отношении регионами мира. Одним из основных явился американский геостратегический план «Большой Ближний Восток», включающий в себя Северную Африку, Ближний Восток, Средний Восток, Кавказ и Центральную Азию.

В 2003 году, в период разработки плана военной акции против Ирана, в недрах Пентагона был разработан также план по созданию сил специального назначения под названием «Каспийская стража» и военных баз, призванных обеспечить безопасность в Каспийском бассейне¹⁸. Основной задачей этих сил должно было стать быстрое реагирование на возникновение чрезвычайных ситуаций, включая угрозы нападения террористов на нефтяные объекты¹⁹.

Намерение США обозначить в ближайшие годы свое военное присутствие на Каспии вызывает однозначно негативную реакцию Москвы и Тегерана, так как это ставит под угрозу оборонные интересы России и Ирана в этом регионе.

Между тем Россия в том же 2003 году выступила с инициативой формирования пятисторонней Каспийской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Касфор») — по образцу «Блэксифор» на Черном море. «Касфор» должен был представлять собой оперативную военную группировку в составе всех флотов прикаспийских стран. Однако этот проект не получил поддержки ряда прибрежных государств.

В целом, хотя по Каспию и сложилась конфликтная ситуация, она пока еще не имеет кризисного измерения. Однако разворачивающееся вокруг Каспийского региона напряженное геополитическое соперничество между формирующимися новыми геостратегическими центрами создает весьма реальные перспективы превращения региона в XXI веке в решающий «театр военных действий» в атлантистско-евразийском геополитическом противостоянии.

Геополитические перспективы Каспийского региона: задача со многими неизвестными

В геополитической борьбе в Центральной Евразии решается судьба нового миропорядка, так как контроль над ней позволяет контролировать Черноморско-Кавказско-Каспийское геополитическое пространство, Центральную Азию и Большой Ближний Восток со всеми вытекающими из этого геостратегическими преимуществами.

Зб. Бжезинский достаточно откровенно излагает геостратегические и геоэкономические задачи Запада по отношению к богатейшим нефтегазодобывающим районам,

¹⁷ См.: Урнов А.Ю. Геополитические проблемы Каспия. Выступление на саммите по проблемам каспийской нефти и газа. Лондон, 22—23 марта 2001// Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России», 2001, № 3—4. С. 8—9.

¹⁸ См.: Эхо (Баку), 14 апреля 2005.

¹⁹ См.: Там же.

включающим Персидский залив, Иран и Каспийский регион: «А коль скоро надежный доступ к энергоносителям по разумным ценам жизненно важен для трех наиболее динамичных в экономическом отношении регионов — Северной Америки, Европы и Восточной Азии, стратегическое господство над этой зоной, **пусть даже замаскированное соглашениями о сотрудничестве** (выделено нами. — П.Д.), было бы определяющим с точки зрения мировой гегемонии преимуществом»²⁰.

В целом, США явно заинтересованы не только в разработке природных ресурсов Каспийского региона, но и в недопущении доминирования РФ на данном геополитическом пространстве. Первоочередной интерес США состоит в том, чтобы не дать России приобрести здесь стабильные позиции. Вашингтон заинтересован прежде всего в том, чтобы обеспечить ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а Запад имел бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. В то же время вариант с полным исключением России из региона не предусматривается, так как это послужит серьезным фактором нестабильности в регионе с далекими идущими военно-политическими последствиями.

В свою очередь, с военно-стратегической точки зрения масштабное и исключительное военное присутствие США в Персидском заливе, Ираке и Афганистане открывает перед американцами, по мнению З. Бжезинского, «широчайшие возможности единолично принимать нужные политические решения». Что же касается Ирана с его 70-миллионным населением, «величественной имперской историей и чувством национальной самоценности», — трудно представить, «чтобы Соединенным Штатам удалось в одиночку принудить Иран к радикальной переориентации»²¹.

Вашингтон активно использует в связи с антитеррористическими операциями в Афганистане и Ираке международную конъюнктуру для расширения своего прямого и косвенного (через структуры НАТО) присутствия на постсоветском пространстве. По сути, начата реализация геополитической стратегии «анаконда», вполне оправдавшей себя в отношении СССР в период «холодной войны».

С другой стороны, в наступившем столетии все более реальные черты приобретает процесс формирования Западом гигантской геополитической дуги Балтика — Черноморье — Каспий с последующим выходом на просторы Центральной Азии.

Каспийский регион в глобальных геоэкономических процессах

С проникновением глобальных экономических акторов в Каспийский регион он не утратил значения в мировой геоэкономике. Наоборот, сегодня можно констатировать растущую интенсивность глобальных воздействий, направленных на включение региона с его огромными природными ресурсами в масштабные геоэкономические проекты.

Процессы, происходившие на рубеже XX—XXI веков, и всевозрастающая роль энергоресурсов в мировой политике неизбежно привели к пересмотру ряда традиционных взглядов на регионы, входящие в Ближний и Средний Восток. В книге «Энергетический суперкубок», изданной Центром Никсона, регион, простирающийся от устья Волги до Омана, охарактеризован как стратегический «энергетический эллипс». Он представля-

²⁰ Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М: Международные отношения, 2004. С. 102.

²¹ Там же. С. 104.

ет собой продолжение нефтяных месторождений Ирана и всего Ближнего Востока и содержит 2/3 разведанных залежей нефти и более 40% доказанных мировых запасов природного газа²². В этой связи, как в геополитическом, так и в геоэкономическом плане, Каспийский бассейн и Персидский залив рассматриваются как единая конструкция.

Итак, наличие больших запасов нефти и газа является важнейшим геоэкономическим фактором, влияющим на расклад геополитических сил в Каспийском регионе. По оценке ряда российских экспертов, при наличии мировых запасов нефти в 150 млрд т на долю этого региона приходится свыше 25 млрд т²³. В то же время ряд других российских аналитиков считают, что на долю бассейна Каспийского моря приходится всего 15—20 млрд т, то есть не более 10% мировых запасов нефти, тогда как на Россию — 6—10%, а на страны Ближнего Востока — 60%. По мнению стран ОПЕК, запасы Каспийского бассейна не превышают 23 млрд т²⁴.

По оценкам же западных экспертов, сырье из Каспийского моря может иметь большое значение для Европы как альтернатива для арабской нефти, когда уменьшится добыча из Северного моря²⁵. По некоторым данным, только Казахстан, Азербайджан и Туркменистан владеют более чем 100 млрд баррелей нефти, что делает Каспийский регион третьим по величине нефтяным резервуаром в мире после Персидского залива и Сибири²⁶.

В свою очередь, Министерство энергетики США считает, что бассейн Каспийского моря располагает крупнейшими неразработанными запасами углеводородов в мире, в том числе разведанные запасы составляют от 17 до 33 млрд баррелей нефти и около 232 трлн куб. футов природного газа. Потенциальные же запасы могут составить около 200 млрд баррелей нефти и до 350 трлн куб. футов природного газа²⁷.

Что касается запасов нефти в отдельных прикаспийских странах, то, по оценкам независимых экспертов, доказанные запасы нефти в Азербайджане составляли на первый квартал 2007 года 7 млрд баррелей, Казахстана — 30 млрд баррелей, Туркменистана — 600 млн баррелей, Ирана — свыше 136 млрд баррелей, в то время как запасы нефти в Саудовской Аравии — свыше 262 млрд баррелей²⁸.

Важным геоэкономическим фактором является и то, что Каспийский регион может стать одним из основных поставщиков газа в Европу. По оценкам экспертов «Бритиш петролеум», на долю Туркменистана, Казахстана и Азербайджана приходится в общей сложности 5,85 трлн куб. м²⁹. Потенциал государств Каспийского региона подтверждается объемами их запасов природного газа — 35—40 трлн куб. м, или 26% мировых запасов, что почти в три раза больше суммарных подтвержденных запасов Алжира, Египта, Нигерии и Ливии³⁰.

Для обеспечения же полного использования потенциала Каспийского региона и создания всей инфраструктуры, необходимой для добычи и транспортировки нефти и газа

²² См.: Магомедов А. Борьба за Каспийскую нефть и Каспийский транзит: геополитическое и региональное измерение // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 1 (37). С. 95.

²³ См.: Красная звезда, 5 октября 2000; Морской сборник, 1997, № 7. С. 22.

²⁴ См.: Старченко Г. Каспийская нефть в региональной экономике и мировой политике // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 1 (43). С. 8, 14.

²⁵ См.: Кушкумбаев С. Влияние энергоресурсов на некоторые аспекты внутренней и внешней политики Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 1998, № 1. С. 41.

²⁶ См.: New York Times, 17 February 1998.

²⁷ См.: Новое время, 15 января 2004; Implementation of US Policy on Caspian Sea Oil Exports. US Senate Committee on Foreign Relations, 8 July 1998. Washington: GPO, 1998. P. 9—24; Matthews O. The Next Move is Check // Newsweek, 8 April 2002. P. 44—45.

²⁸ См.: Зеркало (Баку), 26 мая 2007.

²⁹ См.: BP World Energy Outlook. Statistical Review of World Energy 2008 [http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2008/STAGING/local_assets/downloads/pdf/gas_table_of_proved_natural_gas_reserves_2008.pdf].

³⁰ См.: Прейсер Д., Омельченко В. Голубое топливо стран Каспийского региона: проблемы поставок на рынок Европы // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 3 (39). С. 143.

на мировые рынки, по оценкам экспертов, необходимо инвестировать приблизительно 200 млрд долл.³¹

Все эти факторы превращают Каспийский регион в один из основных центров геоэкономического влияния на планете. Как отмечает С. Блэнк, «главными игроками в конкурентной борьбе за добычу и экспорт энергоресурсов Центральной Азии и бассейна Каспийского моря остаются компании США и России. Однако в последние годы с ними все чаще соперничают китайские и индийские корпорации»³².

В целом американские специалисты не исключают, что со временем нефтедобывающие прикаспийские государства — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан сообща могли бы составить серьезную конкуренцию странам ОПЕК³³. Как заявлял еще в середине 1990-х годов Д. Бейкер, в XXI веке «каспийская нефть может иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть Персидского залива»³⁴.

Под влиянием глобализации усилилось политическое и коммерческое противоборство за контроль над энергетическими ресурсами Каспийского региона. Бесспорно, наиболее влиятельными игроками здесь, наряду с Россией, стали и мировые центры силы в лице США, Евросоюза, Китая, стран Большого Среднего Востока.

С геоэкономической точки зрения участие в разработке нефтегазовых ресурсов Каспия, в определении маршрутов их транспортировки на мировые рынки, проблема делимитации его морского пространства привлекает особое внимание и обуславливает как скрытую, так и открытую конкурентную борьбу не только между прибрежными странами, но и между ведущими державами, а также некоторыми региональными государствами.

Геоэкономические аспекты нефтегазопроводов в Каспийском регионе

Благодаря своему географическому положению Кавказ постепенно превращается в связующий узел, через который будет проходить трансконтинентальная система коммуникаций, в частности планируемый трубопровод «Набукко» и ряд других. В целом же проекты эффективной системы трансевразийских коммуникаций не представляются возможными в обход Кавказа. Наличие больших запасов энергоносителей крайне актуализирует создание эффективной системы коммуникаций для транспортировки углеводородов Каспийского региона на мировые рынки³⁵.

Формирование в обозримом будущем геоэкономических конструкций по горизонтальному направлению на **запад**: Каспий — Черное море — Средиземноморье — Атлантика и на **восток**: Каспий — Китай — Азиатско-Тихоокеанский регион, а также по вертикали на **юг**: Каспий — Персидский залив и Каспий — Индийский океан в сочетании с уже функционирующими нефте- и газокommunikационными магистралями и реализуемыми проектами Баку — Супса, Баку — Новороссийск, Тенгиз — Новороссийск,

³¹ См.: *Литера Б.* Нефть и газ Каспийского моря: состояние и перспективы // Кавказ & Глобализация, 2007, Том 1 (2). С. 50.

³² *Блэнк С.* Энергетическая игра в Центральной Азии становится все более напряженной // EURASIANET, 2 сентября 2005.

³³ См.: О долговременной стратегии США в Каспийском регионе // Журнал теории и практики Евразийства, 2003, № 22.

³⁴ Цит. по: *Орлов А.* Персидский залив в Каспийском море // Итоги, 16 сентября 1997. С. 37.

³⁵ См.: *Эйвазов Дж.* Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики. Баку: Нурлан, 2004. С. 133.

Корпедже — Курдкуй, Баку — Джейхан и др. может способствовать полномасштабному выходу энергоресурсов Каспийского региона на мировые рынки и интеграции экономик прикаспийских государств в новую глобализирующуюся экономическую систему планеты.

Подписание «Контракта века» осенью 1994 года дало старт ощутимым изменениям в геополитической ситуации на Кавказе, да и, частично, во всем Каспийском регионе. Актуализировалась проблема выбора маршрута транспортировки каспийской нефти на мировые рынки. Считая это «одним из острейших геополитических вопросов для России», представители российской военной элиты не скрывали своего опасения, что «в его решении важную роль будут играть британо-американские нефтяные компании, которые, по существу, медленно, но верно стремятся установить транснациональный контроль над природными ресурсами Каспия»³⁶. С российской точки зрения геополитическая выгода Запада в суперпроекте «Контракт века», приведшем к строительству основного нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, заключалась в том, что, во-первых, Запад экономически укрепитесь в этих геополитически очень чувствительных для России зонах; во-вторых, он будет способствовать горизонтальной консолидации государств Центральной Азии и Кавказа вокруг новых коммуникационных артерий, ориентированных друг на друга, лишая при этом Россию контроля над товаропотоками; в-третьих, он через инвестиции будет способствовать укреплению хрупкой государственности образовавшихся на постсоветском пространстве независимых стран и, наконец, в-четвертых, им будет создан мощный экономический и военно-политический союз в качестве противоядия России³⁷.

К этому следует добавить, что существование других вариантов направлений трубопроводов из Каспийского региона на мировые рынки: Россия — Казахстан — Туркменистан — Иран — Афганистан — Пакистан — Индийский океан и Западный Казахстан — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, безусловно, будет способствовать более активному вовлечению в каспийскую «геополитическую игру» новых акторов, в частности Китая, Пакистана, Японии и др., откроет перспективу выхода каспийской нефти и газа на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

Реализация проекта Баку — Тбилиси — Джейхан, открытие которого состоялось 25 мая 2005 года, имело двойное геополитическое и геоэкономическое значение. Во-первых, был обеспечен доступ через Грузию и Турцию азербайджанской, а в перспективе и всей каспийской нефти на западные рынки; во-вторых, были ослаблены позиции России в Каспийском регионе.

Как бы в ответ на «геоэкономический вызов» Запада Россия весной 2007 года приняла энергичные шаги по диверсификации газопроводов в восточном секторе Каспия. В мае того же года в ходе шестидневной поездки президента РФ В. Путина в Казахстан и Туркменистан состоялось подписание договора о строительстве Прикаспийского газопровода в «русском направлении». Это явилось ответом России на попытки США и Евросоюза вывести из орбиты Москвы прикаспийские страны Центральной Азии путем строительства газопроводов в обход российской территории.

Западные страны, в свою очередь, выступили с инициативой строительства Транскаспийского газопровода по дну Каспия с дальнейшим подключением Туркменистана к проектируемой в ближайшей перспективе газопроводной системе «Набукко».

В целом, надо отметить, что монополизация транспортировки каспийской нефти и газа позволяет держать под контролем всю геополитическую обстановку в Каспийском регионе. В этой связи одной из основных геоэкономических задач Запада в этом регионе

³⁶ Морской сборник, 1997, № 7. С. 23.

³⁷ См.: Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998). Хрестоматия. Т. 1. М.: Международные отношения, 1999. С. 19.

является обеспечение американским и западноевропейским компаниям беспрепятственного доступа к нефтегазовым месторождениям Каспия и Центральной Азии. Это позволит уменьшить зависимость Запада от ближневосточной нефти и снизит мировые цены на энергоресурсы.

Что касается Европейского союза, эта организация рассматривает Каспийский регион как не только стратегически важный источник энергоносителей, но и своеобразный плацдарм, обеспечивающий непосредственный выход к ресурсам Центральной Азии и Ирана.

Проекты транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия (TRACECA) и Межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE) в наибольшей степени соответствуют европейскому взгляду на развитие этого региона. Более того, система трубопроводов здесь может быть использована как значительная составляющая стратегии «расширения Европы».

В 1990-х годах США и объединенная Европа особое внимание придавали созданию евразийского транспортного коридора Восток—Запад. В частности, в 1995 году ЕС предложил рассмотреть практическую целесообразность транспортного маршрута Венеция — юг Италии — Потти — Батуми — Тбилиси — Ереван — Баку — Туркменбаши — Бишкек, который во многом повторяет древний Великий шелковый путь³⁸.

В свою очередь, международный транспортный коридор Север — Юг, открытый официальным протоколом в середине 2002 года в Санкт-Петербурге, призван соединить север России и Европы через Каспийский бассейн со странами Персидского залива, Индией и Пакистаном. По оценкам российских экспертов, перевозка грузов по этому маршруту в три раза короче, чем по Суэцкому каналу, и на 30—40% дешевле³⁹.

Значительная активизация Китая, по сути являющегося второй экономикой мира, в Каспийском регионе вызвана его острой потребностью в энергетических ресурсах, прежде всего нефти и газе. В самой Поднебесной стратегия обеспечения энергоносителями реализуется через проект строительства «Великой китайской трубы» — масштабной транспортной газовой инфраструктуры, призванной обеспечить импорт голубого топлива из России, Казахстана и Туркменистана⁴⁰.

З а к л ю ч е н и е

В условиях формирования нового мирового порядка, когда талассократический Запад в лице своего безусловного лидера США получил реальные возможности одержать тотальную геополитическую победу над теллуократическим Востоком, на передний план выдвинулась основная геостратегическая цель атлантистов — не допустить, чтобы одна только Россия доминировала в Центральной Евразии, в том числе и в богатом энергоресурсами Каспийском регионе. Это и способствовало превращению региона в один из важнейших, наряду с Балканами и Ближним Востоком, геополитических центров на рубеже XX—XXI веков, интенсификации на его пространствах соперничества не только между Россией и США (НАТО), но и региональными державами — Турцией и Ираном.

Касаясь актуализировавшейся за последнее десятилетие проблемы транспортировки каспийских энергоресурсов на мировые рынки, следует отметить, что как в мировой

³⁸ См.: Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000. С. 44.

³⁹ См.: Брагина Е. Каспий в режиме глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 12. С. 117.

⁴⁰ См.: Барбасов М. Нефтепровод в Китай как фрагмент борьбы за Прикаспийские ресурсы // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 4 (34). С. 118.

истории, так и в современности «география, которую имеет в виду геополитическая мысль, — это не физическая география суши и моря; *это география коммуникаций международной торговли и международной войны*. На всемирных перекрестках, как свидетельствует история, торговые коммуникации при необходимости приобретают военно-стратегическое значение. Пути торговли становятся путями войны»⁴¹. В этом смысле в наступившем столетии нефтегазопроводы и транспортные коммуникации, протянувшиеся от Каспия во всех четырех направлениях, в особенности в западном и в восточном, в силу своего неоспоримого стратегического значения представляют собой особый вид «геополитического и геоэкономического оружия».

В целом, обостряющееся геостратегическое соперничество за один из важнейших «геополитических и геоэкономических призов» XXI века — Каспийский регион может привести к изменению всей традиционной конфигурации геополитического ландшафта Большого Ближнего Востока.

⁴¹ Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 3 (9). С. 70—71.

Паата ЛЕИАШВИЛИ

*Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили
(Тбилиси, Грузия).*

АЛГОРИТМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)

Р е з ю м е

На примере Грузии исследуются особенности процесса демократических преобразований в посттоталитарных странах. Обосновывается вывод о неизбежности одновременного использования на начальных этапах демократизации как демократических, так и авторитарных методов управления.

В в е д е н и е

В результате распада СССР появились новые независимые государства (ННГ), которые с правовой точки зрения находились в одинаковом стартовом положении. Но,

поскольку интенсивность процессов демократизации в них была различной, по истечении почти двух десятков лет они по уровню развития демократии резко отличаются друг от друга. Разумеется, определенную роль в этом играют национальные особенности и исторический опыт независимой государственности, геополитическое положение стран и т.д. Но сама логика процесса демократизации не зависит от такого рода факторов.

Отсутствие ясного понимания этой логики существенно тормозит демократизацию. Незнание ведет к недооценке рисков, которые таит в себе данный процесс, следствием чего и стало сворачивание демократических преобразований в некоторых странах.

На фоне других постсоветских ННГ процесс демократизации в Грузии протекает более или менее успешно, хотя и очень болезненно. Из-за особенностей геостратегического положения страны в ее политической жизни тесно переплелись силы сторонников и противников демократии. Здесь настолько сфокусировались интересы ведущих акторов мировой политики, что Грузию вполне можно было бы характеризовать как лабораторию для изучения алгоритма демократизации тоталитарного общества, в частности тех «узловых точек» этого процесса, которые тянут в себе повышенные риски.

Если эти риски не будут в достаточной мере осознаны властью, да и всем обществом, Грузия может оказаться в числе тех политически не состоявшихся государств, которые надолго упустили свой шанс встать на путь прогресса, демократии и экономического возрождения.

Формирование демократических ценностей

Попытаемся проанализировать «алгоритм» процесса демократизации. Для этого следует вкратце воссоздать эволюцию политического самосознания грузинского общества после развала тоталитарной системы. Начнем с того, что закон выполняет свою функцию регулятора общественных отношений лишь тогда, когда его соблюдают все. Но если одни придерживаются его, а другие нет, то он лишь формально является законом, а фактически становится средством творить беззаконие для тех, кто вправе решать когда (и против кого) его задействовать, а когда (и против кого) нет. Соблюдение такого формального закона ставит законопослушное население в невыгодные условия по сравнению с правонарушителем: закон ограничивает одного и не ограничивает другого. Законопослушное лицо не в состоянии реализовывать свои цели, и у него тоже появляется мотивация нарушать нормы. Чем больше людей их нарушают, тем невозможнее становится жить без правонарушений.

В результате подавляющее большинство населения, не желающее нарушать законы, вынуждено делать это потому, что все так поступают. То есть все друг друга принуждают делать то, чего никто не хочет. Кажется, что чья-то «невидимая рука» манипулирует обществом. Но постепенно становится ясно, чья это «рука».

Становится очевидным, что хотя законы фактически нарушают все, но не все имеют на это «право». «Право» нарушать законы имеют только те, кто имеет власть, влияние, должность, деньги, покровителей. А для их приобретения в обществе гораздо важнее знание и соблюдение неписаных законов. Эти законы несправедливы и безнравственны, но они эффективны. Поэтому большинство старается изучить и соблюдать не столько правовые нормы, сколько эти неписаные законы.

В конечном счете, в таком обществе реальными регуляторами отношений становятся несправедливые, безнравственные и часто жестокие неписаные законы. Для одних

здесь допустимо то, что недопустимо для других. Это ведет к поляризации общества, к делению его на очень богатых и очень бедных. Несправедливость порождает социальную напряженность, конфликты и нестабильность.

Вся власть в стране концентрируется в руках узкой социальной прослойки, которая обладает финансовыми и административными ресурсами и навязывает обществу привязанные к своим интересам неписанные нормы поведения. Эта группа постепенно устанавливает свою диктатуру: получает контроль над телевидением; ограничивает свободу слова и манипулирует общественным мнением; комплектует судебную власть и, следовательно, может решать, когда и против кого задействовать закон; контролирует законодательную власть, а в итоге то, какие будут приняты законы, и, что самое главное, полностью управляет избирательной кампанией и выигрывает все выборы (по их логике «в выборах побеждает тот, кто считает голоса»).

В условиях фальсификации выборов народ перестает быть источником власти. Реальным ее источником становится тот, кто прибегает к фальсификации, то есть сама власть. Возникает порочный круг — власть сама наделяет себя властью путем фальсификации выборов, используя для этого эту же власть. Разумеется, в таких условиях правящая элита более не зависит от воли народа и, значит, перестает быть проводником его интересов. У нее появляются свои интересы — сохранение власти и сопутствующих ей привилегий.

Возникает конфликт интересов, в результате которого либо народ заменит правящую элиту, либо последняя «изменит» народ. В первом случае произойдет насильственная смена власти. Во втором — элита закабалит народ с помощью репрессивного аппарата государства, запугает его и воспитает в нем покорность и потребность в «сильной руке». То есть все зависит от того, насколько свободолюбив народ, с какой властью он будет мириться, а с какой — нет.

В условиях авторитарного режима все нарушают «закон» и, соответственно, все «правонарушители». Но наказаны будут только те из них, кто взбунтуется против режима, кто нарушит неписанные законы, кто станет открыто говорить о том, о чем все знают, но не говорят, кто будет делать то, чего не хочет правящий режим. Постепенно формируется основанное на страхе подавленное общество. Но это страх не столько перед законом, сколько перед властью имущими, которым дозволено то, что не дозволено другим. Это общество, в котором сосуществуют произвол и покорность, но нет свободы.

В таком обществе разложение нравственных норм неизбежно. Определенные социальные группы перестают чувствовать свою причастность к нему, происходит их отчуждение. Отвергаются общепризнанные ценности и стереотипы поведения. Оно превращается в аномическое общество, о котором Э. Дюркгейм писал: «Действия, достойные самого сурового осуждения, столь часто оправдываются успехами, что граница между дозволенным и запретным, справедливым и несправедливым теперь совершенно неустойчива и, кажется, может перемещаться индивидами почти произвольно»¹.

Такое всеобщее беззаконие порождает чувство протеста и желание восстановить законность. Общество осознает, что свобода и справедливость возможны только в условиях диктатуры закона, что регуляторами общественных отношений должны быть законы, выражающие интересы общества, а не навязанные ему неписанные нормы поведения. А для того чтобы власть издавала такие законы и обеспечивала их защиту, необходимо, чтобы народ сам избирал тех, кто им правит. Иными словами, общество постепенно осознает, что необходима демократия. Но это не происходит одновременно во всех его слоях.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 6.

В условиях перехода от авторитарного режима к демократии различные слои общества по-разному усваивают демократические ценности. Поэтому с точки зрения демократизации сознания существуют большие различия между социальными группами.

Часть общества (особенно городская интеллигенция) легче воспринимает демократические ценности. Для другой части населения общественный порядок, социальная защита и справедливость все еще ассоциируется с авторитарным режимом. Есть еще политически индифферентный слой (вероятно, самый большой) людей, для которых жизненно важной проблемой являются низкий уровень жизни, а не политическая ориентация страны. Это обстоятельство не было в достаточной степени учтено политическими реформаторами в постсоветских странах, в том числе и в Грузии.

«Алгоритмы» демократизации

Демократические реформы в ряде постсоветских ННГ стали проводиться по той же логике, что и экономические: западные законы и институты механически копировались без учета того, насколько готово общество жить по ним на данном этапе своего развития. Это были демократические реформы, аналогичные «шоковой терапии», а не постепенные преобразования (т.н. «градуализм»). Игнорирование специфики страны породило многие проблемы.

Перед новой демократией и устоявшейся западной стоят разные задачи. Основная задача власти в западных странах — это нормальное функционирование демократической системы, тогда как при новой демократии это формирование самой демократической системы, что невозможно сделать прямым копированием западных законов.

Создание демократической системы и обеспечение ее нормального функционирования — это различные задачи. Соответственно, для их решения нужны различные законы, различная степень концентрации власти, различный формат перераспределения прав и обязанностей между властью и обществом.

В демократических странах развита правовая культура. Законопослушность основана на чувстве гражданской ответственности и стереотипах поведения, воспринятых в процессе воспитания. Демократические институты в этих странах создавались путем эволюции, в режиме итерации с процессом формирования демократического сознания.

Но в переходных странах уровень правовой культуры очень низок. Здесь невозможно эффективное регулирование отношений такими же законами и институтами, какие действуют на Западе. Когда существенным фактором законопослушания является страх и принуждение, а не гражданская ответственность, власти, чтобы справиться с поставленными задачами, нужно больше полномочий и больший репрессивный аппарат. Поэтому копирование западных законов в посттоталитарных республиках порождает множество дополнительных проблем.

В экстремальных условиях усиливается мотивация к правонарушениям. Соответственно, и масштабы правонарушений в демократических и переходных странах существенно различны. Например, в Грузии, особенно на начальном этапе реформ, правонарушения носили массовый характер. Имели место (сегодня уже в меньших размерах) массовое уклонение от налогов, отказ от оплаты потребленного газа и электроэнергии, хищение государственного имущества, незаконное присвоение земель, криминальные преступления и т.д.

Ясно, что централизация власти, методы управления, полномочия правоохранительных органов не могут быть одинаковыми в странах, где закон нарушают, условно говоря, 5—10% граждан и где он нарушается 80—90% населения. Иными словами, одни и

те же законы и демократические институты по-разному работают в зависимости от того, насколько развито гражданское сознание в соответствующем правовом пространстве, какие там действуют стереотипы поведения, нравственные нормы, традиции.

Власть может предоставить обществу больше демократических прав, но она не в состоянии наделить его большим чувством гражданской ответственности. Последнее зависит от уровня развития гражданского самосознания, которое, как уже отмечалось, в реформируемом обществе недостаточно развито.

Именно здесь и возникает коллизия между гражданскими правами и обязанностями. Расширить или ограничить эти права можно сравнительно легко и быстро. Гораздо труднее формирование гражданской ответственности и уважения к закону. Для этого необходимы время и соответствующие условия.

Одним из основных условий формирования гражданской ответственности и демократического сознания является само наличие демократических прав, регулирование которых находится в компетенции власти. То есть для формирования демократического сознания необходима демократическая среда (соответствующие законы, свобода слова, независимый суд, свободные выборы и т.д.).

Если у общества не будет демократических прав, оно не сможет научиться демократии, развить демократическое сознание и соответствующие навыки. Если же его наделят чрезмерными правами, которые не соответствуют уровню развития гражданской ответственности, то получим опасный дисбаланс: много прав и мало ответственности. А это известно к чему приводит — начинается с анархии и заканчивается диктатурой. Следовательно, для повышения эффективности демократических реформ необходимо, чтобы власть «дозировано» наделяла общество демократическими правами по мере формирования соответствующего сознания и ответственности.

Однако эта реальность и риски становятся очевидными для власти лишь тогда, когда она начинает обнаруживать, что «чрезмерная» демократия на данном этапе реформ противопоказана и вредит самим преобразованиям. Когда гражданские права «обгоняют» развитие демократического сознания, власть понимает, что она теряет контроль над процессами и лишается своих возможностей. Причиной этого является не только отсутствие у общества (да и у самой власти) опыта демократии, но и то, что в транзитных странах все еще сильны антидемократические силы, которые в своей политической борьбе используют сами демократические механизмы.

В таких условиях возникает необходимость в определенном ограничении демократии, концентрации исполнительной власти, использовании основанной на личной преданности кадровой политики, характерных для авторитарного правления. В переходных странах любой правящий режим вынужден вместе с демократическими методами использовать и авторитарные. Проблема лишь в том, кто контролирует власть — демократы или приверженцы авторитаризма.

Для достижения своих целей демократам так же нужен авторитаризм, как и приверженцам авторитаризма — демократия. Если власть контролируют последние, то ограничение демократии служит сохранению авторитарного режима, если же она в руках у первых, — то сохранению демократического устройства.

Для приверженцев авторитаризма демократия — это средство прихода к власти, а цель — установление и удержание авторитарного режима. Они требуют от власти больше прав (свободу слова, свободные выборы, независимость суда), чтобы сменить существующий политический режим. Далее для сохранения своей власти они ограничат демократические права. Такова их логика борьбы за власть.

Этим и объясняется парадоксальное на первый взгляд явление: демократическим путем пришли к власти многие авторитарные режимы, которые впоследствии убивали демократию. Такие риски несут в себе демократические законы в обществе с недемократическим сознанием.

В случае демократов все наоборот. Для них авторитарные методы — это средство, целью же является демократический режим. Они вынуждены прибегать к авторитарным методам до тех пор, пока демократические процессы в стране не станут необратимыми. То есть так же, как и приверженцы авторитаризма, демократы вынуждены использовать в борьбе авторитарные методы². Именно поэтому в Грузии и на Украине сформировался так называемый «прозападный авторитаризм». На первый взгляд, это нонсенс. Понятия «прозападный» и «авторитаризм» — взаимоисключающие. Но правящая элита прозападная, поскольку ставит целью строительство демократии. В то же время она авторитарна, поскольку для достижения своих целей вынуждена частично прибегнуть и к авторитарным методам, хотя бы для того, чтобы не допустить прихода к власти тех сил, которые поставят под вопрос прозападную ориентацию страны и демократические ценности. На начальных этапах строительства демократии такая опасность действительно существует.

В условиях современных СМИ и политтехнологий становится возможным формировать общественное мнение. Соответственно, при контроле над СМИ власть получает возможность формировать общественное мнение в желаемом для нее направлении, а затем удовлетворять его. Создается возможность направлять развитие общества, создавая при этом у него ощущение того, что оно свободно и действует согласно своей воле.

В транзитивной стране желание контролировать СМИ может возникнуть и у демократического правительства. Дело в том, что в условиях низкого уровня развития гражданского самосознания в политической конкуренции критика принимает форму ругани, неограниченно используются клевета и агрессивные лозунги. Гораздо более серьезная проблема заключается в том, что все это импонирует значительной части запуганного и озлобленного посттоталитарного общества. И это отражается на результатах выборов. Этим и объясняется во многом манипулирование общественным мнением со стороны демократов.

Но возможности такого манипулирования ограничены. Хотя подавляющая часть общества обладает способностью к адаптации, существует предел, далее которого оно не сможет мириться с усилением авторитаризма. Есть также пределы демократических прав и свобод, после которых порядок может перерасти в анархию, с чем не сможет мириться уже демократическое правительство, и оно будет вынуждено частично (и временно) ограничить демократию. Амплитуда политических процессов колеблется между этими крайностями. В конечном счете, оба предела обусловлены уровнем развития общественного сознания и ответственности политической элиты.

На определенном этапе демократических преобразований общественное сознание может быть настолько развито, что к власти не смогут прийти приверженцы авторитаризма. Вместе с тем нельзя исключить, что демократическим путем власть может оказаться в руках марионеточного правительства, служащего интересам другого государства. Такая угроза наиболее реальна сейчас для Грузии. Риск прихода к власти здесь пророссийски ориентированных приверженцев авторитаризма возрастает в условиях, с одной стороны, экономического и психологического кризиса (бедность, война), в которых пребывает страна, а с другой — демократических процедур, которые предоставляют возможность обратить связанное с этими проблемами недовольство общества против нынешних грузинских властей. В зависимости от того, кто придет к власти, страна может надолго встать на путь либо авторитарного, либо демократического развития, выбрать либо диктат России, либо независимость. Разумеется, в таких условиях для правящей элиты переходного государства велик соблазн фальсификации

² По иронии судьбы, эти же авторитаристы обвиняют демократов в использовании авторитарных методов.

выборов, которую она мотивирует политической целесообразностью, хотя и не декларирует этого.

Перед такими сложными альтернативами не стоят современные западные государства, чьи законы копирует транзитная страна. Сегодня в странах Запада опасность прихода к власти авторитарного правительства минимальна. Их общества не столь сильно дифференцированы по уровню развития демократического сознания. Здесь существует определенный консенсус относительно демократических ценностей. Говоря обобщенно, западному избирателю приходится делать выбор не между добром и злом, а между добром и еще большим добром. Там не стоит вопрос, быть или не быть демократии, независимости, свободе слова. Согласие по этим вопросам уже давно достигнуто. Демократы победят на выборах или республиканцы, для американцев не столь существенно. Тогда как для новой демократии то, какая политическая сила придет к власти, — это вопрос жизни и смерти.

В экстремальных обстоятельствах резко возрастает роль политической и интеллектуальной элиты страны. Поскольку народ априори несвободен в своем выборе даже в условиях честно проводимых выборов. Как уже отмечалось, он находится в условиях психологического стресса: война, нищета, социальная незащищенность. Существует риск, что ложная надежда, будто текущие проблемы будут преодолены, окажет большее воздействие на его решения, чем национальные интересы, связанные с будущим страны³. При этом в переходных странах проблемой остается индифферентная часть общества, которая живет в нищете, имеет низкий уровень образования и легко поддается обману демагогических обещаний относительно высоких пенсий, низких налогов и бесплатного медицинского обслуживания.

В таких условиях власть может не пожелать предоставить обществу право решать жизненно важный вопрос геополитической ориентации страны, и у нее появляется мотивация манипулировать СМИ и результатами выборов.

Особенности процесса демократизации в Грузии

В Грузии многие считают, что вся ответственность за существующие проблемы демократизации общества должна быть возложена на политическую власть страны. Достаточно заменить власть, и все проблемы будут решены. Это чрезмерное упрощение.

Очевидно, реформаторы не учитывают определенные объективные закономерности, поскольку в Грузии никак не удастся сменить власть без эксцессов, демократическим путем. Вначале народ всю надежду возлагает на нового президента и поддерживает его подавляющим большинством, но потом оказывается, что президент не оправдал его доверие, и тот же народ таким же большинством противостоит ему. И все это периодически повторяется.

При этом надо отметить, что все три президента Грузии выполнили определенную миссию.

- 1) З. Гамсахурдиа пробудил национальное самосознание. Произошла самоидентификация нации. Под его предводительством страна обрела независимость и вновь стала субъектом мировой истории.

³ Текущие проблемы будут решены в относительно недалеком будущем, а вектор развития останется надолго.

- 2) При Э. Шеварднадзе Грузия стала членом многих международных организаций. Были заложены основы государственных структур, рыночной экономики и демократических институтов.
- 3) В период правления М. Саакашвили в Грузии произошли системные сдвиги, без которых было бы невозможно дальнейшее развитие страны.

Иными словами, все три президента выполнив определенную миссию, становились препятствием для дальнейшего развития страны. Это способствовало консолидации оппозиции. Противостояние обострялось и завершалось досрочной сменой власти⁴.

На первый взгляд кажется, что все политические субъекты желают, чтобы строительство демократии в стране происходило быстро, последовательно и без политических потрясений. Но в результате их активности демократические реформы протекают спонтанно, с периодическими политическими кризисами и принудительной сменой власти. Кажется, что какая-то анонимная сила принуждает нас делать то, что не входило в наши намерения. Почему так получается?

С первых же дней независимости демократические преобразования в Грузии проводятся в «отягощающих обстоятельствах». Вот неполный перечень проблем, из которых некоторые уже преодолены, другие все еще остаются нерешенными: война с Россией, оккупация пятой части территории, гражданская война, парализованная экономика, пустая казна, разрушенная энергосистема, крайняя нищета, системная коррупция, обостренная криминогенная обстановка, массовое сокрытие налогов, серии террористических актов и политических убийств.

В таких экстремальных условиях ни в одной демократической стране правительство не смогло бы управлять демократическими методами и было бы вынуждено задействовать законы, предусматривающие более жесткий режим. А если соответствующих законов для легитимизации режима управления в чрезвычайных обстоятельствах нет, — они были бы приняты.

В силу указанных причин все три президента Грузии были вынуждены прибегнуть к централизации власти. Политический прагматизм подсказывал им взять на себя ответственность и в нарушение всех законов по своей воле осуществить централизацию власти, фактическое перераспределение прав и обязанностей между ветвями власти, высшими должностными лицами, предоставить чрезвычайные полномочия силовым структурам. Но тем самым они ставили себя выше закона и делались единоличными правителями страны. То есть логика объективных процессов делала их единоличными правителями. Но ввиду того, что все три президента делали все это самовольно, в обход законодательства, такой режим управления принимал не форму адекватного режима управления в чрезвычайных обстоятельствах, а выглядел уродливым одеянием авторитаризма.

Только демократическими методами было бы невозможным свергнуть авторитарный режим в Аджарии. Как это можно было сделать, если значительная часть населения автономии поддерживала своего лидера (неважно, по каким мотивам)? Как можно было, не выходя за рамки демократических законов, победить системную коррупцию в обществе, в котором большинство населения само было потенциально коррумпированным и где законы нарушал тот, кто должен был защищать их?

В такой правовой среде любое физическое или юридическое лицо (в том числе сами государственные структуры) были бы вынуждены нарушать закон уже в силу одного того, что все остальные нарушали его. Разве реформирование такого общества возможно простым копированием западных законов и призывами к неукоснительному их соблюде-

⁴ В случае М. Саакашвили до смены власти дело еще не дошло, но очевидно, что «политическое напряжение» в стране на пределе.

нию? Разумеется, без централизации власти, без авторитарных методов сделать это было бы невозможно. Но все это было средством для строительства демократии. С другой стороны, узаконить эти методы нельзя, так как с таким же успехом они могут служить средством для установления авторитарного режима.

В недемократической среде все вынуждены в той или иной степени нарушать законы, в том числе и представители власти. Без этого невозможна реализация целей. И хотя по этой причине власть всегда может обвинить любое физическое или юридическое лицо в правонарушении, общество способно выдвинуть такое же обвинение против правящей элиты. Все зависит от «порога терпимости» народа и от того, когда исчерпается лимит его доверия к власти.

В условиях, когда мандат прав и обязанностей высших должностных лиц определяется не законом, а самовольными указаниями верховного правителя, эти права легко превышают, но трудно контролировать. Правонарушения, инициированные первым лицом в государстве, по цепочке распространяются по всем властным структурам. Особые риски связаны с силовыми структурами. В условиях, когда распределение реальной власти регулируется не законом, а субъективной волей первого лица, кадровая политика, естественно, строится на основе личного доверия и преданности.

Так или иначе, члены правящей команды решают стоящие перед ними задачи с помощью предоставленных им особых полномочий. Многим из них трудно противиться соблазну использовать эти полномочия в личных интересах, тем более что первое лицо не в состоянии эффективно контролировать их нецелевое использование. Поэтому и отношение к властным структурам со стороны общества неоднозначно. В их деятельности некоторые видят осуществление государственных интересов, а некоторые — личные мотивы. По всей видимости, в действительности имеет место и то и другое.

На определенном этапе деятельности власти наступает момент, когда те задачи, ради которых были наделены полномочиями те или иные структуры или должностные лица, в основном уже решены. После этого существование особых полномочий не имеет оправдания. Но без особых полномочий эти структуры более не смогут эффективно функционировать, поскольку не имеют соответствующего опыта (да и самим им нелегко отказаться от таких полномочий).

Следовательно, с помощью методов «ограниченного авторитаризма» правящая элита решает ряд важнейших государственных задач, но в то же время сама в какой-то степени становится авторитарной. Она создает условия для дальнейшего демократического развития, и перед страной встают новые задачи, но в этих новых условиях она сама становится недостаточно эффективной для их решения, поскольку не имеет соответствующих навыков работы. В то же время на протяжении своей деятельности она допускает столько ошибок и правонарушений, что для значительной части общества и оппозиции становится неприемлемой. Налицо политический кризис, и объективно назревает необходимость радикальных изменений.

У правящей элиты Грузии сегодня есть альтернатива: 1) усилить авторитарные методы правления, чтобы подавить волну протестов и взять процессы под контроль (хотя практически это маловероятно из-за возросшего демократического сознания в обществе); 2) отказаться от «ограниченного авторитаризма» и расширить демократические права (свободу слова, свободу выборов и т.д.), что в условиях массового недовольства может стать угрозой для самой власти. В зависимости от того, какой путь выберет грузинское руководство, проявятся истинные мотивы его деятельности: строительство демократии или пребывание у власти⁵.

В Грузии массовый характер принимают обвинения в адрес власти в подавлении демократии в стране. Но ведь очевидно, что открытые манифестации и митинги протес-

⁵ Судя по последним событиям, был выбран второй вариант.

та, публикации и выступления в СМИ в связи с отсутствием демократии возможны лишь в стране, где есть демократия. Где нет демократии, там нет и протеста. Причина этого не только в том, что возможности проявления протеста против власти существуют лишь в условиях демократии. Причина еще и в том, что сама потребность общества в демократии начинает развиваться лишь в условиях демократии. А в странах с авторитарными режимами у общества такая потребность не развивается. Поэтому нет и протестов в связи с ее подавлением.

Разумеется, критика в адрес грузинского руководства не лишена оснований. В стране имеют место и ограничение демократии и многое другое, что неприемлемо для демократического общества. Очевидно негативным является то, что при существующей власти приходится говорить о фальсификации президентских выборов, разгоне ноябрьского митинга, резонансных делах Жвания, Гиргвлиани, Робакидзе, фактах коррупции и др. Однако позитивно то, что речь в данном случае идет об отдельных фактах, а не о типичных и ставших нормальными для предыдущей власти массовых явлениях (тотальная фальсификация выборов, серийный характер террористических актов и политических убийств, огромные масштабы криминального мира, тотальная коррупция и т.д.). Положительно следует оценить и сам факт того, что сегодняшняя грузинская власть свергла прежний режим, в условиях которого не было никаких возможностей для прогресса. Именно благодаря этому стало возможным дальнейшее развитие демократии в стране, демократического сознания, да и самой потребности в дальнейшем ее расширении.

З а к л ю ч е н и е

Власть не может быть демократичной в большей степени, чем это позволяет уровень развития общественного сознания. Если общество не обладает демократическим сознанием, то правящая элита не сможет управлять таким обществом демократическими методами. Но если не управлять демократическими методами, то невозможно будет развитие демократического сознания. Только совместными усилиями, в условиях взаимного контроля, шаг за шагом можно преодолеть авторитарное сознание и построить демократию. Без таких согласованных шагов дистанция между обществом и властью увеличится, конфликт и революция будут неизбежными. И все повторится: общество подавляющим большинством изберет власть, а затем таким же большинством свергнет ее.

В постсоветской Грузии централизация власти, которая была вызвана объективной необходимостью, приняла уродливые формы авторитаризма. В частности, и З. Гамсахурдиа, и Э. Шеварднадзе, и М. Саакашвили пришли к власти с желанием построить демократию западного типа. Ни один из них не ставил целью установление авторитарного режима. Но довольно быстро все они были вынуждены прибегнуть к авторитарным методам управления. И это произошло не столько из-за их личностных качеств, сколько потому, что в самом обществе недостаточно развито демократическое сознание.

Элементарный политический прагматизм подсказывает власти, что для управления недемократическим обществом необходимы адекватные методы. Со временем власть действительно приобретает признаки авторитаризма, поскольку не приобретает другого опыта. То есть, в конечном счете, общество само вынуждает власть частично использовать авторитарные методы, а затем критикует (и даже свергает) ее за это.

Резко обострившаяся критика властей за подавление демократии в стране ведет к тому, что либо нынешнюю власть сменит более демократическая, либо же она предпримет радикальные шаги по расширению демократических свобод и приведению их в соот-

ветствие с возросшими требованиями общества. В любом случае это свидетельствует, что в целом, несмотря на большие трудности, демократические реформы в Грузии осуществляются успешно.

Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

*Доктор исторических наук,
директор Центра постсоветских исследований
Московского государственного института
международных отношений МИД
Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация).*

РОССИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Резюме

В статье исследуется ретроспектива развития российско-азербайджанских отношений и особенности их текущего состояния. Среди основных проблем этапа становления двусторонних отношений выделяются последствия распада общесоюзного хозяйства, события в Чечне, поиск нового маршрута экспорта каспийской нефти, армянский фактор. По мнению

автора, важность подлинного стратегического партнерства с Азербайджаном очевидна как политическому руководству, так и бизнес-сообществу России. Автор полагает, что в текущем году следует ожидать значительных подвижек в решении нагорно-карабахской проблемы и продвижения переговоров по правовому статусу Каспия.

Введение

Российско-азербайджанские отношения сегодня представляют собой важную составляющую многослойной структуры мирового сообщества. Несмотря на кажущийся чисто региональный характер сотрудничества двух стран, оно оказывает существенное влияние на решение вопросов не только энергетической, но и военно-политической безопасности на глобальном уровне. Иран, Ирак, Пакистан, Афганистан — все эти страны,

отличающиеся повышенной нестабильностью, находятся в географической близости от Азербайджана. Отсюда — особая роль, которую призвано играть в решении связанных с ними проблем российско-азербайджанское взаимодействие.

Проблемы первого десятилетия — война в Чечне, выбор экспортного маршрута для транспортировки каспийской нефти, армянский фактор

В первые годы после развала СССР Россия, занятая наведением порядка внутри Федерации, не проводила активных политических мероприятий на Южном Кавказе, рассматривая его как свою неоспоримую зону влияния. Военное присутствие в Грузии и Армении, закрепленное межправительственными соглашениями, позволяло надеяться, что Тбилиси и тем более Ереван будут покорно шагать в фарватере российской политики. Между тем политическая конфигурация в регионе быстро менялась, новые правящие элиты декларировали иные приоритеты развития, ориентируясь на внерегиональные державы и подкрепляя свой выбор конкретными межгосударственными документами, создававшими правовую базу для заполнения «оставленного Россией вакуума».

Отношения Азербайджана с Россией в первые годы независимости не отличались дружественным характером. В них преобладали взаимные претензии и упреки (как правило, крайне эмоциональные). Москва и Баку с трудом приучались жить по-новому.

С учетом военных действий в Карабахе наиболее сложной частью переговорного процесса между Азербайджаном и Россией оказались вопросы, касающиеся статуса российских войск, раздела воинского имущества Советской армии и Каспийской военно-морской флотилии, а также переговоры о порядке охраны границ. Неожиданной и весьма болезненной проблемой стало наемничество, поскольку в нагорно-карабахском конфликте с обеих сторон воевало немало военнослужащих бывшей Советской армии. Нервно складывалась обстановка вокруг крупного военного объекта — Габалинского узла системы предупреждения о ракетном нападении, построенного в советское время в 250 км от Баку.

К моменту возвращения к власти Г. Алиева (лето 1993 г.) оба государства находились в стадии противостояния. Не прекращались взаимные обвинения и упреки, обмен посланиями и нотами протеста.

5 сентября 1993 года Г. Алиев отбыл в Москву для проведения переговоров с руководством Российской Федерации. Перед вылетом он заявил, что не считает обретение независимости «поводом для разрыва политических, экономических, культурных и чисто человеческих связей с Россией». «Нынешний уровень отношений между двумя государствами нуждается в серьезных корректировках, более того, я убежден, что им необходимо придать более высокий статус. Это в интересах, прежде всего, республики, испытывающей ныне серьезные трудности из-за разрыва межхозяйственных связей»¹, — подчеркнул он. В Москве Г. Алиев встретился с Б. Ельциным и провел серию переговоров с российским руководством. Позитивное значение имела встреча с председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым, в ходе которой Г. Алиев вручил ему текст постановления Милли Меджлиса с согласием на передачу правоохранительным органам России шести российс-

¹ Азербайджан — Россия: новые отношения, новые горизонты. Баку, 2002. С. 6.

ких военнослужащих, пятеро из которых были приговорены Военной коллегией Азербайджана к высшей мере наказания.

Стороны подписали межправительственное соглашение об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР. Согласно документу, Россия принимала на себя обязательства по выплате доли Азербайджана во внешнем государственном долге бывшего Союза по состоянию на 1 декабря 1991 года. Одновременно Азербайджан передал России долю своих активов бывшего СССР.

После вступления страны 26 сентября 1993 года в СНГ азербайджанское руководство рассчитывало, что Россия поможет ему на достойных условиях прекратить войну в Карабахе, которая препятствовала наведению порядка в стране, укреплению политической стабильности, осуществлению неотложных экономических мероприятий. Однако пассивность руководства России летом и осенью 1993 года в прекращении карабахской войны, а затем новые захваты армянами азербайджанских земель значительно охладили эти надежды, что стало одной из причин переориентации Баку на сближение с Западом.

Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что Россия с ее разрушенной экономикой не могла оказать реальной помощи в хозяйственном возрождении Азербайджана и тем более конкурировать с предложениями Запада по разработке нефтяных месторождений Каспийского шельфа. Следует признать и то, что российская сторона в рассматриваемый период не имела четкой стратегической линии в отношении Закавказья и принимала половинчатые, зачастую непродуманные и необоснованные решения, которые способствовали ослаблению ее позиций в регионе.

12 декабря 1994 года российская армия начала активные действия по «наведению конституционного порядка» в Чечне, а 19 декабря правительство приняло постановление № 1394 «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы РФ с Азербайджаном и Грузией», в результате чего граница России с Азербайджаном в одностороннем порядке закрывалась. Приостановилось движение железнодорожного, морского и автомобильного транспорта в северном направлении. Причиной «блокады» послужили обвинения со стороны России в том, что Баку оказывает военную помощь Чечне, переправляя через свою территорию боевиков-иностранцев, грузы оружия и боеприпасов, поставляет боевиков-азербайджанцев, а также беспрепятственно размещает чеченских боевиков на лечение в азербайджанских военных госпиталях, предоставляя постоянное местожительство многочисленным чеченским семьям.

С руководством Чечни велись официальные переговоры о совместном строительстве нефтепровода через Кавказский хребет на грузинское побережье Черного моря. Через Азербайджан осуществлялись внешнеполитические контакты руководства Ичкерии.

Подобная «прочеченская» позиция Баку во многом объяснялась развернувшейся борьбой за гарантированный, беспрепятственный вывоз каспийской нефти — единственного источника получения валюты для стабилизации социально-экономической ситуации в стране и отражения военного наступления Армении в Карабахе.

Активные действия по «наведению конституционного порядка» в Чечне привели к тому, что «северный маршрут» (Баку — Грозный — Тихорецк — Новороссийск), на исключительно использовании которого настаивала Россия, окончательно потерял свою привлекательность для западных компаний, инвестирующих значительные средства в каспийские месторождения. Хотя Россия и Азербайджан подписали в Москве 18 января 1996 года межгосударственный Договор о транзите азербайджанской нефти через территорию Российской Федерации, стало ясно, что маршрут основного экспортного трубопровода пройдет в обход России. Силы, заинтересованные в ослаблении позиций России на Кавказе, бесцеремонно использовали «чеченскую карту».

Российская сторона стремилась свалить вину за невыполнение своих обязательств по транзиту нефти через чеченский участок трубопровода (153 км) на азербайджанскую сторону, которая, естественно, не была виновна.

Более того, в ходе обсуждения делегациями Азербайджана и России вопроса транспортировки азербайджанской нефти через Чечню выяснилось, что в российском руководстве нет единого мнения по поводу статуса чеченской стороны. Россия не смогла обеспечить безопасность нефтепровода.

Вооруженный конфликт в Дагестане в 1999 году, наряду с возобновившейся той же осенью антитеррористической операцией в Чечне, лишь закрепили неблагоприятное для России положение и дали дополнительные аргументы сторонникам ее «трубопроводной» изоляции. Во многом благодаря этим обстоятельствам США и Турции удалось добиться политического решения и в короткие сроки завершить строительство нового нефтепровода Баку — Супса. Стало ясно, что Азербайджану нужен другой нефтепровод, проходящий через Турцию к Средиземноморью.

Постоянным раздражителем российско-азербайджанских отношений было и остается военное сотрудничество Москвы с Ереваном, которое рассматривается в Баку как попытка дестабилизировать ситуацию в пользу Армении. Справедливости ради следует сказать, что российская сторона неоднократно давала поводы для подобных подозрений.

14 февраля 1997 года министр по делам сотрудничества России с государствами — участниками СНГ А. Тулеев сообщил о том, что в течение 1994—1996 годов Россия тайно передавала Армении значительные объемы вооружения и военной техники.

Азербайджанская сторона весьма резко отреагировала на эту информацию. Особую озабоченность вызвало то, что эти поставки, в том числе тяжелой бронетанковой техники, а также оперативно-тактических ракет «СКАД», осуществлялись после достижения договоренности о прекращении огня от 12 мая 1994 года.

21 февраля 1997 года МИД Азербайджана выступил с заявлением, в котором обращалось внимание мирового сообщества и руководства Российской Федерации на то, что «подобные противозаконные действия находятся в противоречии с соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН и решениями ОБСЕ по армяно-азербайджанскому конфликту, запрещающими военные поставки государствам, вовлеченным в конфликт, как способствующие его эскалации и продолжению оккупации азербайджанских территорий»². Указывалось также, что российские военные поставки в Армению, реализованные в нарушение Договора об обычных вооруженных силах в Европе, наносят ущерб авторитету России как посредника в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта. МИД Азербайджана настаивал на необходимости всестороннего расследования приведенных фактов, с тем чтобы выяснить степень причастности должностных лиц России к незаконной деятельности и наказать виновных.

Однако российская сторона, официально отрицая обвинения в свой адрес, продолжала «саморазоблачаться». Так, вскоре А. Тулеев обнародовал письмо министра обороны России И. Родионова от 28 февраля 1997 года, в котором практически признается факт несанкционированных поставок российской военной техники в Армению в 1994—1996 годах. Расследованием занялась Государственная Дума Российской Федерации, поручившая своим комитетам по обороне, безопасности и по делам СНГ провести тщательную проверку указанных фактов.

5 марта 1997 года Г. Алиев направил Б. Ельцину послание, в котором выражалась «особая тревога» в связи с сообщениями о поставках российских вооружений в Армению и содержалась просьба «разобраться в этих фактах и принять по ним действенные меры».

² Бакинский рабочий, 22 февраля 1997.

14 марта последовало новое послание Г. Алиева Б. Ельцину по этому поводу и заявление МИД Азербайджана. Азербайджанская сторона выражала надежду на то, что в результате проведенного расследования должностные лица, вовлеченные в противоправную деятельность по поставкам российского вооружения в Армению, будут выявлены и наказаны, а главное — будут приняты надлежащие меры по изъятию и выводу этого вооружения из Армении.

28 марта Г. Алиев поднял вопрос о поставках оружия на заседании Совета глав государств СНГ, а на следующий день, 29 марта эта проблема стала предметом обсуждения на личной встрече президентов России и Азербайджана. В результате удалось достичь компромиссной договоренности о тщательной проверке всех связанных с этим обстоятельств, а также о том, что до окончания проверки стороны воздержатся от публичных высказываний на эту тему (в дальнейшем азербайджанская сторона неоднократно нарушала эту договоренность). Российское руководство дало поручение Главной военной прокуратуре России провести тщательное расследование этого дела, а Госдума России создала специальную комиссию.

11 апреля, заслушав на закрытом заседании доклад председателя комитета по обороне Л. Рохлина о незаконных поставках вооружения, военной техники и военного имущества в Армению на сумму в 1 млрд долл., Государственная Дума приняла постановление «О мерах по соблюдению законодательства Российской Федерации при поставках вооружения и военной техники иностранным государствам». Депутаты обратились к Б. Ельцину с просьбой провести необходимые политические и дипломатические мероприятия по предупреждению возможных межгосударственных осложнений в связи с незаконными поставками вооружения и военной техники в Армению, а также принять исчерпывающие меры по недопущению подобных фактов нарушения законности при поставках вооружения в другие страны и привлечению к персональной ответственности лиц, причастных к этим нарушениям.

В этих крайне неблагоприятных условиях 2—4 июля 1997 года состоялся первый официальный визит президента Азербайджанской Республики Г. Алиева в Российскую Федерацию³.

Подготовка к переговорам проходила в напряженной обстановке. Чтобы ослабить негативное влияние «армянского фактора», российский МИД подготовил проекты практически идентичных договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, которые предполагалось подписать как с Азербайджаном, так и Арменией. Однако по настоянию азербайджанской стороны из проекта договора были изъяты обязательства о взаимной помощи, а сам договор получил иное название.

3 июля Г. Алиев и Б. Ельцин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и безопасности между Россией и Азербайджаном. В отличие от аналогичного документа 1992 года (так и не ратифицированного сторонами) обновленный Договор, в частности, предусматривает взаимные меры по поддержанию безопасности в случае возникновения угрозы одной из сторон и предотвращению региональных конфликтов. Документ призывает не предпринимать каких-либо военных, финансовых, экономических мер, направленных против другой стороны. Срок действия Договора рассчитан на 10 лет, и при взаимном согласии сторон он может быть автоматически продлен еще на 5 лет. Одновременно стороны подписали внушительный «пакет» межправительственных соглашений.

Через некоторое время (29 августа 1997 г.) Россия, как и планировалось, подписала с Арменией Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот документ азербай-

³ См.: Азербайджан — Россия: новая веха в развитии отношений дружбы и сотрудничества. Баку, 1997.

байджанская сторона расценила как стремление «нормативно оформить военный союз между двумя государствами». Среди обвинений в адрес России были и утверждения о том, что ее обязательства, «вытекающие из документов, подписанных в одном случае с Арменией, а в другом случае — с Азербайджаном, находятся в противоречии друг с другом». В документе, подписанном с Азербайджаном, декларируется готовность при урегулировании армяно-азербайджанского конфликта руководствоваться принципами и нормами международного права, а в документе, подписанном с Арменией, Россия обязуется руководствоваться поисками взаимоприемлемого решения. Это расценивалось Азербайджаном как несоответствие статусу России как сопредседателя Минской группы ОБСЕ.

Не менее резкой оказалась и реакция российской стороны на указанные обвинения. МИД России напомнил, что в процессе подготовки обновленного Договора между Россией и Азербайджаном азербайджанская сторона не согласилась с ее предложениями расширить связи в военно-политической сфере.

Интенсивность нотной переписки и «градус» взаимных обвинений достигли такого уровня, что 7 октября 1997 года в Баку прибыл министр иностранных дел России Е. Примаков. Ему, однако, не удалось снять напряженность⁴.

2 апреля 1999 года Г. Алиев сделал на заседании Совета глав государств — участников СНГ официальное заявление по вопросу о поставленном в Армению оружии. По его словам, одной из главных причин, препятствующих равноправному и эффективному сотрудничеству в рамках Содружества, является наличие неурегулированных вооруженных конфликтов на территориях государств — членов СНГ, создающее атмосферу недоверия и напряженности и блокирующее эффективное сотрудничество и взаимодействие во всех других сферах. «В этих условиях, — подчеркнул Г. Алиев, — являются совершенно недопустимыми действия правительственных органов Российской Федерации по милитаризации Армении. Считаю необходимым отметить также, что ситуация, сложившаяся в регионе Закавказья, полностью противоречит положениям Договора о коллективной безопасности стран СНГ от 15 мая 1992 года»⁵.

К осени 1999 года российско-азербайджанские отношения окончательно зашли в тупик. Взаимные обвинения, ноты протеста не прекращались. Азербайджан внимательно отслеживал контакты Москвы с Ереваном и в резкой форме реагировал на, мягко говоря, «необдуманные» заявления высоких российских военных чинов о вкладе России в обороноспособность Армении. Москва, со своей стороны, справедливо указывала на то, что в бакинских госпиталях и санаториях поправляют здоровье несколько сот чеченских боевиков, а через столичный аэропорт полевые командиры и иностранные эмиссары вылетают в Западную Европу и США.

Не секрет, что в российском обществе того периода широко распространились анти-азербайджанские настроения, прочно внедрился тезис об «азербайджанской мафии», захватившей всю розничную торговлю.

В практической плоскости встал вопрос о введении визового режима с Азербайджаном — 5 ноября 1999 года МИД России предложил начать переговоры о введении визового режима на поездки граждан и направил в Баку соответствующую делегацию. По неофициальным данным, в тот период около 2 млн азербайджанцев (до 30 процентов взрослого мужского населения) полулегально работало в России. Ежегодные переводы денег на Родину составляли от 2,5 до 4 млрд долл. (объем экспорта Азербайджана за 2002 г. не превышал 2,16 млрд долл.).

Обострение политического климата отражалось и на показателях взаимного товарооборота. Летом 1999 года объем российско-азербайджанского товарооборота по срав-

⁴ См.: Бакинский рабочий, 8 октября 1997.

⁵ Бакинский рабочий, 3 апреля 1999.

нению с тем же периодом 1997 года сократился на 33%, а доля России в товарообороте Азербайджана упала до 18%.

Азербайджано-российские отношения как модель прагматического сотрудничества на постсоветском пространстве

Точкой отсчета принципиально нового этапа в развитии отношений между Россией и Азербайджаном по праву считается январь 2001 года. Именно тогда, в рамках первого за весь постсоветский период официального визита в Баку президента Российской Федерации, Г. Алиеву и В. Путину удалось снять многие раздражители, накопившиеся в двусторонних отношениях⁶.

Переговоры, носившие доброжелательный и конструктивный характер, стали важным этапом в становлении регулярного политического диалога на высшем уровне. Динамика, приданная двустороннему сотрудничеству в 2001 году, получает новое ускорение в наши дни.

Не секрет, что характер контактов между руководителями во многом определяет и уровень сотрудничества между странами. Как сказал президент Азербайджанской Республики И. Алиев на встрече в Москве 17 апреля 2009 года с президентом РФ Д. Медведевым: «Отрадно, что дружеские отношения между Россией и Азербайджаном также наблюдаются и в отношениях между президентами. Мы каждую встречу используем максимально эффективно, в очень откровенной, искренней атмосфере обсуждаем все вопросы, которые требуют обсуждения. И каждый раз убеждаемся, что вопросов, которые требовали бы какого-то оперативного вмешательства, становится все меньше и меньше. Между нашими странами не существует никаких проблем, а те вопросы, которые требуют обсуждения и решения, оперативно решаются»⁷.

Правовым фундаментом нынешнего этапа российско-азербайджанских отношений является Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве, принятая президентами двух стран в Баку 3 июля 2008 года. В ней отмечается, что обе стороны, основываясь на ранее подписанных документах, будут продолжать всестороннее развитие равноправных, взаимовыгодных и конструктивных двусторонних отношений, которые носят стратегический характер⁸.

В настоящее время между сторонами заключено более 80 межгосударственных и межправительственных соглашений.

Интенсивность контактов на высшем уровне настолько велика, что вряд ли целесообразно их перечислять. Назовем лишь рабочий визит в Баку 29 июня 2009 года Д. Медведева, в ходе которого были подписаны совместные заявления президентов — по Каспийскому морю, об основных принципах завершения делимитации государственной границы и распределения водных ресурсов реки Самур, а также Основные условия Контракта купли-продажи азербайджанского природного газа.

Подобная динамика встреч на высшем уровне позитивно отражается на межпарламентском и межведомственном сотрудничестве.

За последние годы председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С. Миронов трижды побывал в Азербайджане, состоялись визиты

⁶ См.: Новый этап азербайджано-российских отношений. Баку, 2001 (на азерб. яз.).

⁷ Официальный сайт Президента Азербайджана [www.president.az].

⁸ См.: Официальный сайт Президента России [www.Kremlin.ru].

председателя Государственной Думы Б. Грызлова, а Россию посетил председатель Милли Меджлиса Азербайджанской Республики.

На регулярной основе осуществляются контакты между министрами иностранных дел и межминистерские консультации. В Баку регулярно бывают министр образования и науки России, министр регионального развития, министр внутренних дел, министр обороны. Поддерживаются рабочие отношения между руководителями силовых структур.

Неразрывной частью политического взаимодействия является военное и военно-техническое сотрудничество. 27 февраля 2003 года в Баку подписано межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве, а 4 декабря 2006 года — межправительственное соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества.

29 июля 2008 года в Москве состоялось II заседание Российско-азербайджанской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству. На регулярной основе осуществляется обмен визитами руководителей оборонных ведомств обеих стран.

Внесенное президентом РФ В. Путиным 8 июня 2007 года на саммите «Большой восьмерки» в Хайлигендамме предложение об использовании Габалинской РЛС в разрабатываемой США системе ПРО получило поддержку азербайджанского руководства, которое рассматривает его как конкретный вклад в укрепление стабильности и безопасности в регионе.

Важным компонентом российско-азербайджанских связей является пограничное сотрудничество.

Поддерживаются регулярные контакты по линии погранведомств России и Азербайджана. 25 января 2002 года подписано Межправительственное соглашение о деятельности пограничных представителей. Пограничные службы двух стран осуществляют сотрудничество на основе ежегодных планов совместных действий. В стадии согласования находится соглашение об открытии официальных представительств погранведомств на территориях обеих стран.

Продолжается работа по делимитации государственной границы с Азербайджаном. 29—30 января 2008 года в Москве состоялся 15-й раунд переговоров. Согласованная линия границы, которая оформлена рабочими протоколами, картографическими и описательными документами, составляет 301,1 км (из 336,5 км), то есть 90% границы.

На высоком уровне находится взаимодействие правоохранительных и судебных органов двух государств. Подписаны и работают соглашения о сотрудничестве между МВД России и МВД Азербайджана, о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных районов, Меморандум о взаимоотношениях в области борьбы с терроризмом, а также протоколы о сотрудничестве, Меморандум о взаимодействии между МВД России и МВД Азербайджана в сфере обеспечения сохранности транзитных грузов⁹.

Анализируя нынешнее состояние двустороннего политического сотрудничества, нельзя не отметить заметно возросший интерес российской стороны к решению нагорно-карабахского конфликта.

2 ноября 2008 года Россия инициировала проведение трехсторонней встречи президентов РФ, Азербайджана и Армении, в ходе которой удалось подписать Декларацию о мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Документ подразумевает юридически обязывающие международные гарантии решения нагорно-карабахского конфликта. Впервые с 1994 года под документом о политическом урегулировании данного конфликта поставили свои подписи лидеры обеих конфликтующих сторон — и Арме-

⁹ Об этом подробнее см. справку «Российско-азербайджанские отношения» на официальном сайте МИД России [www.mid.ru].

нии, и Азербайджана (здесь, кстати, будет не лишним вспомнить, что после длительных кровавых боев прекращение огня было достигнуто 12 мая 1994 г. в Бишкеке при посредничестве Межпарламентской ассамблеи СНГ).

В Декларации президенты «заявляют, что будут способствовать оздоровлению ситуации на Южном Кавказе и обеспечению установления в регионе обстановки стабильности и безопасности путем политического урегулирования конфликта на основе принципов и норм международного права и принятых в этих рамках решений и документов, чтобы создать благоприятные условия для экономического развития и всестороннего сотрудничества в регионе».

В Декларации отмечается, что главы Азербайджана и Армении «договорились продолжить работу, в том числе в ходе дальнейших контактов на высшем уровне, над согласованием политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта, и поручили своим министрам иностранных дел активизировать дальнейшие шаги в переговорном процессе во взаимодействии с сопредседателями Минской группы ОБСЕ». В заключительном пункте декларации говорится, что президенты «считают важным поощрять создание условий для реализации мер по укреплению доверия в контексте усилий по урегулированию»¹⁰.

Нагорно-карабахский конфликт — один из наиболее сложных для урегулирования. Прежде всего потому, что у Армении и Азербайджана совершенно разные подходы к его решению. Позиции двух стран никак нельзя совместить без серьезных уступок каждой из них, без готовности к компромиссу, то есть к отходу от своих первоначальных установок. При этом урегулирование конфликта возможно лишь при том условии, что главы конфликтующих сторон найдут устраивающую их формулу сосуществования.

Все рассуждения о том, что Запад или Россия из-за нефти, размещения военной базы, участия (или неучастия) в военной операции против Ирана, разблокирования турецко-армянской границы или каких-либо других выгод «в благодарность» «отдаст» Нагорный Карабах Азербайджану, лишены всякого смысла. В этом контексте важно отметить, что в отличие от многих азербайджанских экспертов и политологов, считающих, что Россия должна «наконец определиться», кто ей более важен: Армения или Азербайджан, руководство Азербайджана понимает, что Москва не может выстраивать отношения с Азербайджаном в ущерб своим отношениям с Арменией и наоборот.

Высокий уровень политического взаимодействия позитивно отражается на развитии торгово-экономического сотрудничества.

Торговые отношения России с Азербайджаном регулируются Соглашениями о свободной торговле от 30 сентября 1992 года и от 15 апреля 1994 года. Подписанные 25 января 2002 года межгосударственный Договор о долгосрочном экономическом сотрудничестве до 2010 года и межправительственное Соглашение об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества являются важным элементом в формировании качественно новой основы развития торгово-экономических отношений между двумя странами.

Рабочим механизмом, регулирующим решение конкретных вопросов российско-азербайджанских торгово-экономических отношений на государственном уровне, является Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству (МПК). Председателем российской части МПК назначен министр энергетики С. Шматко, азербайджанской части — первый заместитель премьер-министра Я. Эюбов.

Вопросы увеличения объемов и диверсификации взаимной торговли, равно как и развития нормативной правовой базы двустороннего взаимодействия, традиционно находятся в центре внимания обеих стран. Дальнейшее совершенствование договорно-пра-

¹⁰ Официальный сайт Президента России [www.Kremlin.ru].

вовой базы российско-азербайджанских отношений играет очень важную роль в развитии взаимного сотрудничества. В этом контексте следует максимально ускорить заключение межправительственного Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений: его отсутствие негативно сказывается на российско-азербайджанском инвестиционном сотрудничестве.

Поскольку Россия является ведущим экспортером в Азербайджан товаров машинно-технической группы, строительных материалов, древесины, проката черных металлов, химической продукции, на долю которых приходится более 90% российского экспорта, можно прогнозировать дальнейший рост объемов поставок этой номенклатуры российской продукции.

Динамика товарооборота является положительной — удалось довести объем взаимного товарооборота в 2008 году до 2,4 млрд долл., из которых около 2 млрд долл. составил российский экспорт в Азербайджан. Импорт из Азербайджана достиг 411,4 млн долл. Успешное докризисное развитие российско-азербайджанских торгово-экономических отношений и увеличение товарооборота стало возможным во многом благодаря межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Было подписано более 30 документов на межрегиональном уровне о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве, еще 9 регионов намерены подписать такие соглашения. На азербайджанском рынке сейчас активно работают более 500 филиалов и представительств компаний из России.

Российская сторона ожидает роста азербайджанского экспорта, связанного с поставками на российский рынок продовольственной продукции, традиционно пользующейся спросом и отвечающей стандартам качества, прежде всего свежих овощей и фруктов, винно-коньячных изделий, фруктовых и овощных соков, животных и растительных масел, орехов, чая и многих других товаров.

С 1 января 2010 года начался экспорт в Россию азербайджанского газа.

В 2008 году российские инвестиции в экономику Азербайджана составили 12,4 млн долл., что говорит о необходимости активизации работы в этом направлении. Весьма перспективным для российских инвесторов представляется создание совместных предприятий в области нефтяного машиностроения, производства медикаментов, переработки и хранения сельхозпродукции, а также в финансовой и банковской сферах.

Стратегическое значение для России имеет сотрудничество с Азербайджаном в развитии международного транспортного коридора «Север — Юг» для организации сквозного железнодорожного сообщения из Европы через Россию, Азербайджан и Иран в Индию и страны Юго-Восточной Азии. Реализация этого проекта позволит государствам-участникам получать существенные доходы от транзитных перевозок грузов, объем которых в перспективе достигнет 15—20 млн т в год.

Об интересе российских предпринимателей к азербайджанскому рынку свидетельствует тот факт, что в настоящее время на нем работает более 170 компаний со 100%-м российским капиталом и 237 — в формате совместных предприятий. Рост числа зарегистрированных предприятий с участием российского капитала в Азербайджане во многом является результатом улучшения инвестиционного климата в стране. Примером интереса российских бизнесменов к азербайджанскому рынку может быть приобретение в 2008 году российской компанией «Балтика» пивоваренного завода «Баку — Кастель», в модернизацию которого было инвестировано 20 млн долл. Российские компании заинтересованы в увеличении долевого участия во второй стадии освоения газового месторождения Шах-Дениз с запасами природного газа до 1,2 трлн кубометров.

Среди других перспективных сфер возможного интереса российских предпринимателей можно назвать инвестиции в цветную металлургию Азербайджана, а также участие в приватизации малых ГЭС, предприятий по хранению и переработке сельхозпродукции.

По словам российского министра Э. Набиуллиной¹¹, в вопросах экономического сотрудничества между партнерами любого уровня в условиях мирового кризиса на первое место выдвигаются два критерия: прагматичность и взаимная выгода. В нашем случае сотрудничать, вероятно, необходимо в тех сферах, конечный продукт которых остается востребованным и в условиях кризиса. Взять хотя бы в качестве примера топливно-энергетический комплекс, где азербайджанской стороне необходимы поставки нефтегазового промышленного оборудования и инструмента, а также предоставление услуг по бурению, капитальному ремонту скважин и т.д., а российская сторона в состоянии удовлетворить эти потребности. Можно найти и другие взаимовыгодные сферы. Например, выполнение российскими предприятиями крупного заказа Каспийского морского пароходства Азербайджана на строительство сухогрузов и танкеров или закупки авиатехники специального назначения российского производства для МЧС Азербайджана. Актуально создание совместных предприятий в области легкой промышленности, производства медикаментов, лизинговых компаний, а также предприятий по обслуживанию сельскохозяйственной и дорожно-строительной техники. Кроме того, актуально сотрудничество в области нанотехнологий, и обе стороны уже рассматривают вопросы взаимодействия в этой сфере.

Вопросы гуманитарного сотрудничества также находятся в центре внимания как высшего руководства Азербайджана и России, так и конкретных государственных ведомств и неправительственных структур.

Координация связей по межгосударственной линии осуществляется в рамках действующей российско-азербайджанской Программы сотрудничества в гуманитарной сфере на 2007—2009 годы.

К перспективным направлениям сотрудничества относятся образование и наука. В настоящее время в высших учебных заведениях России обучается 5 755 граждан Азербайджана, в том числе 1 420 за счет федерального бюджета Российской Федерации. 27 февраля 2008 года в Баку открыт филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, число студентов в котором на втором году его функционирования приблизилось к 200. Более 1 200 чел. обучается в другом российском учебном заведении на территории Азербайджана — филиале Московского государственного открытого университета. Всего в вузах Азербайджана на русском языке получают образование свыше 15 тыс. студентов.

З а к л ю ч е н и е

Подводя итог краткому анализу текущего периода российско-азербайджанского сотрудничества, важно подчеркнуть его созидательный характер, нацеленность на расширение взаимодействия в различных сферах. Стратегические линии определены руководством России и Азербайджана, а практическая реализация согласованных планов возложена не в последнюю очередь на дипломатов обеих сторон.

Россию с Азербайджаном объединяют общность исторических судеб народов, бесценный политический, экономический и духовный потенциал. Жизнь подтвердила, что, как и прежде, Россия нуждается в Азербайджане, так же, как и Азербайджан нуждается в России. Отношения между двумя суверенными государствами — Россией и Азербайджаном — обрели прагматичный, деловой и взаимовыгодный характер, учитывающий, прежде всего, национальные интересы каждой страны.

¹¹ См.: Интервью Э. Набиуллиной азербайджанскому информагентству Trend Capital, 29 июля 2009 года.

Марина МУСХЕЛИШВИЛИ

*Заместитель руководителя Центра общественных исследований
(Тбилиси, Грузия).*

ГРУЗИЯ В НОВОЙ ВОЛНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Р е з ю м е

Двадцатилетний цикл политических трансформаций не принес Грузии стабильности: страна все еще мечется между авторитарным правлением и демократией. Первоначально ориентиром для преобразований служил дискурс, в котором советское наследие было перемешано с западными либеральными и демократическими ценностями в едином видении демократизации как некоей телеологической цели. Позже единое, нерасчлененное видение демократии расщепилось надвое, расколов общество на сторонников недемократичного проза-

падного правительства и представителей оппозиционного демократически настроенного общества. Намечившуюся глубокую поляризацию общества невозможно преодолеть без кооперативных подходов и методов. В статье обобщается траектория дальнейших перемен, которая ближе не к «либеральному», а к «демократическому» пути, к европейским конституционным моделям пропорционального представительства и к модели демократии участия, а не демократии элит в отношениях политики с государством и обществом.

В в е д е н и е

Третья волна демократического транзита закончилась¹. Для постсоветского пространства этот факт означает завершение эпохи, начавшейся примерно 20 лет назад. Те страны, которые не сумели завершить переход к демократии, либо окончательно оформились как открыто авторитарные режимы, либо установили у себя политические системы, не являющиеся ни демократическими, ни полностью авторитарными². Грузия принадлежит к числу последних. В то же время как проект, подкрепляемый соответствующим дискурсом и политикой, «демократизация» исчерпала свои возможности и более не способна формировать идеологический импульс, который питал бы политические меры по продвижению демократии. Это означает следующее. Представим себе развитие демократии как функцию двух независимых переменных, при том что серьезное внимание уделяют лишь одной из них. В какой-то момент весь прогресс, какого можно было добиться в результате изменений этой переменной, был достигнут. Но ситуацию никак нельзя на-

¹ См.: Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy, January 2002, Vol. 13, No. 1. P. 5—21.

² Авторы многих работ, в том числе и приведенной нами в первой сноске, описывают эту ситуацию, используя разную терминологию.

звать ни удовлетворительной, ни устойчивой, поскольку и другое измерение также имеет огромное значение. Дальнейшие усилия в прежнем направлении больше не будут приближать нас к цели: необходимо изменить саму траекторию движения. «Демократизация», вдохновлявшаяся одной лишь неолиберальной парадигмой, исчерпала себя; но остаются другие пути развития демократии, они могут и должны помочь в поисках выхода из тупика.

Институциональные преобразования предшествующих десятилетий получили наименование демократизации. Чтобы придать процессу новое направление, необходимо вспомнить, что у термина «демократия» есть не одно-единственное значение; да, собственно, каждый, кто участвует в этом процессе, может представлять этот процесс по-своему³. Такое разнообразие должно было бы узаконить своеобразие форм и конфигурации демократии в каждой стране, давая каждому обществу возможность сознательно подходить к своему видению демократии, а не закрывать этот вопрос заранее. Подобный подход сформулировал Гильермо О’Доннел: современная демократия — результат нелегкого, противоречивого взаимодействия трех (а не двух) политических традиций: демократии, либерализма и республиканизма. Такое взаимодействие сформировало в различных странах свои специфические институциональные конфигурации в зависимости от политической культуры, социально-экономического развития и исторического прошлого каждой из них⁴.

Мы в данной статье утверждаем, что двадцатилетний цикл развития направлялся и вдохновлялся мажоритаристским и либеральным (оно же англо-саксонское) пониманием «демократии», включающим в себя не все три эти традиции. В рамках такого понимания либеральный и мажоритаристский компоненты отодвинули на задний план республиканскую составляющую, и порожденные ими политические системы оказались в ловушке непреодолимого противоречия между авторитарным правлением и хаосом. Сегодня Грузия как раз и мечется между этими двумя полюсами. Правда, в последнее время грузинское общество продемонстрировало определенную способность к восприятию новых подходов.

Когда говорят «демократия», говорят о Западе

Лет 20 назад, когда процесс демократизации в Грузии только начинался, смысл слова «демократия» казался очевидным и не вызывал вопросов. Внешний образец — Запад, прежде всего США — воспринимался как не подлежащий рефлексии, и такие совершенно различные вещи, как демократия, рыночная экономика, процветание и т.д., сливались в один неясный образ желаемой «хорошей жизни», обозначаемый одним словом «демократия». Так что все вопросы и разногласия по поводу демократизации касались в основном не того, «что это такое?», а того «как?» и «когда?».

Но первым, что пришло с преобразованиями, была не демократия, а свобода. Она пришла как историческая удача и воспринималась с большим эмоциональным подъемом. На вопрос, зачем им нужна эта свобода, разные люди ответили бы по-разному, и в этом разнообразии смысл свободы оказывался связан с другой ценностью — волей.

³ См.: Dryzek J., Holmes L. Post-Communist Democratization: Political Discourses across Thirteen Countries (Theories of Institutional Design). Cambridge University Press, 2002.

⁴ См.: O’Donnell G. Horizontal Accountability in New Democracies // Journal of Democracy, 1998, Vol. 9, No. 3. P. 112—126.

«Воля» эта по своей природе была вещью в высшей степени постмодернистской: она не имела оправдания ни в естественном праве, ни в прагматической телеологии. Это была просто воля, желание как таковое — как в реплике популярных советских эстрадных певцов: «если нельзя, но очень хочется, — то можно». Это упрощенное желание свободы подталкивало и движение за национальную независимость, и экономические начинания, и миграцию, и свободу слова, которые набирали обороты и окончательно переходили все границы, унаследованные от старого режима.

В первые годы преобразований эта свобода осуществлялась массово и спонтанно, порождая своего рода Гоббсово «естественное состояние»: гражданские войны, экономический крах, провал государства и хрупкую независимость от России. Это неинституционализированное осуществление свободы было в какой-то мере ограничено в 1995 году, когда Конституция Грузии установила формальные рамки демократии. Однако с 1995-го по 2003 год, несмотря на определенную политическую стабилизацию, в которой присутствовали основные демократические учреждения, процесс демократизации считали незавершенным, и основной темой критики в адрес властей как раз и была необходимость его продолжения.

В этот период демократический дискурс подпитывался также поощрением демократизации со стороны Запада. Институциональный аспект этого дискурса формировался под влиянием «либеральной» (главным образом, американской) модели демократии. Модель эта предполагала прежде всего структурную дифференциацию на гражданское общество, экономическую сферу, политическую сферу и государство. Что же касается политической власти как таковой, предполагалось, что ее институциональная трансформация определяется тремя главными составляющими: разделением властей, политической конкуренцией в ходе выборов и правлением большинства. Такие аспекты демократии, как верховенство права, права человека, свобода слова и другие права и свободы хотя и оставались постоянно в центре общественного внимания, но логически рассматривались как нечто внеположное данному политическому устройству. Такой подход, отделивший либеральные компоненты демократии от ее политической сущности — мажоритаризма, правления в соответствии с волей большинства, — позволил Западу, выступавшему внешним патроном демократии, легитимировать свою финансовую и моральную поддержку продвижению этих компонентов, одновременно избегая обвинений во вмешательство во внутреннюю политику суверенного государства.

В некоторых своих аспектах подобная «конфигурация демократического устройства» не противоречила постсоветской политической культуре. Советская система считала себя мажоритаристской, притворяясь «народной демократией», в которой правящая партия представляла собой «авангард народа». Политическая конкуренция, которая была в новинку, также, как казалось, вполне согласуется с наследием марксизма-ленинизма, для которого политика была сферой конфликтов с нулевой суммой. Попытки провести границу между гражданским обществом и политическим сообществом никогда не доводились до конца, однако давали возможность проводить в жизнь некую элитистскую версию подобной конкуренции. В ходе ее граждане, традиционно безответственные и политически пассивные, охотно взяли на себя роль наблюдателей, лишь время от времени участвуя в выборах. Дифференцирование политической сферы от гражданского общества также никак не противоречило наследию весьма циничной советской версии политики, где цели были куда важнее средств.

Свой вклад в преобладание некоторых умственных конструкций внес и преобладавший в логике демократизации телеологический подход к развитию. Радикальный разрыв с прошлым в пользу «светлого будущего», как бы это будущее ни называлось: коммунизмом, демократией или Западом, — просто поставил в общественном дискурсе «демократию» на место «коммунизма» в качестве конечной цели развития. И случилось это за-

долго до «революции роз», что во многом объясняет весьма большевистский стиль поведения «проамериканских» грузинских лидеров после этой революции.

Подобное сочетание новых институтов с прежними умственными конструкциями оказалось чрезвычайно привлекательным для общества. Как и любая политическая идеология, демократический дискурс давал ему готовые ответы на все беспокоившие его вопросы. Почему в стране высокий уровень безработицы? Потому что правительство недемократично и выборы фальсифицируются. Почему процветает теневая экономика? Потому что правительство Шеварднадзе вымогает взятки у бизнеса. Почему так низко качество СМИ? Потому что СМИ недостаточно свободны. Почему общество страдает от низких темпов развития? Потому что правительство к обществу не прислушивается. Главной темой в общественном дискурсе оставался дефицит демократии, верховенства права и прав человека. Другие политические дебаты, которые были бы более конструктивны в том, что касается надлежащего государственного управления, и не ориентировались бы в такой степени на подходы, характерные для игры с нулевой суммой, были заблокированы с обеих сторон: правительство не могло обеспечить сколько-нибудь внятного лидерства, которое оправдывало бы его сопротивление переменам, а у оппозиции были достаточно веские мотивы отказываться от сотрудничества: чем дальше она от неэффективного и коррумпированного правительства, тем больше та общественная поддержка, на которую ей можно рассчитывать.

Прежнее наследие сливалось тогда с новыми тенденциями не только в умственных конструкциях, но и в их продукте — институциональных основах конституции 1995 года. Ее принципиальные положения определялись компромиссом между двумя противоположными политическими позициями. Те, кто хотел, чтобы во главе Грузии стоял единственный и ответственный лидер, получили президентскую систему правления. Другие — те, кто предпочитал, чтобы их мнения как-то учитывались в решениях правительства, — получили законодательный орган с вполне оформленной системой пропорционального представительства. Он, правда, не имел большого влияния на исполнительную ветвь власти, но зато и не мог быть распущен президентом. Такое устройство политической системы действительно помогло утихомирить острейшие политические баталии первых лет трансформации, но в реальности лишь отодвинуло все кризисы до той поры, пока придет к концу правление Шеварднадзе — ведущей политической фигуры того периода. Эта система была очень неплохо сбалансирована, но совершенно неэффективна. Не имея права распускать парламент, президент не мог двигаться дальше по пути к более авторитарному правлению. С другой стороны, парламент был достаточно силен, чтобы блокировать действия исполнительной власти, но не разделял никакой ответственности за то, что проблемы остаются нерешенными. Эта комбинация мажоритаризма с существенной свободой для смелых политических инициатив достигала критической точки во время выборов, когда воедино сливались все аспекты демократии: мажоритаризм, личные политические права и стремление к переменам. Эти-то ценности и наделили «революцию роз» ее общественным смыслом — смыслом победы грузинского народа, сдвига в сторону Запада и полного разрыва с прошлым.

Когда говорят «демократия», говорят о Грузии

Во время своего визита в Грузию в июне 2009 года вице-президент США Байден встретился с детьми, которым пришлось покинуть свои дома в Абхазии и в Цхинвальском регионе. Власти специально заранее отбирали детей для участия во встрече. «Как это случилось, — вежливо поинтересовался вице-президент, — что вы все так хорошо говорите по-

английски?» Возможно, это был в высшей степени дипломатичный способ дать понять, что для Америки важны не только индивидуальные достижения, умение обращаться с компьютером и бегло говорить по-английски, но и равенство, гуманность и демократия.

Этот эпизод отлично демонстрирует, что после «революции роз» в Грузии что-то случилось с монолитным единством «Запад = демократия». Появились два лагеря, разделенные ценностями и представлениями: правое по своим взглядам правительство, уважающее США за их мощь и ориентированную на достижения культуру, и левое по своим настроениям общество, которое все еще борется за демократию, но испытывает разочарование и больше склонно связывать демократию не с Западом, а с антиглобализмом и альтерглобализмом.

Каждый, кто хочет понять этот результат «революции роз», должен иметь в виду: независимо от того, какими ценностями вдохновлялась «революция роз», она прежде всего была революцией, то есть действием с нулевой суммой, заключающимся в переходе власти от одной группы элиты к другой и сопровождающимся различными видами репрессий в отношении прежних элит. «Это [*протесты против замены государственного флага новым, с изображением пяти крестов*] — контрреволюционные действия, и, соответственно, государство будет с ними бороться теми методами, которых заслуживают контрреволюционеры» (Вано Мерабишвили, из выступления на заседании парламента 14 января 2004 года). «Те политические группы, которые примкнули к Шеварднадзе или в ходе ноябрьских событий оказались по другую сторону баррикад... совершили политическое самоубийство. Это уже необратимо» («Гига Бокерия, из выступления на телеканале «Имеди» 12 января 2004 года). Радикальная риторика такого типа сопровождалась поляризацией между правящей элитой и ее противниками, которая постепенно, по мере того, как падала общественная поддержка правительства, перерастала в поляризацию между властью и большинством общества.

Несмотря на свои прозападные устремления и либеральные мотивировки, «революция роз» не принесла Грузии демократии. Разделение властей и полномочий (не только горизонтальное, но и вертикальное) и верховенство права, которые в США ограничивают тиранию большинства, здесь так и не развились. Произошло прямо противоположное: после «революции роз» политическая власть все больше концентрировалась в руках президента, переходя все установленные конституцией границы и вторгаясь во все сферы: в экономику, гражданское общество, судебную систему. Мощный мажоритаризм сильно перевешивал слабые попытки защитить либеральные ценности: «Меня не интересуют отдельные лица — я хочу, чтобы со мной был грузинский народ. Мне нужна поддержка народа, я пользуюсь поддержкой народа и... при поддержке народа доведу борьбу против мафии до [*победного*] конца» (Михаил Саакашвили, 4 февраля 2004 года). Вот так «революция роз» вместо развития демократии привела к ее упадку. Этот упадок отразился в общественном мнении еще до того, как обернулся фальсификациями на выборах и политическими репрессиями⁵. Институциональные трансформации постепенно проводились в жизнь⁶, приведя к разрыву социального контракта: в 2008 году оппозиция отказалась признавать результаты выборов, поскольку не считала их ни свободными, ни справедливыми⁷.

⁵ Число респондентов, выражавших удовлетворение тем, как развивается демократия в Грузии, в течение трех лет упало с 77% до 38% [www.irgi.org.ge], послереволюционный энтузиазм начала 2004 года сменился радикальным требованием отставки Саакашвили в 2007 году.

⁶ Институциональный упадок демократии плохо документирован, если не считать ключевых событий, ставших вехами на этом пути, таких как принятие поправок к конституции в 2004 году, введение новой системы местного управления в 2005 году, события ноября 2007 года и выборы 2008 года. Хотя было и немало других, менее значимых событий, добавляющих важные штрихи в общую картину.

⁷ См.: Доклад миссии наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ о качестве выборов.

Однако упадок демократии не означал, что правительство изменило свою прозападную ориентацию или что Запад уменьшил свою поддержку Саакашвили. Правительство ускоренными темпами воплощало в жизнь новые подходы и программы, наращивало свои возможности для проведения политики преобразований в самых широких областях. Оно демонстрировало способность к куда более быстрым, а иногда и авторитарным, действиям, нежели предыдущая власть; его стиль руководства стал сильным и ориентированным на достижение результатов. Новую политику власти можно охарактеризовать и как неолиберальную, а в некоторых случаях даже либертарианскую: «Этот новый Закон [*Акт экономической свободы*] преследует смелые и далеко идущие цели: после его принятия Грузия станет мировым лидером в том, что касается защиты экономического либерализма», — заявлял Саакашвили при внесении пакета поправок к Конституции, предусматривающего, среди прочего, ограничение предельного уровня бюджетных расходов величиной в 30% валового внутреннего продукта⁸.

Начиная с 2007 года политическая борьба приняла в высшей степени драматические и острые формы. Массовая мобилизация подпитывалась самыми разными объективными и субъективными факторами. Многие страдали лично, поскольку впечатляющие показатели экономического роста шли рука об руку с ростом безработицы и неравенства. Не меньшую роль играло ощущение царящего произвола власти, который затрагивал всех и каждого. Высокомерие, которое пронизывало отношение власти к своим противникам, повсеместно порождало жажду возмездия. Эта жажда вывела людей на улицы с требованиями к Саакашвили уйти в отставку. Обвинения в адрес правительства вновь формулировались и обосновывались в привычных терминах нарушений, коррупции и преступлений, а требования касались верховенства права, свободных и справедливых выборов и демократии. Но на этот раз требования демократии не могли быть теми же, какими были до «революции роз»: если тогда всех объединяло одно господствующее общественное настроение, то теперь и пропаганда в СМИ, и само общественное мнение раскололись на два резко противостоящих друг другу лагеря.

Цельное, недифференцированное представление о демократии, преобладавшее до революции, быстро испытало серьезную трансформацию. В отличие от прежнего времени, стало ясно, что «прозападный» еще не обязательно означает «демократичный»; противоречивые и неоднозначные результаты деятельности правительства также демонстрировали, что невозможно объяснить все мировоззрение всего в два цвета: черный и белый. Препятствием «демократам» теперь приходилось определять свои политические предпочтения в рамках нелегкого ценностного выбора: либо превращаться в сторонников либерального авторитаризма и исходить из убеждения, что правительство, при всех его грехах, все же остается предпочтительным из-за его ориентации на Запад, либо присоединяться к «доморощенным ограниченным демократам» — тем, кто стоит на стороне незащищенного общества и ценит демократию именно за то, что та наделяет полномочиями здравый смысл простых людей. Учитывая, что политической поддержкой Запада все еще пользовалось правительство или, по крайней мере, Запад на сей раз не демонстрировал никакой открытой поддержки демократическому движению, — эти последние все больше чувствовали себя в изоляции: «...наша борьба, борьба грузинского народа — это борьба не только против режима Саакашвили; речь идет о борьбе против мировой геополитики, о борьбе против американских интересов. Вот почему эта борьба так трудна... Будь выборы свободными и справедливыми, мы бы уже заменили это правительство « (из обращения Левана Гачечиладзе к своим сторонникам 26 мая 2008 г.)⁹.

Этот раскол ясно показывал, насколько хрупким на деле было достигнутое Шеварднадзе равновесие между стремлениями к правлению большинства и к либеральным пра-

⁸ 6 октября 2009 года [http://www.civil.ge/eng/_print.php?id=21541].

⁹ [<http://civil.ge/eng/article.php?id=18387&search=>].

вам и свободам. Первоначально послереволюционный режим искал для себя легитимацию в фантастической комбинации прозападных реформ с советскими по духу и стилю руководством и пропагандой. После того как народная поддержка спала и режим почувствовал себя в меньшинстве, ему пришлось усилить авторитарные методы управления и в то же время изо всех сил делать вид, что он остается демократией.

Не добились успеха и противники режима. Массовое демократическое движение, начавшееся в 2007 году, в последующие два года испытало цепь поражений и неудач, продемонстрировав неспособность действовать иными методами, нежели правительство, и даже еще более явно демонстрируя недемократические черты. Начиная с 7 ноября 2007 года, когда правительством впервые прибегло к насилию против протестующих, лидеры оппозиции инициировали несколько волн массовой мобилизации с различными требованиями. Но все эти попытки не устояли перед комбинацией скрытого насилия, открытого пренебрежения, фальсификации в ходе выборов и политических репрессий со стороны правительства.

Неудачу нового движения можно по крайней мере отчасти объяснить тем обстоятельством, что у его лидеров не было никакого другого дискурса, отличающегося от дискурса «революции роз». Твердя о выборах, верховенстве права и правах человека, они были не в состоянии сплотить более значительную часть общества вокруг каких-то существенно отличных политических идей и представлений. Иными словами, у них не было никакой четкой политической идеологии. Вместо этого они обращались к нормативным ценностям, требуя справедливости и равенства как таковых. Как показывает опыт, это требование само по себе пока не может победить: ему не хватает более эгоистичных компонентов, способных усилить массовое движение. Короче говоря, свободы и правления большинства самих по себе еще не достаточно, чтобы создать демократию. Уже второй раз в грузинской истории из их комбинации не возникла демократия.

В настоящее время Грузия входит в третий год политического кризиса, порожденно-го радикальной поляризацией в обществе и в политических элитах. Оппозиция пытается уйти от породившего этот кризис принципа «победитель получает все», требуя на различных стадиях кризиса то перехода к парламентской системе, то различных инструментов, позволяющих ей разделить власть с правительством, то референдума. Но в условиях глубокой поляризации общества можно предположить, что, если власть действительно сменится, об этом декларированном обязательстве большего сотрудничества придется забыть. Правительство, в свою очередь, использует все рычаги, особенно избирательный кодекс, чтобы ликвидировать любые признаки пропорциональности в существующей системе. Недавний пример — переход на прошедших весной 2010 года выборах мэра Тбилиси к системе, при которой выборы проводятся в один тур и победа достается кандидату, набравшему относительное большинство голосов. Несмотря на прямое требование Запада к оппозиции и правительству урегулировать их отношения путем сотрудничества, никаких признаков такого сотрудничества до сих пор не просматривается. Все попытки компромисса проваливаются, поскольку альтернатива «или ты у власти, или ты в тюрьме» никакого компромисса не допускает.

«Запад» или два разных «Запада»: англо-саксонская и европейская континентальная модель

Этот «отход от демократии», проявившийся после «революции роз», вновь продемонстрировал, что игра с нулевой суммой между мажоритаристским и телеологическим

подходами не помогает строить демократию. В лучшем случае их взаимодействие в условиях частичной свободы генерирует одноходовые революционные циклы легитимации — делегитимации, в рамках которых носители власти не могут позволить себе ее потерять, поскольку уже не будут иметь никаких шансов вернуться. Напротив, утвердить логику кооперативной игры с положительной суммой, выстраивающую в обществе социальный контракт и культивирующую у элит и масс публичные нормы процедурной этики, взаимного обмена и солидарности, — пока остается самой трудной задачей.

Идя дальше в размышлениях о политике демократизации, необходимо проводить различие между утверждением конкуренции с положительной суммой, с одной стороны, и развитием сотрудничества на основе социального консенсуса — с другой. С точки зрения развития демократии это две разные стратегии, и возможности для их институционализации в специфических постсоветских условиях далеко не одинаковы. Первая может воплотиться в жизнь в ситуации, когда основные правила игры уже сформировались и утвердились, то есть когда имеющиеся нормативные ограничители вводят конкуренцию как таковую в определенные рамки. Но сами эти нормативные ограничители должны развиваться из самой конкуренции, и только из нее, — что нерельно. Силы, стремящиеся построить демократию в Грузии, предприняли немало попыток трансформировать повестку дня политического дискурса и сориентировать его на конкретную политику и стратегию в конкретных областях. Неудачу этих попыток иногда объясняют низким качеством политических элит и тем, что существующие политические партии не представляют в достаточной степени общественные силы и группы. Это объяснение, на наш взгляд, неполное, поскольку путает причину со следствием.

Правление большинства, так же, как и либеральные права и свободы, — необходимый, но недостаточный элемент демократии. Без социального контракта и республиканских ценностей солидарности и сотрудничества ничто не заставит демократию заработать. Более того, непрерывные попытки построить демократию из одной лишь конкуренции могут лишь подорвать способность общества к такому контракту, поскольку логика конкуренции, привязанная к регулярным выборам, делает любые попытки сотрудничества нелепыми для политических акторов. Что же касается либеральных ценностей, — в отсутствие социального единства ничто не поможет отличить либеральные ценности от большевистских традиций: для примера можно сопоставить либеральную ценность свободы вероисповедания с большевистской традицией «свободы вероисповедания». И на самом деле в постсоветских условиях либеральные ценности очень часто как раз и подменяются этими традициями.

Как кажется, стратегия демократизации, которая подчеркивает политическую конкуренцию в качестве главного инструмента, необходимого для демократизации, исходит из скрытого непонимания природы постсоветских обществ. Поскольку господствовавшая советская идеология базировалась на коллективистских ценностях, предполагалось, что и в обществе также господствовали коллективистские ценности и методы. Таким образом, в качестве главной задачи и вызова виделось утверждение индивидуалистических ценностей и институтов. Исторически либерализм действительно всегда обвинял всех своих противников в приверженности тем или иным коллективистским ценностям. Но западные демократии ни в коем случае не выросли из одного лишь либерализма: в отличие от большевизма, либерализм всегда сосуществовал с другими политическими и культурными традициями, которые и сделали западные общества открытыми и плюралистичными.

В реальности постсоветские общества далеко не соответствовали такому, крайне упрощенному, обвинению в коллективизме. Советский Союз оставил наследовавшие ему общества не только без свободы, но и без солидарности. Эти общества были поражены аномией и состояли из атомизированных индивидов, не способных ни на какие формы

социального единства. Хотя не все из них были в этом отношении одинаковы. Так, в Грузии соответствующая социальная структура была развита намного больше, чем, например, в России. Это и помогло Грузии достичь более высокого уровня демократии, чем тот, которого достигла Россия. Тем не менее общество в Грузии все еще страдает от отсутствия институциональных механизмов, дающих ему неформальную силу держать власти под контролем и сдерживать высокомерный волюнтаризм своих правителей. В советские времена все, что было за дверью частной квартиры, принадлежало государству; теперь, когда государство минимизировано, пространство между частными лицами и государством осталось с институциональной точки зрения почти пустым. По одну сторону — власть, по другую — относительно свободные индивиды, но между ними нет никаких механизмов формирования власти.

Наделить властью не индивидов, а общество — в этом и состоит смысл проекта «республиканизации», который мог бы помочь восполнить пробелы предшествовавшего периода. Возможно, этому проекту нелегко будет получить содействие извне, но в некоторых своих аспектах он может рассчитывать на активную поддержку. Для этого активным приверженцам демократии нужно обратить больше внимания на исторический опыт построения демократии в Европе — в тех моментах, которые важны для нашего анализа, он сильно отличается от англо-саксонского опыта.

Принятие формального конституционного устройства в Соединенных Штатах помогло развитию демократии благодаря тем благоприятным условиям, которые создавали для этого черты американского народа, — а отнюдь не наоборот¹⁰. Когда общество не достаточно сильно, трудно получить работающую модель демократии из одних лишь мер конституционного характера. Хотя, сравнивая два режима, существовавших в Грузии в течение прошлых лет — при Шеварднадзе и при Саакашвили, — можно предположить, что одни особенности конституционного устройства могут быть предпочтительнее других. Конституция 1995 года имела свои слабости, но у нее были и свои сильные стороны. Если бы в 2003 году Конституция была бы преобразована в парламентскую модель с пропорциональным представительством, как в континентальной Европе, режим, пришедший к власти, был бы лучше защищен от своего крайнего высокомерия и произвола. Политические элиты могут и не испытывать особой нужды в сотрудничестве, но сотрудничество может быть навязано им посредством надлежащих мер конституционного характера.

Конституционные меры, призванные ограничить власть авторитарных лидеров, часто оказываются неэффективны, потому что в распоряжении таких лидеров оказывается достаточно много рычагов для того, чтобы преодолеть ограничения. Подобные ограничения обычно связывают с такими механизмами, как разделение властей и полномочий по горизонтали и вертикали. Но это не единственный конституционный инструмент, направленный на ограничение тирании большинства. Консоциальная демократия (или, у некоторых других авторов, пропорциональность) — еще один инструмент, которому принадлежит не менее важная роль, особенно в формировании континентальных парламентских демократических систем. В такой демократии власть принадлежит не большинству, а «такому множеству людей, какое только возможно»¹¹. Вместо того чтобы *выводить* происхождение рациональной политической логики кооперативных игр с положительной суммой из политических условий, эти демократии сами наделяют такую логику формальными структурами в рамках политической системы. Грань между политической

¹⁰ См.: *Dahl R.* How Democratic is the American Constitution? New Haven — London: Yale University Press, 2002.

¹¹ См.: *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven — London: Yale University Press, 1999; *Powell B.* Elections as Instrument of Democracy. Majoritarian and Proportional Visions. Yale University Press, 2000.

сферой и гражданским обществом там не подчеркнута, а смазана, и в рамках такой системы политическое сотрудничество оказывается столь же важно, как конкуренция. Значимое место в ее ключевых установках занимает не равенство в отрицательных свободах, а равенство в положительных политических правах¹².

Усилия последнего времени по развитию демократии в Грузии, целиком сосредоточенные на проблемах качества выборов, снова оказались направлены на те же самые цели справедливой конкуренции за государственные посты. А между тем новая политика продвижения демократии должна была бы основываться на принципиально новых подходах и методологиях. Когда-нибудь в будущем нынешний режим уйдет и Грузия получит еще одну возможность принять решение о своей политической системе. В условиях резкой поляризации невозможно гарантировать, что верховенство права и разделение властей удастся институционализировать достаточно быстро — так, чтобы победившее большинство не попыталось бы еще раз воспользоваться своим преимуществом против проигравших. Необходимо сформировать институциональные и дискурсивные структуры, поощряющие более кооперативное рациональное политическое поведение на всех уровнях политической системы.

З а к л ю ч е н и е: дать обществу общество

Как показывает опыт Грузии, свобода не может выжить без солидарности и демократию невозможно продвинуть извне общества. Даже если по воле исторических обстоятельств свобода и демократия придут в общество, — удастся ли сохранить и развить их, будет полностью зависеть от силы защищающего их общества. В краткосрочной перспективе усиление общества может быть не слишком реалистичной задачей. В последние 20 лет преодоление наследия атомизации и аномии было одной из самых трудных проблем, которую обществу нужно было решить, чтобы стать действительно гражданским. Но этот процесс созидания общества идет полным ходом. Он пошел по-новому приблизительно два года назад, когда началась новая волна движения за демократию. Отсутствие поддержки и содействия извне не ослабило данный процесс, а только усилило. Сегодня, в отличие от предыдущей волны демократизации, те, кто предпочитают демократию и свободу, чувствуют, что не могут пожаловаться никакому внешнему «рефери». А в отсутствие такого внешнего «рефери» конкурентная игра с положительным результатом становится институционально невозможной. На сей раз гражданское общество развивается самостоятельно. Такое развитие может занять больше времени, но зато способно обеспечить более надежные результаты. Судьба свободы и демократии в Грузии по-прежнему не очевидна, но новая тенденция развития становится все более заметной.

¹² См.: *Habermas J.* Three Normative Models of Democracy. В кн.: *The Political* / Ed. by D. Ingram. Blackwell Publishers, 2002. P. 151—159.

Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ

Кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и политического управления
Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
(Баку, Азербайджан).

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Р е з ю м е

В статье рассматриваются ключевые приоритеты Азербайджана в этнополитической сфере национальной безопасности — «пограничном» поле отношений на пересечении

этнополитических процессов и проблем безопасности. Автор связывает указанные приоритеты с национальными задачами, стоящими перед страной в общем контексте ее модернизации.

В в е д е н и е

В предыдущих своих публикациях¹ мы уже обосновывали тезис о необходимости различать нагорно-карабахскую проблему и нагорно-карабахский конфликт.

- *Нагорно-карабахская проблема* изначально имеет геополитический характер и связана с планами по установлению устойчивого геостратегического контроля — сначала России, а впоследствии и других акторов мировой политики — над Большим Кавказско-Каспийским регионом, своеобразными «воротами» на Ближний и Средний Восток;
- *Армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт*, имея в своей основе этнополитическую матрицу, играл и продолжает играть роль спускового механизма в реализации прикладных аспектов глобальной геополитики и геоэкономики:
 - детонатора в процессе расчленения Советского Союза;
 - осевого ареала, способного ввергнуть практически все государства региона и примыкающие к нему страны в междоусобную войну. В плане историчес-

¹ См.: Аллахвердиев К. Нагорно-карабахский конфликт в контексте ретроспективной этногеополитики // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1(61). С. 71—85; Аллахвердиев К. Нагорно-карабахский конфликт в контексте «Новой большой игры» // Кавказ & Глобализация, 2009, Том 3, Выпуск 2—3. С. 28—42.

кой аналогии последнее точно отражено в аналитическом материале газеты «Дейли телеграф»: напоминая, что вопрос о статусе Шлезвиг-Гольштейна в свое время привел к трем войнам в Европе, газета утверждает: «Нагорный Карабах — это шлезвиг-гольштейнский вопрос наших дней»²;

- одной из ключевых зон современной геополитической борьбы за сферы влияния в контексте так называемой «Новой большой игры».

В своем большинстве современные научные исследования и аналитические разработки направлены на рассмотрение именно *нагорно-карабахского конфликта*. Безусловно, текущая актуальность этой темы как для региональной, так и для мировой политики очевидна. Это и находит отражение в многочисленных двусторонних и многосторонних обсуждениях, в деятельности посреднических миссий. Тем не менее, предлагаемые проекты в основном носят паллиативный характер, не обеспечивая полного, коренного решения конфликта, — именно потому, что рассматривают его в отрыве от всего комплекса факторов и угроз этнополитической безопасности, вне контекста стратегического курса национального развития страны.

Следовательно, здесь основной задачей азербайджанской политической науки и практики должна стать разработка такого комплекса мер по нейтрализации и противодействию угрозам и источникам опасности, который позволил бы создать в обществе и государстве климат межнационального согласия, устойчивой толерантности, все необходимые условия для свободного развития всех народов, проживающих в республике.

Таким образом, мы приходим к необходимости сформулировать научно обоснованные приоритеты стратегии обеспечения этнополитической безопасности Азербайджанской Республики. И совокупность этих приоритетов не может быть бессистемным набором неких внутренне не связанных друг с другом основополагающих ценностей и задач, какими бы правильными они ни казались. Проблема гораздо глубже: каждый приоритет государственной политики в отдельности и все они, вместе взятые, должны быть соотнесены со стратегическим направлением развития страны — курсом на ее модернизацию.

Концептуальное ядро модернизации Азербайджана заключается в формировании сильной экономической базы, призванной способствовать поэтапной трансформации массового сознания и национально-культурного пласта в русле демократических ценностей. Концепция модернизации предусматривает также превращение страны в активного субъекта международных отношений³.

Взгляд на проблему формирования стратегии этнополитической безопасности через призму курса на модернизацию позволяет выделить три большие группы ключевых приоритетов такой стратегии: геополитических, геоэкономических и этнокультурных.

Геополитические приоритеты

К геополитическим приоритетам стратегии этнополитической безопасности Азербайджанской Республики можно отнести:

- дипломатическое и военно-политическое решение проблемы возвращения оккупированных территорий;

² Daily Telegraph: «Нагорный Карабах — это шлезвиг-гольштейнский вопрос наших дней» [<http://www.1news.az/politics/20091123123248219.html>], 23 ноября 2009.

³ См.: Мехтиева Р. Определяя стратегию будущего: курс на модернизацию // Государственное управление: теория и практика, 2008, № 1 (21). С. 156 (на азерб. яз.).

- определение будущего статуса Нагорного Карабаха в рамках азербайджанской государственности, снятие эксклавноности Нахчывана;
- недопущение размещения на своей территории иностранных военных баз и войск, ограничение текущими политическими трендами сотрудничества с существующими военно-политическими блоками: НАТО и ОДКБ, наращивание своего военного потенциала в сочетании с усилиями по демилитаризации регионов Кавказа и Каспия;
- решение вопроса о статусе Каспийского моря, его демилитаризации и превращении в зону, свободную от ядерного оружия;
- принципиальный отказ от различных вариантов геополитических обменов «Карабах на Каспий», «Карабах на Южный Азербайджан», «Карабах на грузинские территории» и т.д.;
- последовательная демократизация всей общественной жизни страны, в том числе в этнополитической сфере;
- активная политика по повышению статуса компактно проживающих групп населения в государствах региона в сочетании с мерами доверия, свидетельствующими о недопустимости ревизии суверенитета и территориальной целостности государств;
- инициативы по созданию жизнеспособной системы региональной безопасности и сотрудничества типа Организации по безопасности и сотрудничеству на Кавказе, которая в долгосрочной перспективе при благоприятных политических и экономических условиях могла бы трансформироваться в новое интеграционное объединение — Кавказский союз.

В целом перечисленные геополитические приоритеты укладываются в сформулированную президентом И. Алиевым внешнеполитическую стратегию государства: «Основные цели внешней политики — укрепление международных позиций страны и максимальная защита национальных интересов Азербайджана»⁴. Обе эти задачи самым жестким образом переплелись в нагорно-карабахской проблематике. В ее понимании крайне важным стало принципиальное заявление главы азербайджанского государства: «Территориальная целостность Азербайджана никогда не была и не будет темой переговоров. Территориальная целостность Азербайджана должна быть восстановлена. Оккупационные силы должны быть выведены со всех захваченных земель, куда должны быть возвращены граждане Азербайджана. Должны быть открыты все коммуникации. Живущие в Нагорном Карабахе армяне и азербайджанцы, которые обязательно вернутся в Нагорный Карабах, должны жить в условиях высокого статуса автономии. В чем будет состоять этот статус, покажет будущее, будущее, которое и завтра, и через сто лет может быть, а может и нет»⁵.

Мы полагаем, что предоставление в перспективе Нагорному Карабаху статуса широкой автономии не может быть изолированным актом, а должно быть встроено в комплекс мер и средств противодействия угрозам этнополитической безопасности страны. Важнейшим среди них выступает вопрос о снятии эксклавного положения Нахчыванской Автономной Республики. Как и в каких формах, в каком правовом формате и территориальных контурах это может произойти — вопрос сегодня совершенно неясный. Ясно лишь одно: в будущем вопросы создания «коридоров», с одной стороны, между Армени-

⁴ [<http://www.day.az/news/politics/200494.html>], 20 марта 2010.

⁵ [<http://www.day.az/news/politics/200494.html>], 20 марта 2010.

ей и Нагорным Карабахом, с другой — Азербайджаном и Нахчываном должны решаться параллельно в общем политико-правовом поле.

И еще одно соображение, о котором порой забывают отечественные эксперты в своих эмоциональных оценках сложившейся вокруг конфликта ситуации. По мнению Майкла Гюнтера, профессора политологии в Технологическом университете Теннесси (США): «Учитывая географическое положение Армении, время сейчас работает на Азербайджан... Азербайджану стоит не «отворачиваться» от Минского процесса, но не стоит игнорировать и другие возможности. Такие проблемы, как карабахская, иногда просто решаются временем и меняющейся международной ситуацией»⁶.

Что же касается проблемы форматирования интеграционных объединений в регионе, то следует особо подчеркнуть, что в этом вопросе нельзя забегать вперед. Вспомним завышенные ожидания экспертного сообщества по поводу перспектив ГУАМ, наглядно отразившиеся в материалах специального выпуска ЦАиК «ГУАМ: от тактического альянса к стратегическому партнерству»⁷ и в работе международной конференции «Принципиальные основы урегулирования конфликтов на территории стран ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова)» (Баку, 15—16 апреля 2008 г.) буквально за несколько месяцев до августовских событий 2008 года.

Геоэкономические приоритеты

К геоэкономическим приоритетам стратегии этнополитической безопасности Азербайджанской Республики можно отнести следующие:

- тщательный учет этнополитических аспектов национальной безопасности в региональных экономических проектах и в участии страны в обеспечении международной энергетической безопасности;
- эффективную экономическую реинтеграцию освобожденных азербайджанских территорий как фактор создания экономической заинтересованности у армянского населения Нагорного Карабаха;
- привлекательную модель азербайджанской экономики, улучшение рейтинговых показателей Азербайджана (экономической свободы, деловой среды, инновационности, и т.д.);
- экономическую реинтеграцию Нагорного Карабаха;
- активное участие азербайджанского капитала в экономических проектах в государствах региона;
- инициативы по экономическому обеспечению стратегии «нового регионализма» — создание Единого экономического пространства (ЕЭП) Кавказского региона: Таможенный союз, Единая энергетическая система, тарифная и банковская политика и др.

Среди указанных приоритетов наиболее важными нам представляются две группы: вопросы, связанные с реинтеграцией оккупированных территорий после восстановления территориальной целостности страны и проблемы переформатирования регионального сотрудничества на Кавказе.

⁶ [<http://www.day.az/news/politics/199015.html>], 13 марта 2010.

⁷ ГУАМ: от тактического альянса к стратегическому партнерству. Специальный выпуск журнала «Центральная Азия и Кавказ», 2008, № 3—4.

По первой группе вопросов в настоящее время проводится большая работа: идет подготовка к решению многоплановых проблем, которые неизбежно возникнут после освобождения оккупированных территорий (разминирование территорий, транспортная и социально-бытовая инфраструктура и др.).

Что касается второй группы, сегодня в научных и политических интерпретациях регионального сотрудничества на Кавказе преобладают историко-географические представления, основанные на сходстве естественно-природных условий, наличии общих элементов истории, культуры и т.д. Однако с развертыванием глобалистских проектов переустройства мира, исторически совпавшим с разрушением старых хозяйственно-культурных типов развития кавказских государств, возникает потребность в формировании новых экономико-географических комплексов. А они по самой своей природе отторгают локально-территориальный тип функционирования экономики, и связи между такими комплексами очень сложны и не всегда определены. Но самое главное, эти комплексы (например, энергетические или транспортные) все больше выступают базисом экономики эры глобализации.

Согласно старой марксистской схеме «базис — надстройка» следствием нарастания экстерриториальности в экономике постсоветских стран будет распространение транстерриториальных форм власти. Естественно, эти новые формы самоstructuring политический и экономических процессов будут неизбежно вращаться вокруг некоего «регионообразующего ядра», которым, по общему признанию аналитиков, может выступать Азербайджанская Республика. Таким образом, сама логика глобализационных процессов накладывает на Азербайджан как бесспорного регионального лидера поистине историческую миссию по выдвиганию и реализации собственных интеграционистских проектов, сколь бы амбициозными они ни казались.

Этнокультурные приоритеты

К **этнокультурным приоритетам** стратегии этнополитической безопасности Азербайджанской Республики можно отнести:

- цивилизационную миссию;
- национальную идеологию/национальную идею;
- этносоциокультурную идентичность;
- этнополитическую и этноконфессиональную стабильность;
- гражданскую нацию;
- этносоциокультурную реинтеграцию армянского населения Нагорного Карабаха;
- гуманитарное содействие азербайджанским этническим ареалам в государствах региона на принципах: невмешательства во внутренние дела, деполитизации, транспарентности, открытости декларируемых целей в контексте стратегии «нового регионализма».

Важнейшей опорой идеологического концепта курса на модернизацию страны явилось формулирование цивилизационной миссии Азербайджана. В этом контексте в рамках перечисленного выше следует подчеркнуть особую значимость трех взаимосвязанных приоритетов: цивилизационной миссии, национальной идеологии, проблем идентичности.

1. *Цивилизационная миссия.* Азербайджан, который, по общему признанию, сегодня является лидером во всем Кавказском регионе, самой логикой глобализационного развития уже включился в соревнование по цивилизационной привлекательности. Эта цивилизационная миссия проявляет себя двояко.
 - В виде объективной тенденции, когда Азербайджан выполняет стабилизирующую роль в регионе, без чего становится невозможным развитие и стабильность других национальных секторов экономики региона.
 - В виде одной из целей модернизации страны, направленной на укрепление ее международного статуса и интеграционной сплоченности региона. Сегодня по многим показателям процесс бесконечной фрагментации национальных государств уже исчерпал себя. Она замещается «новой волной» создания крупных жизнеспособных макрорегиональных объединений в различных концах мира. В этом плане перед Азербайджаном также стоит задача создания эффективных механизмов управления этой глобальной тенденцией к макрорегионализму.
2. *Национальная идеология.* Говоря о роли национальной идеи в жизни общества, Н.Н. Моисеев подчеркивал: «Без представления о национальных идеях, без определенного видения перспектив любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру — невозможно. Общество, народ становятся беззащитными»⁸. Развернутую характеристику особенностям азербайджанской национальной идеологии дает Р. Мехтиева: «Важной составляющей формирования в Азербайджане новой политической культуры будет служить национальная идея как основной элемент модернизации азербайджанского социума... Философия азербайджанства (вмещающая в себе одновременно и идею, и идеологию), как неизменная концепция перспективного развития нации и государства, является отождествлением социально-политической и экономической модернизации Азербайджана. Будучи культурно-историческим пластом национального развития, она определяет основные пути и направления стратегического развития, отражается в незыблемости национального языка, в приоритетной роли национальной культуры и в значимости национальных ценностей. Все это олицетворяет комплекс национальной идеологической модели, которая сформирована с пониманием меняющейся роли страны в региональных и глобальных условиях характера»⁹.

Тем не менее надо признать, что в азербайджанском обществе до сих пор нет консолидированной точки зрения по этому вопросу. «Исходя из сегодняшних реалий, — считает проф. Рауф Гусейнов, — следует констатировать, что в АР пока не выработана, да и не может быть выработана, системообразующая база национальной идеи-идеологии-политики»¹⁰. Имеющиеся альтернативные мнения показательно выражены политологом Ровшаном Гусейновым следующим образом: «У нас нет самого главного — общенациональной идеи, которая поставлена на вооружение государства и в виде четкой программы претворяется по всей стране. Я думаю, что борьба за возвращение оккупированных азербайджанских земель должна стать самым сильным объединяющим стимулом для нашего народа»¹¹.

⁸ Моисеев Н.Н. Россия на перепутье // Социально-гуманитарные знания, 1999, № 4. С. 173—174.

⁹ Мехтиева Р. Повестка дня остается неизменной: курс на модернизацию // Государственное управление: теория и практика, 2008, № 2 (22). С. 141.

¹⁰ Гусейнов Р. Сецессионные движения в Азербайджане [<http://ethnoglobus.com/index.php?l=ru&m=news&id=224>], 29 января 2010.

¹¹ Гусейнов Р. Азербайджану необходима общенациональная идея [<http://www.nedelya.az/articlen.php?catno=0100014#1>], 17 октября 2008.

Нам представляется, что национальная идеология, как синтез логически связанных друг с другом национально-этнических идей, фиксирует осознание нацией (этносом) своей социально-этнической общности как единого организма, взятое в совокупности ее рационально-ценностных и эмоционально-чувственных характеристик. Национальная идеология, будучи результатом систематизации и обобщения политической элитой национальных интересов, выступает фундаментом для самоопределения людей в социально-политической и духовной жизни. В этом контексте, несмотря на то что в содержании национальной идеологии сохраняется ее генетическая основа, то есть базовые идеи, постулаты и ценности, возможны несколько векторов трансформации:

- абсолютизация этнического компонента в национальной идеологии либо в форме национализма, либо в форме так называемого макронационализма. Их позитивные и негативные стороны прекрасно освещены в классических работах Луиса Снайдера «Global Micro-Nationalisms: Autonomy or Independence»¹² и «Macro-Nationalisms. A History of the Pan-Movements»¹³.
- превалирование социально-политического компонента в национальной идеологии, когда отдельные национально-этнические идеи интегрируются в рамках политической идеологии единой государственности, то есть национальная идеология трансформируется в идеологию государственную, в своего рода инструмент реализации интересов всего полиэтничного народа.

По нашему мнению, в странах постсоветского пространства этнонациональные идеологии как продолжение инструментальной (мобилизационной) и мотивационной функций этничности уже исчерпали себя. На настоящем этапе развития именно национально-государственная идеология выступает средством реализации национального идеала, определенным инструментом достижения экономических и политических целей, критерием их оценки с точки зрения соответствия или несоответствия этносоциальным интересам. Разумеется, речь идет об умеющем формулировать долгосрочные цели эффективном государстве, которое, говоря образным языком древнеримского философа Сенеки, можно сравнить с кораблем: «Кто не знает, в какую гавань плывет, для того нет попутного ветра».

3. *Проблемы идентичности.* Начиная с момента обретения национальной независимости в азербайджанском обществе продолжаются дискуссии (научные и не очень) в попытках дать ответ на вопрос: кто мы? Вся палитра мнений сводится, по сути, к аргументации двух тезисов:

- мы — турки, и «национальную идею Азербайджана невозможно сформировать, не вернув государствообразующей нации ее истинное и законное самоназвание: «turk»¹⁴.
- мы — азербайджанцы, и «в условиях глобальных трансформаций важное место отводится сохранению национального «Я», традиций, языка, истории, социокультурного фона азербайджанского народа... Нация, не осознающая значимости собственной истории и культуры, не готова идти путем развития»¹⁵.

¹² Snyder L. Global Micro-Nationalisms: Autonomy or Independence. Westport, Connecticut — London, England: Greenwood Press, 1982.

¹³ См.: Snyder L. Macro-Nationalisms. A History of the Pan-Movements. Westport, Connecticut — London, England: Greenwood Press, 1984.

¹⁴ См.: Алекперли Ф. Национальная идеология Азербайджана // Зеркало, 8 августа 2009.

¹⁵ Мехтиев Р. Повестка дня остается неизменной: курс на модернизацию. С. 133.

Дискуссии на данную тему нам представляются малопродуктивными как в научном, так и в прикладном отношении. В конце концов, обе наиболее распространенные модели этносоциокультурной идентичности — этноцентрическая (некритическое предпочтение какой-либо этнической группы и самоидентификация индивида с ней) и этнодоминирующая (тип идентичности, при которой этничность становится лишь самым предпочтительным из ряда возможных критериев самоидентификации) — не имеют абсолютно никаких преимуществ друг перед другом в плане модернизации, обновления социумов.

Важнее сосредоточиться на поиске таких параметров, такого инновационного содержания национального развития, которые позволили бы, с одной стороны, избежать социальной и культурной деградации, маргинализации населения, а с другой — органично вписаться в глобальный мир и найти в нем свое место. Важнейшим условием такого вектора самоидентификации народа выступает наличие у него традиции этнокультурной и религиозной толерантности. Именно поэтому становление независимой азербайджанской государственности оказалось тесно связано с целенаправленным использованием традиций толерантности. По меткому замечанию главы «Центра Симона Визенталя» Абрахама Купера, «...о толерантности декларируют многие страны, это очень удобная политическая фишка, но не всем удается реально добиться ее. В этом смысле ваша страна — исключение, здесь о толерантности говорят не столь часто, она просто присуща вашим людям как национальная черта... Толерантность в Азербайджане — категория неиссякаемая»¹⁶.

Врожденность этноконфессиональной толерантности у народов нашей республики в своих выступлениях неоднократно подчеркивал и президент Ильхам Алиев: «В Азербайджане никогда не было и, уверен, не будет никаких конфликтов и противостояний на национальной и религиозной почве. В Азербайджане все народы, представители всех религий живут как одна семья. Они активно трудятся во имя развития Азербайджана и, как достойные граждане страны, вносят вклад во всестороннее развитие нашей страны... Азербайджан в то же время стал центром межрелигиозного и межкультурного диалога»¹⁷.

Ключевые тенденции

Подведем некоторые итоги. Рассмотренный комплекс приоритетов этнополитической безопасности Азербайджана позволяет также выделить некоторые ключевые тенденции в ее развитии в контексте глобальных и региональных статусных изменений.

- Во-первых, перманентное увеличение геополитической и геостратегической составляющей в этнополитической безопасности Азербайджанской Республики. Наиболее злободневные темы — нагорно-карабахский конфликт, нормализация армяно-турецких отношений, статус Каспийского моря, переплетение военной и нефтегазовой дипломатии, «Набукко» и проекты системы региональной безопасности на Кавказе — все это оказывается завязанным в тугую узел этнополитической комплементарности и геостратегического прагматизма.
- Во-вторых, после грузино-российской войны 2008 года стало ясно, что этнополитические конфликты на постсоветском пространстве и, в частности, на Кавказе все более явственно трансформируются из внутренних (конфликт по вертикали «Центр — сепаратистский регион») во внешние (конфликты по горизонтали

¹⁶ Баку — один из немногих городов, где я свободно могу ходить в кипе // Неделя, 22 августа 2008.

¹⁷ [<http://www.1news.az/politics/20091107125524031.html>], 7 ноября 2009.

«государство — государство»). В контексте геоструктуры Кавказского региона это может означать релятивизм сложившегося здесь политико-государственного устройства: границы — переменная величина, население — постоянная. И хотя основные международные акторы «клянутся» в обратном, говоря о невозможности применения косовского прецедента к конфликтам в регионе, программный тезис Зб. Бжезинского о «балканизации Кавказа» пока никто не опроверг. У азербайджанских властей и общественности имеются вполне обоснованные опасения по поводу планов изменения существующих границ, но их авторы должны помнить, что могут быть и другие альтернативы, касающиеся той же Армении, Грузии, Ирана, Турции и даже России.

- В-третьих, многие аналитики отмечают сегодня ослабление «волны» этничности и зарождение новой «волны» — этноконфессиональности. Для Азербайджана это означает усиление значимости ценностно-нормативных, идеологических аспектов этнополитической безопасности через реализацию стратегического курса на экономическую, политическую и технологическую модернизацию страны, позволяющую создать привлекательную по своей успешности социально-этническую модель полиэтничного социума.
- В-четвертых, реализация «Новой большой игры», «Большого Ближнего Востока», «Кавказской шахматной доски» и прочих геополитических проектов диктует необходимость перехода к комбинаторности стратегии как национальной безопасности Азербайджанской Республики в целом, так и этнополитической безопасности в частности.
- В-пятых, складывающиеся геополитические реалии в регионе позволяют придать стратегии этнополитической безопасности Азербайджана наступательный характер. Почти 20-летняя история нагорно-карабахского конфликта показывает, что имеются определенные несовпадения в его национальном и западном восприятии. Формула «нефть в обмен на территории» для западного менталитета означает определенную сделку типа «товар на товар» и, следовательно, не может решить стратегических задач. Укрепление суверенитета Азербайджана, его политической, экономической и военной мощи позволяет сегодня конвертировать старую формулу в новую: «энергетическая безопасность Запада в обмен на этнополитическую безопасность Азербайджана», то есть в систему координат качественно другой шкалы — «ценность на ценность».

З а к л ю ч е н и е

Таким образом, анализ приоритетов этнополитической безопасности Азербайджанской Республики показывает, что их матричной основой выступает не только характер и конфигурация главных угроз, но и комплексный подход к стратегическому курсу национального развития. Такой формат национально-государственного строительства и системы безопасности зиждется не на связке «внешний вызов — внутренний ответ», а на основе политики исторической ответственности за выработку и реализацию действительных национальных интересов страны и создания наилучших возможностей получения максимальной общей выгоды для стабильности устойчивого развития всего Кавказского региона. Этим, как мы полагаем, структура этнополитической безопасности Азербайджанской Республики коренным образом отличается от диссипативного характера аналогичных систем соседних государств — их удержание в нынешнем состоянии происходит не за счет внутренней силы, примордиалистской этноконфессиональности, а за счет опоры

центральных властей этих стран на деструктивные принципы: клерикал-радикализм — в Иране, этнократизм — в Грузии, национал-шовинизм — в Армении.

В первое десятилетие XXI века Азербайджан, выступающий уже в качестве своеобразного «региона-государства» (*region state*), по выражению К. Омаэ¹⁸, как локомотив глобализационного прогресса, тянет за собой и другие внутринациональные территории Кавказского региона. А это требует от руководства страны продуманного комплексного стратегического курса.

¹⁸ См.: *Ohmae K. The Next Global Stage: Challenges and Opportunities in Our Borderless World.* Wharton School Publishing, 2005.

ГЕОЭКОНОМИКА**Автандил СИЛАГАДЗЕ**

*Доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии наук Грузии
(Тбилиси, Грузия).*

**СОВРЕМЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ И
МОНЕТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ГРУЗИИ****Р е з ю м е**

В статье исследуются некоторые современные тенденции в области государственных финансов и монетарной политики, а также в банковской сфере Грузии с учетом влияния мирового финансового кризиса и войны

с Россией (август 2008 г.). Несмотря на все трудности, стране удалось сохранить положительные темпы роста ВВП, поддерживать стабильность национальной валюты и жизнеспособность финансовой системы.

В в е д е н и е

В начале 1990-х годов Грузия восстановила независимость, но процесс государственного строительства проходил сложно и противоречиво. Наряду с успехами были и отрицательные результаты — угроза нарушения территориальной целостности, сокращение масштабов производства, снижение уровня жизни населения... Страна оказалась перед неизбежностью экономических реформ, в том числе в финансовой и банковской сферах. Была осуществлена быстрая либерализация экономики, которой сопутствовали социальная дифференциация общества, коррупция, дефицит конкурентного рынка, экономическая нестабильность, рост внешних долгов, а также острые финансовые и монетарные противоречия. Именно это и является основным предметом предлагаемого

исследования. Анализу названных проблем посвящено много интересных трудов¹. Кроме них в данной работе использованы материалы Департамента статистики, Национального банка, Министерства финансов Грузии, а также бюджетного офиса парламента страны.

Общэкономическая ситуация в стране

Последние два года были тяжелыми для Грузии: война с Россией в августе 2008 года и мировой экономической кризис негативно повлияли на экономику страны. Однако отрицательные тенденции в экономике начали проявляться еще до войны и даже до того, как мировой кризис принял широкие масштабы. В первой половине 2008 года был зафиксирован высокий показатель инфляции, который во второй половине года снизился, чему способствовало падение цен на товары на мировом рынке. В первой половине года в стране действовал плавающий курс национальной валюты. Сократились и прямые зарубежные инвестиции. Для сохранения финансовой стабильности Национальный банк Грузии попытался временно зафиксировать обменный курс лари по отношению к доллару; в ноябре была осуществлена единовременная девальвация лари (его курс по отношению к доллару снизился на 16%). В дальнейшем равновесие между спросом и предложением на валютном рынке восстановилось. Девальвация лари снизила отрицательное влияние происходящих в экономике процессов на валютные резервы страны.

Рост ВВП в 2008 году составил 2,1% (см. табл. 1).

На темпы роста ВВП существенно повлияло положение дел в таких секторах, как торговля, строительство, транспорт и государственное управление. Сократилась доля в ВВП промышленности и сельского хозяйства. Доля торговли, связи, государственного управления и образования, напротив, выросла (см. табл. 2).

На объемы экспорта отрицательно повлияло существенное снижение цен на металлы на мировом рынке. Положительно отразились на состоянии экономики Грузии меры бюджетной политики, улучшение налогового и таможенного администрирования. В частности, в 2008 году доходы государственного бюджета оказались выше запланированных, но вырос внешний долг страны. Рост валютных резервов был достигнут за счет средств от приватизации, получения очередного транша кредита МВФ, бюджетного гранта, предоставленного США, финансовой помощи стран Евросоюза и др.

На фоне войны с Россией отмечался отток вкладов из коммерческих банков. Часть изъятых вкладов уже вернулась в банковский сектор. Рост вкладов почти полностью приходился на вклады в национальной валюте. Осуществилась либерализация монетарной политики. Сократились процентные ставки, коммерческим банкам было разрешено дос-

¹ См.: *Асатиани Р.* Экономика Грузии: прошлое, настоящее, перспектива. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.); *Басилия Т., Силагадзе А., Чикваидзе Т.* Постсоциалистическая трансформация: экономика Грузии на пороге XXI века. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.); *Какулия М.* Проблемы развития валютной системы в Грузии. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.); *Малаишхия Г.* Экономический вектор страны // Труды Академии экономических наук Грузии. Тбилиси, 2008, № 6 (на груз. яз.); *Месхия И.* Современные угрозы и новые вызовы экономики Грузии // Труды Академии экономических наук Грузии, Тбилиси, 2009, № 7 (на груз. яз.); *Читанова Н.* Социально-экономические проблемы переходного периода (экономическая глобализация и экономическая безопасность). Ч. 1—3. Тбилиси, 1997—2001 (на груз. яз.); *Папавя В., Какулия М.* Кризис 2008 года в Грузии: предпосылки, реальность, перспектива. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.); *Папавя В., Беридзе Т.* Очерки политической экономики посткоммунистического капитализма. М., 2005; *Papava V.* Necroeconomics. The Political Economy of Post-Communist Capitalism (Lessons from Georgia). N.-Y., 2005; *Papava V., Chocheli V.* Financial Globalization and Post-Communist Georgia. N.-Y., 2003; *Nachhaltige Finanz- und Sozialpolitik in Georgien / Hrsg. Н. Petersen, S. Gelaschwili.* Potsdam: Universitätsverlag, 2008; *Silagadse A., Tokmazishvili M.* Challenges of the Post-Communist Financial-Currency Policy. N.-Y., 2009.

Таблица 1

**Динамика валового внутреннего продукта (ВВП)
(2000—2009 гг.)**

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	
						I кв.	II кв.
Номинальный ВВП* (млн лари)	6 043,1	11 620,9	13 789,9	16 993,8	19 069,6	3 845,8	4 271,1
ВВП на душу населения (лари)	1 362,5	2 689,1	3 133,1	3 866,9	4 351,7	876,9	974,0
Выпуск промышленной продукции (млн лари)	1 793,4	3 242,9	3 852,7	4 521,0	4 993,6	—	—
Выпуск сельскохозяйственной продукции (млн лари)	1 857,2	2 595,4	2 341,7	2 390,2	2 623,2	—	—
Реальный темп роста ВВП (%)	101,8	109,6	109,4	112,3	102,1	94,1	89,3
* За базу индекса потребительских цен принимается декабрь каждого предшествующего года.							
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии; Министерство финансов Грузии; Национальный банк Грузии (НБГ).							

Таблица 2

**Структура ВВП
(в соответствии с добавленной стоимостью), %**

	2006	2007	2008
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство и рыболовство	11,2	9,2	8,9
Промышленность	12,4	11,5	11,1
Переработка продуктов домохозяйствами	2,5	2,7	2,4
Строительство	6,9	6,7	5,3
Торговля	13,6	12,8	13,9
Гостиницы и рестораны	2,3	2,1	2,1

Таблица 2 (продолжение)

	2006	2007	2008
Транспорт	8,0	7,2	6,6
Связь и почта	3,6	3,1	3,4
Финансовая деятельность	2,1	2,2	2,1
Операции с недвижимостью, исследования, коммерческая деятельность	3,3	3,4	3,4
Государственное управление	8,5	12,8	14,9
Образование	3,7	3,2	3,5
Охрана здоровья и социальное обслуживание	4,3	4,1	4,1
Другие области	5,0	5,0	4,8
Чистые непрямые налоги	12,6	14,0	13,4
<i>Источники:</i> Министерство финансов Грузии.			

рочно выкупать имеющиеся у них в залоге ценные бумаги (деPOSITные сертификаты). Были задействованы специальные инструменты заимствования.

Государственные финансы

Как уже отмечалось, росту и мобилизации бюджетных доходов способствовала бюджетная политика, улучшение налогового и таможенного администрирования. В последние годы заметно возросли доходы и расходы бюджета. В 2008 году и первые 6 месяцев 2009 года поступления от налогов составили соответственно 74,4% и 79,2% всей суммы бюджетных доходов и грантов (см. табл. 3).

Таблица 3

Доходы государственного бюджета и бюджетные гранты (2003—2009 гг.), млн лари

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009 (январь — июнь)
Доходы и гранты	933,1	1 773,7	2 607,9	3 773,2	5 158,6	6 101,3	2 556,9
Всего доходов	884,6	1 649,0	2 503,4	3 579,2	4 935,1	5 517,7	2 219,6
В том числе:							
Налоговые доходы	806,6	1 322,1	1 836,1	2 633,1	3 732,6	4 541,6	2 024,0

Таблица 3 (продолжение)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009 (январь — июнь)
Соотношение между налогами и общими бюджетными доходами и грантами	86,5	74,5	70,4	62,8	72,4	74,4	79,2
Подоходный налог	20,0	16,4	-0,005	-0,007	—	1 296,3	491,7
Налоги на прибыль	11,8	11,3	-0,0002	324,9	533,1	592,1	283,1
Налог на добавленную стоимость (НДС)	368,5	598,7	987,4	1 332,7	1 973,7	2 069,0	1 000,1
Акцизы	89,2	161,9	286,4	335,6	428,6	518,5	207,4
Таможенные сборы	56,1	88,0	123,4	132,4	52,0	51,9	17,6
Неналоговые доходы	78,1	259,9	280,4	482,5	753,4	—	—
Гранты	48,4	124,7	104,5	194,0	223,5	617,2	85,0
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии. Квартальный бюллетень I, Тбилиси, 2009. С. 65 (на груз. яз.); НБГ; Министерство финансов Грузии, а также собственные расчеты автора.							

В 2008 году доходы государственного бюджета (включая гранты) составили 5,5 млрд лари. В первой половине 2009 года доходы государственного бюджета составили 2 556,9 млн лари, а расходы — 3 146,4 млн лари (см. табл. 4).

Таблица 4

**Расходы государственного бюджета и чистое кредитование
(2003—2009 гг.), млн лари**

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009 I полов.
Расходы и чистое кредитование	1 207,1	1 930,2	2 618,6	3 821,4	5 237,1	5 517,7	3 146,4
В том числе:							
Государственные услуги общего назначения	272,9	301,7	264,0	397,3	762,0	1 389,8	652,1

Таблица 4 (продолжение)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009 I полов.
Оборона	60,4	158,7	389,3	720,1	1 500,3	1 548,4	402,8
Общественный порядок и безопасность	107,6	237,4	267,6	369,0	684,5	983,5	432,4
Образование	41,0	65,3	77,7	348,4	384,0	420,5	198,4
Здравоохранение	10,3	54,8	165,3	205,5	240,7	283,9	147,6
Социальная защита и социальное обеспечение	287,8	456,8	529,1	622,7	777,6	1 106,4	601,2
Культура, спорт	25,0	39,2	41,7	71,9	94,2	—	60,6
Топливо-энергетический комплекс	36,9	78,4	230,3	241,7	—	93,1	—
Сельское и лесное хозяйство, рыбоводство и охота	14,7	29,2	48,4	71,3	—	78,5	45,0
Транспорт и связь	47,9	67,4	125,9	181,2	—	—	—
Другие расходы	302,7	441,2	479,3	592,2	793,9	—	—
<i>Источники:</i> Министерство финансов и Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии.							

В структуре налоговых поступлений доля косвенных налогов превысила долю прямых (налогов на доходы и на прибыль), хотя последние растут быстрее, чем косвенные налоги. Следовательно, налоговый груз пока остается тяжелее для потребителей, чем для производителей.

Рост доходов бюджета обусловил и рост его расходов до 5,6 млрд лари. Доля бюджетных расходов в ВВП в 2008 году в реальном исчислении превышала 1/3. Это значит, что государственные расходы существенно влияли на формирование платежеспособного спроса и рост цен. В расходной части бюджета значительно увеличились расходы на оборону (в 2007-м они составляли 7,5% ВВП).

Фактический дефицит государственного бюджета составил 358,0 млн лари (в 2008 г.), что было предопределено незначительным ростом доходов при заметном росте, по сравнению с запланированным уровнем, бюджетных расходов. Одним из источников покрытия дефицита бюджета стали суммы, полученные от приватизации государственного имущества. Без учета этих сумм, по данным НБГ, в 2008 году дефицит бюджета достиг 927 млн лари (см. табл. 5), что составляет примерно 5% по отношению к ВВП.

В прошлом году депозиты правительства выросли до 433,0 млн лари. За тот же период из внешних источников, в частности от льготных кредитов, было получено 350,0 млн лари. В то же время кредиты, взятые государством или под государственные гарантии, к

Таблица 5

**Дефицит государственного бюджета Грузии
(2002—2008 гг.)**

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Дефицит	265,4	274,0	206,0	10,7	277,1	365,5	358,0
По отношению к ВВП, %	3,6	2,0	2,1	0,1	2,0	2,3	2,9
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития и бюджетный офис при парламенте Грузии.							

концу года составили примерно 3,7 млрд лари (выросли на 1,3 млрд лари). В целом внешний долг достиг величины в 21,5% от ВВП (в 2007 году — 17,5%); выросла задолженность перед МВФ, Всемирным банком и Азиатским банком развития (см. табл. 6). Величина внешнего долга не достигла критической точки, однако правительство должно осторожнее относиться к обеспечению целевого и эффективного использования этих средств, поскольку кредиты должны быть возвращены благодаря эффективному функционированию экономики. Понятно желание направить средства в проекты развития инфраструктуры, однако сегодня значительную их часть лучше использовать в производственном секторе (промышленность, сельское хозяйство).

Мировой финансовый кризис и война с Россией отрицательно сказались и на внешней торговле Грузии. В целом в 2008 году экспорт товаров составил 1,5 млрд долл. (на 17,6% больше, чем в предыдущем году); а импорт — 6,3 млрд долл. (больше показателей предыдущего года на 17,3%). Отрицательное сальдо внешней торговли составило 4 808,5 млн долл., что выражается примерно в 47% от ВВП (см. табл. 7). Это критический

Таблица 6

**Государственный долг
(2003—2008 гг. и I и II кв. 2009 г.),
млн лари**

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
							I кв.	II кв.
Государственный долг	4 608,0	4 306,6	4 076,1	3 855,4	3 919,6	5 153,6	5 090,5	5 211
В том числе:								
Внутренний долг	1 567,9	1 575,8	1 535,3	1 510,9	1 489,9	1 458,9	1 450,6	1 450
Внешний долг	3 040,1	2 730,8	2 540,8	2 344,5	2 429,7	3 694,7	3 639,9	376
Доля внешнего долга в ВВП, %	—	—	25,7	20,7	17,5	21,5	—	—
<i>Источники:</i> Министерство финансов и Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии.								

показатель, вызывающий сокращение занятости и значительный отток средств и рабочей силы. Параллельно с либерализацией экономики, в том числе таможенных тарифов, следует обращать больше внимания на развитие конкурентоспособной национальной экономики.

Таблица 7

**Показатели экспорта и импорта Грузии
(2004—2009 гг.), млн долл.**

	2004	2005	2006	2007	2008	2009 (январь — август)
Торговый оборот Грузии	2 492,5	3 355,4	4 613,9	6 447,3	7 800,6	3 483,2
Экспорт	646,9	865,5	936,2	1 232,4	1 496,1	729,6
Рост (%)	—	25,3	7,5	24,0	17,6	—
Импорт	1 845,6	2 490,0	3 677,7	5 214,9	6 304,6	2 753,6
Рост (%)	—	25,9	32,3	29,5	17,3	—
Баланс внешней торговли	-1 198,7	-1 624,5	-2 741,5	-3 982,5	-4 808,5	-2 024,1
Рост (%)	—	26,2	40,8	30,1	17,2	—
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии и собственные расчеты автора.						

На снижение импорта значительно повлияло падение мировых цен на нефтепродукты, хотя тенденция снижения цен больше сказалась на экспортных товарах (черные и цветные металлы) и, соответственно, объеме экспорта. По данным Департамента статистики Министерства экономического развития Грузии, в 2008 году среди импортируемых в страну товаров ведущие позиции занимали энергоносители (16%) и легковые автомобили (7,6%), а среди экспортируемых — ферросплавы (17,8%), черные металлы в виде лома (8,6%), медные сплавы и концентраты (7,9%), азотные удобрения (7,0%), необработанное золото (6,7%). Крупнейшими торговыми партнерами Грузии являются такие страны, как Турция, Азербайджан, Канада (рынки экспорта) и Турция, Украина, Азербайджан, Россия, США, Германия (источники импорта).

Денежные переводы в страну по-прежнему остаются одним из важных факторов конъюнктуры потребительского рынка. Дело в том, что существенная часть граждан Грузии трудоустроена за рубежом и от перечисляемых ими средств в значительной степени зависит и социальное положение их семей, и рост общего платежеспособного спроса в стране. В 2008 году объем денежных перечислений по сравнению с предыдущим годом вырос на 16%.

Кроме того, страна сильно зависит от иностранных инвестиций и средств, получаемых от международных финансовых организаций и отдельных стран. Так, в 2008 году на поддержку платежного баланса было получено от МВФ 256,8 млн долл. Прямые иностранные

ранние инвестиции в Грузию в первой половине 2008 года составили 847,1 млн долл., а во второй половине года — до 338,3 млн долл. Общий объем прямых иностранных инвестиций в течение года составил 1 185,4 млн долл., что на 32% ниже аналогичных показателей за предыдущий год (см. табл. 8).

Приток трансфертов был особенно высок во второй половине года, что в основном явилось результатом помощи стран-доноров в период после августовской войны с Россией. Международные резервы также выросли почти на 1,5 млрд долл.

Фондовый рынок в Грузии находится пока на начальном этапе развития и не является существенным источником финансовых ресурсов для действующих в стране компаний. Так, объем сделок, заключенных в 2008-м на фондовой бирже Грузии, составил всего 256,6 млн лари.

Таблица 8

**Прямые иностранные инвестиции в Грузии
(2004—2008 гг.), млн долл.**

2004	492,3	2008 год поквартально	
2005	452,8	I квартал	328,4
2006	1 170,1	II квартал	518,7
2007	1 750,4	III квартал	150,0
2008	1 185,4	IV квартал	188,3
2009 (январь — август)	226,1		
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии. Квартальный бюллетень I. С. 47; другие его данные.			

Состояние внутреннего валютного рынка также представляет собой отражение развившихся в стране событий. При этом валютный рынок характеризуется тенденцией существенного роста оборота. По данным НБГ, объем оборота на Тбилисской межбанковской валютной бирже составил 2 246 млн лари (2008 г.). Из них 90,5% составляют интервенции Национального банка. Укрепление национальной валюты — лари объяснялось притоком в последние годы больших объемов иностранной валюты. После августовской войны, когда приток иностранной валюты в страну резко сократился, интервенции Национального банка в своем большинстве послужили удовлетворению избыточного спроса на иностранную валюту.

Монетарная политика и банковская система

Основной задачей НБГ является обеспечение стабильности цен в стране. Естественно, монетарная политика, ориентированная на стабильность цен, служит улучшению инвестиционной среды, защите уровня доходов населения и ускорению роста ВВП. Рост цен на 2008 год был запланирован в пределах 8%. Хотя в случае влияния экзогенных факто-

ров допускалось отклонение уровня инфляции от прогнозируемых показателей. С учетом этих обстоятельств в 2008 году среднегодовая инфляция составила 10%.

Исходя из ожидаемой динамики экономического роста, намеченной монетизации, дедолларизации экономики и других факторов и с учетом приоритета сохранения стабильности цен, рост резервной денежной массы поначалу планировался в пределах 10%. В первом квартале 2008 года во избежание сильных колебаний обменного курса лари на фоне притока в страну большого объема иностранного капитала увеличились интервенции на валютном рынке (скупка долларов). Это способствовало росту резервных денег и, как следствие, росту объемов предложения денег экономике. Параллельно при помощи депозитных сертификатов (467 млн лари) были изъяты лишние деньги. В этих условиях для ужесточения монетарной политики было использовано повышение учетной ставки до 12%.

С наступлением мирового финансового кризиса действующим в Грузии коммерческим банкам стало трудно получать кредитные ресурсы с международных рынков. Коммерческие банки изъяли ресурсы с депозитных сертификатов Национального банка. В результате увеличился темп годового роста резервных денег. Чтобы вернуть темп роста денежных агрегатов в желаемое русло, стало необходимым проведение жесткой монетарной политики.

Августовские события и обострение мирового финансового кризиса поставили монетарную политику страны перед новым вызовом. Начался отток средств из банковской системы. Чтобы своевременно удовлетворить требования вкладчиков, коммерческие банки временно были освобождены от даже минимальных резервных требований (позднее норматив резервирования сократился с 13% до 5%). В результате жесткая монетарная политика сменилась политикой, направленной на экономическое стимулирование.

Изменение курса монетарной политики вывело на повестку дня необходимость задействовать также новый инструмент монетарной политики — 7-дневные займы для рефинансирования. Такой инструмент, во-первых, дал возможность коммерческим банкам более эффективно управлять ликвидностью; во-вторых, изменение процентной ставки на межбанковском кредитном рынке было сигналом для Национального банка изменить монетарную политику в интересах экономики и оказать влияние на ожидания экономических агентов.

В условиях дефицита ликвидности названных мер оказалось недостаточно для оживления кредитной активности банков и вообще экономической активности. Поэтому НБГ дополнительно выделил коммерческим банкам ресурс в размере до 136 млн лари.

В конце 2008 года в ожидании снижения обменного курса лари возрос спрос на иностранную валюту, что подействовало на резервные деньги и, в конечном счете, на состояние других денежных агрегатов, вызвав их сокращение. Так, по данным НБГ, годовой темп сокращения резервных денег составил 8%, на М2 — 13,3%, объем наличной денежной массы, находящейся в обращении, снизился на 1,5%, а М3 вырос до 7% (см. табл. 9).

Определенную роль в осуществлении монетарной политики сыграл и обменный курс, поскольку он оказал значительное влияние на инфляционные ожидания. Чтобы избежать нежелательного ажиотажа, был зафиксирован обменный курс лари по отношению к доллару. С этим совпало ощутимое укрепление доллара по отношению к другим валютам, что вызвало отклонение курса лари от точки равновесия. Усилилось ожидание снижения его курса, что в свою очередь вызвало дополнительный спрос на иностранную валюту.

В ответ на спекулятивный спрос на иностранную валюту в начале ноября 2008 года Национальный банк отказался фиксировать курс, затем последовало резкое разовое падение обменного курса лари (от 1:1,42 до 1:1,66). В дальнейшем на валютном рынке спрос на иностранную валюту стабилизировался (см. табл. 10).

Таблица 9

**Денежная масса согласно агрегатам
(на конец периода, 2004—2009 гг.)**

Год и квартал	«Широкие деньги» М3	Денежная масса М2	Резервные деньги М1	Наличные деньги за пределами банков М0	Депозитные обязательства (в национальной валюте)	Депозитные обязательства (в иностранной валюте)	Лари в обращении	Доля М0 в М2	Доля М0 в М3
	млн лари							%	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
2004	1 521,6	847,2	866,7	616,0	231,2	674,4	676,2	72,7	40,5
2005	1 924,9	1 071,0	1 007,4	736,3	334,8	853,9	811,4	68,8	38,3
2006	2 689,9	1 392,8	1 272,1	827,4	565,5	1 297,0	929,5	59,4	30,8
2007	4 027,5	2 149,3	1 781,8	1 152,1	997,2	1 878,2	1 310,5	53,6	28,6
2008	4 305,1	1 862,5	1 642,1	1 082,6	779,9	2 442,6	1 290,7	58,1	25,2
2008 I	4 075,9	2 276,1	1 731,2	1 132,1	1 144,0	1 799,8	1 296,3	49,7	27,8
II	4 234,1	2 432,5	1 901,1	1 239,0	1 193,5	1 801,6	1 416,9	50,9	29,3
III	4 017,8	2 280,4	1 836,9	1 204,0	1 075,5	1 737,4	1 407,6	52,8	30,2
IV	4 305,1	1 862,5	1 642,1	1 082,6	779,9	2 442,6	1 290,7	58,1	25,2
2009	4,696,8	2,139,5	1,875,0	1,229,4	910,0	2,517,3	1,457,9	57,5	26,4
<i>Источники:</i> Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии. Квартальный бюллетень I. С. 69; НБГ.									

Таблица 10

Обменные курсы (2004—2009 гг.)

Год и квартал	лари / доллар		лари / евро	
	конец периода	середина периода	конец периода	середина периода
2004	1,8250	1,9170	2,4850	2,3813
2005	1,7925	1,8127	2,1245	2,2600
2006	1,7150	1,7767	2,2545	2,2290
2007	1,5916	1,6707	2,3315	2,2859
2008	1,6670	1,4902	2,3648	2,1886

Таблица 10 (продолжение)

Год и квартал	лари / доллар		лари / евро	
	конец периода	середина периода	конец периода	середина периода
2008 I	1,4760	1,5558	2,3271	2,3283
II	1,4180	1,4460	2,2325	2,2594
III	1,4050	1,4091	2,0134	2,1227
IV	1,6670	1,5499	2,3648	2,0464
2009 I	1,6700	1,6715	2,2034	2,1871

Источники: Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии. Квартальный бюллетень I. С. 70.

Таблица 11

Депозиты (на конец периода, 2004—2009 гг.)

Год и квартал	Все депозиты	В национальной валюте	В иностранной валюте	Доля депозитов в национальной валюте в общей сумме депозитов	Доля депозитов в иностранной валюте в общей сумме депозитов	Процентная ставка на вклады до востребования в национальной валюте	Процентная ставка по депозитам в национальной валюте, на срок до 12 месяцев
	млн лари			%			
	1	2	3	4	5	6	7
2004	905,6	231,2	674,4	25,5	74,5	2,9	7,4
2005	1 188,6	334,8	853,9	28,2	71,8	3,2	10,0
2006	1 862,5	565,5	1 297,0	30,4	69,6	4,3	11,5
2007	2 875,4	997,2	1 878,2	34,7	65,3	6,5	11,7
2008	3 222,6	779,9	2 442,6	24,2	75,8	5,4	13,3
2008 I	2 943,8	1 114,0	1 799,8	38,9	61,1	5,3	10,0
II	2 995,1	1 193,5	1 801,6	39,8	60,2	5,4	12,3
III	2 812,9	1 075,5	1 737,4	38,2	61,8	5,3	12,7
IV	3 282,6	778,9	2 442,6	24,2	75,8	5,4	13,3
2009 I	2 757,0	681,9	2 075,1	24,7	75,3	5,6	13,8

Источники: Департамент статистики Министерства экономического развития Грузии. Квартальный бюллетень I. С. 72.

По данным НБГ, из-за замедления спроса на деньги показатели монетизации экономики снизились по отношению к ВВП с 22,6% до 9,8%. Сохранился ряд факторов, поддерживающих спрос на лари: движение бюджетных средств, транзакционные потребности населения. Одним из значительных источников спроса на лари был выросший в 2008 году государственный бюджет. Рост доходов части населения, зависящего от государственных средств, способствовал монетизации экономики.

Коэффициент долларизации банковских депозитов сократился с 65,3% до 60,2%. Хотя в последствии политические и экономические события и рост ожиданий снижения курса лари вызвали долларизацию экономики до 75,8% (см. табл. 11).

Главным приоритетом валютной политики стало смягчение резких колебаний курса лари и аккумулирование международных резервов, сохранение управляемости обменного курса. Валютная политика осуществлялась в рамках избранного режима обменного курса. Валютные интервенции производились с целью избежать резких колебаний избранного обменного курса. Для этого разницу между спросом на иностранную валюту и ее предложением балансировали интервенции Национального банка. С этой целью он продал 1 211 236 тыс. долл. и закупил 821 748 тыс. долл. (см. табл. 12).

Таблица 12

**Результаты торговли долларами
на Тбилисской межбанковской валютной бирже
(тыс. долл.)**

	доллары, проданные НБГ	доллары, купленные НБГ
2008	1 211 236	821 748
Январь	108 020	23 817
Февраль	33 713	181 070
Март	34 850	210 729
Апрель	114 030	44 135
Май	75 080	129 450
Июнь	11 750	95 900
Июль	24 070	71 340
Август	188 888	1 600
Сентябрь	46 550	46 507
Октябрь	216 520	7 450
Ноябрь	187 155	9 250
Декабрь	170 610	500
<i>Источник: НБГ.</i>		

Средняя величина обменного курса лари по отношению к доллару в 2008 году равнялась 1,4902, а на конец года курс составил 1,6670 (см. табл. 13).

В конце 2008 года объем международных резервов НБГ вырос и составил 1 480,2 млн долл. Рост международных резервов обусловили средства, поступившие от приватизации

Таблица 13

Обменные курсы: лари/доллар, 2008 год

	Конец месяца	В среднем в течение месяца
Январь	1,5870	1,5921
Февраль	1,5540	1,5664
Март	1,4760	1,5098
Апрель	1,4620	1,4549
Май	1,4440	1,4549
Июнь	1,4180	1,4281
Июль	1,4080	1,4096
Август	1,4100	1,4123
Сентябрь	1,4050	1,4050
Октябрь	1,4210	1,4127
Ноябрь	1,6500	1,5827
Декабрь	1,6670	1,6554
<i>Источник:</i> НБГ.		

(121 млн долл.), транш, полученный от МВФ (240 млн долл.), грант на поддержку бюджета, полученный от США (250 млн долл.), другие гранты стран-доноров и т.д.

Предложение денег (см. табл. 9) осуществляется с учетом факторов спроса на деньги, спрос же на них формируется реальными темпами роста экономики, изменениями, протекающими в бюджетном секторе, динамикой инфляции и обменного курса, а также движением валютных остатков и сезонными факторами.

До августовской войны (II кв. 2008 г.) денежная масса (M2) росла высокими темпами, а в конце года она сжалась на 23,4%. Вместе с тем, в частности, в 2008 году на 139,7 млн лари (7,8%) снизился и показатель резервных денег (M1), который к концу года составил 1 082,6 млн лари. Предложение денег в основном обуславливали денежные потоки из-за рубежа, государственный бюджет и интервенции, осуществленные НБГ. Спрос на деньги создавали рост экономики и сезонные факторы.

Депозитные обязательства, размещенные в банковской системе в иностранной валюте, в 2008 году выросли по сравнению с предыдущим годом на 564,4 млн лари (23,1%) и составили 2 442,6 млн лари. Рост депозитов полностью произошел за счет депозитов, размещенных в иностранной валюте. За тот же период депозиты, размещенные в национальной валюте, сократились на 217,3 млн лари (21,8%) и составили 779,9 млн лари.

Низкий темп расширения депозитной базы сказался на кредитном потенциале коммерческих банков, что в свою очередь повлияло на объемы кредитов, выданных для нужд экономики, и на рост процентных ставок (с 19,3 до 22,9%) (см. табл. 14).

В условиях ужесточения монетарной политики были также использованы такие инструменты, как депозитные сертификаты и однодневные займы. Впоследствии, в условиях смягчения монетарной политики, были введены новые инструменты — займы рефинансирования.

Таблица 14

Среднегодовые процентные ставки кредитов и депозитов коммерческих банков (2008—2009 гг.), %

		1.01.08	1.04.08	1.07.08	1.10.08	1.01.09
Займы в национальной валюте юридическим и физическим лицам	Всего	20,7	20,8	21,8	22,4	22,9
	Краткосрочные	21,2	21,1	22,2	23,5	24,0
	Долгосрочные	20,2	20,4	21,4	21,7	22,2
Займы в иностранной валюте юридическим и физическим лицам	Всего	16,7	16,6	16,8	17,2	17,7
	Краткосрочные	19,3	19,2	19,6	20,5	21,6
	Долгосрочные	16,1	15,9	16,0	16,3	16,7
Депозиты в национальной валюте	Всего	9,4	8,6	9,6	9,9	10,0
	Краткосрочные	8,6	7,3	9,0	9,0	9,2
	Долгосрочные	13,1	13,6	13,5	13,9	13,9
Депозиты в иностранной валюте	Всего	8,8	8,9	9,1	9,5	10,0
	Краткосрочные	7,6	7,7	8,3	8,8	9,6
	Долгосрочные	11,1	11,2	11,1	11,4	11,7
<i>Источник:</i> НБГ.						

В качестве главного инструмента изъятия избыточной ликвидности в 2008 году использовали 3-месячный и 1-недельный депозитные сертификаты. По данным НБГ, в январе — августе 2008-го на аукционах были размещены 7-дневные депозитные сертификаты объемом 1 150,2 млн лари и 3-месячные объемом 692,6 млн лари (приблизительно). Вслед за смягчением монетарной политики был введен новый инструмент — минимальная годовая процентная ставка на кредит по рефинансированию сроком на 7 дней стала и ставкой политики НБГ.

Кредиты по рефинансированию выдавались посредством аукционов под определенное обеспечение. Средние процентные ставки на аукционах кредитов по рефинансированию совпадали со ставками, определенными монетарной политикой, или незначительно превышали их.

Влияние данной ставки было ограничено тем обстоятельством, что межбанковский рынок недостаточно развит в Грузии и такие кредиты выдавались не ежедневно. Вместе с тем на рынке отмечался дефицит участников сделок и, соответственно, низкая конкуренция. В конечном счете, по данным НБГ, корреляция ставки в отношении индекса TIBR-7 (7-дневный) была 0,58, а в отношении индекса TIBR-1 (1-дневный) — 0,56.

Ставка, установленная Национальным банком на однодневный заем, как правило, превышает рыночные ставки по кредитам на более длительные сроки. По данным НБГ, в 2008 году коммерческим банкам было выдано однодневных займов на 3 409,2 млн лари (в 2007 г. — на 90 млн лари).

В первой половине 2008 года в результате развития банковского сектора возрос объем привлеченных банками займов, а следовательно, банковских пассивов и активов и, соответственно, обязательных резервов. Минимальная норма резервирования к этому периоду составляла 13%. Во второй половине года выдача кредитов сократилась, отмечался отток депозитов из банков, что существенно ограничило банкам ликвидность. Из-за этого коммерческие банки сначала, как уже говорилось, были полностью освобождены от требований обязательного резервирования, впоследствии же минимальная норма резервирования была определена в 1/4 от установленной нормы (13%), а со 2 октября сама установленная норма снизилась с 13% до 5%.

Банковский сектор

В Грузии существует двухъярусный банковский сектор: первый уровень образует Национальный банк Грузии, второй — коммерческие банки. В настоящее время банковская система представлена двадцатью банковскими учреждениями (в 2005 г. — 19, в 2006 г. — 17, в 2007 г. — 19). Из них 18 являются резидентами Грузии, а 2 — филиалы турецкого и азербайджанского банков. 17 из 20 коммерческих банков функционирует при участии иностранного капитала. У четырех из существующих банков уставной капитал меньше 10,0 млн лари.

Темпы роста банковского сектора существенно превышали темпы роста остальных секторов экономики. По данным НБГ (2009 г.), в целом суммарный объем активов банковской системы вырос с 7,2 млрд (1.01.08) до 8,9 млрд (1.01.09) лари. Рост активов обусловил увеличение как денежных средств и чистых кредитов, так и основного капитала и нематериальных активов. На 31% увеличились и общие непогашенные ссуды коммерческих банков (сумма превышает 6 млрд лари). Вырос и объем депозитов. В первой половине 2008 года объем депозитов в национальной валюте вырос (с 997,2 млн лари до 1 193,5 млн лари), а в иностранной валюте — сократился (с 1 878,2 млн лари до 1 801,6 млн лари). Во второй половине года тенденция была противоположной. Так, объем депозитов в национальной валюте в дни августовской войны сократился на 10%.

В результате экономических и финансовых трудностей во второй половине 2008 года доходность банков сократилась. Общие потери банковского сектора составили 215,7 млн лари (2008 г.). Одной из главных причин этого явилось повышение резервных отчислений на негативно классифицированные кредиты. Резервы на ожидаемые потери выросли до 9% от всей суммы выданных кредитов (в 2007 году этот показатель равнялся 3,6%).

В начале 2009 года настал срок погашения зарубежных кредитов ведущими грузинскими банками. В отдельных случаях удалось пролонгировать кредиты, хотя в связи с мировым финансовым кризисом появилась и опасность того, что сделать это не удастся. Чтобы избежать ожидаемой угрозы, международные финансовые организации выделили средства грузинским банкам. На исходе 2008 года коммерческие банки Грузии достигли соглашения о выделении дополнительных средств с Международной финансовой корпорацией, Европейским банком реконструкции и развития, Корпорацией по иностранным инвестициям США, Германским кредитным институтом по реконструкции, Банком развития предпринимательства Нидерландов. В результате на счета коммерческих банков в конце 2008 года была начислена дополнительная ликвидность в размере 150—300 млн лари. Этих кредитов было достаточно для возвращения обязательств без сокращения выдачи кредитов.

Банковский сектор Грузии в 2008 году в основном соответствовал коэффициентам адекватности капитала. Несмотря на сокращение, по данным НБГ, собственный капитал банков все-таки остается на уровне 13,9% активов, что выше обязательных 12%; коэффициент ликвидности в банковском секторе, который измеряется отношением суммарных ликвидных активов к общим обязательствам, сократился с 39% до 28% (при обязательной норме 20%).

В целом банковский сектор Грузии выдержал тяжелый экзамен — ни один из коммерческих банков не обанкротился. Причина этого, с одной стороны, заключается в относительной независимости банковской системы от привлеченных средств из-за высоких требований и строгого надзора, а с другой стороны, в относительно слабом воздействии финансового кризиса.

З а к л ю ч е н и е

Несмотря на финансовый кризис и тяжелые итоги войны с Россией в августе 2008 года, Грузия пока сохранила положительные темпы роста ВВП (+2,1%), относительную стабильность национальной валюты, запланированный уровень инфляции, дееспособность монетарной политики, стабильность государственных финансов. Не обанкротился ни один коммерческий банк. Эти результаты достигнуты благодаря использованию внутренних ресурсов и большой финансовой помощи, оказанной США, странами — членами Евросоюза, международными финансовыми организациями, часть средств уже освоена, а часть будет использована в последующее время.

Несмотря на это, ожидается снижение темпа роста экономики, еще большее сокращение иностранных инвестиций, рост дефицита внешней торговли, сложности в развитии реального сектора (промышленность, сельское хозяйство...), рост безработицы. А нерешенность этих и других проблем обострит финансово-монетарные противоречия. Для преодоления ожидаемых проблем правительство Грузии в 2009 году разработало среднесрочную стратегию (2010—2013 гг.), которая фрагментарна и несовершенна. Чтобы ответить на ожидаемые вызовы, принятый документ должен быть переработан, дополнен и преобразован в реальную программу действий.

Рузи МАМЕДОВ

*Главный редактор журнала «Банки и бизнес»
(Баку, Азербайджан).*

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Р е з ю м е

На основе докладов Всемирного экономического форума в статье исследуются параметры, опреде-

ляющие экономическую конкурентоспособность Азербайджана. Для полноты межгосударственных сравнений, эконо-

номические показатели Азербайджана рассматриваются в сопоставлении с аналогичными показателями сходных с ним в том или ином отношении стран: Грузии, России, Казахстана, Турции, Украины и Армении. Проводятся отдельные аналитические сравнения по 12 параметрам конкурентоспособнос-

ти, выявляющие в этом аспекте сильные и слабые звенья Азербайджана. Рассматриваются также условия для предпринимательства в стране на основании мнений, высказанных самими предпринимателями, что позволяет обнаружить наиболее серьезные препятствия для ведения бизнеса.

В в е д е н и е

Конкурентоспособность не поддается прямому измерению в абсолютных величинах. Уровень экономической конкурентоспособности страны, как и предприятия или отрасли, — относительный показатель. Рассматриваемый в динамике за ряд лет, он позволяет, с одной стороны, выявить качество экономического роста и сложившихся в той или иной стране (а также в регионе и в мире в целом) тенденций экономического развития, а с другой — определить задачи, которые могут считаться наиболее актуальными в предстоящие годы¹.

Существует несколько методологий измерения экономической конкурентоспособности государств, и у каждой есть свои сильные и слабые стороны. Их характер во многом отражает политическую ориентацию разрабатывающих их исследовательских центров. Анализируя конкретные межстрановые сравнительные исследования конкурентоспособности, важно учитывать, что подавляющее большинство проводивших их центров придерживаются правоцентристских взглядов и, соответственно, ратуют за максимально возможное сокращение государственного вмешательства в экономику.

Один из подобных центров — международная неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ) со штаб-квартирой в Швейцарии. Его ежегодные аналитические доклады по сравнительной экономической конкурентоспособности государств повсеместно признаны как наиболее объективные. Эти доклады,

- во-первых, репрезентативны по количеству охватываемых стран и,
- во-вторых, анализируют достаточно широкий набор показателей, в своей совокупности более или менее исчерпывающе характеризующих уровень экономической конкурентоспособности страны.

К безусловным достоинствам методологии ВЭФ можно отнести и то, что она не обходит вниманием так называемую физическую инфраструктуру экономики, что, к сожалению, характерно для большинства других аналогичных исследований².

Свой последний доклад из данной серии ВЭФ опубликовал осенью 2009 года³. В настоящей статье экономическая конкурентоспособность Азербайджана анализируется на основе представленных в докладе материалов.

¹ См., например: *Портнер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. С. 205—206; *Zinnes C., Eilat Y., Sachs J.D.* Benchmarking Competitiveness in Transition Economies. *Economics of Transition*. July 2001, Vol. 9, No. 2 [<http://ssrn.com/abstract=273155>]; *Manuel E.G.* Innovation and Competitiveness. *Perspectives of Different Countries of the World and Opportunities of Benchmarking*. P. 4 [<http://ssrn.com/abstract=1122456>].

² Подробный критический анализ методологии ВЭФ приводится в работе: *Музаффарли Н.* Рейтинг Азербайджана в международных сравнительных исследованиях. Баку: изд-во «Кавказ», 2006. С. 389—417.

³ См.: *Global Competitiveness Report 2009-2010* [<http://www.weforum.org/documents/GCR09/index.html>].

Лидеры и аутсайдеры

Как показывает анализ изменений в страновой экономической конкурентоспособности за последние годы, группа мировых лидеров в этой области на данном этапе более или менее устоялась. Ее состав в 2008—2009 годах вообще не изменился, хотя и произошли некоторые «подвижки» внутри первой десятки стран. В частности, Швейцария и США поменялись местами (в 2009 году, соответственно, 1 и 2 места), Канада упрочила свои позиции, впервые поднявшись на 9 место, а Дания и Нидерланды, напротив, снизились в ранжировке (см. табл. 1). Следует отметить, что и среднее значение индекса конкурентоспособности стран первой десятки снизилось с 5,51 в предшествовавшем году до 5,45 (из максимально возможного числа баллов 7). Это, несомненно, является результатом глобального экономического спада.

Таблица 1

Лидеры ранжирования
по конкурентоспособности в 2009 году и их позиции
в 2003—2008 годах⁴

Страна	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003
Швейцария	1	2	2	1	4	8	7
США	2	1	1	6	1	2	2
Сингапур	3	5	7	5	5	7	6
Швеция	4	4	4	3	7	3	3
Дания	5	3	3	4	3	5	4
Финляндия	6	6	6	2	2	1	1
Германия	7	7	5	8	6	13	13
Япония	8	9	8	7	10	9	11
Канада	9	10	13	16	13	15	16
Нидерланды	10	8	10	9	11	12	12

В десятке аутсайдеров расположились Таджикистан, Кыргызстан, Парагвай, Непал и несколько стран Африки.

Исходная посылка: классификация стран по уровню экономического развития

Методология ВЭФ базируется на том непреложном факте, что конкурентоспособность стран, радикально различных по уровню экономического развития, не может оце-

⁴ Составлено по: The Global Competitiveness Report 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 [<http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Global%20Competitiveness%20Report/PastReports/index.htm>].

ниваться одними и теми же мерками. Поэтому отправной точкой анализа является соответствующая классификация (группировка) стран, основывающаяся на двух критериях: количественном (ВВП на душу населения, пересчитанный с поправкой на паритет покупательной способности — ППС) и качественном (отраслевая структура экономики, определяемая структурой экспорта страны).

Что касается темпов роста душевого ВВП, то здесь за последние 15 лет Азербайджан показывает один из лучших результатов в мире. Этот вывод подтверждается не только данными национальной статистики, но и различными международными источниками, хотя последние приводят не всегда идентичные цифры (см. рис. 1).

Рисунок 1

ВВП на душу населения в Азербайджане
(ППС, межд. долл., 1994—2008 гг.)⁵

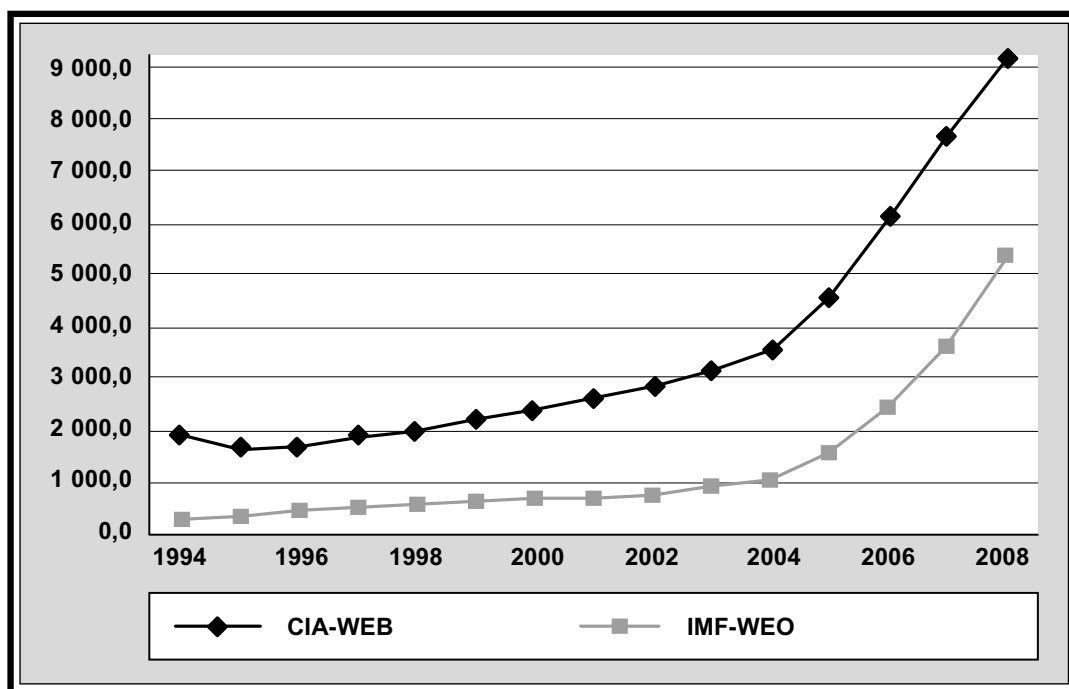

Рисунок 1 демонстрирует явное ускорение в Азербайджане — начиная с 2003 года — темпов роста ВВП на душу населения. На основе этого показателя ВЭФ делит все государства мира на три группы (уровня) — страны, конкурентоспособность которых обеспечивается факторами производства (первая группа), эффективностью (вторая) и инновациями (третья группа). В соответствии с количественными критериями ВЭФ и с учетом данных МВФ (именно они используются при группировке стран), с 2007 года Азербайджан должен был бы войти во вторую группу, а с 2010 года занимать переходную позицию между 2-м и 3-м уровнями. Однако препятствием стал второй критерий: удельный вес нефти и нефтепродуктов в экспорте все еще слишком высок и по различным данным составляет 75—85% (см. рис. 2). С учетом чрезмерной зависимости страны от

⁵ Составлено по: Central Intelligence Agency (CIA), The World Factbook [<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>]; International Monetary Fund (IMF), World Economic Outlook, April 2009 [<http://www.imf.org/external/pubs/cat/longres.cfm?sk=22575.0>].

экспорта нефтегазовых ресурсов она была включена в переходную группу между 1-м и 2-м уровнями.

Рисунок 2

Удельный вес нефти и нефтепродуктов
в экспорте Азербайджана (2004—2008 гг.)⁶

Даже без дальнейшего анализа очевидно, что стимулирование роста доли нефтяных продуктов в экспорте сегодня — одна из главных задач Азербайджана, в том числе и для повышения экономической конкурентоспособности страны. Вполне закономерно, что эта задача была четко поставлена президентом страны И. Алиевым⁷.

Выбор стран, сравниваемых по конкурентоспособности

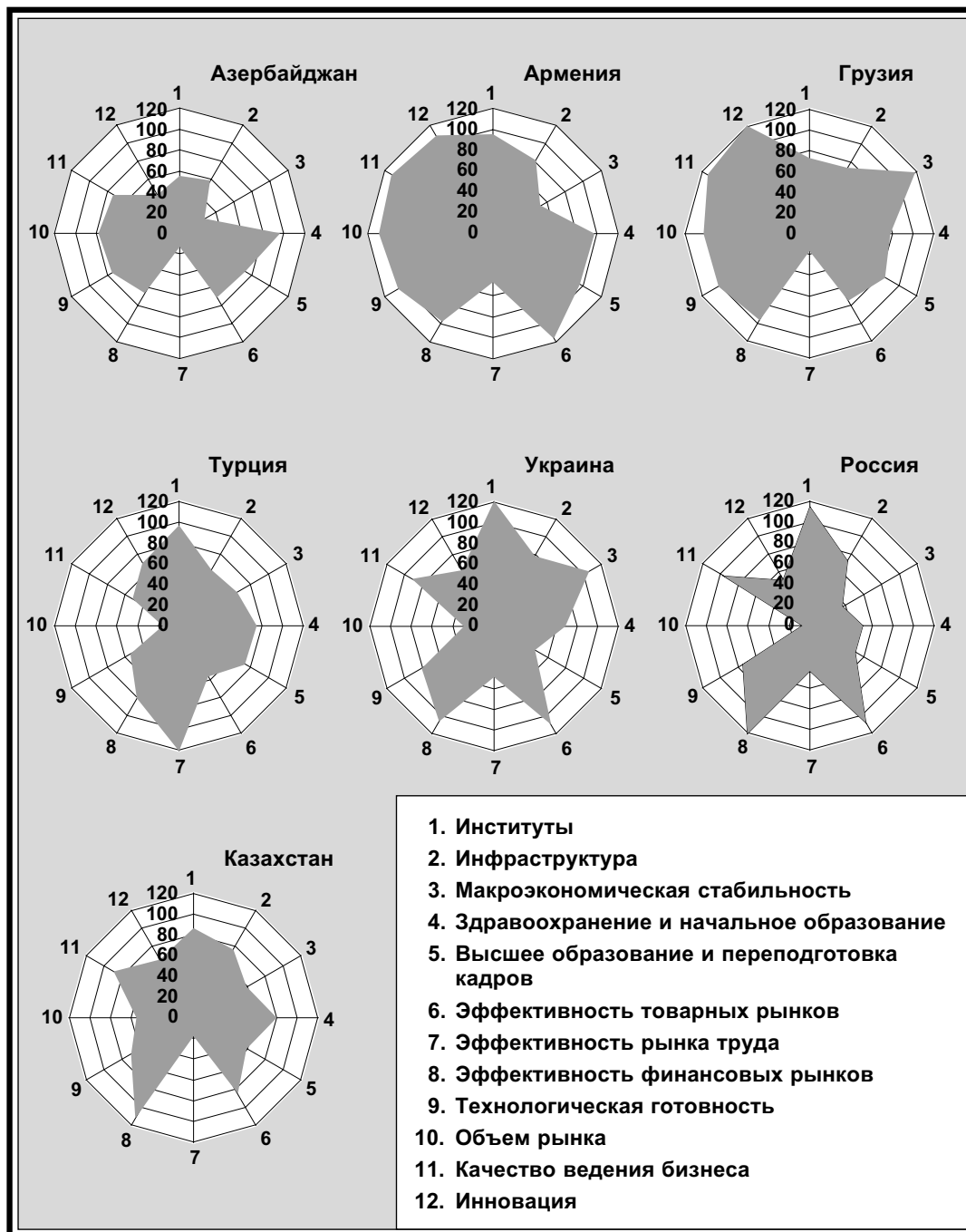
Межстрановые сравнения бывают конструктивны лишь в том случае, если проводятся между сопоставимыми в том или ином отношении странами. Это может быть сходство экономической системы (например, при сравнении стран с переходной экономикой), масштабов экономики (измеряемых универсальными показателями вроде объема ВВП, или ВНП, или объема внутреннего рынка), отраслевой структуры экономики (в частности, при сравнении стран с преобладанием экспорта сырьевых ресурсов), ментальности и

⁶ Составлено по данным Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики [<http://www.azstat.org/publications/azfigures/2009/az/018.shtml>].

⁷ См., например: Указ Президента АР об утверждении «Долгосрочной стратегии по управлению нефтегазовыми доходами» [http://www.oilfund.az/old/index_az.php?n=100].

Рисунок 3

«Структура» конкурентоспособности Азербайджана и стран группы сравнения⁸

⁸ Эта и последующие диаграммы составлены на основе данных из «Global Competitiveness Report 2009—2010» [<http://www.weforum.org/documents/GCR09/index.html>].

доминирующих ценностей (к примеру, при сравнении мусульманских стран), общая региональная принадлежность (в данном случае — сравнение кавказских государств), а также иные критерии, такие, как общность внешних рынков, и др.

С учетом всех этих факторов в настоящей статье Азербайджан сравнивается по своей экономической конкурентоспособности с Грузией, Россией, Казахстаном, Турцией, Украиной и Арменией.

В соответствии с результатами последнего исследования ВЭФ, Азербайджан является лидером по национальной экономической конкурентоспособности на Центральном Кавказе: в мировом рэнкинге по индексу общей конкурентоспособности государств (ИОКГ) Азербайджан, Грузия и Армения занимают соответственно 51, 90 и 97 места. В то время как Азербайджан улучшил свою позицию на 18 пунктов по сравнению с предыдущим годом, места Грузии и Армении остались неизменными.

ИОКГ определяется на основе анализа экономики по 12 параметрам. Чтобы более детального рассмотреть конкурентоспособность Азербайджана и сопоставить его по этому параметру с другими шестью выбранными странами, можно использовать графический метод, основывающийся на принципе удаленности от центра (см. рис. 3). Наименьшая площадь затемненной части диаграммы соответствует наилучшему положению в рэнкинге по ИОКГ. При этом нетрудно составить первое впечатление о положении дел в стране по каждому из 12 параметров, формирующих общую конкурентоспособность.

Пофакторный анализ

Анализ экономической конкурентоспособности позволяет выявить международные сравнительные преимущества и потенциальные возможности государства, а также слабости, которые необходимо преодолеть. Для этого каждый из выше обозначенных 12 параметров следует рассмотреть по отдельности.

- 1. Институты.** Сторонники теории международной конкурентоспособности считают, что экономическая конкурентоспособность каждой страны в конечном счете определяется конкурентоспособностью ее компаний, а успех компаний, в свою очередь, зависит прежде всего от институциональных факторов. Для их оценки ВЭФ использует два параметра, различая общественные (государственные) и частные институты.

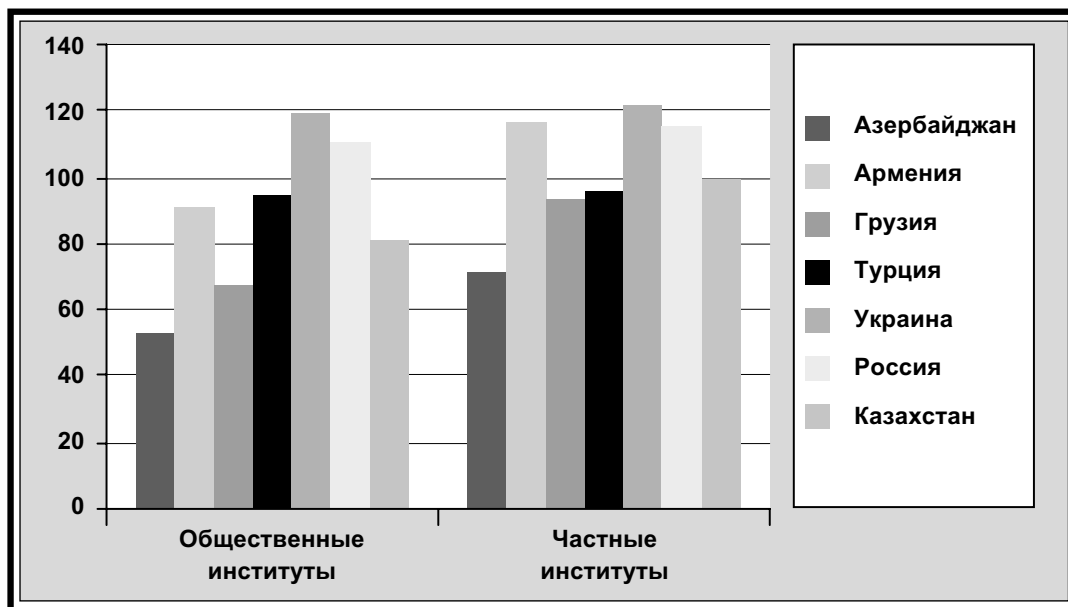
Как по первому, так и по второму параметру Азербайджан лидирует среди сравниваемых стран, имея хорошие позиции по уровню защиты прав собственности, особенно интеллектуальной собственности. При оценке уровня развития частных институтов в расчет принимаются два субфактора: уровень корпоративного управления (или корпоративной этики) и степень прозрачности экономики. По обоим субфакторам Азербайджан занимает высокие места в рэнкинге (см. рис. 4).

Относительно слабым звеном, по мнению авторов доклада, является безопасность. Впрочем, это вполне объяснимо, учитывая, что значительная часть территории государства все еще находится под оккупацией, а нарушения режима прекращения огня армянскими вооруженными силами за последние несколько лет приобретают все более регулярный характер. Все это, безусловно, повышает вероятность возобновления широкомасштабных военных действий.

- 2. Инфраструктура** поставлена на второе место среди факторов, влияющих на конкурентоспособность страны. При этом различаются общая и специфическая инфраструктуры. К общей относятся те инфраструктурные элементы, которые оказывают влияние, нередко сильнейшее, на развитие всех отраслей экономики.

Рисунок 4

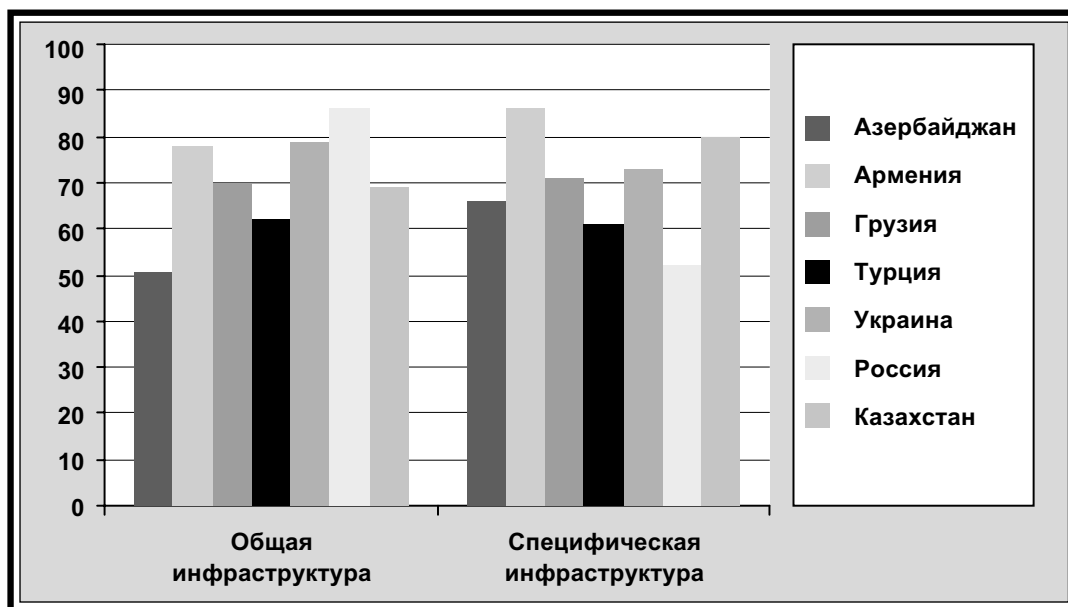
Общественные и частные институты
(места стран в рейтинге)

Что же касается так называемой специфической инфраструктуры, то ее уровень оценивается на основе опросных данных о качестве автомобильных и железных дорог, портов, воздушного транспорта, электроснабжения и некоторых других

Рисунок 5

Общая и специфическая инфраструктура
(места стран в рейтинге)

инфраструктурных систем. Кроме того, ВЭФ использует ряд статистических показателей, характеризующих степень обеспеченности телефонными линиями или «плотность» пассажирских авиаперевозок.

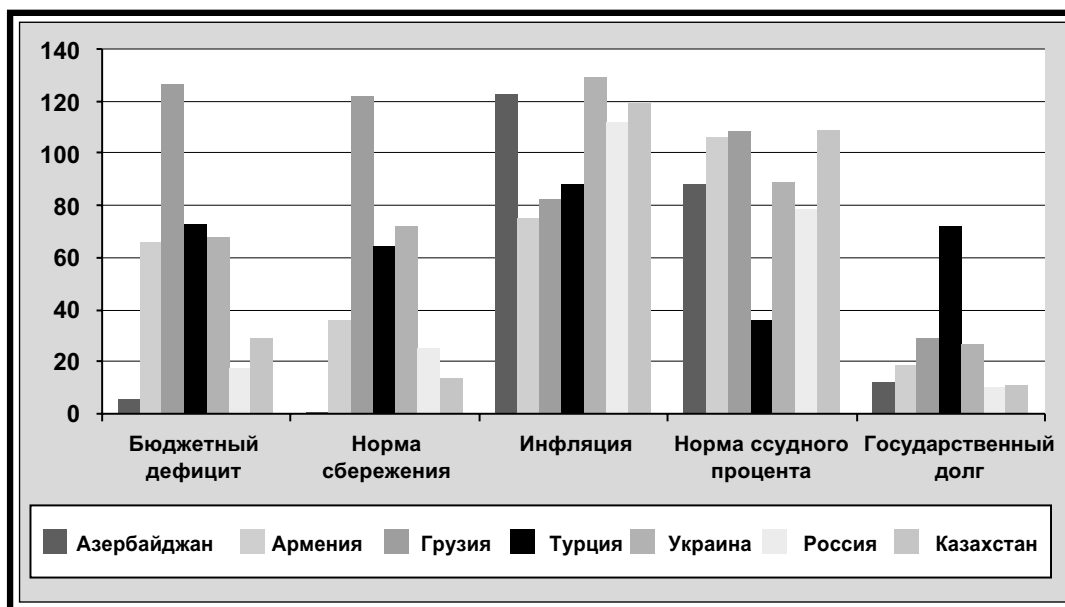
По уровню развития общей инфраструктуры Азербайджан находится на первом месте среди сравниваемых стран, а специфической — уступает лишь Турции и России (см. рис. 5).

3. **Макроэкономическая стабильность.** Экономические спады последних лет еще раз подтвердили важность макроэкономической стабильности для международной конкурентоспособности как государств в целом, так и их компаний. Макроэкономическое равновесие дает субъектам рынка более твердую опору в принятии решений.

Для сравнительной оценки макроэкономической стабильности ВЭФ анализирует статистические показатели, характеризующие устойчивость государственного бюджета (его дефицит или профицит), среднюю норму сбережений, инфляцию, норму ссудного процента и государственный долг. По первым двум показателям позиции Азербайджана достаточно сильны: он занимает первое место в мире по норме сбережений и входит в десятку мировых лидеров по устойчивости государственного бюджета. Государственный долг относительно ВВП незначителен. По этому показателю Азербайджан входит в число первых двадцати стран мира, хотя «в группе сравнения» несколько отстает от России и Казахстана. Некоторую тревогу может вызвать лишь инфляция (впрочем, этот показатель ВЭФ оценивал по данным 2008 года) и норма учетной ставки. Вместе с тем следует отметить, что в большинстве сравниваемых государств эти показатели еще хуже, чем в Азербайджане: например, по норме ссудного процента Азербайджан опережает все остальные страны группы, за исключением лишь Турции и России. Итоговые результаты исследования по макроэкономической стабильности показаны на рис. 6.

Рисунок 6

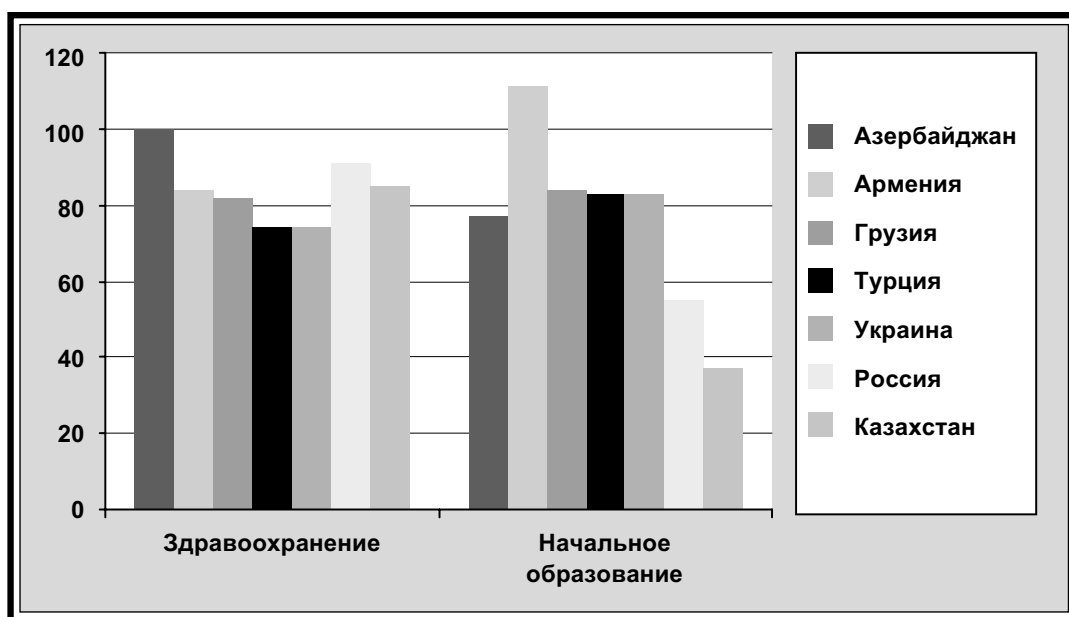
Макроэкономическая стабильность
(места стран в ранжировке)

4. *Здравоохранение и начальное образование* отнесены к базовым (первичным) факторам конкурентоспособности. По этим показателям Азербайджан занимает 96 место в мировом рэнкинге. Это худший показатель страны среди 12 исследуемых параметров (см. рис. 7). Предстоит серьезная работа по улучшению всех параметров, в совокупности формирующих данный показатель. К ним относятся детская смертность, ожидаемая продолжительность жизни, распространение СПИДа, малярии и туберкулеза, а также качество начального образования, регистрация в школах и расходы на образование.

Рисунок 7

Здравоохранение и начальное образование
(места стран в рэнкинге)

5. *Высшее образование и переподготовка кадров.* Этот показатель рассчитывается на основе трех субфакторов:
- количественные параметры высшего образования;
 - качественные параметры высшего образования и
 - обучение на рабочем месте.

Первый субфактор рассчитывается, исходя из статистических данных об относительном количестве граждан, получивших среднее и высшее профессиональное образование. По этим показателям Азербайджан, к сожалению, занимает последнее место среди сравниваемых стран. Проблема усугубляется низкой требовательностью предпринимателей при найме работников: они предпочитают нанимать малоквалифицированных работников и обучать их непосредственно на рабочем месте.

Качество образования (как и обучения на рабочем месте) определяется на основе опросов. При этом учитывается качество преподавания (особенно математических и прикладных наук), качество школ менеджмента, а также доступность Интернета в школах. Результаты, достигнутые Азербайджаном в назван-

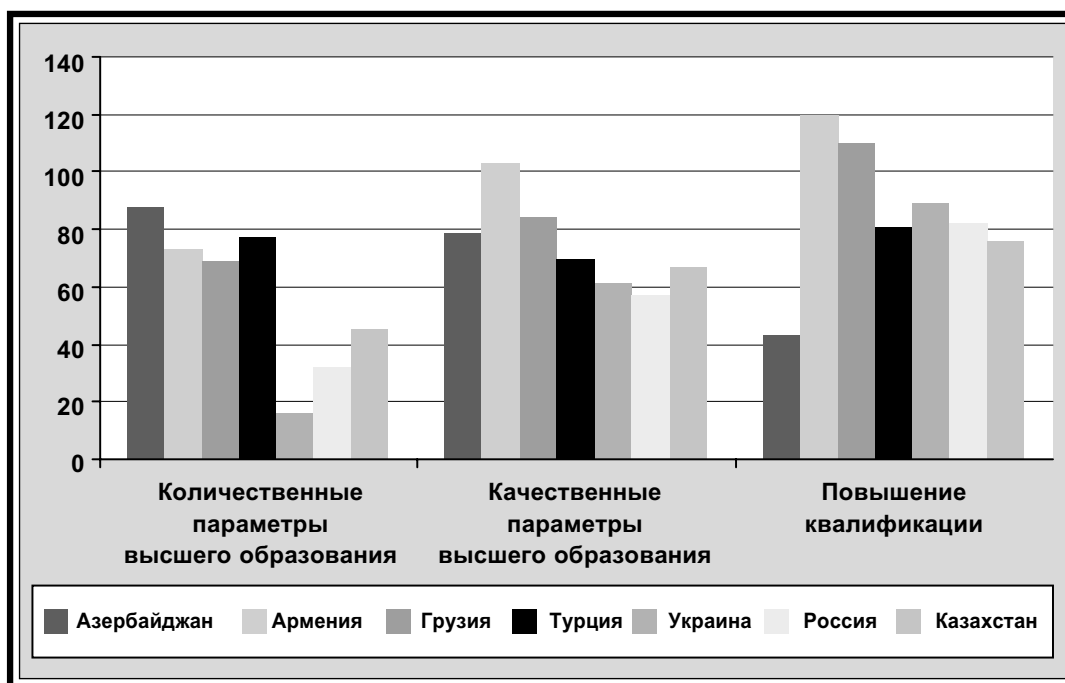
ных направлениях, за исключением доступности Интернета, вряд ли можно считать удовлетворительными. В группе сравнения он опережает лишь Грузию и Армению и находится во второй половине мирового рэнкинга, как и по предыдущему субфактору.

Что же касается обучения на рабочем месте (переподготовки и повышения квалификации кадров), то здесь опросным путем оцениваются уровень развития местных исследовательских центров и центров повышения квалификации и тренинговых услуг, а также требования, предъявляемые к повышению квалификации персонала в компаниях страны. По данному показателю Азербайджан лидирует в группе сравнения.

Результаты исследования ВЭФ по рассматриваемому фактору отражены на рис. 8.

Рисунок 8

Высшее образование и тренинги
(места стран в рэнкинге)

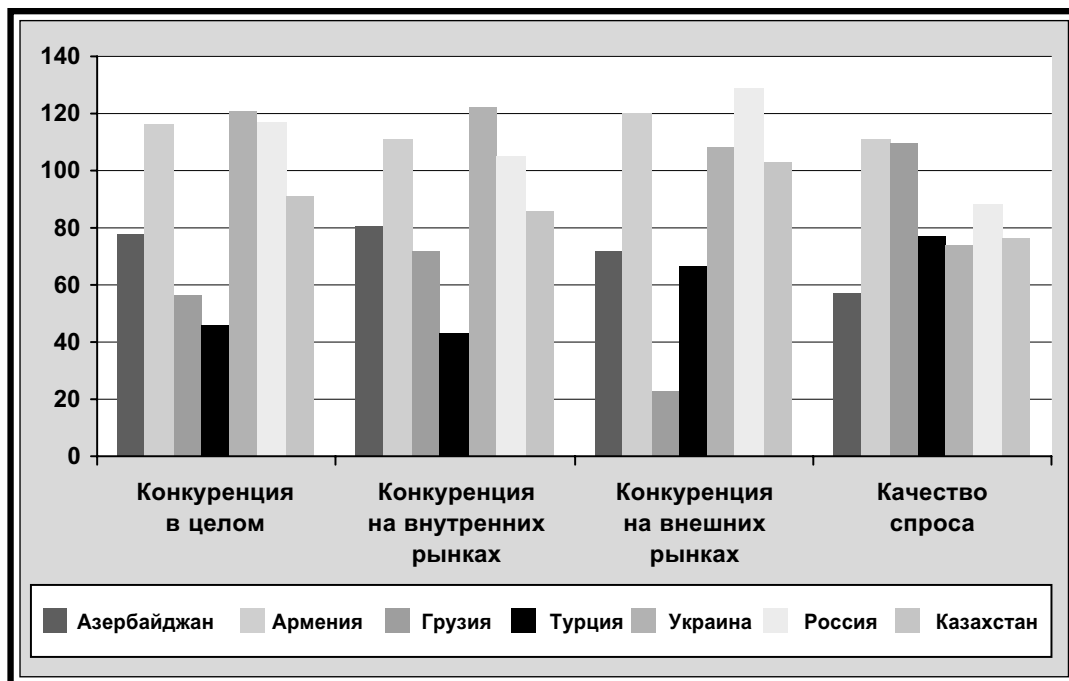

6. *Эффективность товарных рынков* анализируется на основе двух субфакторов — конкуренции (в свою очередь подразделяемой на конкуренцию на внутренних и на внешних рынках) и спроса (см. рис. 9). Конкуренция на внутренних рынках оценивается по ее интенсивности, доминированию местных компаний на внутренних рынках, эффективности антимонопольной политики, уровню общего налогового бремени и эффективности налогообложения, количества процедур при учреждении нового предприятия и требуемого для этого времени, а также расходов на аграрный сектор.

По первым трем параметрам Турция обладает более свободным рынком. Это вполне объяснимо: рыночная экономика в этой стране формировалась в течение длительного времени, которого практически не было у бывших социалистических стран. Позиции Азербайджана по этим параметрам (соответственно,

Рисунок 9

Эффективность товарных рынков
(места стран в рэнкинге)

105, 89 и 116 места в мировом рэнкинге) свидетельствуют о необходимости серьезных реформ по совершенствованию рыночных механизмов. Что же касается величины и эффективности налогообложения, количества процедур для открытия предприятия и расходов на аграрный сектор, — то по ним Азербайджан занимает 2 место в группе, а по общему налоговому бремени находится на 64 месте, что является естественным результатом социально ориентированной бюджетной политики.

Противоречивая ситуация наблюдается по конкуренции на внешних рынках. По влиянию торговых барьеров на импорт и среднему уровню тарифных ставок Азербайджан заметно отстает от других государств группы сравнения, а по трем другим параметрам (распространенность иностранной собственности, благоприятность законодательной среды для прямых иностранных инвестиций и эффективность таможенных процедур), напротив, значительно опережает многие из них.

В целом, как по внутренней, так и внешней конкуренции Азербайджан находится на 3 месте в группе, отставая от Турции и Грузии.

Качество спроса — один из наиболее интересных и в то же время хуже всего поддающихся измерению показателей, анализируемых в исследованиях ВЭФ. Он оценивается на основе, во-первых, отношения компаний к потребителям и, во-вторых, требовательности клиентов. Последняя учитывает уровень информированности клиентов о своих правах и степень их требовательности к предложению. Известно, что оба этих показателя отличаются высокой мерой субъективности. Тем более приятно отметить, что Азербайджан является лидером в группе сравнения по данным субфакторам.

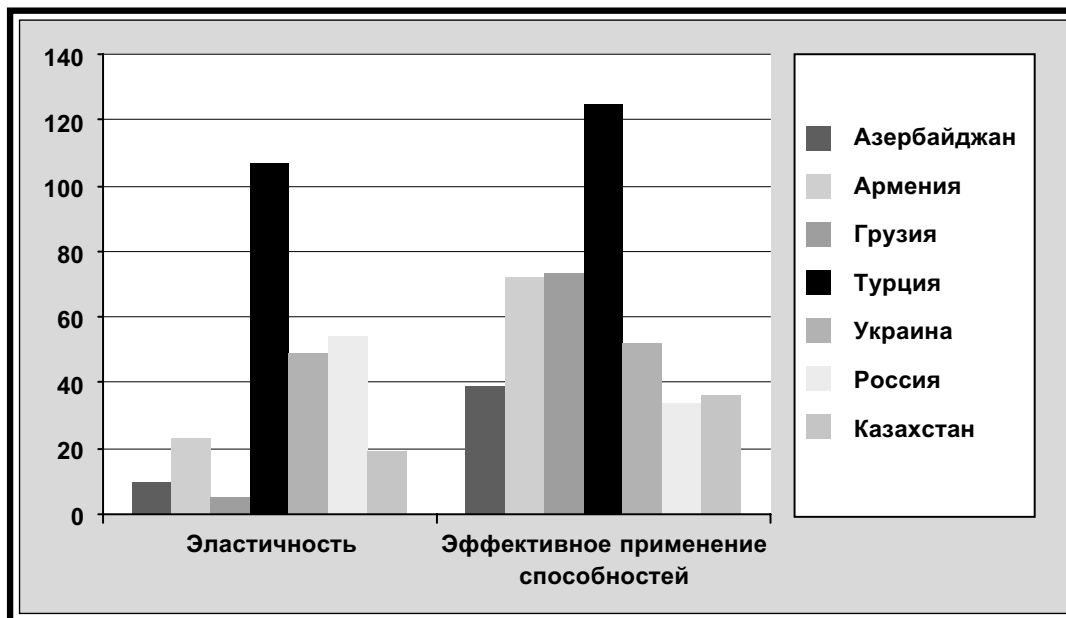
7. *Эффективность рынка труда*, в интерпретации ВЭФ, отражает продуктивное использование трудовых ресурсов страны, то есть наилучшее применение способностей и навыков работников. Здесь анализируются две подгруппы показателей. В первую, характеризующую эластичность рынка труда, входят взаимопонимание между работодателями и работниками, гибкость при определении уровня заработной платы, простота процедур найма и увольнения, а также увольнительные расходы. По показателям этой подгруппы Азербайджан занимает 2 место в группе, уступая лишь Грузии.

Во вторую подгруппу (эффективное применение способностей) входят зависимость зарплаты от производительности труда, доверие к профессиональному менеджменту, «утечка мозгов», доля женщин в совокупной рабочей силе. Судя по результатам исследования, уровень доверия к профессиональному менеджменту в Азербайджане относительно низок (95 место в мировом рейтинге). Однако следует учитывать психологические особенности азербайджанских предпринимателей, которые в большинстве случаев предпочитают сами управлять собственным бизнесом. Возможно, это несколько снижает качество менеджмента, но зато предотвращает так называемое обезличивание собственности, а оно, как показывает опыт ряда экономически развитых государств, нередко приводит к еще более существенным отрицательным последствиям. По данной подгруппе показателей позиции Азербайджана, который в группе сравнения слегка отстает лишь от России и Казахстана, можно считать удовлетворительными.

Общие результаты исследования по эффективности трудового рынка показаны на рис. 10.

Рисунок 10

Эффективность рынка труда
(места стран в рейтинге)

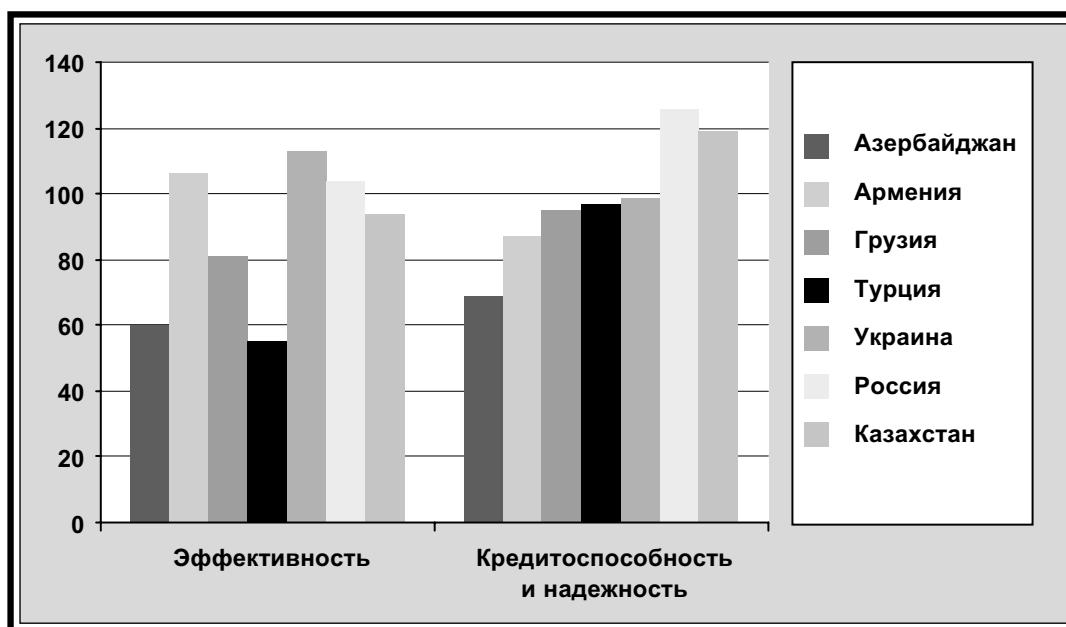
8. *Эффективность финансовых рынков*. Нынешний финансовый кризис еще раз продемонстрировал значение финансовых рынков для общей экономической

стабильности государств. ВЭФ анализирует этот фактор по двум подгруппам показателей. В первую подгруппу (эффективность) включены совершенство финансового рынка, возможности финансирования через внутренний фондовый рынок, простота получения банковских кредитов, доступность венчурного капитала, ограничения движения капитала, защита инвесторов. По всем этим показателям (за исключением, пожалуй, лишь ограничений свободного движения капиталов) позиции Азербайджана достаточно сильны. По интегральному результату он находится на 2 месте среди сравниваемых стран.

Вторая подгруппа показателей (кредитоспособность и надежность) охватывает надежность банков, регулирование фондовых рынков и так называемый индекс законных прав. По этим параметрам Азербайджан является лидером группы сравнения (см. рис. 11).

Рисунок 11

**Эффективность финансовых рынков
(места стран в рэнкинге)**

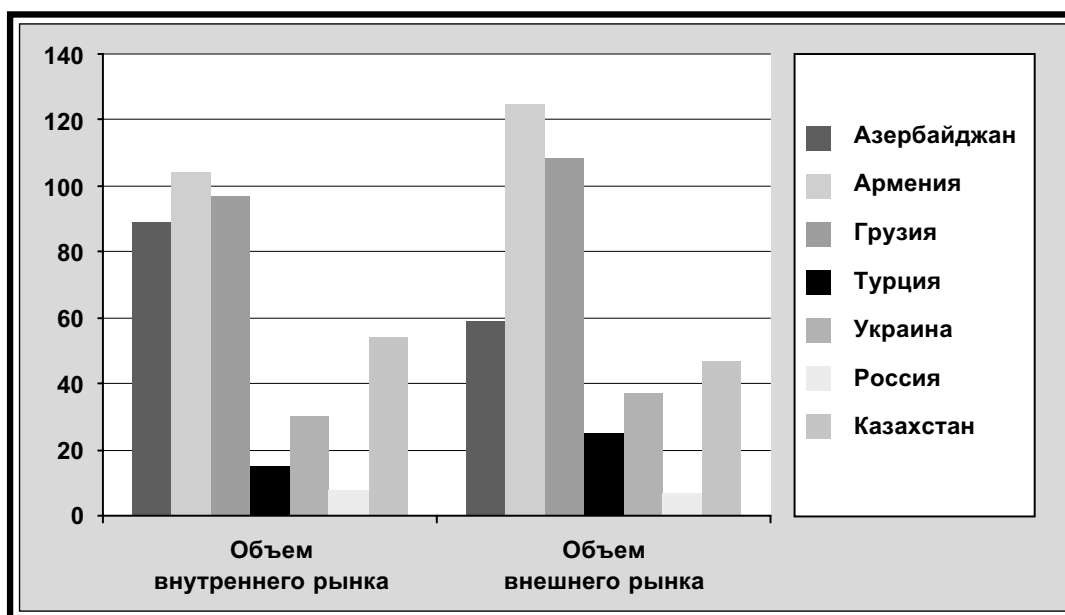

9. **Технологическая готовность.** Цель использования этого показателя — оценить сравнительный уровень «открытости» экономики различных государств мира техническим и технологическим нововведениям. Для этого ВЭФ анализирует такие индикаторы, как доступность последних технологических новшеств и быстрота применения компаниями новых технологий. Своеобразным инфраструктурным фоном для этого выступает законодательное регулирование информационно-коммуникационных технологий и прямых иностранных инвестиций. Кроме того, ВЭФ использует ряд простых статистических данных об относительной численности пользователей мобильных телефонов, персональных компьютеров и Интернета, в том числе высокоскоростного. Может показаться неожиданным, что Азербайджан уступает большинству стран группы по показателям, связанным с персональными компьютерами и Интернетом, хотя по остальным показателям данного ряда либо лидирует в группе, либо занимает 2 место после Турции.

10. *Объем рынка* оценивается как для внешних рынков, так и для внутреннего. Для оценки сравнительной конкурентоспособности такие показатели, как объем ВВП, экспорт и т.п., являются весьма условными, поскольку они определяются прежде всего масштабами экономики в целом. Понятно, что чем больше государство, тем больше — при относительном равенстве качественных показателей экономического роста — объем не только внутреннего, но и внешнего рынка. Тем не менее большой объем рынка является очевидным экономическим преимуществом. Об объемах рынков стран группы сравнения можно судить по рис. 12.

Рисунок 12

Объем рынка
(места стран в ранжировке)

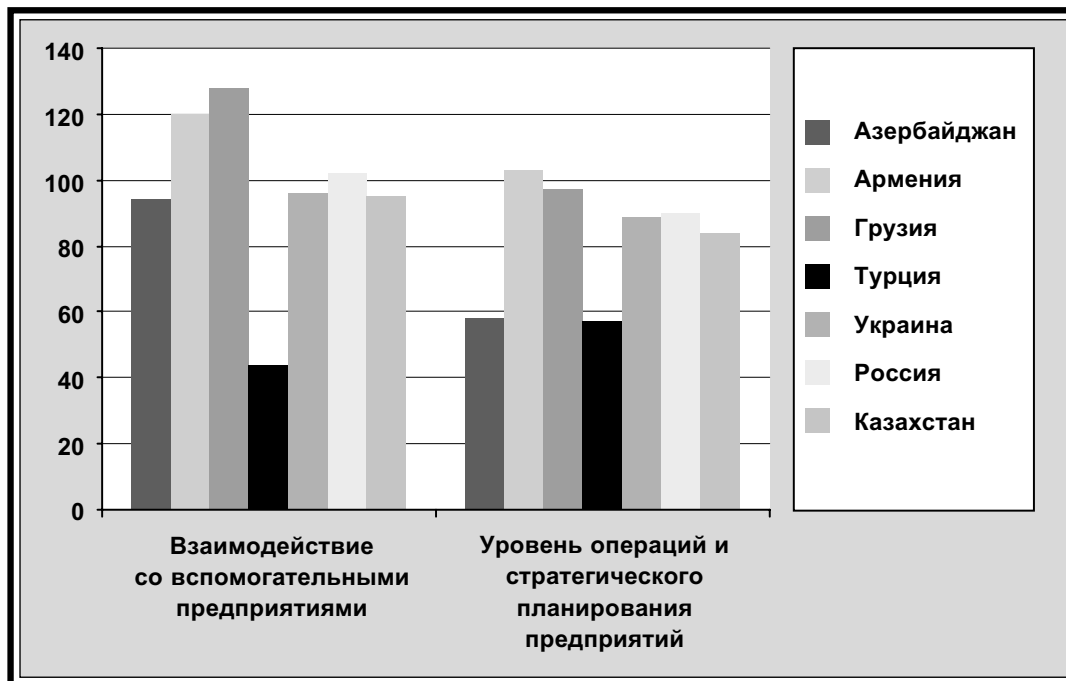

11. *Качество ведения бизнеса* оценивается, во-первых, по тому, как организовано взаимодействие компаний с сопряженными и поддерживающими (снабжающими и поддерживающими) отраслями. Учитывается также уровень развития кластеров в стране. Вторым субфактором выступает уровень операций и стратегического планирования компаний, который оценивается с учетом природы их конкурентных преимуществ, развития технологических процессов в производстве, совершенства маркетинговых стратегий и т.д. По обоим субфакторам Азербайджан занимает 2 место среди стран группы сравнения, уступая лишь Турции (см. рис. 13).

12. *Инновации.* Сравнительные позиции страны по данному фактору оцениваются по следующим показателям: инновационный потенциал, уровень работы научно-исследовательских институтов, расходы компаний на НИОКР, сотрудничество компаний и исследовательских центров в области прикладной науки, государственные закупки высокотехнологичных продуктов, доступность услуг исследователей и инженеров, патенты, защита интеллектуальной собственности. Азербайджан здесь является лидером среди стран группы.

Рисунок 13

Качество ведения бизнеса
(места стран в ранкинге)

Условия предпринимательской деятельности

Нетрудно заметить, что большинство рассмотренных факторов одновременно характеризуют и степень благоприятности условий (прежде всего, инфраструктурных) для ведения бизнеса в той или иной стране. В дополнение к этому ВЭФ специально изучает условия предпринимательской деятельности в каждой стране, проводя социологические опросы представителей бизнеса. Цель опросов — выяснить, какие именно барьеры для предпринимательства наиболее серьезно отражаются на работе бизнесменов в той или иной стране.

Эксперты ВЭФ составили список из 15 наиболее распространенных препятствий для бизнеса; их значимость в стране и определяется в ходе опроса. Преимущество такого подхода заключается, помимо прочего, в возможности оценивать динамику изменений во времени, сравнивая значимость различных факторов-препятствий по годам. Это позволяет судить, насколько оперативно правительство страны реагирует на ситуацию, корректируя методы государственного регулирования экономики.

В частности, в 2009 году азербайджанские предприниматели считали главными пятью препятствиями бизнесу коррупцию, инфляцию, высокое налоговое бремя, трудности финансирования и недостаточную эффективность государственного регулирования. Удельный вес этих пяти факторов составил 66,5% от всех барьеров, а доля факторов, «заявивших» последние 5 мест, то есть наименее актуальных для страны, — всего 7%. В 2010 году произошли серьезные изменения, хотя коррупция сохранила свое «лидирующее» положение. Далее в первой пятерке расположились недостаточная подготовка кадров,

налоговое бремя, недостатки налогового регулирования и государственного регулирования. Суммарный удельный вес первых пяти факторов составил 57,6%. Инфляция, которая по результатам предыдущего опроса находилась на втором месте, ныне во многом утратила значение. Результаты последнего опроса ВЭФ приведены на рис. 14.

Рисунок 14

Значимость препятствий для бизнеса
в Азербайджане в 2010 году

З а к л ю ч е н и е

В своем последнем исследовании ВЭФ оценил сравнительную экономическую конкурентоспособность 133 государств мира. При этом по каждому фактору конкурентоспособности страны подразделены на две группы. Государства, занявшие 1—50 места, отнесены к «продвинутому» по данному критерию, остальные — к отстающим.

Согласно последнему докладу ВЭФ, по 38 факторам Азербайджан обладает конкурентным преимуществом (т.е. по ним он попал в число первых 50 наиболее преуспевающих государств мира). Это наиболее высокий показатель среди стран группы сравнения. Он автоматически означает, что в Азербайджане наименьшее количество факторов отставания. С этой точки зрения наименее благоприятна ситуация в Армении и Казахстане (см. табл. 2).

Несмотря на успехи, достигнутые за последние годы, в ближайшей перспективе Азербайджану предстоит реализовать еще более масштабные программы по повышению экономической конкурентоспособности. Анализ результатов, полученных экспертами ВЭФ, позволяет, помимо прочего, установить степень приоритетности этих программ. В

Таблица 2

**Количество факторов опережения и отставания
в странах группы сравнения**

	Азербайджан	Турция	Россия	Грузия	Украина	Казахстан	Армения
Факторы опережения	38	27	26	26	22	18	17
Факторы отставания	82	93	94	94	98	102	103

данном контексте цель государственного вмешательства может быть сформулирована как, с одной стороны, сохранение и упрочение позиций по факторам опережения, а с другой — последовательное улучшение показателей, по которым страна пока отстает. К последним, в соответствии с докладом ВЭФ, относятся инфляция, образование в области менеджмента, борьба с монополизмом и ряд других (см. табл. 3).

Вместе с тем следует учитывать, что этот перечень не всегда точно отражает нынешнее положение дел. В частности, использованный ВЭФ показатель инфляции, как уже отмечалось, относится к 2008 году. Позднее, под воздействием ряда факторов, прежде всего глобального финансового кризиса, инфляция в Азербайджане значительно замед-

Таблица 3

10 наиболее слабых факторов конкурентоспособности Азербайджана

Факторы	Место в мировом рейтинге
Инфляция*	123
Качество школ управления	117
Антимонопольная политика	116
Барьеры внешней торговли	113
Детская смертность*	112
Развитость кластеров	111
Импорт (в процентах от ВВП)*	110
Регулирование рынка ценных бумаг	109
Устойчивость банковской системы	106
Внутренняя конкуренция	105
Образование (расходы)*	102

* Эти показатели основываются на статистических данных; остальные рассчитываются по результатам социологических опросов.

лилась. В январе — декабре 2009 года индекс потребительских цен по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года вырос всего на 1,5%⁹.

Определенные вопросы возникают и в связи с низким, с точки зрения экспертов ВЭФ, удельным весом импорта в ВВП. Известно, что это индикатор открытости экономики. В целом, отношение объема внешней торговли (как импорта, так и экспорта) к ВВП принадлежит к числу показателей, по которым обычно судят о степени «глобализированности» экономики государства. Однако сам по себе, без учета отраслевой структуры экономики и экспорта, динамики золотовалютных резервов страны и прочих подобных показателей, удельный вес импорта вряд ли достаточно репрезентативен для оценки конкурентоспособности государства. Это четко просматривается на примере Азербайджана, где низкий удельный вес импорта в ВВП вовсе не свидетельствует об относительной и, тем более, фактической недостаточности импорта. Даже при полном удовлетворении импортных потребностей страны ее золотовалютные резервы по-прежнему быстро растут, что обусловлено огромными — по масштабам экономики — доходами от экспорта нефти и газа.

Однако в целом результаты исследования, безусловно, весьма полезны для выявления «слабых звеньев» конкурентоспособности и в этом смысле обладают сильным конструктивным потенциалом.

⁹ См.: Данные Центрального банка Азербайджанской Республики [http://www.cbar.az/assets/86/qiymet_indeksinin_deyishmesi.pdf].

Вахтанг БУРДУЛИ

*Доктор экономических наук,
завотделом Института экономики им. П. Гугушвили
(Тбилиси, Грузия).*

Нанули АРЕВАДЗЕ

*Доктор экономических наук,
завотделом Института экономики им. П. Гугушвили
(Тбилиси, Грузия).*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА УРОВНЯ ЗАНЯТОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)

Резюме

Рассматриваются внешние и внутренние причины недостаточного уровня занятости в Грузии. Про-

анализированы пути улучшения структуры занятости по видам деятельности и регионам.

В в е д е н и е

Грузия — одна из немногих стран, где последствия постсоветского обвала экономики еще далеко не преодолены, хотя в последнее время и здесь наметилось ускорение роста ВВП и развитие некоторых отраслей инфраструктуры. В то же время задачи по оживлению экономики и увеличению занятости усложнились в связи с необходимостью преодолевать последствия августовской войны 2008 года и влияние глобального кризиса.

Без правильной реакции на сигналы глобального финансово-экономического кризиса невозможно избежать его серьезного воздействия на экономику страны и выполнить намеченную задачу роста занятости. Эта реакция предполагает как развитие экспортно-ориентированных производств (в малой стране открытость экономики значительно выше, и для преодоления чрезмерно отрицательного сальдо внешнеторгового баланса нужно значительно наращивать экспорт товаров и услуг), так и рост внутреннего товарооборота (внутристранового, внутрирегионального и межрегионального). А для этого помимо дальнейшего роста производства необходимо также обеспечить работающим достаточно высокий уровень зарплаты, а населению в целом — возможность получать дополнительные доходы в виде процентов на банковские вклады и облигации, дивидендов от акций и др. Кроме того, для увеличения массы предпринимателей и их доходов необходимо наряду с крупным бизнесом максимально поддерживать малый и средний бизнес. Этого можно добиться, создав в стране и ее регионах благоприятный инвестиционный климат и конкурентную среду.

Пути повышения занятости в современных условиях

Нынешний мировой кризис носит более глубокий характер, чем любая другая послевоенная рецессия. Его основной источник — постепенное нарастание несоответствий между финансовым и реальным секторами экономики, порождаемое научно-техническим прогрессом и соответствующим ростом производительности и снижением удельной материалоемкости и энергоемкости продукции¹. При этом необходимая институциональная и отраслевая реструктуризация обоих секторов экономики запаздывала в числе прочего из-за снижения значений и качества котировки ценных бумаг на фондовых биржах США — главной страны, обеспечивающей разработку и внедрение научно-технических достижений².

Кризис вызвал резкий рост безработицы во многих странах, хотя современный уровень производительности труда и технологий позволяет свести безработицу до минимального уровня при продуманной организации технологических и институциональных структур, включая государственную и рыночную координацию перераспределительных структур. В таких странах, как США, где были разработаны специальные программы преодоления кризиса, уже заметны тенденции постепенного выхода из рецессии.

¹ См.: Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики, 2009, № 3. С. 31.

² США лидируют в разработке и экспорте новых технологий, затрачивая на их разработку и получая от их реализации значительные финансовые средства (см., например: Куштин В. Факторы экономического кризиса и базис его преодоления // Экономист, 2009, № 3. С. 6; Семенова Е. Возможности инновационного типа развития // Экономист, 2006, № 3. С. 100; Любимцева С. Инновационная трансформация экономической системы // Экономист, 2008, № 9. С. 31—33).

Грузию, как и некоторые другие малые страны, текущий финансово-экономический кризис затронул в меньшей степени. Причин для этого несколько: помощь развитых стран, высокая доля сельского населения, закрытие многих предприятий еще до кризиса, в ходе трансформационного процесса (их работники или эмигрировали, или сменили сферу деятельности, или остаются безработными; их численность еще до начала кризиса составляла в Грузии около 13% экономически активного населения). Но влияние кризиса все-таки проявилось как в финансовой сфере (например, многие работники банков, как и в ряде развитых стран, потеряли работу), так и в реальном секторе, в частности в ряде отраслей, где в предыдущие годы наблюдалось значительное оживление (например, в строительстве). Из-за опасений инвесторов в связи с кризисом и, в определенной степени, с августовской войной сократился приток иностранных инвестиций в создание новых предприятий в реальном секторе экономики. Однако ситуация в этой сфере уже начинает улучшаться.

Чтобы не допустить более серьезного воздействия глобального кризиса на экономику страны и преодолеть его последствия в сфере занятости, а также создать условия для обеспечения максимального уровня занятости, необходима современная институциональная и технологическая организация финансового и реального секторов на уровне страны в целом и ее регионов.

Рыночная конкуренция — движущая сила научно-технического прогресса. Рост производительности, развитие ресурсосберегающих технологий ведут к постепенной реструктуризации производства, то есть изменению пропорций между промышленностью, сельским хозяйством, сферой услуг, НИОКР и др. Вместе с этим изменяется спрос на рабочую силу в различных отраслях и сферах деятельности (например, меняются пропорции между промышленностью и сферой услуг в пользу последней). Растет спрос на работников, занятых в сложных технологиях и в высокоинтеллектуальных видах деятельности.

Рост производительности труда иногда вызывает высвобождение работников в тех или иных отраслях. В то же время постоянно растет спрос на рабочую силу в НИОКР, а также в отраслях, вспомогательных по отношению к основному производству (в том числе разного рода финансовых организациях, учреждениях, предоставляющих деловые услуги, природоохранных организациях и т.п.). Правда, в условиях современного кризиса число занятых в финансовой сфере, как отмечалось, сократилось, но, в принципе, оно должно восстановиться после удовлетворяющей современным условиям институциональной и производственно-технологической реструктуризации финансовых систем: налогово-бюджетной, финансово-кредитной, инвестиционно-фондовой, включая их контрольно-мониторинговую составляющую. Вместе с тем часть занятых в НИОКР и в сфере внедрения сосредоточена в промышленности, строительстве, а также на вспомогательных предприятиях, способствующих развитию сельского хозяйства, что поддерживает рост занятости.

Анализ структуры занятости

Чтобы судить о состоянии и качестве структуры занятости в Грузии и ее регионах и более четко установить региональные факторы роста занятости, необходимо проанализировать соответствующую статистическую информацию и учесть другие обстоятельства, повлиявшие на текущее состояние дел.

Обвал производства в 1991 году, разрыв традиционных производственно-кооперационных и торговых связей со странами постсоветского пространства вызвал небывалый рост безработицы, особенно в городах. Часть людей, оказавшись без работы, была вынуждена сменить профессию, часть — эмигрировать, часть — переселиться в деревню.

В начале 1990-х годов тяжелое положение в сфере занятости усугубилось из-за притока беженцев из абхазского региона в результате этнической чистки коренного грузинского населения в большинстве районов Абхазии. В 2008 году к ним добавились и коренные жители грузинской национальности из Цхинвальского региона.

Определенное представление о существующей в Грузии ситуации в сфере занятости можно получить, сопоставив показатель уровня безработицы в стране с показателями других государств.

В ежегоднике статистического департамента Грузии приведены показатели уровня безработицы в постсоциалистических странах, в странах Западной Европы, США, Китае, Японии. В 2006 году, по официальным данным, в Грузии был зафиксирован очень высокий показатель — 13,6% экономически активного населения (в среднем за год), хотя в предыдущие годы в некоторых странах этот показатель был еще выше. Из тех стран, показатели которых приведены в статистическом ежегоднике, данный показатель сопоставим с показателем Польши — 13,8% и Словакии — 13,4%. В Бельгии он составлял 8,5%, в Латвии — 9,0%, Финляндии — 8,7%, Казахстане — 7,8%, Чехии — 6,0%. В соседнем Азербайджане уровень безработицы составляет всего 1,3% (при том, что цифры по Азербайджану отражают только безработицу среди проживающих в городах, которая в большинстве стран заметно выше усредненного показателя по стране в целом)³.

О том, что в Грузии и ее регионах абсолютное число занятых резко сократилось, говорит и тот факт, что во всех городах страны население заметно уменьшилось (кроме Зугдиди, где в результате притока беженцев численность населения возросла почти в полтора раза — с 49,6 тыс. в 1989 году до 72,1 тыс. в 2008 году). Хотя беженцы расселялись и в других городах, однако там численность населения сократилась. Так, в Тбилиси в 2008 году проживали 1 106,5 тыс. чел., что составляет 89,0% от уровня 1989 года. В Рустави численность населения в 2008 году составляла 117,3 тыс. чел., или 73,8% от уровня 1989 года. Особенно сильно уменьшилось население в городах с монопродуктовой специализацией: в Чиатура с 28,9 тыс. до 13,7 тыс. (47,4% уровня 1989 г.), в Ткибули с 22,0 тыс. до 13,9 тыс. (63,2%).

Если принять во внимание столь значительное сокращение населения в городах, станет ясно, что количество рабочих мест уменьшилось намного сильнее, чем можно заключить из официальных показателей безработицы, рассчитываемых по отношению к тому экономически активному населению, которое осталось в городах, ведь миграция происходила в основном как раз из-за потери рабочих мест.

Насколько остро в Грузии стоит проблема занятости, видно из соотношения числа безработных, зарегистрированных в службах занятости, и числа имеющихся вакансий: в 2006 году на одну вакансию приходилось 66 зарегистрированных безработных. Только в 2005 году в службах занятости было вновь зарегистрировано 34,3 тыс. чел. (в дополнение к тем, которые были зарегистрированы ранее): работу же через службы занятости получили только 3,4 тыс. чел.⁴

Для обеспечения роста занятости и увеличения доходов населения по стране в целом и в ее регионах необходимо улучшать структуру производства с учетом современных тенденций и необходимости максимизировать рост занятости.

Рассмотрим структуру занятости по сферам деятельности. Общая численность занятых колеблется в малых пределах (во всяком случае, до мирового финансово-экономического кризиса): в 2000 году численность занятых составляла 1 877,7 тыс. чел., в 2005-м — 1 744,6 тыс. чел., в 2006-м — 1 747,3 тыс. чел., в 2007-м — 1 704,3 тыс. чел.⁵ Доля занятых в сельском хозяйстве (включая охоту и лесное хозяйство) составляла в 2005 году 54,3%, в

³ См.: Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: State Department for Statistics of Georgia, 2008. P. 318.

⁴ См.: Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: State Department for Statistics of Georgia, 2006. P. 49.

⁵ См.: Statistical Yearbook of Georgia. 2008. P. 43.

2006-м — 53,4 %, в 2007-м — 53,4%⁶ (в большинстве развитых стран доля занятых в сельском хозяйстве не превышает 10%).

Продолжается сокращение рабочих мест в горнодобывающей промышленности. В 2000 году на нее приходилось 0,4% занятых, а в течение последних четырех лет ее доля колеблется в пределах 0,2%—0,3%. К сожалению, такая же тенденция наблюдается и в обрабатывающей промышленности (включая отрасли, производящие высокотехнологичные изделия или их компоненты, и перерабатывающие отрасли агропрома) — в 2000 году на нее приходилось 5,9% занятых, в 2006 году — 5,1%, в 2006-м — 4,7%, в 2007-м — 4,9%. А ведь во многих странах данная отрасль является главным источником доходов, в особенности экспортных поступлений.

Относительно хороший признак — рост доли занятых в строительстве. Однако выход из текущего мирового кризиса требует и иных путей обновления структуры экономики. Основные усилия должны быть направлены на создание новых рабочих мест и перераспределение занятых между сферами деятельности. Внешнеэкономический фактор требует координировать развитие строительства с современными мироэкономическими процессами. Фактор внутриэкономический требует наряду с офисным и жилищным сектором уделять больше внимания промышленному, гостинично-рекреационному и инфраструктурному строительству (в частности, сооружению объектов производственной инфраструктуры), а также строительству на селе (как жилищному строительству, так и сооружению разнообразных производственных объектов, причем без ущерба сельскохозяйственным угодьям).

Доля занятых в транспорте и связи колеблется от 4,0% в 2005 году до 4,2% в 2007 году. В развитых странах, как известно, эта доля, с учетом распространения компьютерно-информационных технологий, достаточно высока.

Тенденцию к незначительному росту числа занятых можно заметить в сфере коммунальных, социальных и личных услуг. В 2007 году ее доля составляла 2,6%. Растет этот показатель и в сфере торговли и ремонта автомобилей, бытовой техники и предметов личного потребления (к сожалению, в ежегоднике данные по отраслям торговли и ремонта не разделяются; их совокупная доля составляет 10,8%).

Из приведенных данных очевидно, что серьезная реструктуризация и обеспечение на этой основе роста занятости и доходов — необходимое условие экономического развития Грузии. Современная структура экономики очень отсталая: крайне низок удельный вес обрабатывающей промышленности по сравнению с показателем 1990 года и с показателем развитых стран. Это вызвано целым рядом причин. Среди них — накопившийся к 1990 году большой объем устаревших неконкурентоспособных технологий, использование которых было бессмысленно ввиду невозможности реализовать производимую на них продукцию; разбазаривание на предприятиях пригодных для использования технологий (например, продажа оборудования в качестве металлолома, который долгое время занимал первое место в списке экспортной продукции); резкий разрыв технологических связей и, как результат, торговых связей по реализации потребительской продукции (впрочем, последнее было характерно для всех постсоветских стран и даже затронуло некоторые капиталистические страны, имевшие тесные экономические взаимоотношения с Советским Союзом). Выжили только некоторые предприятия (например, производящий удобрения «Азот», цементные заводы, хлебопекарные и некоторые другие предприятия пищевой промышленности), на продукцию которых существовал устойчивый спрос на различных рынках.

В последнее время не обращали должного внимания на создание предприятий перерабатывающей промышленности и необходимой для их функционирования инфра-

⁶ См.: Statistical Yearbook of Georgia. 2008. P. 44—45.

структуры. Если сравнить численность занятых в этих сферах с созданной там добавленной стоимостью, то выйдет, что в промышленности (к сожалению, в условиях резкого снижения ее объема и численности занятых в ней работников) на одного занятого приходится примерно в 10 раз больше созданной добавленной стоимости, чем в сельском хозяйстве. Это свидетельствует, во-первых, о не совсем точном учете продукции, произведенной в домашних хозяйствах, во-вторых, о преувеличении в статистических материалах реальной численности занятых в сельском хозяйстве, в третьих, о недостаточно высокой производительности труда в сельском хозяйстве (из-за отсутствия техники, вспомогательных производств, консультационных и иных необходимых служб и по другим причинам).

В Грузии высокий уровень безработицы обусловлен, помимо прочего, недостаточной скоростью роста, вернее, недостаточностью механизмов обеспечения роста занятости в тех сферах, которые наиболее востребованы в странах с рыночной экономикой. В современных условиях отставание во внедрении современных технологий оказывается одной из главных причин неспособности многих местных производителей конкурировать с импортной продукцией. Исправить такое положение невозможно без надлежащей помощи со стороны государственных и частных институционально-финансовых структур и других необходимых организаций содействия бизнесу. В Грузии давление импорта таково, что объем его превышает объем экспорта на 4 млрд долл., или более чем в четыре раза.

Заслуживает внимания информация о доходах занятых в региональном разрезе (к сожалению, в статистических ежегодниках последних лет (после 2004 г.) такие данные не представлены). В 2004 году в целом по Грузии средняя номинальная зарплата занятых по найму составляла 156,8 лари⁷, в том числе по регионам: Тбилиси — 218,7 лари, Аджарская АР — 155,1 лари, Гурия — 89,0 лари, Имерети — 110,3 лари, Кахети — 83,7 лари, Мцхета-Тианети — 89,2 лари, Рача-Лечхуми и Нижняя Сванети — 69,3 лари, Самцхе-Джавахети — 103,8 лари, Квемо Картли — 142,8 лари, Внутренняя Картли — 112,0 лари⁸. Несмотря на то что информация представлена за 2004 год, она в определенной мере актуальна и на сегодняшний день. Как видно из приведенных данных, имеет место значительный разброс уровня доходов занятых в разных регионах (при этом пропорции очевидно не очень изменились за последние годы). Поэтому эта информация заслуживает внимания с точки зрения разработки и проведения региональной политики по увеличению и определенному выравниванию доходов населения по регионам Грузии в процессе реструктуризации экономики. Очевидно, что необходима более подробная информация о численности и характеристиках экономически активного населения по регионам, с тем чтобы выработать обоснованную стратегию роста занятости и доходов занятых, привлечения в регионы новых технологий и увеличения из них экспорта продукции и т.д.

Что же касается среднемесячной зарплаты занятых в разрезе видов деятельности, то имеется возможность проследить ее динамику за последние годы. В 2004 году среднемесячная зарплата занятых в экономике в целом была 156,8 лари, а в 2008-м — 534,9 лари, в том числе: в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве соответственно 68,0 и 299,3 лари; в рыбном промысле — 60,1 и 211,1 лари; в горнодобывающей промышленности — 179,5 и 808,9 лари; в обрабатывающей промышленности — 183,8 и 510,5 лари; в производстве и распределении энергии, газа и воды — 259,2 и 738,3 лари; в строительстве — 264,5 и 597,3 лари; в торговле, ремонте автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования — 107,9 и 510,6 лари; в гостиницах и ресторанах — 70,3 и 333,6 лари; в транспорте и связи — 229,1 и 667,7; в финансовой деятельности — 739,3 и 1 343,5 лари; в опера-

⁷ В последнее время курс лари колеблется в пределах 1,62—1,67 лари за доллар.

⁸ См.: Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: State Department for Statistics of Georgia, 2005. P. 71—72.

циях с недвижимостью, аренде и услугах 125,5 и 540,1 лари; в государственном управлении — 192,4 и 869,5 лари; в образовании — 88,7 и 243,7 лари; в здравоохранении и социальном обеспечении — 80,3 и 305,8 лари; в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг — 123,2 и 408,7 лари⁹.

За последние годы уровень заработной платы во всех сферах постепенно растет. Однако этот рост еще не так велик, чтобы широкие слои населения могли участвовать в динамичном товарообороте, а без этого невозможно эффективное развитие экономики страны и ее регионов.

Региональные факторы роста занятости и рационализации ее структуры

К региональным факторам роста занятости, на наш взгляд, относятся расширение государственной и рыночной координации развития предпринимательства и социально-экономической сферы; создание и функционирование действенного механизма региональной финансовой системы (налогово-бюджетной, финансово-кредитной и инвестиционно-фондовой); региональная диверсификация производства в городах и на селе; развитие инфраструктуры товаропродвижения (в том числе в экспортных целях) в регионах; создание системы профессиональной подготовки и переподготовки работников с учетом конкретных условий регионов и экономической конъюнктуры и др.

Все эти факторы можно разделить на факторы-действия, обеспечивающие реализацию намеченной стратегии, и факторы-обстоятельства, которые необходимо учитывать при разработке и реализации стратегии регионального развития.

Факторы-действия, которые должны обеспечить рост занятости и рационализацию ее структуры:

- 1) *Расширение функций региональной государственной и рыночной координации*¹⁰ — один из самых значительных факторов обеспечения роста занятости в регионах и рационализации ее структуры по видам деятельности. Эта мера связана с определенной децентрализацией некоторых функций управления, расширением полномочий и ответственности территориальных звеньев государственного управления (при одновременном усилении контрольных функций Центра, в особенности по отношению к использованию средств, выделяемых центральными государственными органами для реализации на территориальном уровне определенных программ). Развитие же функций рыночной координации выражается, например, в создании и функционировании различных ассоциаций предпринимателей, которые заключают с государственными органами договоры, определяющие взаимные обязательства (например, установление центральными или территориальными государственными органами налоговых или других преференций предпринимателям в обмен на расширение ими экспорта или создание допол-

⁹ См.: Statistical Yearbook of Georgia. Tbilisi: State Department for Statistics of Georgia, 2009. P. 47.

¹⁰ См.: Григорьев С. Местное управление в Великобритании // Вопросы экономики, 1991, № 9; Boudville J.-R. Problems of Regional Economic Planning. Edinburg, 1996; Бурдули В. Координация социального и экономического развития на региональном и локальном уровне. Тбилиси: Меридиан, 2006 (на груз. яз.); Абесадзе Р., Бурдули В. Пути инновационного развития в условиях глобализации. В кн.: Сборник научных трудов Института экономики им. П. Гугушвили. Т. I. Тбилиси: Издательство института экономики им. П. Гугушвили, 2008 (на груз. яз.); Одишцова А. Территориальное управление во Франции // Вопросы экономики, 1991, № 5.

нительных рабочих мест; подобные договоры могут заключаться и с отдельными крупными компаниями), или же в создании таких ассоциаций предпринимателей, которые в установленных рамках определяют условия добросовестной конкуренции (например, по определению средних цен на определенные продукты на определенных рынках в определенный промежуток времени¹¹). Такие ассоциации могут инициировать мероприятия по улучшению условий на каком-либо рынке (например, по увеличению занятости, развитию инновационной деятельности и др.).

- 2) *Установление в регионах действенного механизма финансового обеспечения.* В развитых странах он охватывает три основные ветви: налогово-бюджетную¹², финансово-кредитную и фондово-инвестиционную системы (две последние включают специальные совместные фонды, аккумулирующие государственные и частные средства; банки или их региональные филиалы; рынки акций, облигаций, других ценных бумаг; венчурный капитал)¹³.
- 3) *Механизмы стимулирования региональной диверсификации производства.* Регионы или другие территориальные единицы, специализирующиеся на производстве одного или нескольких продуктов, часто попадают в депрессивное состояние. Так, специализирующиеся лишь на добыче сырья (каменный уголь и марганец) города Грузии Ткибули и Чиатура в процентном выражении потеряли намного больше населения, чем остальные города страны. В развитых странах этот факт уже давно принимается во внимание, и, чтобы не допустить возникновения экономической депрессии подобного типа, в системы координации регионального развития включается **механизм стимулирования региональной диверсификации** производства. На селе это выражается в учете природных условий, потребностей в том или ином продукте и возможностей экспорта, необходимости севооборота или же сохранения ценных многолетних культур. В городах это учет потребностей регионов и страны в целом в производимых товарах, а также учет необходимости обновления технологий. Таким образом, диверсификация регионального производства представляет весомый фактор увеличения занятости и сохранения ее на высоком уровне.
- 4) *Создание структур и организаций в сельской местности.* На селе необходимо создавать, с учетом специфики каждого региона, организационно-экономические структуры, позволяющие интенсифицировать сельское хозяйство и по мере возможности производить экологически чистую продукцию. Это помогло бы обеспечить работой и доходами достаточно большое количество экономически активного населения.

В некоторых регионах необходимо также создавать и развивать государственные и, в особенности, частные вспомогательные центры и хозяйства (консультационные, селекционные, племенные и др.). Вместе с тем большое внимание следует уделить использованию интеллектуального потенциала¹⁴. Ведь общеизвестно, что действенное использование в частных хозяйствах как новых, так и традиционных технологий требует наличия соответствующих знаний.

¹¹ См.: Маневич В. О закономерностях становления рынка // Вопросы экономики, 1993, № 3.

¹² См.: Беридзе Т., Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. Баку: Нурлан, 2004. С. 114—123 (см. также: Бурдули В. Указ. соч. С. 86—137).

¹³ См.: Бурдули В. Указ. соч. С. 139, 144—148.

¹⁴ См.: Абесадзе Р. Факторы экономического развития. В кн.: Сборник трудов Института экономики им. П. Гугушвили АН Грузии: «Проблемы развития рыночной экономики Грузии». Т. IV. С. 60—61 (на груз. яз.); Абесадзе Р., Сарчимелия Р., Аревадзе Н., Мелашвили М. Проблемы экономического развития и прогнозирования. Тбилиси: Универсал, 2004. С. 20—21 (на груз. яз.).

- 5) *Развитие региональных центров притяжения.* В таких центрах, в том числе и особых экономических зонах инновационного и экспортно-промышленного направления, наряду с объектами основного производства должны действовать и вспомогательные структуры финансового и нефинансового назначения. Эти центры могут стать основным звеном обеспечения роста занятости.
- 6) *Развитие инфраструктуры товаропродвижения на селе и в городе.* Такие инфраструктуры,
- во-первых, помогут расширить возможности для сбыта и для оптимизации номенклатуры произведенной продукции;
 - во-вторых, будут способствовать повышению конкурентоспособности продукции;
 - в-третьих, обеспечат работой определенное количество работников, в том числе специалистов-маркетологов.

Особо следует выделить важность специализированных организаций товаропродвижения. Они содействуют экспорту товаров и услуг, занимаются закупками, консультируют по вопросам маркетинга, разработки оптимальной стратегии выхода на зарубежные рынки (для чего в развитых странах существуют соответствующие организации, в частности исследовательские институты)¹⁵.

- 7) *Разработка специальных программ с соответствующим финансовым обеспечением.* Такие программы разрабатываются во многих странах для ускорения развития регионов и относительного выравнивания их уровня, а также для содействия росту занятости¹⁶.
- 8) *Создание центров переподготовки кадров.* Это необходимо из-за развития технологий и устаревания некоторых видов деятельности. В ряде развитых стран такие центры предусмотрены законодательством, обеспечены соответствующими организационными и финансовыми ресурсами, создаются и действуют как на государственном (преимущественно региональном), так и на корпоративном уровне. В некоторых странах даже стабильно трудоустроенным работникам государство предоставляет возможность бесплатно освоить альтернативные специальности. Это позволяет им в случае потери рабочего места быстро трудоустроиться в другой сфере деятельности. В настоящее время практика переподготовки является одним из факторов сохранения в регионах высокого уровня занятости даже в условиях кризисных явлений в отдельных сферах деятельности.
- 9) *Развитие коммунальных, коммуникационных и др. объектов вспомогательного производства* (например, на селе — мелиоративных служб) как общегосударственного, так и регионального масштаба также является важным фактором роста уровня занятости, создавая возможность трудоустройства как на строительстве объектов, так и при их эксплуатации.

¹⁵ См.: *Добросоцкий В.* Государственное регулирование продовольственного рынка (зарубежный опыт) // МЭиМО, 2000, № 9; *Семенова Е.* Указ. соч.

¹⁶ См.: *Никитина М.* Модели инновационного развития на примере республики Турция // МЭ и МО, 2006, № 3; *Семенова Е.* Указ. соч.; *Сенчагов В.К.* О японском опыте управления // Вопросы экономики, 1990, № 5; *Тацуно Ш.* Стратегия — технополисы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989; *Didier P.* Le Nord — Pas-de-Calais fase aux nouvelles dynamiques économiques: pratiques et enjeux de l'aménagement regional // Hommes et terres nord, 1989, No. 4; *Martin P., Nonn H.* Stratégies des acteurs publics en Alsace en matière de développement économique et d'aménagement: 1982—1989 // Hommes et terres nord, 1989, No. 4.

Факторы, отражающие обстоятельства (тенденции, особенности, требования), которые следует принимать во внимание при разработке стратегии социального и экономического развития страны и ее регионов:

- 1) *Фактор глобализации.* В условиях глобализации расширяются возможности и набор инструментов региональной координации социально-экономического развития. Это относится как к регионам, охватывающим ряд стран, так и — что особенно важно для нашего исследования — к регионам внутри отдельных стран. Возможность переноса (распространения) современных технологий и размещения их в различных регионах отдельных стран усиливает межстрановую, а внутри страны — межрегиональную конкуренцию за внедрение выгодных производств во всех сферах экономической деятельности (финансовой, промышленной, переработке сельскохозяйственной продукции, инновационной и т.д.). Использование этих преимуществ глобализации может помочь Грузии в создании новых рабочих мест и относительно выравнивании технологического уровня ее регионов.
- 2) *Постоянная реструктуризация экономики в целом и в рамках отдельных регионов.* Она необходима, чтобы ускорить реализацию генерируемых научно-техническим прогрессом новшеств. Данная задача требует появления множества средних и, в особенности, мелких предприятий. Это, в свою очередь, вызывает рост спроса на работников, создает возможность для их эффективного распределения по сферам деятельности. Процесс реструктуризации затрагивает как страну в целом, так и ее регионы и представляет, при правильной его координации, самый значительный фактор роста и рационализации структуры занятости. Этот фактор является фактором-обстоятельством (обусловленным научно-техническим прогрессом и глобализацией) и фактически представляет собой предпосылку перехода на новый производственно-технологический уклад¹⁷. В то же время он является и фактором-действием, для осуществления которого необходимо разработать и реализовать соответствующую программу в условиях тесного взаимодействия государственных и рыночных механизмов в регионах.
- 3) *Проведение правильной экономической политики при интенсификации сельскохозяйственного производства и применении новых технологий в сельском хозяйстве.* В Грузии, в отличие от многих стран, эти процессы не обязательно должны приводить к сокращению удельного веса сельских жителей в общей численности населения. Во-первых, в Грузии вообще не практикуется использование сезонной рабочей силы; во-вторых, для производства сравнительно экологически чистой сельскохозяйственной продукции необходимо максимально использовать органические удобрения, а для их переработки требуется дополнительная рабочая сила; в-третьих, сложность рельефа требует постоянных работ по укреплению и облагораживанию почв (в некоторых районах Грузии — террасного земледелия), что создает потребность в дополнительной рабочей силе. Поэтому в Грузии возможно избежать резкого изменения в соотношении численности городского и сельского населения и придать этому процессу постепенный характер.
- 4) *Увеличение численности населения в городах на уровне регионов,* в особенности в региональных центрах. В них должно развиваться производство на основе использования новых конкурентоспособных технологий. Развитие в регионах го-

¹⁷ См.: Глазьев С. Указ. соч. С. 27, 31.

родов — центров притяжения¹⁸ (в английской терминологии — growth poles, growth centers, centers of gravity)¹⁹, а также особых экспортно-промышленных и инновационных экономических зон. Это в условиях продуманной структурной политики поможет увеличить в регионах долю занятых в наукоемких и других актуальных сферах деятельности.

Пути развития региональной экономики с учетом местных факторов роста занятости и рационализации ее структуры

В настоящее время в регионах страны должна осуществляться политика обеспечения роста занятости и рационализации ее структуры с учетом всех обстоятельств, способствующих достижению эффективной занятости (реструктуризация, трудоустройство молодежи, регистрация безработных, определение вариантов их подготовки, переподготовки и обеспечения работой и др.). Для этого в структуре региональных органов власти необходимо создавать специальные организации, занимающиеся разработкой стратегий социально-экономического развития регионов²⁰ (на наш взгляд, целесообразно было бы включить в их состав и подразделения по подготовке и реализации программ обеспечения занятости). Важным фактором роста и поддержания занятости как на селе, так и в городе является диверсификация регионального производства. Ее стратегию должны разработать местные органы управления с привлечением научно-исследовательских организаций.

Региональные «моногорода» зачастую впадают в экономическую депрессию из-за падения спроса на соответствующий продукт. В селе же такую ситуацию могут вызвать и неблагоприятные природные обстоятельства или чрезмерное воздействие на какую-либо культуру или породу скота естественных вредителей (грибков, бактерий, гусениц). В постсоветских странах еще не полностью преодолены такие причины экономической депрессии, как использование устаревших технологий, производящих неконкурентоспособную продукцию, отставание сферы НИОКР, а также отсутствие вспомогательных производств, обеспечивающих внедрение и эксплуатацию новых технологий.

Ясно, что монопродуктовое и монокультурное хозяйство ни в городе, ни на селе не способно обеспечить стабильное экономическое развитие, в особенности в условиях глобализации. В этих условиях диверсификация производства и создание механизма своевременного обновления технологий становится главным инструментом достижения высокого уровня занятости.

Без создания в регионах действенного механизма финансового обеспечения и стимулирования экономической деятельности невозможны никакие другие меры по увеличению занятости. Такая система в развитых странах включает региональную бюджетно-налоговую систему, доходная часть которой включает и трансферты от центра в регионы, а также финансово-кредитную систему (банки или их региональные филиалы,

¹⁸ См., например: Кузьмин С., Кузьмин Д. К становлению местного самоуправления: экономика и социальное развитие населения // *Экономист*, 2003, № 3. С. 57.

¹⁹ См., например: *Growth Poles and Growth Centres in Regional Planning* / Ed. by A Kuklinski. Paris, The Hague, 1972.

²⁰ См.: *Didier P.* Op. cit.; *Martin P.* Op. cit.

специальные региональные фонды, в которых мобилизуются государственные и частные средства). Эти две системы частично являются смежными и обе играют значительную роль в обслуживании реального сектора экономики. Механизмы взаимодействия финансовых систем с производством должны быть выстроены таким образом, чтобы обеспечивать и стимулировать своевременное внедрение новых и обновление действующих технологий.

В регионах необходимо также создавать вспомогательную нефинансовую инфраструктуру, без которой невозможно развитие современного конкурентоспособного производства и, следовательно, обеспечение роста занятости. В городах в такую инфраструктуру входят консультационные (консалтинговые) центры (в том числе содействующие сельскохозяйственной деятельности), инжиниринговые фирмы, маркетинговые и другие организации и предприятия товаропродвижения, инкубаторы бизнеса, центры профессиональной переподготовки. В деревне это селекционные и племенные станции (фирмы), объекты долгосрочного хранения продуктов (холодильники, элеваторы, картофелехранилища и т.д.), службы-фирмы, обеспечивающие мелиоративные и рекультивационные работы, природоохранное техническое обслуживание и др.

Без развития региональных центров притяжения невозможно надлежащее размещение упомянутых структур. Центры притяжения — это главное ядро размещения предприятий не только основного, но и вспомогательного сектора. В течение последних десятилетий в регионах многих стран возникли центры притяжения нового типа — технополисы, экспортно-промышленные зоны, технопарки²¹. Два первых можно совместить с городами — центрами притяжения. Технопарки же могут размещаться как в подобных городах, так и на других подходящих территориях²². Создание и развитие таких структур потребует привлекать капитал, в том числе иностранный.

Такие центры представляют собой важный фактор роста экономики и региональной занятости, а также улучшения сальдо внешнеторгового баланса. Без их создания в современных условиях невозможно достичь конкурентоспособности продукции и обеспечить своевременное обновление технологий.

З а к л ю ч е н и е

В настоящий период рост занятости и улучшение ее структуры по видам деятельности в Грузии и ее регионах сдерживается рядом внешних и внутренних обстоятельств, в число которых входят как проблемы незавершенной посткоммунистической трансформации, так и проблемы, связанные с мировым финансово-экономическим кризисом. Вместе с тем сам мировой экономический кризис вызван рядом обстоятельств, требующих перехода к новому технологическому укладу.

В связи с этим необходимо, с учетом особенностей развития каждого региона, разработать и провести в жизнь специальные стратегии и программы по обеспечению развития конкурентоспособных производств в реальном секторе экономики. Здесь следует наметить конкретные цели регионального экономического и социального развития, определить механизмы и инструменты государственного и рыночного содействия развитию современного технологического уклада в городах и на селе. Предусмотрены меры эффективного использования регионального потенциала (в том числе трудового и интеллектуального), координации обновления эффективных традиционных технологий, принципы и механизмы содействия выбору наиболее перспективных производств. Успех во многом

²¹ См.: Никитина М. Указ. соч.; Семенова Е. Указ. соч.

²² См.: Абесадзе Р., Бурдули В. Указ. соч.

будет зависеть от правильного выбора соответствующих институциональных форм организации и взаимодействия производств и механизмов стимулирования развития малых и средних предприятий. Только осуществление таких комплексных мер, на наш взгляд, может способствовать обеспечению роста занятости и рационализации ее структуры как в целом в Грузии, так и в ее регионах.

Иза НАТЕЛАУРИ

*Доктор экономики, ассоциированный профессор
Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили,
завотделом Института экономики им. П. Гугушвили
(Тбилиси, Грузия).*

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И КРАТКОСРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (ПРИМЕР ГРУЗИИ)

Р е з ю м е

На примере Грузии рассмотрена модифицированная рыночная модель эффективной занятости; проанализированы

1) микроэкономические аспекты занятости в современной Грузии — процесс

формирования рынка труда, степень балансирования спроса-предложения рабочей силы, цена труда и механизм ценообразования на труд;

2) связанные с занятостью краткосрочные экономические эффекты.

В в е д е н и е

В условиях Грузии, как и остальных посткоммунистических стран, рыночная модель эффективной занятости представляет собой модификацию и социалистической модели полной занятости, и традиционной рыночной модели эффективной занятости. В ней отражены специфические особенности занятости — как вызванные кризисным состоянием экономики, так и переданные по наследству от прошлого.

- а) Исходя из кризисного состояния экономики, большое внимание уделяется мерам поощряющим широкомасштабную занятость, защиту безработных, стимулирование спроса на рабочую силу и т.д.

- б) Что касается наследства коммунистического прошлого, в посткоммунистических странах сохраняется активная роль государства, менталитет населения и характер мотивации труда. Их эффект носит долгосрочный характер.
- в) Остаются актуальными различные меры, призванные воздействовать на спрос и предложение рабочей силы: чтобы повысить спрос на рабочую силу, необходимо создавать новые рабочие места, развивать предпринимательство (стимулировать создание малых предприятий), организовывать разного рода оплачиваемые работы, создавать рабочие места для людей с ограниченными возможностями и т.д. Для роста предложения рабочей силы необходимо систематическое повышение профессионально-квалифицированного уровня персонала, развитие самозанятости, регулирование миграционных процессов и т.д.

Особенности модификации рыночной модели эффективной занятости в посткоммунистической Грузии

Различают модели полной и эффективной занятости¹.

Модель полной занятости в ее классической форме была реализована в бывших социалистических странах. Там не существовало безработицы: все трудоспособное население, за редкими исключениями, было занятым, что обеспечивалось государством. Именно оно создавало рабочие места, распределяло их среди населения и выплачивало заработную плату. Зарплата была основным источником существования занятых и членов их семей.

В отличие от модели полной занятости, в рамках которой единственным работодателем было государство и труд работников оплачивался из фонда заработной платы (составной части национального дохода) на основе так называемых «научно обоснованных ставок», — рыночная модель эффективной занятости отражает зависимость между нанимателями и нанимаемыми, сформулированную в виде трудового соглашения. Оплата труда осуществляется из доходов нанимателей в соответствии с количеством и качеством труда нанимаемых и с учетом окончательных результатов их труда.

В рамках рыночной модели эффективной занятости спрос и предложение на рабочую силу уравновешены преимущественно рыночными механизмами; наряду с занятостью возможна и безработица, а обязанность государства — удерживать безработицу на естественном уровне при активной роли профсоюзов и высоком уровне профессиональной и территориальной мобильности внутри страны.

В посткоммунистических странах, в том числе в Грузии, модель полной занятости заменена модифицированной рыночной моделью эффективной занятости². Модификация обусловлена макроэкономическим прошлым нынешней ситуации с занятостью, экономическим кризисом постсоветского периода и микроэкономическим настоящим и будущим занятости.

¹ См.: Нателаури И. О модифицированной модели эффективной занятости в странах с переходной экономикой. Сборник материалов научно-практической конференции экономистов Грузии. Тбилиси: Изд-во Института экономики им. П. Гугушвили, 2008; Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе / Под ред. Н. Бара. М.: ИКЦ «ДИС», 1997; Слезингер Г.Э. Труд в условиях рыночной экономики. М.: Институт труда Министерства труда РФ, 1996.

² См.: Нателаури И. Актуальные проблемы занятости в Грузии: посткоммунистический период. Тбилиси: Изд-во Института экономики им. П. Гугушвили, 2009.

В макроэкономическом прошлом можно выделить три важнейших фактора, имеющих долгосрочные последствия: роль государства как владельца огромного имущества и единственного работодателя, менталитет занятых и характер мотивации труда. Их воздействие на функционирование рынка труда и занятости было и до сих пор остается весьма существенным.

В связи с влиянием экономического кризиса на занятость необходимо отметить, что в посткоммунистической Грузии экономический кризис был обострен реформой общественно-политической системы и нарушением экономических связей, инфляционными процессами и тяжелейшим социальным фоном. Действующие предприятия оставались, а новые не были созданы. Большая часть трудоспособного населения осталась без работы. Это внесло коррективы в рыночную модель занятости, создало дисбаланс спроса и предложения на рынке труда и изменило механизм ценообразования на рабочую силу.

Что касается микроэкономических аспектов занятости, то под ними подразумевается процесс формирования рынка труда, степень сбалансированности спроса и предложения на рабочую силу, цена труда и механизм ценообразования на труд.

В современной Грузии у рынка труда пока нет необходимой инфраструктуры, он находится в процессе стихийного формирования. Это происходит в условиях обостренного социального фона, параллельно с экономическим кризисом и под его сильным воздействием. При этом важной особенностью рынка труда является дисбаланс спроса и предложения. На начальном этапе экономического кризиса (в 1990—1994 гг.), когда в массовом порядке останавливались старые предприятия и не удалась модернизация на тех, где она была возможна, множество занятых оказались безработными. Создалась ситуация избыточного предложения, ухудшился социальный фон, началось дробление штатных единиц, искусственное увеличение количества рабочих мест; рядом с официальной безработицей появилась так называемая неофициальная. Среди безработных оказались инженеры, физики, врачи и высококвалифицированные специалисты других профилей. Из-за устоявшегося в течение многих лет менталитета они не могли себе представить, как можно работать продавцами, нянями, шоферами, официантами и т.д., то есть занимать должности, не требующие высшего образования.

Избыточное предложение рабочей силы оказалось самой значительной из причин неблагоприятного социального фона, и правительство вынуждено было прибегнуть к активным действиям для решения этой проблемы. С помощью МВФ и ВБ стали проводиться мероприятия по стабилизации экономики³.

В 1994 году приступил к работе парламент Грузии первого созыва, который принял пакет важнейших законов, в том числе закон «О предпринимателях». Осуществилась реформа денежно-кредитной системы, активизировались внешнеэкономические связи, сформировался запрос на профессиональную и территориальную мобильность, которая еще больше возросла в результате реформирования экономики.

Это принесло результаты. В 2003—2007 годах создавались новые рабочие места в правоохранительных органах, в системе образования, в правительственных структурах и т.п., часто требовавшие работников с новыми специальностями. В результате в отдельных регионах и по отдельным специальностям возникли даже локальные превышения спроса на рабочую силу над ее предложением. Это наглядно проявилось в ходе конкурсов на замещение вновь появившихся вакантных должностей. Впрочем, такого рода локальные дисбалансы с избыточным спросом на рабочую силу в определенных регионах и по определенным специальностям наблюдались в стране и раньше. Так, в высокогорных регионах спрос на учителей, врачей и других специалистов по-

³ См.: *Панава В.* Международный валютный фонд в Грузии: достижения и ошибки. Тбилиси, 2000.

добного рода, как правило, превышал предложение всегда, в том числе и в годы резкого падения занятости.

Спрос на рабочую силу растет и благодаря развитию предпринимательства, в частности, поощрению создания и функционирования малых предприятий, организации оплачиваемых общественных работ и мерам по трудоустройству людей с ограниченными возможностями.

Что касается предложения, главной проблемой является несоответствие квалификационного уровня и профессионально-квалификационная структуры рабочей силы наличному спросу. В Грузии она чрезвычайно обострилась, когда закрылись многие действующие предприятия и большинство существовавших профессий стали ненужными. Многие поменяли профессии, став бухгалтерами, шоферами или продавцами. Серьезная профессиональная переподготовка понадобилась учителям в связи с реформой системы образования, врачам, полицейским и лицам многих других специальностей. Появились и новые профессии: менеджер, маркетолог и др. В будущем понадобится уделить достаточное внимание подготовке специалистов, соответствующих требованиям рыночной инфраструктуры.

Признано, что при формировании предложения на рынке труда большую роль играет самозанятость, которая в Грузии имеет всего пятнадцатилетнюю историю. Число самозанятых в стране растет из года в год и уже намного превышает численность работающих по найму. Среди мероприятий, поощряющих самозанятость, можно отметить льготные кредиты, в особенности в сельском хозяйстве, и налоговые льготы.

Для современной Грузии одной из важнейших мер по формированию предложения рабочей силы является регулирование внутренних и внешних миграционных процессов. В ходе экономического кризиса немало граждан Грузии в поисках работы выехали за границу. Многие из них вынуждены работать нелегально. Высокий уровень внешней миграции — еще одно свидетельство дисбаланса спроса и предложения на рынке рабочей силы.

Что касается цены труда и механизма ценообразования на труд, в Грузии они далеки от совершенства. Зарплата не выполняет ни одной из своих функций: воспроизводственной, социальной, регулирующей. Существующие зарплаты создают дискриминационную среду на рынке труда и не удовлетворяют даже физиологических потребностей граждан и их семей — о воспроизводственных и стимулирующих функциях и речи нет. Подобная ситуация указывает на кризис в экономике. Об этом же говорит и то, что зарплата в стране не выполняет функцию балансирования спроса и предложения рабочей силы и представляет собой результат **договоренности** определенных сил на рынке труда⁴.

Занятость и краткосрочные (мгновенные) экономические эффекты

Общеизвестно, что между объемом производства и производственными факторами (трудом и капиталом) существует функциональная зависимость. Когда растет спрос на какой-нибудь товар, естественная реакция производителей — увеличение объема производства. Первое, что они при этом делают, — увеличивают количество занятых, то есть

⁴ См.: Нателаури И. Микроэкономические аспекты занятости в Грузии. Материалы международной научной конференции: «Проблемы эффективного функционирования общества и государства». Тбилиси, 2008; Ториа М. Формирование рынка труда в переходный период // Социальная экономика, 2007, № 7; Трудовой кодекс Грузии. Тбилиси, 2008.

стараятся достичь краткосрочных эффектов за счет максимального увеличения загрузки имеющихся производственных мощностей. Далее начинается расширение производства на базе действующих предприятий путем приобретения дополнительной техники, технологических линий и т.д. Окончательные результаты от увеличения объема капиталовложений достигаются в среднесрочной перспективе. В случае успеха продолжается широко-масштабное расширение производства, подразумевающее как открытие новых предприятий, так и реконструкцию и модернизацию старых. В этом случае получение окончательных результатов требует длительного времени.

Возможность быстро наращивать объем производства за счет увеличения количества занятых и максимизации загрузки производственных мощностей различна в разных сферах экономики, в разных отраслях, на предприятиях и фирмах с разными профилями. Так, в условиях стабильного экономического развития действующим предприятиям при росте спроса гарантирован успешный сбыт. Возможность успешного сбыта побуждает увеличивать объем производства путем увеличения загрузки производственных мощностей (например, путем увеличения сменности). У предприятий появляется реальный шанс получать дополнительную прибыль, в основном за счет внутренних ресурсов и дополнительного привлечения рабочей силы на действующих предприятиях. В условиях экономического кризиса, когда безработица превышает естественный уровень и имеется излишек рабочей силы, увеличение объема производства с ростом спроса вроде бы не должно представлять никакой проблемы. В реальности, однако, несмотря на наличие и спроса и предложения, достичь экономического равновесия не удастся. Причина заключается в невозможности прийти к соглашению о цене между производителями и потребителями.

В посткоммунистической Грузии 1990-х годов перестали функционировать многие предприятия⁵. Причина заключалась в нарушении старых экономических связей и отсутствии новых. Было невозможно как снабжать предприятия сырьем, так и, в особенности, реализовывать произведенную продукцию. В Грузии ее сбыту мешало низкое качество и действовавший механизм ценообразования.

Из-за остановки большинства предприятий выросла безработица. В стране появились излишние незанятые трудовые ресурсы. Расширить производство до желаемых масштабов не удастся до настоящего времени. В качестве примера рассмотрим ситуацию в системе медицинского обслуживания.

Очевидно, что в стране имеется избыточное количество как высококвалифицированных врачей, так и лиц, желающих получать медицинское обслуживание. Иными словами, в сфере медицинского обслуживания имеется как спрос на медицинский персонал, так и его предложение. Проблему представляет только соглашение о цене между потребителями и теми, кто предлагает данные услуги.

Аналогичная ситуация складывается и в туризме, в особенности в местном, в курортном хозяйстве, в образовании и в других сферах.

Отдельного обсуждения, с точки зрения занятости, заслуживает банковский сектор. В течение последних лет банки выступали вначале как наиболее привлекательные работодатели, а потом как организации, массово освобождающие молодых квалифицированных специалистов.

В случае с Грузией проблемы в банковском секторе возникли в связи с военными действиями в 2008 году. В частности,

- 1) население постаралось изъять из банков свои средства;
- 2) основная часть изъятых средств обратно не вернулась;

⁵ См.: Беридзе Т., Исмаилов Э., Папав В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. Баку: Нурлан, 2004.

- 3) усилились инфляционные ожидания, и не без основания, что сделало деньги менее привлекательным активом;
- 4) в тех районах, где шли военные действия, была уничтожена собственность юридических и физических лиц, в том числе и банков.

Практически невозможным стало возвращение выданных кредитов, от чего создались дополнительные проблемы в банковском секторе.

Вполне понятна осторожность банков при выдаче кредитов и найме персонала. Проводимая ими кадровая политика имеет объективную основу и в ближайшее время не изменится к лучшему.

Что касается предприятий, действующих на территории Грузии, их можно разделить на две группы: предприятия, ориентированные на внутренний рынок, и предприятия, ориентированные на экспорт. Предприятия, ориентированные на внутренний рынок, имеют все возможности увеличить производство и получить за счет роста числа занятых краткосрочные эффекты. Риск минимален и у тех предприятий, которые ориентированы на экспорт, по той простой причине, что

- 1) они производят преимущественно сырьевую продукцию;
- 2) на внешнем рынке удельный вес грузинского экспорта незначителен и
- 3) самое главное, Грузия пользуется огромной международной поддержкой.

С точки зрения возможностей получения эффекта уже в краткосрочной перспективе особое место среди отраслей экономики занимают сельское хозяйство и торговля. В этих отраслях существует естественная возможность получить ожидаемые результаты за период меньше года. Что касается затрат, это, в основном, затраты живого труда, и они незначительны по сравнению с затратами в других отраслях даже на начальном этапе деятельности.

В Грузии сельское хозяйство традиционно специализируется на производстве зерновых, овощей, бахчевых и т.д. В этой отрасли есть возможность производить жизненно важную продукцию с гарантированным спросом и существует резерв увеличения уровня занятости в течение короткого периода времени.

Торговля обратила на себя внимание практиков еще в советское время, во второй половине 1980-х годов. Тогда программа реформирования экономики, известная под названием «перестройка», предусматривала сотрудничество с зарубежными партнерами в упрощенном режиме, отмену государственной монополии на внешнюю торговлю и внедрение новых форм международного экономического сотрудничества. В рамках «перестройки» целью запланированной экономической реформы было привлечение зарубежных инвестиций в страну и стимулирование импорта средств производства. Оптимизация структуры импорта и зарубежные инвестиции должны были способствовать дальнейшему развитию сферы производства. В реальности эти ожидания не оправдались. Иностранные инвестиции потекли не в производственную сферу, а сферу обслуживания; среди новых форм внешнеэкономического сотрудничества преобладали совместные предприятия, предприятия с участием иностранного капитала. Начиная с этого периода по настоящее время из отраслей сферы обслуживания наибольшей популярностью пользуется именно торговля. Популярность эта обусловлена двумя обстоятельствами: начало деятельности требует меньших капиталовложений, а окончательные результаты могут быть получены уже в краткосрочной перспективе.

В современной Грузии огромный интерес теоретиков, практиков и всего общества к краткосрочным экономическим эффектам связан, в частности, с требованиями и возможностями быстрого роста занятости. Важно и **быстрое** наступление окончательных результатов хозяйственной деятельности в условиях экономического кризиса и сохраняющегося в высшей степени напряженного социального фона.

З а к л ю ч е н и е

В современной посткоммунистической Грузии рынок труда находится в процессе стихийного формирования, спрос и предложение несбалансированны, а цена труда и механизм ценообразования далеки от совершенства.

В сложившихся условиях вслед за преодолением экономического кризиса необходимо сформировать здоровую конкурентную среду, искоренить дискриминацию и не допускать ее в дальнейшем, достичь сбалансированного спроса и предложения на рынке труда, стимулировать спрос преимущественно путем создания новых рабочих мест, а предложение — путем трудоустройства незанятых и защиты прав, интересов и возможностей выбора занятых.

Джордж БЕРУЛАВА

*Доктор экономических наук,
профессор Института экономики им. П. Гугушвили
(Тбилиси, Грузия).*

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ОПЫТ ГРУЗИИ

Р е з ю м е

Цель статьи — показать, каким образом Грузия может повысить эффективность своего народного хозяйства и обеспечить своим работникам и компаниям специфические преимущества. Описываются текущая ситуация и реформы в соответствующих сферах, таких как экономическое развитие и образование. Показаны суще-

ствующие в этих сферах проблемы и возможности, а также роль каждой из заинтересованных сторон и ее возможный вклад в повышение конкурентоспособности человеческих ресурсов Грузии. На основе выполненного анализа сформулирован ряд рекомендаций (по стратегии развития) как для правительства, так и для частного сектора.

Формулировка проблемы

Одна из центральных задач, стоящих перед Грузией на пути экономического развития, — добиться для себя каких-то конкурентных преимуществ. Конкурентоспособность страны — это ее способность достичь более высокого уровня производительности и уве-

личить свою долю на внешнем и внутреннем рынках. Мировой опыт показывает, что процветание и развитие страны, особенно небольшой развивающейся экономики, зависит не столько от ее изначальных природных ресурсов, сколько от способности получить конкурентное преимущество в результате непрерывного инновационного процесса и модернизации своего народного хозяйства. А сама эта способность, в свою очередь, зависит от того, в какой мере страна может стать «благоприятной национальной базой для фирм», в которой «создаются и воспроизводятся... основной продукт и технология его производства и располагаются наиболее продуктивные рабочие места и наиболее высококвалифицированные работники»¹. Человеческие ресурсы принадлежат к числу ключевых факторов, создающих такую «благоприятную национальную базу», и, таким образом, решающим образом воздействуют на конкурентоспособность страны.

Конкурентоспособность человеческих ресурсов страны — это не только численность и стоимость ее кадровых ресурсов, но и наличие у ее жителей сложных передовых умений и навыков, приобретаемых благодаря высшему образованию и ведущимся в стране самым современным исследованиям и процессам подготовки и повышения квалификации кадров, а также творческий подход и преданность делу менеджеров, организующих использование этого потенциала, и их способность конвертировать человеческий капитал в потребительские блага наивысшего качества и наилучшим образом удовлетворить запросы потребителей.

Самые разные факторы определяют конкурентоспособность человеческого капитала страны. Это и социально-экономические факторы общего характера, такие как макроэкономическая ситуация, стратегия экономического развития, уровень бедности и социально-экономического неравенства; и качество здравоохранения и образования; и эффективность стратегий развития и использования человеческих ресурсов в компаниях страны. Состояние всех этих факторов зависит от многих заинтересованных сторон, участвующих в процессе. Поэтому, чтобы добиться конкурентоспособности в сфере человеческих ресурсов, необходимо тесное сотрудничество главных из таких заинтересованных сторон: государства, частного сектора и работников.

Цель настоящей статьи — показать, как Грузия может повысить эффективность своего народного хозяйства и обеспечить специфические преимущества своим людям и компаниям. Начнем мы с описания существующего положения дел и реформы в соответствующих областях, таких как экономическое развитие и система среднего, профессионально-технического и высшего образования. Далее мы обозначим имеющиеся здесь проблемы и возможности. Затем обсудим роль каждой из упоминавшихся выше сторон и их возможный вклад в повышение конкурентоспособности человеческих ресурсов Грузии. И, наконец, сформулируем рекомендации по стратегии развития для правительства и частного сектора.

Нынешняя ситуация

В данном разделе мы попытаемся взглянуть на современное состояние дел в тех областях, от которых зависит конкурентоспособность человеческих ресурсов.

Экономическая ситуация. В период, последовавший за распадом Советского Союза в 1991 году и получением независимости, Грузия столкнулась с серьезными экономическими потрясениями из-за разрыва торговых связей и исчезновения возможности импорта энергии и энергоносителей. В середине 1990-х годов грузинские власти сумели добиться

¹ Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. New York, NY: The Free Press, 1990. P. 19. Русский перевод приводится по: Портер М. Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения. 1993. С. 21.

макроэкономической стабильности, проведя в жизнь «стабилизационную программу», а позднее, в 2003 году, «революция роз» дала новый стимул экономическому развитию. Масштабная программа реформ, начатая правительством, была направлена на борьбу с коррупцией, совершенствование управления и улучшение состояния деловой среды в Грузии. Высокие рэнкинги, полученные Грузией в рейтингах Всемирного банка², как и устойчивые темпы роста реального ВВП, показывают, что в реформировании деловой среды удалось добиться значительных успехов.

Однако экономический прогресс последних лет не привел к серьезному росту показателей занятости. Главными тенденциями в сфере занятости оставались сокращение уровня экономической активности и рост уровня безработицы. Следует отметить, что структура занятости в Грузии в течение переходного периода подверглась существенным изменениям. Первым последствием переходных процессов для структуры занятости оказалось снижение влияния на нее государственного сектора. Во-вторых, в структуре занятости существенно выросла доля самозанятых за счет сокращения доли работающих по официальному найму. Еще одним важным изменением в структуре занятости стало ее перемещение из промышленного сектора и сектора услуг (в широком его понимании) в сельскохозяйственный сектор. За рассматриваемый период доля сельского хозяйства в структуре занятости более чем удвоилась, в то время как доля промышленности существенно сократилась.

Важно отдавать себе отчет в том, что в экономиках, достаточно далеко продвинувшихся по пути перехода, и в развивающихся странах рост занятости, особенно самозанятости, обычно связывается с ростом числа малых и средних предприятий. Экономическая реформа уменьшает или устраняет бюрократические барьеры и таким образом позволяет малому и среднему бизнесу расширить масштабы своей деятельности, создавать новые рабочие места и наращивать занятость и производство продукции. Но не так обстояло дело в Грузии. В отличие от других продвинутых переходных экономик в Грузии увеличение доли самозанятых было связано, главным образом, с ростом занятости в сельскохозяйственном секторе. Принимая во внимание тот факт, что производство в этом секторе предназначалось в основном для непосредственного потребления произведенной продукции на месте и что значительную часть «самозанятых сельскохозяйственных работников» составляют не получающие платы члены крестьянских семей, можно заключить, что на самом деле рост самозанятости в Грузии — это лишь проявление скрытой безработицы.

Учитывая тенденции последнего времени на рынке труда, не приходится удивляться, что экономический рост мало повлиял на уровень бедности и неравенства. В рассматриваемый период и абсолютный уровень бедности — доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, и неравенство уменьшились лишь незначительно. По обоим этим показателям Грузия все еще занимает одно из последних мест среди стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и республик бывшего Советского Союза. Мы полагаем, что дело здесь прежде всего в том, что экономический рост последнего времени оказался не способен стимулировать занятость в формальном секторе экономики и смягчить проблему безработицы.

Важный фактор в достижении международной конкурентоспособности — рост производительности. Производительность отражает образовательный уровень рабочей силы и состояние технического прогресса и служит хорошим показателем устойчивости экономического развития. И хотя в последние годы в Грузии наблюдалось ускорение темпов роста производительности труда, эффективность ее экономики все еще очень невысока. Объем ВВП на душу населения остается одним из самых низких среди стран с переходной экономикой. Величина среднедушевого дохода ниже, чем в других республиках бывшего Советского Союза и значительно ниже, чем в странах Центральной и Восточной

² См.: Doing Business 2009. How to Reform [www.doingbusiness.org].

Европы или странах Балтии. Производительность труда в Грузии также ниже, чем в других странах с переходной экономикой. Так, она примерно втрое ниже, чем в странах ЦВЕ (Чешской республике, Венгрии и Эстонии), и в шесть раз ниже, чем в передовых развивающихся странах (Гонконге, Сингапуре) и развитых странах (США, Германии и Японии)³. Эти низкие показатели производительности труда объясняют неконкурентоспособность грузинской экономики и дурно характеризуют устойчивость экономического положения страны. Конкурентоспособность сегодня все больше зависит от того, в какой мере страна располагает квалифицированной и предприимчивой рабочей силой. Таким образом, качество профессиональных умений и навыков работников и уровень знаний, обеспечиваемый системой образования, становятся важными факторами, которые способны повысить уровень производительности в стране и улучшить показатели занятости.

Образование. Образованию принадлежит важнейшая роль в наделении человеческих ресурсов навыками и знаниями — важными факторами, обеспечивающими конкурентоспособность и устойчивый экономический рост. Образование и знания высоко ценились в Грузии на протяжении всей ее истории. Яркое свидетельство этого — очень высокий индекс уровня образования страны (0,91) и 100-процентная грамотность взрослого населения⁴. Однако запущенный в Грузии в начале 1990-х годов процесс социально-экономических преобразований поверг национальную систему образования в глубокий кризис. Экономические трудности привели к существенному сокращению финансирования сферы образования, что крайне отрицательно сказалось на всей системе образования, в частности привело к ухудшению инфраструктуры образования, слабой мотивации преподавателей и другого персонала, коррупции, нехватке учебных пособий и оборудования и устареванию учебных программ. Кроме того, переход к новой социально-экономической системе не сопровождался соответствующими изменениями в стратегии образования и методах обучения. Вместо того чтобы развивать у учащихся навыки решения проблем и способность к критическому мышлению, система образования использовала традиционные методы, ставящие во главу угла фигуру преподавателя и нацеленные на вдалбливание информации в головы учащихся.

Отдавая себе отчет в социальной неэффективности существующей системы образования, грузинское правительство при поддержке Всемирного банка запустило в начале нынешнего десятилетия программу реформ с далеко идущими целями. Задачей реформы было ввести в Грузии образование, соответствующее передовым стандартам, с использованием новых методов управления, финансирования и контроля качества. Эти реформы заложили законодательную базу для принятого в 2004 году закона «О высшем образовании», принятого в 2005 году закона «Об общем образовании» и принятого в 2007 году закона «О профессионально-техническом образовании»⁵.

Однако эти амбициозные программы реформ во всех сферах образования натолкнулись на серьезные препятствия. В результате в ряде случаев так и не удалось достичь желаемых результатов.

- Одним из главных столпов реформы была децентрализация системы образования и наделение образовательных учреждений «автономией». Но на практике управление во всем государственном секторе науки и образования по-прежнему остается чрезвычайно централизованным и осуществляется государственной администрацией. Провозглашенная «автономия» образовательных учреждений остается не более чем декларацией, имеющей мало отношения к реальному поло-

³ См.: Penn World Table Version 6.2, Center for International Comparisons of Production, Income and Prices at the University of Pennsylvania [http://pwt.econ.upenn.edu/php_site/pwt62/pwt62_form.php].

⁴ См.: UNDP. Human Development Report 2008 [http://hdrstats.undp.org/countries/data_sheets/cty_ds_GEO.html].

⁵ Подробнее о реформе системы образования в Грузии см.: Georgia Human Development Report 2008: The Reforms and Beyond. Tbilisi, Georgia: UNDP, 2008.

жению дел. У Министерства науки и образования все еще имеются сильные политические рычаги, дающие ему распорядительную власть по отношению к образовательным учреждениям даже на оперативном уровне управления.

- Сама система образования создает определенные препятствия, не позволяющие человеку выстраивать непрерывную карьеру в течение жизни. Так, учащиеся, стремящиеся получить профессионально-техническое образование и поступающие в центры профессиональной подготовки, не получив диплома об окончании средней школы (что допускается Законом), не могут, согласно тому же Закону, продолжить техническое образование на более высоком уровне, так как для этого необходим диплом средней школы. Для этих учащихся выбранный путь становится тупиком, поскольку завершить среднее образование в самом центре профессиональной подготовки нельзя.
- Важнейшей целью проводимой реформы системы образования была замена традиционных методов, форм, организации и структуры учебного процесса новыми, «прогрессивными», которые должны были обеспечить более высокое качество образования. Однако нередко изменения носили чисто формальный характер и мало повлияли на качество учебного процесса.
- Сказанное в особой степени относится к последипломным, магистерским программам, которые зачастую не обеспечены даже необходимыми учебниками и пособиями. Кроме того, во многих случаях не наблюдается никаких существенных различий в содержании дипломных программ на уровне колледжей и последипломных, магистерских программ. А на уровне доктората качество образования даже снизилось по сравнению с дореформенным периодом.
- В целом, учреждения системы высшего образования не сумели добиться того, чтобы вся обстановка учебного процесса способствовала развитию независимости, творческого потенциала и предприимчивости, столь важных для развития человеческих ресурсов.
- Анализ ситуации на рынке труда демонстрирует значительный разрыв между теми знаниями, умениями и квалификацией, которые выпускники получают в университетах и других высших учебных заведениях, и той квалификацией и навыками, которые пользуются спросом на рынке. Это говорит о том, что несоответствие между учебными заведениями и частным бизнесом явно недостаточно.

В целом же, несмотря на все усилия по проведению в жизнь реформы со столь амбициозными задачами, система образования по-прежнему не в состоянии создавать образованные и квалифицированные человеческие ресурсы, способные быстро приспособиться к изменяющейся ситуации.

Слабости и возможности

Анализ текущей ситуации позволяет обозначить две основные группы факторов, препятствующих формированию в Грузии конкурентоспособных человеческих ресурсов: *факторы спроса и факторы предложения*.

Главные слабости со стороны спроса связаны с неспособностью правительства обеспечить благоприятные условия для устойчивого экономического развития — условия, в которых процветали бы фирмы и предприятия, широко привлекались инвестиции, ведущие к инновациям и передаче передовой технологии, создавались рабочие места и существовал спрос на квалифицированные и конкурентоспособные человеческие ресурсы.

Грузия осуществила масштабные реформы, призванные улучшить деловую среду и добиться высоких темпов роста. Однако в том, что касается экономической и социальной устойчивости, качество экономического роста остается низким. Так, этот рост не связан ни с инновациями и инвестициями в высокотехнологичные отрасли промышленности, ни с расширением масштабов деятельности малых и средних предприятий, ни с ростом числа рабочих мест и равенства и справедливости в распределении доходов, ни с сокращением бедности. Хотя улучшение делового климата привело к росту валового объема производства, рост этот в Грузии был связан, главным образом, с поглощением избыточной ликвидности и кредитной экспансией, а также с иностранными инвестициями, главным образом в не ориентированные на экспорт отрасли. Низкое качество роста означает, что его будет очень трудно поддерживать в будущем, особенно когда процесс приватизации и сопровождающий его приток капиталов закончится. Мы определили две категории факторов, не позволяющих добиться в Грузии устойчивого экономического развития. Это *провалы рынка и провалы государства*.

Провалы рынка отражают тот факт, что грузинская экономика застыла в состоянии «равновесия на низком уровне», для которого характерны недостаточность инвестиций в инновации и технологии и потому отсутствие особых перспектив развития. Ни рыночные силы, ни правительственная политика, основывающаяся на либеральных принципах невмешательства государства в экономические процессы, не способны обеспечить необходимый импульс для перехода к «равновесию на высоком уровне» и, соответственно, к устойчивому экономическому росту.

Провалы правительства в Грузии относятся, главным образом, к проблеме с установлением и поддержанием правопорядка, основанного на принципе верховенства права и на независимости и эффективности судебной системы. Отсутствие доверия к правопорядку и веры в верховенство права убивает стимулы к долгосрочным инвестициям в технологическое развитие и инновации, не позволяет обеспечить равные возможности для всех экономических субъектов и тем самым не создает возможностей для устойчивого экономического роста.

В подобной экономической среде у компаний нет сколько-нибудь серьезной мотивации осваивать современные технологии и формировать у персонала ценные умения и навыки. Решение существующих проблем, то есть разработка стратегии экономического развития, сосредоточенной на инновациях и передаче передовых технологий, предоставление равных условий всем экономическим субъектам и создание конкурентной окружающей среды уже само по себе позволит сформировать спрос на высококвалифицированные, конкурентоспособные человеческие ресурсы.

Оборотная сторона этой медали — неспособность экономики обеспечить предложение квалифицированных человеческих ресурсов даже там, где спрос на них реально существует. Так, немалая часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ) была направлена в большие инфраструктурные проекты (трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан) или в объекты недвижимости (гостиницы, курорты), где работы по строительству выполнялись главным образом «импортной» рабочей силой. Дело в том, что местный рынок труда был не в состоянии предложить человеческие ресурсы с умениями и навыками, необходимыми для выполнения этих проектов. Несмотря на более высокие затраты, иностранные инвесторы предпочли использовать обладающих необходимой квалификацией «импортных» работников, а не дешевые местные человеческие ресурсы без соответствующей квалификации. Таким образом, неспособность грузинской системы образования обеспечить требуемую квалификацию, соответствующую мировым стандартам, или быстро отреагировать на новые требования рынка частично объясняет, почему недавний огромный приток прямых иностранных инвестиций и сопутствовавший ему рост реального ВВП не сопровождался созданием рабочих мест или сокращением бедности.

Еще один наглядный пример неспособности грузинской системы образования подготовить человеческие ресурсы высокой квалификации, соответствующие современным стандартам, — ситуация в виноделии. Недавний анализ конкурентоспособности данной отрасли, столь важной для грузинской экономики, показал, что, несмотря на благоприятные природные условия, она почти не способна добиться конкурентных преимуществ на глобальных рынках⁶. Один из ключевых факторов, снижающих конкурентоспособность винодельческой промышленности, — недостаточная квалификация работников. Если в том, что касается неквалифицированной рабочей силы, Грузия, кажется, имеет определенные конкурентные преимущества как по стоимости, так и по доступности ресурсов, то в отношении доступности, качества и стоимости квалифицированных человеческих ресурсов ее сравнительное положение весьма неблагоприятно. Прежде всего, она испытывает серьезную нехватку высококвалифицированных управляющих виноградниками, технологов для винных заводов и специалистов по маркетингу. С нехваткой квалифицированных работников во многом связано плохое управление виноградниками и неспособность в полной мере использовать преимущества, которые дает Грузии ее прекрасная земля. Хотя в стране и существуют специальные научно-исследовательские учреждения, такие как Институт виноградарства и виноделия, а также специальные учебные заведения, их влияние на эффективность винодельческой отрасли, по оценкам экспертов, очень невелико. Передовые компании предпочитают обучать специалистов и приобретать передовые знания и технологии за рубежом. Это частично объясняет нехватку в грузинской винодельческой промышленности квалифицированных человеческих ресурсов, высоких технологий и методов управления виноградниками. Нельзя не отметить, что в других отраслях промышленности Грузии ситуация с высококвалифицированными человеческими ресурсами примерно та же, что и в виноделии.

В предыдущем разделе мы уже говорили об основных недочетах и слабостях грузинской системы образования. Очевидно, что совершенствование этой системы — главный путь к достижению более высокой конкурентоспособности человеческих ресурсов. Однако хотелось бы особо выделить один аспект этой проблемы, очень важный для достижения производительности и конкурентоспособности человеческих ресурсов. Представляется, что формированию человеческих ресурсов с навыками и квалификацией, соответствующими требованиям и спросу на рынке, очень поможет установление прочных связей между частным сектором и учебными заведениями.

В следующем разделе мы обсудим роль, которую должна сыграть в повышении конкурентоспособности человеческих ресурсов каждая из заинтересованных сторон.

Потенциальная роль каждой из заинтересованных сторон

Как показывает мировой опыт, для успешной подготовки в стране конкурентоспособных человеческих ресурсов необходимо сотрудничество основных заинтересованных сторон: частного бизнеса, правительства и самодеятельного населения⁷. Анализ деловой среды в Грузии позволяет обнаружить, что сегодня в отношениях между главными заинтересованными сторонами доминируют не ценности сотрудничества, а взаимное недоверие. Каждый субъект этого взаимодействия стремится максимизировать собственную

⁶ См.: *Berulava G.* The Impacts of the Free Trade Agreement with the European Union on the Georgian Wine Industry: A Competitiveness Analysis // GEPLAC Research Papers, December 2008 [<http://www.geplac.org/newfiles/law/Berulava.pdf>].

⁷ См.: *Duffey J.* Competitiveness and Human Resources // *California Management Review*, Spring 1988, Vol. 30, No. 3.

выгоду (правительство — налоговые поступления, работники — заработную плату, частные фирмы — сиюминутную прибыль) в ущерб максимизации выгод для всей сети в целом. Таким образом, еще одна возможность ускорить развитие человеческих ресурсов — налаживание сотрудничества между основными заинтересованными сторонами процесса, с тем чтобы формировать общие ценности, стимулировать совместные действия и формировать единую стратегию, нацеленную на достижение долгосрочной конкурентоспособности. Далее мы обсудим значимость каждой из заинтересованных сторон в этом процессе более подробно.

Правительству принадлежит важная роль в создании кооперативной сети, нацеленной на формирование конкурентоспособных человеческих ресурсов. При этом оно может и должно воздействовать на характеристики как спроса, так и предложения рабочей силы.

Воздействие на характеристики спроса требует от грузинского правительства отказаться от либерального принципа невмешательства в экономические процессы и активно проводить в жизнь политику экономического развития, направленную на динамичное преобразование производственных структур. Правительство должно также создать такую деловую и правовую среду, которая поощряла бы формирование эффективных рыночных механизмов и обеспечивала равные возможности роста для всех экономических субъектов. Такие меры создадут значительный спрос на высокую квалификацию и эффективные человеческие ресурсы.

Меры по изменению предложения рабочей силы призваны воздействовать на возможности обеспечить экономику конкурентоспособным человеческим капиталом. Поскольку социальная ценность образования выходит далеко за пределы простого повышения прибыли частных предприятий, необходимое образование и обучение в условиях чисто либеральной экономической системы всегда будет в дефиците. Чтобы справиться с данным провалом рынка, правительство должно взять на себя роль главного инвестора в секторе образования. Оно должно обеспечить работу комплекса учреждений, который готовил бы образованные и творческие человеческие ресурсы и позволял быстро выполнять сложные исследования и разработки. Правительство должно также стимулировать компании и рабочую силу вкладывать капитал в образование и развитие человеческих ресурсов.

Частный бизнес также может сыграть важную роль в формировании в стране конкурентоспособных человеческих ресурсов. Грузинским компаниям нужно значительно увеличить расходы на образование и профессиональную подготовку своего персонала, переориентироваться с получения сиюминутной прибыли, которую приносит использование дешевой неквалифицированной рабочей силы, на достижение долгосрочной конкурентоспособности, какую дает использование квалифицированных, хорошо подготовленных и соответствующих современным стандартам высокопроизводительных человеческих ресурсов. Частный бизнес может также поддерживать учебные заведения и представлять им список тех навыков и умений, которые пользуются повышенным спросом на рынке и являются дефицитными. Еще одна важная возможность для частных предприятий способствовать росту конкурентоспособности рабочей силы — использование передовых современных методов и стратегий управления человеческими ресурсами.

Самостоятельное население тоже должно разделить с частными фирмами и правительством ответственность за развитие человеческих ресурсов и инвестировать время и средства в приобретение навыков и знаний, что является самым прибыльным видом вложений частных ресурсов. Чтобы обеспечить постоянную мотивацию работников приобретать новые умения и навыки и повышать производительность и чтобы поддерживать их активное участие в этом процессе, необходимо обратить внимание на социальный аспект проблемы. В литературе по бизнесу и менеджменту неоднократно отмечалось, что производительность и творческий потенциал человеческих ресурсов зависят от того, насколько они ощущают свою собственную заинтересованность в успехе фирмы и как они оценивают социальную справедливость существующей ситуации. В свете этого грузинские

кий Трудовой кодекс, который лишает рабочих их прав в пользу предпринимателей и тем самым создает предпосылки для социальной несправедливости, может негативно отразиться на участии самого персонала в процессах повышения производительности и конкурентоспособности человеческих ресурсов.

Существенную помощь в налаживании сотрудничества между правительством, руководством предприятий и работниками могут оказать такие международные организации, как Всемирный банк, Программа развития ООН и другие подобные институты. У этих организаций имеется большой опыт работы во многих странах мира, и они могут непосредственно помочь главным заинтересованным сторонам в разработке программ по расширению возможностей для образования и повышению производительности и конкурентоспособности имеющихся человеческих ресурсов. Хороший пример подобной помощи — проект Всемирного банка CERMA (Центр реструктуризации производства и менеджмента), реализовывавшийся в Грузии в середине 1990-х годов. Эта программа внесла неоценимый вклад в развитие частного сектора в Грузии, предоставив в распоряжение местных фирм передовой опыт и технологии менеджмента и тем самым повысив их конкурентоспособность.

Рекомендации

Основываясь на представленном выше анализе, мы разработали две основные группы рекомендаций, соответствующие двум аспектам проблемы конкурентоспособности человеческих ресурсов. Первая группа касается факторов спроса и нацелена на продолжение процесса экономического развития в Грузии благодаря устранению препятствий, порожденных провалами рынка и провалами государства. В частности:

- Грузинское правительство должно отказаться от принципа невмешательства в экономические процессы и активно проводить в жизнь политику экономического развития, направленную на динамичное преобразование производственных структур. Чтобы проводить такую политику, необходимо определить те отрасли, которые могут послужить базой для индустриального развития (это должны быть нетрадиционные и ориентированные на экспорт отрасли, сопряженные с использованием новых технологий и знаний); разработать стратегию развития, направленную на стимулирование и привлечение инвестиций в выбранные отрасли промышленности; обеспечить разумную и последовательную реализацию промышленной политики, что означает строгий надзор за действиями и успехами предприятий и поддержание дисциплины.
- Правительство должно создать деловую среду, стимулирующую формирование эффективных рыночных механизмов, поощряя процессы конкуренции и создание новых предприятий; обеспечивая свободный доступ на рынок; активно проводя антимонопольную политику; восстановив агентство по борьбе с монополизмом и наделив его достаточными полномочиями и статусом, позволяющими эффективно осуществлять политику поощрения и защиты конкуренции; установив ясные правила поведения на рынке для всех экономических субъектов без исключения и блокируя любую возможность для контрпродуктивных или хищнических действий; устранив любую возможность для правительства участвовать в процессах перераспределения собственности.
- Если Грузия хочет достичь долгосрочных целей экономического развития, ей необходимо укрепить правопорядок, основанный на принципе верховенства права, улучшить работу законодательной и судебной систем.

Вторая группа рекомендаций касается повышения способности грузинской экономики формировать человеческие ресурсы, обладающие современными передовыми и востребованными умениями, навыками и квалификацией. В частности:

- Правительство должно существенно увеличить инвестиции в образование, прежде всего обеспечить каждому возможность получить среднее образование. Должна быть разработана специальная политика, направленная на улучшение образования и сокращение доли тех, кто бросает школу, не закончив обучение. Все эти меры необходимы, чтобы дать людям необходимую подготовку и компетенции, включая те базовые навыки и знания, которые составляют предпосылку дальнейшего повышения квалификации.
- Правительство должно обеспечить частному сектору специальные стимулы, поощряющие его шире участвовать в деятельности системы образования и в развитии человеческих ресурсов. Например, налоговые льготы для корпораций могли бы быть увязаны со стимулами к более широкому реинвестированию доходов в обучение персонала и обновление оборудования.
- Чтобы увеличить производительность человеческих ресурсов, необходимо обеспечить социальную защиту работников. В грузинский Трудовой кодекс необходимо внести поправки, наделяющие рабочих большими правами в их отношениях с работодателями. Эти изменения в законодательстве должны также обеспечить работникам возможность непрерывного образования и повышения квалификации.
- В учебных заведениях необходимо развивать предпринимательскую культуру, для чего им потребуются серьезные изменения в методах управления и руководства. Эти изменения должны обеспечить учебным заведениям возможность в ответ на изменение характера создающихся новых рабочих мест готовить выпускников с новыми знаниями, умениями и квалификацией, а человеческим ресурсам — способность адаптироваться к изменениям ситуации.
- Методы обучения и программы в учебных заведениях должны быть существенно изменены; в учебных программах на всех уровнях образования должно быть предусмотрено приобретение и развитие умений и навыков, не теряющих свою ценность при переходе с одного места работы на другое; должны использоваться лучшие методы проведения экзаменов, оценки знаний и контроля качества обучения; следует усилить междисциплинарный характер обучения и исследований; учебные программы должны полнее соответствовать социальным и экономическим потребностям; необходимо повысить качество учебных программ, особенно на последипломном (магистерском) уровне.
- Необходимо содействовать тесному сотрудничеству между частными предприятиями и учебными заведениями, чтобы устранить существующие несоответствия между теми навыками и умениями, которые предлагает учебное заведение, и теми, которые сегодня востребованы. Для этого необходимо сформировать среду, благоприятствующую сотрудничеству между учебными заведениями и бизнесом. Такое сотрудничество должно стать элементом стратегии учебных заведений, в то время как бизнес, в свою очередь, должен учредить специальный совет по взаимодействию с учебными заведениями, помогающий тем непрерывно выявлять потребности в новых навыках и умениях и модернизировать и улучшать те навыки, которые востребованы рынком, и поддерживать совершенствование учебных программ.
- Система образования должна обеспечить возможности для продолжения образования, устранить существующие препятствия законодательного и административного характера, в частности обеспечив лучшие условия для перехода от среднего образования к профессионально-техническому, а от них — к высшему образованию.

- Частный бизнес должен использовать современные передовые методы управления человеческими ресурсами, ориентированные на улучшение организаторских умений и навыков и расширение возможностей обучения и повышения квалификации на рабочем месте, например методы разработки профилей компетенций и профилей должности.

Итэй СЕНЕД

Доктор философии, профессор политической теории и директор Центра новых институциональных общественных наук при Вашингтонском университете (Сент-Луис, США).

Маршал ТОМПСОН

Доктор философии, старший преподаватель политической теории Северо-западного университета в Иллинойсе (Чикаго, США).

Роберт УОКЕР

Доктор философии, старший преподаватель политической теории Вашингтонского университета (Сент-Луис, США).

Рон УОТСОН

Доктор философии, сотрудник кафедры политической теории Вашингтонского университета (Сент-Луис, США).

СРЕДНИЙ КЛАСС: НОВАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА И ОПЫТ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ К СТРАНАМ КАВКАЗА

Резюме

Роль среднего класса в развитии обществ, их экономической и политической системы — одна из самых старых тем в политической экономике. В данной статье мы предлагаем новую концептуальную схему для

исследования среднего класса и теоретическую основу для методологически корректной программы исследований. Такая программа позволит ответить на вопрос, что же такое средний класс и как можно на основе предлагаемого подхода к определению среднего класса попытаться измерить силу этого класса или отсутствие таковой в той или иной стране и оценить степень его воздействия на его же социальные, политические и экономические условия. Сначала необходимо определить в намного более ясных и точных терминах, чем это делалось до сих пор, что же представляет собой средний класс, что означает быть членом этого эксклюзивного клуба. Затем нужно определить, от каких переменных зависит его чис-

ленность и сила. Только после этого можно переходить к исследованию того, как именно размер и сила среднего класса могут воздействовать на его экономическую, социальную и политическую значимость применительно к развитым, развивающимся и переходным обществам. В этой пилотной по своему характеру статье мы излагаем предварительное описание тех компонентов, которые должно содержать любое адекватное определение; первых результатов, которые демонстрируют, чего может достичь соответствующая программа исследования, и кратко показываем, что могла бы дать такого рода работа для политической экономии переходных обществ, подобных Азербайджану, Армении и Грузии на Кавказе.

1. Введение

В своей «Политике» Аристотель утверждает, что богатство государства зависит от богатства, численности и правовой защищенности его среднего класса. Аристотель никак не пытается обосновать это эмпирическое наблюдение. Мы в данной статье хотим представить теоретические аргументы, объясняющие и обосновывающие ключевую роль среднего класса в экономическом развитии. Можно ожидать, что, если эта роль действительно так велика, правительства, стремящиеся максимизировать выгоду, будут защищать права собственности среднего класса. Соответственно, исследуя факторы, определяющие благосостояние государств, мы постараемся обратить особое внимание на институты и нормы защиты его прав собственности.

Недостаточное внимание к роли среднего класса в поддержании устойчивого экономического роста объясняется засильем в экономической науке неоклассической школы, берущей начало от «Богатства народов» Адама Смита¹. Дело в том, что неоклассический подход упускает из виду различие между структурой экономики и тем, насколько хорошо или плохо она функционирует², и пренебрегает вопросом о структуре прав собственности, их распределительных эффектах и о том, какую роль играет качество принудительного обеспечения этих прав³. Без понимания институциональных структур трудно объяснить разницу в экономических показателях различных стран. Дуглас Сесил Норт привлек внимание исследователей-экономистов к тому, что до сих пор данная важнейшая переменная выпадала из анализа, хотя именно она и объясняет большую часть того, что мы хотим знать об обществах и их экономике⁴.

¹ См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.

² См.: *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.-Y.: Norton, 1981.

³ См.: *Sened I.* The Political Institution of Private Property. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁴ См.: *North D.C.* Op. cit.; *Он же.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N.-Y.: Cambridge University Press, 1990.

Неоклассическая экономическая школа признает важнейшую роль прав собственности для функционирования рынков, но она слишком долго пыталась включить этот внешний фактор, относящийся к социальному порядку, в концептуальную схему «совершенного» конкурентного рынка, отрицая всякую роль системы поддержания правопорядка государственной властью. Предпринимались попытки объяснить «самопроизвольное» возникновение прав собственности. Для этого использовались различные варианты логики повторяющейся игры⁵, в соответствии с которой в ситуации равновесия действующие по собственной воле субъекты без участия какого бы то ни было внешнего (государственного) механизма принуждения договариваются друг с другом о неких самореализующихся, обладающих собственной исполнительной силой правилах, регулирующих права собственности, дабы избежать катастрофического для всех участников срыва сотрудничества. Исследование конца 1990-х годов поставило этот аргумент под сомнение. Сначала было показано, что в наиболее реалистичных условиях самореализация, собственная исполнительная сила таких правил будет маловероятной: даже относительно небольшая группа (группы) субъектов со скромными уровнями будущих коэффициентов дисконтирования едва ли может рассчитывать на устойчивую самореализацию систем права собственности⁶. Далее было показано, что именно государства являются надежным правоприменителем, осуществляющим право собственности в широком диапазоне реалистических условий. Кроме того, легко показать, что общество живет и функционирует гораздо лучше там, где государство защищает права собственности своих граждан, а не там, где такой защиты со стороны государства нет⁷. Это доказывает наличие очевидной и непосредственной роли государства — роли по защите права собственности граждан⁸.

Ожидается, что в этом качестве государство будет экономически неэффективным. Обладая монополией на предоставление и защиту права собственности, оно неизбежно будет прибегать к монополистическому ценообразованию, так что права собственности будут дефицитными, а цена на них — завышенной. Налоги, взимаемые государством, скорее всего, будут слишком высокими для эффективного функционирования рынков⁹. Кроме того, главные стимулы, которыми руководствуется государство, исходят не из соображений эффективности, а из соображений распределения и перераспределения благ¹⁰. И все же — при всей органически присущей государству неэффективности, связанной с его мотивацией к монополизму и перераспределению, — предоставление и защита прав собственности государством выступает необходимым условием возникновения и процветания рынков¹¹.

Если правительство защищает права собственности, для того чтобы максимизировать ожидаемую от них выгоду, то какие же права собственности оно должно защищать? В данной статье утверждается, что если система прав собственности установлена государством с целью максимизировать выгоду, то прежде всего оно должно защищать экономическую жизнеспособность и силу среднего класса.

⁵ См.: *Sugden R.* The Economics of Rights, Co-operation and Welfare. Oxford: Basil Blackwell, 1986; *Taylor M.* The Possibility of Cooperation. N.-Y.: Cambridge University Press, 1987.

⁶ См.: *Calvert R.L.* Rational Actors, Equilibrium and Social Institutions. В кн.: *Explaining Social Institutions* / Ed. by J. Knight, I. Sened. Ann Arbor: Michigan University Press, 1995.

⁷ См.: *Sened I.* Op. cit.

⁸ Эту роль правительства обычно все еще игнорируют из-за разделяемого многими представителями неоклассической школы непризнания экономической роли государства. Такова достойная сожалений реальность, и ее еще предстоит исправить новому, более реалистичному поколению экономистов, которые будут больше ориентироваться на науку и не так упрямо держаться за порожденные идеологией предубеждения.

⁹ См.: *Sened I.* Op. cit.

¹⁰ См.: *Knight J.* Institutions and Social Conflict. N.-Y.: Cambridge University Press, 1992.

¹¹ См.: *Sened I.* Op. cit.; *Levi M.* Of Rule and Revenue. Berkeley: The University of California Press, 1988.

- Во-первых, иметь сильный средний класс жизненно важно для экономического процветания любого правительства, чье благосостояние обеспечивается налоговыми поступлениями.
- Во-вторых, только у сильного среднего класса будет стимул помогать правительствам в защите этих прав собственности от внешних и внутренних посягательств.

А стремление помочь беднякам, не предоставляя им в то же время комплекс неконкретизированных прав собственности, не могло не привести к хорошо описанной во множестве документов неэффективности филантропии¹². Чрезмерная защита богатых (за счет среднего класса. — *Перев.*), со своей стороны, неизбежно ведет к недоиспользованию человеческого капитала: лишая значительную часть общества благосостояния и благ здравоохранения, образования и привлекательных карьерных перспектив — значит неизбежно уменьшить производительный потенциал любого общества.

Структура статьи: В следующем разделе мы изложим теоретические аргументы. В третьем разделе приведем сравнительные данные по странам, подтверждающие наши теоретические положения. В четвертом разделе мы наметим программу исследований, которая позволит продолжить это оригинальное направление. Закончим мы несколькими замечаниями о применимости наших результатов к странам Кавказа и пояснениями и оговорками относительно того, что уже сделано и что предстоит сделать.

2. Благосостояние государств¹³ зависит прежде всего от благосостояния среднего класса

Важность среднего класса для экономики — расхожая истина. Но у этой расхожей истины пока не слишком много теоретических обоснований. В данном разделе мы дадим неоклассическое обоснование этого утверждения, состоящее из трех этапов. Мы начнем с краткого обзора литературы. Затем покажем, что ни одна экономика не может процветать исключительно или главным образом благодаря богатству небольшой группы очень богатых. Далее мы продемонстрируем, что помощь очень бедным может выглядеть очень привлекательной в моральном плане, но она не в состоянии привести к экономическому и социальному успеху в долгосрочной перспективе. Закончим мы простым аргументом в пользу того, что средний класс с наибольшей вероятностью способен обеспечить устойчивый экономический рост и общественное благосостояние. Завершим мы наше рассуждение замечанием о роли политических институтов в защите благосостояния среднего класса.

2.1. Краткий обзор литературы

Традиционно исследователи уделяли большое внимание возможности и вероятности того, что сокращение неравенства в доходах отрицательно скажется на экономическом росте. Здесь можно проследить две линии рассуждений.

¹² Это, в частности, главная тема книги: *Gibson C.C., Anderson K., Ostrom E., Shivakumar D. The Samaritan's Dilemma. Oxford: Oxford University Press, 2005.*

¹³ Здесь и далее авторы говорят о том же самом «богатстве народов» — the wealth of the Nations, — о котором говорил Адам Смит, и употребляют то же самое выражение, связывая тем самым идеи статьи с классическими постулатами книги Смита. Однако употреблять при обсуждении современных реалий *перевод* позапрошлого века, традиционно используемый применительно к книге Смита, не совсем корректно. — *Перев.*

- Во-первых, большее равенство может отрицательно отразиться на размере совокупных сбережений. Если в результате трансфертов доход перераспределяется от лиц, способных и склонных делать сбережения, к лицам, не слишком склонным к этому, то совокупный уровень сбережений окажется ниже, что снизит уровень инвестиций и замедлит экономический рост¹⁴.
- Во-вторых, политику перераспределения доходов, призванную удовлетворить бедняков и тем самым уменьшить политическое давление, правительство проводит в жизнь в форме прогрессивного налогообложения.

Эти налоги, накладываемые на доход, который превышает некий минимум, подрывают стимулы к инвестициям и ведут к отрицательным последствиям для темпов роста¹⁵.

Однако эмпирические исследования, призванные проверить гипотезу о воздействии неравенства в доходах на экономический рост, дают, в лучшем случае, неоднозначные и неубедительные результаты. Все недавние методологически строгие исследования демонстрируют, что отношение между неравенством в доходах и экономическим ростом описывается инвертированной U-образной кривой¹⁶.

Но более серьезная проблема даже не расхождение теории с эмпирическими данными, а состояние самого этого теоретического фундамента. Недавно Банерджи и Дюфло следующим образом резюмировали теоретические основы трех традиционных линий рассуждений относительно роли среднего класса: «В соответствии с одним взглядом, новые предприниматели с достаточной способностью ждать и терпением, позволяющими им соглашаться на отсроченное вознаграждение, появляются из рядов среднего класса и становятся источником того роста занятости и производительности, которым затем пользуется остальная часть общества. ... Второй, может быть, самый расхожий, взгляд состоит в том, что средний класс — это, прежде всего, необходимый источник пополнения предпринимательского класса: именно «ценности среднего класса», ориентированность на накопление человеческого капитала и сбережений и обеспечивают представителям среднего класса центральное место в процессе капиталистического накопления [богатства]... Третье представление — на нем специализируется деловая пресса — акцентирует внимание на роли представителей среднего класса в качестве потребителей... готовых немного переплачивать за качество. Именно спрос на качественные потребительские товары питает инвестиции в производство и маркетинг товаров, которые, в свою очередь, повышают уровень доходов всех и каждого...»¹⁷

Все эти аргументы исходят из предположения о неких общих отличительных особенностях, присущих среднему классу как таковому, выглядящих, в лучшем случае, произвольно выбранными и притянутыми за уши. Не приходится удивляться, что Банерджи и Дюфло в ходе детального изучения положения дел в 13 странах не обнаружили никаких серьезных эмпирических подтверждений ни для одного из данных утверждений. Все, что им удалось обнаружить, — это склонность представителей среднего класса иметь меньше детей и вкладывать больше капитала в их образование, здоровье и другие личностные факторы, конвертирующиеся впоследствии в более высокооплачиваемые рабочие места, большую ожидаемую продолжительность жизни и другие преимущества¹⁸.

¹⁴ См., например: *Kaldor N. Alternative Theories of Distributions // Review of Economic Studies*, 1956, Vol. 23.

¹⁵ См., например: *Alesina A., Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics*, 1994, Vol. 109, No. 2. P. 465—490.

¹⁶ См., например: *Banerjee A., Duflo E. Growth Theory through the Lens of Development Economics // Handbook of Development Economics*, 2005, Vol. 1a. P. 473—552.

¹⁷ *Banerjee A., Duflo E. What is Middle Class about the Middle Classes around the World? // Journal of Economic Perspectives*, 2008, Vol. 22 (2). P. 5.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 22.

2.2. Новые теоретические основы для оценки роли среднего класса

Предлагаемая в настоящей работе теория среднего класса и его роли в экономическом росте и социальном процветании опирается на два фундаментальных принципа неоклассической экономики. Это тезис об уменьшающейся отдаче и признание роли системы прав собственности как одного из определяющих факторов, влияющих на показатели экономики. Что касается представленных эмпирических данных, — они позволяют объяснить инвертированное U-образное распределение, характеризующее зависимость между неравенством в доходах и экономическим процветанием.

Сосредоточение чрезмерного богатства в руках немногих, как представляется, ведет к неэффективности двух типов.

- Во-первых, логика уменьшающейся отдачи предполагает, что те, кто накапливает огромные суммы денег, вынуждены использовать инвестиционные стратегии, отличающиеся быстрым уменьшением отдачи от инвестиций.
- Во-вторых, права собственности очень богатых трудно защитить и администрировать.

В частности, огромные финансовые конгломераты, защищающие и управляющие финансовыми активами мультимиллиардеров, должны в любом случае, отличаться высокой X-неэффективностью, какую обычно связывают с действиями центральных правительств. Пользующиеся полной или почти полной монопольной властью в основных сферах своей деятельности и содержащие огромный административный аппарат, эти конгломераты обычно инвестируют свои капиталы и управляют ими столь же неэффективно, как центральные правительства. Последние данные о доходах корпораций ясно показывают, как широко распространено это явление. Много говорилось о чрезмерно высоких зарплатах большинства руководителей корпораций, которые зачастую управляют этими корпоративными конгломератами с очень малым успехом, а то и вовсе без успеха, который они могли бы предъявить в качестве оправдания таких зарплат. Ошибки, а то и прямые провалы в управлении, многими из этих больших корпораций широко обсуждались в СМИ в контексте экономического спада 2009 года, и здесь нет нужды подробно об этом говорить.

На другом конце спектра ситуация с трансфертами в пользу бедных, как представляется, подтверждает тревогу по поводу неэффективности политически мотивированных трансфертов. Даже если в этом сегменте населения и можно встретить подвиги накопления и предпринимательской активности, в целом он меньше всего способен извлечь выгоду из базовой защиты прав собственности: у него, с его скверным образованием, скверным здоровьем и ничтожной собственностью, найдется мало что защищать, если вообще найдется. Высокий уровень преступности, отсутствие здравоохранения и других современных средств защиты от нищеты заранее лишают бедняков не только высокой производительности труда и, следовательно, возможности каких-то долгосрочных инвестиций, но и возможности накопить какие-то активы. Отсюда понятно, что мотивированное филантропическими мотивами перераспределение в пользу бедных имеет весьма ограниченные перспективы.

2.3. Пропуск в средний класс: подход с точки зрения прав собственности

Экономическое богатство часто измеряют в категориях величины дохода и активов. Этот узкий подход к количественной оценке составляет сердцевину наших теоретических

рассуждений. Если определять принадлежность к среднему классу исключительно в терминах величины дохода и активов, все равно у нас в руках остаются определенные рычаги даже с учетом тезиса об уменьшающейся отдаче. У нас оставалась бы возможность ссылаться на то, что средний класс, вероятнее всего, будет использовать свои активы лучше, чем очень богатые. Правда, и здесь мы рискуем натолкнуться на возражения. Фрэнк Найт¹⁹, как известно, утверждает, что богатые владеют необъяснимой способностью справляться с неопределенностью. Именно эта способность, по его мнению, может считаться источником появления прибыли, которое в рамках общей модели равновесия объяснить невозможно. Найт «спас» прибыль в модели конкурентного рынка — без этого модель предсказывала бы, что в конце концов вся прибыль будет растрчена и распылена под воздействием тех самых сил конкуренции, которые, как предполагается, и заставляют данный рынок работать. Найт также спас веру в то, истинность чего так никогда и не была доказана или продемонстрирована: в то, что богатые лучше знают, как им тратить свои деньги, — веру, неотъемлемо присущую школе «экономики предложения» и сторонникам плоской шкалы налогообложения. Критический анализ теории Найта выходит за пределы наших задач, но мы считаем нужным обратить внимание на противоречия между принципом уменьшающейся отдачи и утверждением «богатые лучше знают». Первый находит эмпирические и теоретические обоснования, второе в большинстве случаев остается неявной посылкой, мало подтвержденной теоретически и эмпирически.

Взятый сам по себе, тезис об уменьшающейся отдаче легко может оправдать трансферты в пользу беднейшей части населения. В пользу бедных должны направляться средства на школьные субсидии и финансирование основных служб здравоохранения — там они, скорее всего, принесут самый большой полезный эффект. Поэтому важно принять во внимание оба основания нашей теории. Тезис об уменьшении отдачи — только часть нашей аргументации. Необходимое его дополнение — способность защищать доходы на вложенный капитал от потенциальных угроз. Именно способность защищать и сохранять плоды своего труда в широком масштабе и делает средний класс краеугольным камнем общества. Важно понимать, насколько трудно защищать права собственности очень богатых и очень бедных. В случае с богатыми камнем преткновения являются проблемы, обусловленные многоуровневым характером основных субъектов прав и косвенным характером защиты активов и их использования. Проблема с бедными — трудность установить достаточно всеобъемлющий комплекс прав, который позволял бы беднякам извлекать выгоду из того небольшого, чем они владеют.

Положение об уменьшающейся отдаче представляет собой полезное дополнение к нашей аргументации, но основу ее составляет прежде всего и главным образом идея, что система прав собственности, защищающих средний класс, неизбежно способствует экономическому и социальному процветанию. Это ставит перед нами две взаимосвязанные проблемы.

- Во-первых, мы должны ясно сформулировать тот комплекс личных прав и прав собственности, без которого невозможно обеспечить благосостояние большого и преуспевающего среднего класса.
- Во-вторых, далее нам нужно ясно сформулировать, почему именно благосостояние среднего класса так важно для благосостояния общества в целом.

Так как определение комплекса прав собственности — это, главным образом, проблема измерения, мы перенесем обсуждение этого вопроса в следующий раздел. Здесь же

¹⁹ См.: *Knight F.H. Risk, Uncertainty and Profit*. Boston, MA: Hart, Schaffner & Marx; Houghton Mifflin Co., 1921.

мы продолжим разяснять, почему наша теория прав собственности подразумевает, что наличие сильного среднего класса, защищенного твердой системой прав собственности, является ключевым элементом экономического процветания.

Средний класс должен реинвестировать немалую часть своего располагаемого дохода как в развитие своего собственного дела, так и в развитие общества в целом. Учитывая, что у инвесторов, принадлежащих к среднему классу, возможность вкладывать деньги в образование детей, медицинские услуги и пенсионное обеспечение обычно целиком зависит от их сбережений и инвестиций и что средства, находящиеся в распоряжении принадлежащих этой группе семей, достаточно ограничены, — этот класс граждан, скорее всего, будет управлять своими финансами осмотрительно и инвестировать разумно и эффективно. Обычно у людей этого класса есть информация и навыки, позволяющие успешно и разумно инвестировать средства и защитить свои инвестиции от разного рода угроз и рисков. Кроме того, чтобы иметь возможность защитить свои средства, сильный средний класс должен быть способен влиять на политические институты. Наличие и успешность таких институтов, в свою очередь, будут содействовать безопасности и других членов общества, которые, при некоторой помощи со стороны государства и финансовых учреждений, могут и сами войти в состав среднего класса и еще больше усилить его.

Здесь наша аргументация повторяет классическую аргументацию Дугласа Сесила Норта²⁰ относительно того, как коммерческие фирмы влияют на развитие политических институтов. Норт, однако, не обратил внимания на то, что значительные сегменты общества могут повлиять на развитие политических институтов не через имеющиеся в их распоряжении экономические рычаги, но как частные граждане — в ходе политического процесса. Использование политических институтов — важный инструмент, с помощью которого частные лица могут сопротивляться хищничеству своих правительств. Монархи, военные хунты, президенты и другие носители исполнительной власти все время стремятся захватить и поставить под свой контроль такую большую часть ресурсов общества, какую только могут²¹. В отсутствие ограничений на действия этих акторов права собственности оказываются обеспечены хуже и стимулы для инвестиций сокращаются.

Оплот против склонной к злоупотреблениям власти может дать лишь наделение реальными полномочиями институтов, не принадлежащих исполнительной власти, а это возможно лишь при постоянной поддержке сильного среднего класса. Так, одна из главных обязанностей законодательной власти — осуществлять надзор за деятельностью правительства, высших чиновников и их подчиненных и обеспечивать их ответственность за свои действия. Точно так же важнейшая функция эффективной судебной власти — давать людям возможность получать беспристрастное судебное разрешение жалоб против их правительств и против других сторон. Тем самым данные ветви власти способствуют утверждению «надлежащего государственного управления» и «верховенства права». Законодательные органы помогают укреплению государства и тем, что способствуют повышению качества политических решений и интеграции общества.

Известно, что серьезная слабость бедных как сегмента политического сообщества государств — их несклонность участвовать в политическом процессе. Напротив, средний класс — всегда политически активный класс, и чем он обширнее и разнообразнее, тем лучше будет система *функционального представительства интересов* и, как можно ожидать, тем сильнее, при прочих равных условиях, будет государство. Теперь нужно понять, чем же индивид покупает себе билет на право занять место в этом эксклюзивном клубе могущественного среднего класса. Это и будет предметом следующего раздела.

²⁰ См.: North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance.

²¹ См.: Levi M. Op. cit.; North D.C., Wallis J.J., Weingast B. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. N.-Y.: Cambridge University Press, 2009.

3. Членский билет клуба «Средний класс». Проблема измерения

Понятие «средний класс» до сих пор остается весьма невнятным²². Как и многие социальные объекты, средний класс нельзя пощупать руками, как растение или животное. Кроме того, это агрегированное понятие: никакая отдельно взятая характеристика еще не делает субъекта членом среднего класса.

В любом работающем определении среднего класса должны присутствовать как минимум три компонента.

- Во-первых, оно должно содержать соответствующий набор показателей, таких как размер дохода, социальный статус, характер занятий, образование или владение собственностью, чтобы исследователь всегда мог провести проверку на соответствие этим показателям.
- Во-вторых, определение должно обеспечить границу, точку отсечения в нижнем и верхнем хвостах распределения.
- Третий компонент должен давать теоретическое объяснение, почему именно от тех, кто подпадает под данное определение среднего класса, следует ожидать иного поведения, нежели от тех, кого в это понятие не включают.

Поразительно, как часто в определениях среднего класса этому последнему компоненту не уделяют никакого или почти никакого внимания. Наш теоретический подход позволяет нам быть более внимательными в этом отношении.

Далее мы попытаемся определить средний класс, исследуя сильные и слабые стороны каждого подхода. Все четыре детально рассмотренных подхода оставляют желать лучшего. В следующем разделе мы представим наш собственный подход к количественной оценке показателей принадлежности к среднему классу и покажем, как в нем удастся сочетать сильные стороны прежних подходов и уйти от их недостатков.

3.1. Три показателя принадлежности к среднему классу

Распространенный способ определять средний класс — отождествлять средний класс со средним доходом. Бердсол, Грэм и Петтинато²³ предлагают определять в качестве среднего класса «домохозяйства с душевым доходом в диапазоне от 75% до 125% медианного душевого дохода домашних хозяйств»²⁴. Такой подход имеет три преимущества.

- Во-первых, он допускает изменение численности среднего класса во времени. Показатели, отражающие средние квинтили или средние децили²⁵, фиксируют численность среднего класса на каком-то уровне. Показатели же Бердсола и его соавторов устраняют этот серьезный недостаток.

²² См.: *Eisenhauer J.G.* An Economic Definition of the Middle Class // Forum for Social Economics, 2008, Vol. 37, No. 2. P. 103—113.

²³ См.: *Birdsall N., Graham C., Pettinato S.* Stuck in the Tunnel: Have New Markets Muddled the Middle? // Center on Social and Economic Dynamics Working Paper 14. Washington D.C.: Brookings Institution, 2000.

²⁴ Ibid. P. 8.

²⁵ См., например: *Cashell B.W.* Who are the «Middle Class». В кн.: Federal Publications Congressional Research Service (CRS). Cornell University ILR School, 2007.

- Во-вторых, он позволяет уйти от непрозрачных и очень подвижных профессиональных или отраслевых категорий (например, «обрабатывающая промышленность» или «работа в сфере управления»).
- Наконец, его можно использовать в межстрановых сравнительных исследованиях среднего класса.

Что касается трех необходимых компонентов определения, указанных выше, то предложенное Бердсомом и его соавторами определение представляет в качестве показателя доход; и границы отсечения также указаны достаточно ясно. Однако в том, что касается третьего компонента, эти исследователи не предлагают никакого обоснования, почему к субъекту, располагающему 75% медианного дохода следует подходить иначе, нежели к субъекту с 74%, или почему лицо, зарабатывающее больше 125% медианного дохода, надлежит исключать из среднего класса. Без таких обоснований понятие среднего класса оказывается бессодержательным. Определения среднего класса должны объяснить не только, что значит быть богачом или бедняком, но и то, почему эти категории теоретически отличаются от того, что мы определяем как средний класс.

Другой проблемой, кроме слабой теоретической обоснованности, является проблема межстрановой сопоставимости. Медианные доходы резко меняются от страны к стране. Например, средний класс Соединенных Штатов с медианным доходом, существенно превышающим 40 000 долл., будет резко отличаться по своему характеру от среднего класса Бурунди, где медианный доход колеблется вокруг величины приблизительно в 700 долл. Если нам нужно единое понятие среднего класса, столь же применимое к лицу в Соединенных Штатах, как и к лицу в Бурунди, — подход Бердсола непригоден.

«Экономическое» определение среднего класса у Эйзенхауэра, как и у Бердсола и его соавторов, начинается с использования в качестве показателя размера дохода домохозяйства²⁶. Однако Эйзенхауэр привязывает точки отсечения к определенным содержательным величинам и дает для них теоретическое обоснование. В качестве приемлемой нижней границы отсечения Эйзенхауэр принимает черту бедности. В качестве верхней границы отсечения он принимает способность лица прожить, не работая в течение всей жизни и при этом оставаясь выше черты бедности. Эту верхнюю границу он выстраивает на основе весьма грубых финансовых показателей: степень бедности, совокупные чистые активы семьи и норма безрисковых инвестиций. Гипотетически, если индивид может обратить все свои активы в приносящие доход, но низкорисковые инструменты (например, в казначейские обязательства США) и при этом прожить выше черты бедности до конца жизни, — такой индивид слишком богат, чтобы его можно было отнести к среднему классу.

Определение Эйзенхауэра опирается на относительно твердые теоретические основания, но проблематично в других отношениях. Во-первых, если серьезно относиться к очерченной Эйзенхауэром верхней границе, то в большинстве стран средний класс, вероятно, составит значительно более узкий сегмент общества, чем тот, что обычно понимается под выражением «средний класс» в обыденном языке. Если в качестве порога абсолютной бедности принять стандарт ООН 1 долл. в день, а норму безрискового дохода от инвестиций — в 4%, то любой человек с годовым доходом более 10 000 долл. может быть сочтен слишком богатым для того, чтобы быть отнесенным к среднему классу. Понятно, что эти границы слишком узки, чтобы согласовываться с обыденным пониманием среднего класса. Если же придерживаться принятого первоначально самим Эйзенхауэром значения черты бедности для США, как оно определяется нормами Бюро переписи, — все окажется намного проще: для домохозяйства из 3 человек «линия богатства» подскачет до более чем 400 000 долл. Но и при том многие не сочли бы семью, владеющую чистыми

²⁶ См.: *Eisenhauer J.G.* Op. cit. P. 110.

активами в 400 000 долл., очень уж богатой. Много семей среднего класса в США владеют большими активами, а между тем по модели потребления не отличаются от других домохозяйств, относящихся к среднему классу.

Теория Эйзенхауэра страдает более глубоким теоретическим недостатком. Определяемая им верхняя граница основывается на различии между теми, кто должен работать, чтобы не впасть в бедность, и теми, кто не имеет такой необходимости. Но действительно ли падение уровня жизни ниже прожиточного минимума — это единственная экономическая опасность, которая может двигать субъектом? Человек вполне может стремиться работать до тех пор, пока ему не будет обеспечен навсегда доступ к, по крайней мере, минимальной физической безопасности, здравоохранению и образованию.

Банерджи и Дюфло²⁷ рассмотрели «13 развивающихся стран, с тем чтобы описать потребительский выбор, инвестиции в здоровье и образование, модели занятости и другие особенности экономической жизни представителей «средних классов», определяемых как те, чье ежедневное душевное потребление лежит в интервале между 2 долл. и 4 долл. или между 6 долл. и 10 долл.»²⁸ На этом пути они пришли к нескольким не вызывающим удивления выводам: что «средний человек среднего класса — это вовсе не тот, кто ждет возможности пополнить собой ряды предпринимателей»; что «как представляется, самая важная отдельно взятая характеристика представителей среднего класса — то, что у них с большей вероятностью есть постоянная работа»; наконец, что представители среднего класса с высокой вероятностью «будут иметь меньше детей и эти дети будут более здоровыми и лучше образованными». Главная проблема — отсутствие у Банерджи и Дюфло каких бы то ни было теоретических обоснований их гипотез и утверждений. Почему мы должны рассматривать в качестве представителей среднего класса именно тех, чье ежедневное потребление лежит в диапазоне между 2 долл. и 10 долл.? Подобно всем другим, Банерджи и Дюфло выбирают в качестве релевантного показателя размер дохода (первый компонент). В качестве разумных порогов отсечения (второй компонент) они выбирают более общепринятые пределы в 2 долл. и 10 долл. Эти пороги отсечения страдают той же произвольностью, что и принятые в других определениях. Но хуже всего то, что Банерджи и Дюфло не предлагают никакого объяснения, почему следует принимать именно эти границы (третий компонент).

3.2. Теория среднего класса, основывающаяся на правах собственности

Мы полагаем, что наш подход, основывающийся на правах собственности, способен серьезным образом усовершенствовать те более ранние попытки, которые обсуждались выше. Наша цель — выбрать такой набор показателей (репрезентаторов, прокси), который наиболее четко очерчивал бы множество всех лиц, принадлежащих к среднему классу, и основывался на связи между средним классом и защищающими этот класс правами собственности.

Мы определяем средний класс как множество всех людей, которые имеют гарантированный доступ — или, выражаясь нашим языком, некие пользующиеся защитой права собственности на такой доступ — к благам, необходимым субъекту, чтобы обеспечить себе более высокую производительность в современной индустриальной экономике: к

²⁷ См.: *Banerjee A., Duflo E.* What is Middle Class about the Middle Classes Around the World?

²⁸ Ibid. P. 1.

товарам первой необходимости, основным услугам здравоохранения, и, по крайней мере, какому-то дополнительному образованию сверх средней школы, но которые при этом не располагают достаточным богатством, чтобы доступ к этим благам обеспечивался автоматически. Таким образом, наша теория — это теория пользующихся публично-правовой защитой прав собственности на общественные блага. Те, кто принадлежит к среднему классу, сами, без четко определенных и пользующихся должной защитой прав собственности, не способны обеспечить себя необходимыми для эффективного функционирования на рынках благами. Самостоятельно приобрести соответствующие блага на открытом рынке они не могут, и их гарантированный доступ к данным благам зависит от общегосударственных экономических и политических институтов. Таким образом, представитель среднего класса непосредственно заинтересован платить необходимую цену за функционирование и улучшение институтов и за будущую готовность этих институтов обеспечивать жизненно необходимые ему права собственности. Такие институты могут быть государственными — как широкие системы социального обеспечения; чисто рыночными — как страховые учреждения и системы обращения ценных бумаг — или носить любые смешанные формы — как некоммерческие исследовательские центры и учебные заведения в США или неправительственные организации самого разного типа и правовой формы. В табл. 1 кратко резюмируется первая попытка систематизировать показатели характеристик среднего класса таким образом, чтобы обеспечить возможность строго и систематически исследовать обсуждаемые здесь проблемы.

Таблица 1

**Предварительные показатели принадлежности
к среднему классу и их возможные прокси**

Показатель	Возможный прокси
Доступ к услугам здравоохранения	Число женщин, выполнивших маммографию, число мужчин, выполнивших эндоскопию, число детей, получивших прививки, число детей, имеющих доступ к психиатрической помощи
Доступ к образованию	Масштабы поступления в начальные, средние, средние специальные и высшие учебные заведения и окончания этих учебных заведений; доля лиц с 13-летним и более многолетним образованием
Доступ к капиталу	Процентные ставки по кредитам, ставки по ипотеке, величина долга на душу населения
Жилищные условия	Средний размер дома, этажность домов (без подвалов и полуподвалов), уровень бездомности, уровень государственных расходов на муниципальное жилищное строительство
Богатство	Средний доход, медианный доход, распределение доходов
Страхование рабочих мест	Государственные расходы на страхование от безработицы
Доступ к чистой воде	Численность лиц, пользующихся современным водоснабжением
Санитарное состояние	Численность лиц, пользующихся канализацией и современными санитарными удобствами

4. Что мы можем сказать о современном состоянии стран Кавказа с точки зрения политической экономики и чего рассчитываем добиться

Понадобятся многие годы, чтобы сформировать базу данных, позволяющую получить количественные сведения об институциональных показателях силы и устойчивости среднего класса и о том, как эти показатели могут отразиться на социальном, экономическом и политическом благосостоянии государств. Чтобы обосновать оправданность усилий по формированию такой базы, продемонстрируем некоторые предварительные результаты, свидетельствующие о вероятной пользе от получения этой сложной матрицы.

Один из возможных прокси для принадлежности к среднему классу — коэффициент Джини. Можно предвидеть, что в странах с высокими значениями коэффициента Джини средний класс будет весьма невелик (например, в Боливии, Боснии, Бразилии и Намибии $G > 0,55$). Однако относительно низкие значения коэффициента Джини могут иметь как страны с преимущественно бедным населением (Беларусь, Хорватия, Чешская республика — все имеют $G < 0,3$), так и богатые страны с чрезвычайно большим средним классом (Дания, Норвегия, Франция и Германия — все имеют $G < 0,3$). Страны с достаточно большим и сильным средним классом почти всегда будут иметь умеренные значения коэффициента Джини (в Израиле, России, Сингапуре он везде составляет $\sim 0,4$). Но подобные значения могут иметь и очень бедные страны (в Малави, Сенегале и Марокко его значения также везде $\sim 0,4$). Так что отрицательная корреляция между значениями коэффициента Джини и размером среднего класса существует только как корреляция между высокими значениями первого показателя и низкими значениями второго. В интересах дальнейшего обсуждения, которое последует ниже, можно отметить, что в странах Кавказа коэффициент Джини относительно низок: 0,4 в Грузии, 0,36 в Азербайджане и 0,41 в Армении)²⁹.

Сенед, Томпсон и Уокер обнаружили инвертированную U-образную корреляцию между значениями коэффициента Джини и различными показателями экономического роста. Однако они также обратили внимание на существование U-образной корреляции между значениями коэффициента Джини и показателями провала государства³⁰. Двойственный эффект коэффициента Джини отображен на рис. 1.

Результат может быть интерпретирован вполне ясно и однозначно. В странах без среднего класса существует значительная элита и большой класс бедных, который не угрожает правящей элите. Странами с относительно низкими значениями коэффициента Джини могут быть богатые страны с очень сильным средним классом, где провал государства крайне маловероятен, но и экономический рост умеряется необходимостью больших инвестиций в устойчивость и жизнеспособность этого большого среднего класса. А в тех странах, что лежат в промежутке между этими двумя группами, относительно большие значения показателей неравенства создают потенциальный стимул для более быстрого роста, но слабость среднего класса может привести к ситуации провала государства.

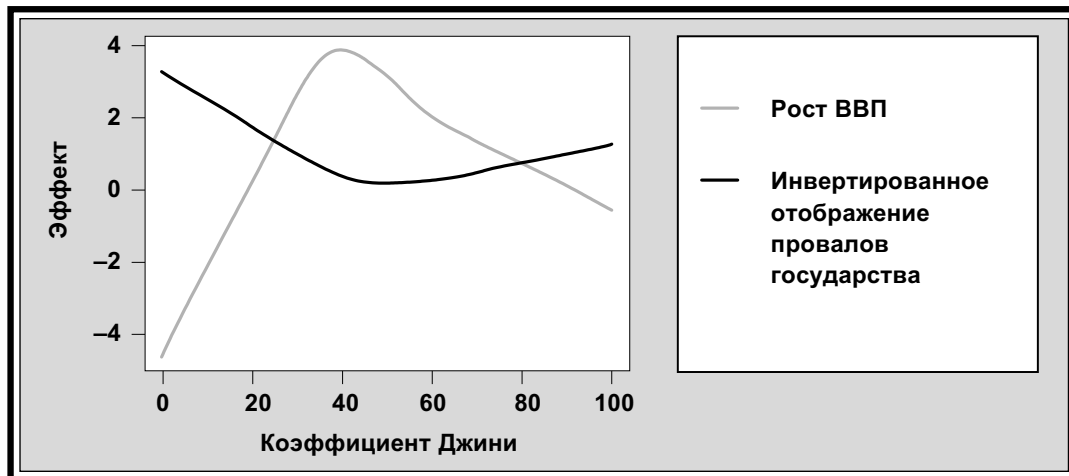
Здесь наглядный урок для стран Кавказа. За два десятилетия, истекшие с момента получения независимости, эти страны борются с высокими показателями неравенства, ставящими их в ситуацию относительно высокого риска провала государства, и одновременно пытаются сформировать больший и лучше защищенный средний класс, поддерживая при этом достаточные темпы экономического роста. Азербайджану его нефтедобывающая

²⁹ Все значения коэффициента Джини взяты, как обычно, из справочника «CIA — The World Factbook».

³⁰ См.: *Sened I., Thompson M., Walker R. The State, Property Rights and the Middle Class: A Fresh Start. Unpublished manuscript, Washington: University in St. Louis, 2010.*

Рисунок 1

**Двойственный эффект коэффициента Джини
по отношению к экономическому росту и провалам государства**

промышленность помогла сохранять относительно твердый курс, но Грузия и Армения испытали свою долю хаоса и колебаний, которая и предполагается данными анализа.

5. Заключительные замечания

В настоящей статье мы предложили новый подход к изучению среднего класса, который основывается не на случайным образом выбранных произвольных показателях, а непосредственно на неоклассическом экономическом фундаменте. Мы предлагаем обширную программу исследований, основывающуюся на теоретических положениях, связывающих средний класс не с произвольно определяемым местом «в середине», а с комплексом прав собственности и порожденных этими правами стимулов. Эти права и стимулы объясняют как факторы его размера и силы — защищающие этот класс институты, связанные с правами собственности, так и положительные эффекты для политической стабильности и жизнеспособности общественной системы, экономического роста и социального процветания, которые — нередко чисто умозрительно — связывают со средним классом.

Отстаиваемая здесь программа исследований пока располагает лишь контуром теории. Мы связываем средний класс с защищенными правами собственности. Мы утверждаем, что правительства заинтересованы в предоставлении некоторых прав собственности, с тем чтобы повысить экономическую активность населения, увеличить налоговую базу и получить иные выгоды. Соответственно, мы предполагаем наличие нортговского круга: постоянные призывы среднего класса защитить его права собственности в обмен на политическую поддержку и ожидаемое улучшение социального обеспечения и общественного благосостояния в результате относительно небольших улучшений системы прав собственности, на которые правительства идут в ответ на эти просьбы³¹.

Предстоит еще большая теоретическая работа и работа по сбору данных, прежде чем можно будет адекватно оценить реальные достоинства наших усилий.

³¹ Более детальное описание этого динамического взаимодействия между правительствами и избирателями см.: *Sened I. Op. cit.*

Полагаем, что данная работа хорошо вписывается в контекст проблематики Кавказа в условиях глобализации, где масштаб теоретических проблем и в высшей степени реальных вызовов, с которыми сталкивается регион, может соответствовать инновационному характеру вопросов, поднимаемых в настоящем очерке.

Нурали ЮСИФБЕЙЛИ

*Доктор технических наук,
директор Азербайджанского научно-исследовательского и
проектно-изыскательского института энергетики
(Баку, Азербайджан).*

Валех НАСИБОВ

*Кандидат технических наук,
заведующий лабораторией энергетической безопасности
Азербайджанского научно-исследовательского и
проектно-изыскательского института энергетики
(Баку, Азербайджан).*

Рена АЛИЗАДЕ

*Ведущий инженер,
аспирант лаборатории «Энергетическая безопасность»
Азербайджанского научно-исследовательского и
проектно-изыскательского института энергетики
(Баку, Азербайджан).*

**ФАКТОРЫ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА МАСШТАБЫ И
СТРУКТУРУ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ МОЩНОСТЕЙ И
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Р е з ю м е

В статье исследуются факторы, влияющие на развитие и применение современных энергетических технологий. Предпринята попыт-

ка анализа взаимовлияния развития современных энергетических мощностей и обеспечения энергетической безопасности Азербайджанской Республики.

В в е д е н и е

Из всех задач, решаемых в рамках системных исследований развития электроэнергетики, самая сложная и в то же время определяющая — это прогнозирование развития энергетических мощностей¹. Ведь объекты генерации — наиболее капиталоемкие и инерционные, решение по их строительству нужно принимать задолго до появления потребности в их продукции.

Нехватка энергетических мощностей может привести к серьезным угрозам для энергетической безопасности — таким, как преждевременный износ энергетического оборудования, недопустимая перегрузка электросетевого оборудования, недопоставка электроэнергии потребителям в большом объеме, социальная напряженность и т.д.²

Некоторые особенности энергетической безопасности Азербайджанской Республики

В современном мире вопросам энергетической безопасности уделяется большое внимание из-за повсеместного постоянного роста энергопотребления. Сегодня развитие экономики достигло уровня, при котором энергетика приобрела ключевую роль для развития социальной, экологической, информационной и других сфер жизни.

Как известно, основной целью работы всей электроэнергетической отрасли является снабжение потребителей энергией в различных условиях. Показатель энергетической безопасности отражает степень достижения этой цели на текущий момент и точность прогнозирования на ближайшую и дальнюю перспективу с учетом выявленных угроз на каждом элементе цикла энергоснабжения. Являясь составной частью национальной безопасности, энергетическая безопасность рассматривается как «уверенность, что энергия будет иметься в распоряжении в том количестве и того качества, которые требуются при данных экономических условиях»³. Поэтому вопросы энергетической безопасности актуальны для всех стран вне зависимости от их обеспеченности энергетическими ресурсами. При этом степень такой обеспеченности влияет на состав задач энергетической безопасности, их относительную важность, приоритеты. Особенно это проявляется при оценке перспективных уровней энергетической безопасности. Обладая достаточными извлекаемыми запасами нефти (1 млрд т) и природного газа (около 2 трлн куб. м), Азербайджан полностью обеспечен энергетическими ресурсами, является страной-производителем и экспортером нефти, газа и электрической энергии и имеет определенный потенциал для повышения как собственной, так и европейской энергетической безопасности.

В настоящее время собственная энергетическая безопасность Азербайджана не подвергается каким-то крупномасштабным угрозам: ни граждане, ни экономика страны в целом не испытывают серьезного дефицита энергетических ресурсов из-за воздействия каких-то негативных природных, техногенных, социально-экономических, внешнеполи-

¹ См.: *Pirverdiyev E.S., Gouseinov A.M., Yusifbeyli N.A.* Development of Azerbaijan Power System and Trends for Energy Security Indicators // ICTPE-2008 Fourth International Conference on Technical and Physical Problems of Power Engineering, 4—6 September 2008. Pitesti, Romania: University of Pitesti, 2008.

² См.: *Бушувев В.В., Воронай Н.И., Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. и др.* Энергетическая безопасность России. Новосибирск, 1998. С. 302.

³ Energy Dictionary, Word Energy Council. Paris: Jonve SI, 1992. P. 635.

тических и других факторов, и угрозы такого дефицита в обозримой перспективе не существует.

Основными топливно-энергетическими ресурсами страны являются нефть и природный газ, а доля других источников энергии незначительна. В 2009 году добыча нефти в Азербайджане составила более 56 млн т, из них около 6 млн т переработано для удовлетворения внутренних потребностей страны, а остальные 50 млн т экспортировались на мировой рынок. Добыча природного газа составляет 27 млрд куб. м, из них экспортировано более 8 млрд куб. м. В ближайшей перспективе по завершении второй фазы разработки месторождения Шах-Дениз объем экспортируемого природного газа значительно увеличится.

Правительство страны придает большое значение увеличению экспорта природного газа на мировые рынки. «Мы планируем по меньшей мере удвоить производство газа в ближайшие пять лет, однако существующие рынки еще недостаточно проявляются. Очень важно иметь четкое понимание того, каковы наши потенциальные рынки», — сказал президент Азербайджана И. Алиев на 39-й сессии Всемирного экономического форума в Давосе⁴.

Для эффективной работы на мировом энергетическом рынке и обеспечения национальных экономических интересов в Азербайджане необходимо определить индикаторы энергетической безопасности во всех сферах топливно-энергетического комплекса страны: а) в добыче, переработке, транспортировке, хранении и потреблении нефти и природного газа; б) в выработке, транспортировке, распределении электрической энергии и снабжении ею. Поскольку запасы органического топлива в стране вполне достаточны, на первый план с точки зрения энергетической безопасности выдвигаются перспективные задачи развития важнейшей отрасли топливно-энергетического комплекса (ТЭК) — электроэнергетики, определяемые в «Государственной программе развития топливно-энергетического комплекса Азербайджанской Республики на 2005—2015 гг.»⁵.

Факторы, влияющие на масштабы развития современных энергетических мощностей

Прогнозирование развития энергетических мощностей — неотъемлемый элемент работы по обеспечению энергетической безопасности. Требования к полноте и адекватности представления факторов, влияющих на масштабы и структуру развития энергетических мощностей, сегодня очень высоки⁶. Это:

- необходимость надежного энергоснабжения потребителей на всей территории республики; обеспечения баланса мощностей и поступления электроэнергии во всех узлах электропотребления;
- использование различных видов энергоресурсов при различных способах производства электроэнергии. Различия в составе оборудования электростанций приводят к существенному разбросу технико-экономических показателей разных технологий (капиталоемкость, к.п.д., срок строительства и т.д.);

⁴ См.: Бакинский рабочий, 31 января 2009 [www.br.az/index.php?year=2009&month=01].

⁵ Газета «Азербайджан», 14 февраля 2005 (на азерб. яз.).

⁶ См.: *Gouseinov A.M., Yusifbeyli N.A., Aqasiyev I.A.* Participation of Azerbaijan in Eurasian Energy Union. АЕС-8, Irkutsk, 2008.

- необходимость исходить из формирования балансов тепла как из условия при определении мощности проектируемых ТЭЦ и учитывать эти соображения при обосновании перспективных направлений развития энергетических мощностей;
- динамика физического и морального износа действующего оборудования электростанций — этим определяются масштабы технического перевооружения электростанций, представляемые как различные варианты или реконструкции, или же строительства новых электростанций;
- возможность взаимозаменяемости топлива на действующих тепловых электростанциях. На ближайшую перспективу эта возможность оценивается как потенциал взаимозаменяемости на действующих станциях, а в долгосрочной — как выбор рационального соотношения современных электрических станций разного типа (работающих на газе, мазуте, атомных и гидростанций, установок, использующих альтернативные виды энергии);
- сильное влияние цены топлива на формирование инвестиционных решений по развитию разных типов генерации: изменение цен может привести к изменению эффективности проектов;
- структурные требования по повышению уровня диверсификации использования различных энергоресурсов. Эти требования определяются условиями национальной и региональной энергетической безопасности, экологическими стандартами и обязательствами;
- экономические ограничения, определяемые финансовыми возможностями развития отрасли в целом и в ее отдельных составляющих. В общем случае такие ограничения определяются развернутым прогнозом финансового и экономического состояния отрасли.

Большое количество влияющих факторов и неопределенность их количественного изменения в ближайшем и, тем более, отдаленном будущем чрезвычайно усложняет прогнозирование развития энергетических мощностей на длительную перспективу⁷. Поэтому очень важно выделить наиболее важные факторы и оценить вероятные диапазоны изменения их количественных показателей. На наш взгляд, на перспективную структуру энергетических мощностей сильнее всего влияет следующая группа факторов⁸:

- внутренняя потребность в электроэнергии и режим электропотребления (максимум нагрузок);
- объемы и режимы экспорта/импорта электроэнергии;
- динамика теплопотребления и связанная с ней динамика новой мощности ТЭЦ (совокупной мощности вновь вводимых ТЭЦ);
- динамика мощности действующих электростанций;
- перспективные технико-экономические показатели и режимные характеристики источников генерации разного типа;
- прогнозные цены разных видов топлива и ресурсные ограничения на возможности их использования.

⁷ См.: *Беляев Л.С., Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю.* Эффективность межгосударственных электрических связей. Новосибирск: Наука, 2008. С. 235.; *Беляев Л.С.* Проблемы электроэнергетического рынка. Новосибирск: Наука, 2009. С. 295.

⁸ См.: *Хоршев А.А.* Обоснование рациональных направлений развития генерирующих мощностей ЕЭС России на долгосрочную перспективу, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2007.

Сила влияния каждого фактора на перспективные значения энергетических мощностей различна.

Задачи определения масштабов развития и структуры энергетических мощностей должны решаться последовательно.

В Азербайджане основными факторами, определяющими масштабы развития современных энергетических мощностей, являются:

- прогнозируемая динамика мощности действующих электростанций;
- прогнозируемая потребность в установленной мощности электростанций.

Мощности действующих электростанций на перспективу определяются двумя основными факторами:

- а) техническим состоянием оборудования, отработавшего свой нормативный срок службы;
- б) сравнительной эффективностью модернизации действующего оборудования (продления срока эксплуатации) и его замены технически прогрессивным оборудованием.

Эти два фактора существенно различаются в зависимости от типа электростанций.

Так, из-за продолжительного срока службы гидротехнических сооружений (более 100 лет) и высокой доли их стоимости в общей стоимости ГЭС (более 80%), ГЭС эксплуатируются длительное время и затраты на восстановление и замену их устаревшего оборудования невелики. Поэтому мощности ГЭС азербайджанской энергосистемы еще долгое время останутся в эксплуатации за счет проведения мероприятий по продлению срока их эксплуатации.

Что касается действующих ТЭС, техническая возможность продолжения эксплуатации их устаревшего оборудования определяется по результатам систематического технического диагностирования каждого агрегата. Моральный износ оборудования оценивается путем сравнения эффективности модернизации оборудования ТЭС (продление срока эксплуатации) и его замены технически более прогрессивным оборудованием⁹.

Влияние, которое оказывает на масштабы развития энергетических мощностей прогнозируемая потребность в установленной мощности, рассматривается на примере трех сценариев электропотребления: минимального (пессимистического), базового (нормального) и максимального (оптимистического)¹⁰.

Эти прогнозы выполняются с учетом следующих основных компонентов:

- максимум нагрузки у внутренних потребителей;
- экспорт (импорт) мощности;
- расчетный резерв мощности — этот резерв используется как для проведения капитальных ремонтов, так и при непредвиденном увеличении электропотребления;
- ограничения и неиспользование мощности ТЭС и ГЭС в период прохождения максимума нагрузки.

В таблице представлен уровень износа генерирующего оборудования действующих электростанций на перспективу.

⁹ См.: Методические указания по проектированию развития энергосистем. Утверждены приказом Минэнерго России от 30.06.03 № 281.

¹⁰ См.: Государственная программа по развитию регионов Азербайджанской Республики в 2009—2014 годах, май 2009.

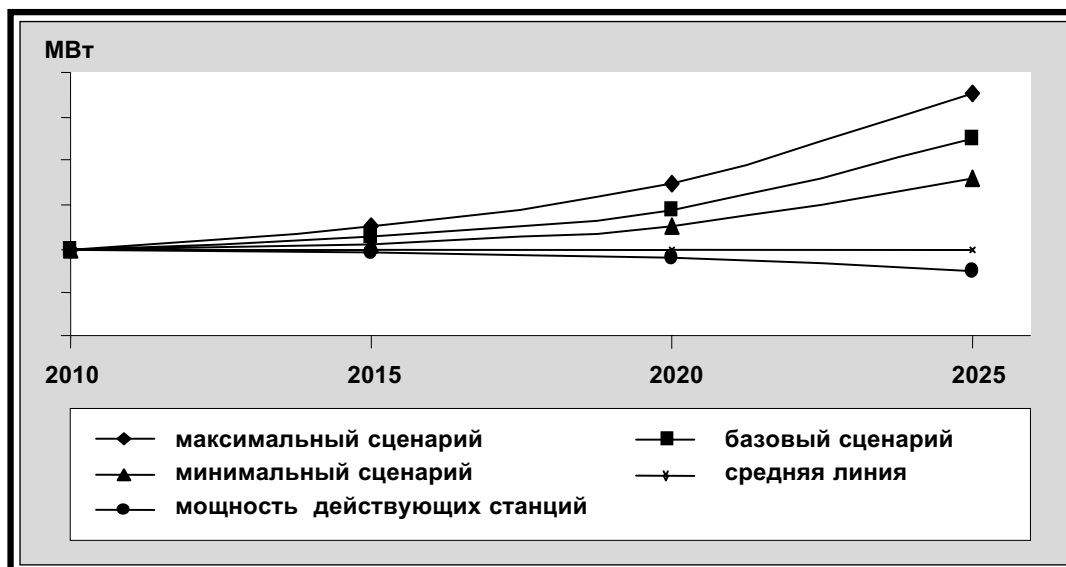
Таблица

Уровень износа генерирующего оборудования, %

Год	Уровень износа
2005	28
2010	13
2015	23

На рис. 1 представлены износ генерирующего оборудования действующих электростанций и прогноз электропотребления для трех сценариев развития на разные перспективы.

Рисунок 1

Потребность
в установленной мощности

Разница между потребностью в установленной мощности электростанций и мощностью действующих электростанций может быть представлена как потребность в новых энергетических мощностях для каждого типа прогнозирования¹¹.

По нашим подсчетам, в Азербайджанской энергосистеме к 2020 году рост потребности в установленной мощности составит 70—80% от суммарной потребности в новых мощностях, поскольку выбытие действующих мощностей составит всего 20—30% от общего объема новых мощностей.

После определения диапазона возможных значений потребности в новых генерирующих мощностях нужно определить структуру современных энергетических мощностей, то есть соотношения разных типов электростанций.

¹¹ См.: *Совалов С.А.* Режимы единой энергосистемы. М.: Энергоатомиздат, 1983. 384 с.

Влияние режима электропотребления и режимных ограничений электростанций на выбор структуры современных мощностей

Неправильный выбор структуры современных мощностей может привести к следующим угрозам энергетической безопасности: технологические ограничения выработки электроэнергии в ночные провалы зимнего периода, недоиспользование системных эффектов параллельной работы энергосистем, неэкономичное использование мощности электрических станций, недопоставка электроэнергии потребителям и т.д.¹²

На структуру современных энергетических мощностей наибольшее влияние оказывают следующие факторы:

- размеры зон суточных и годовых графиков нагрузки и режимные ограничения использования разных типов энергетических мощностей в разных зонах графиков нагрузки — этот фактор определяет допустимые соотношения пиковой, маневренной и базисной генерации;
- сравнительная эффективность различных источников энергии (в условиях неопределенности их технико-экономических показателей и цены топлива) — этот фактор определяет эффективность использования различных типов генерации в каждой из зон графиков;
- различные ресурсные ограничения.

Из всех перечисленных факторов на структуры современных энергетических мощностей наибольшее влияние оказывает размер зон суточного графика нагрузки. Анализ зон пиковой, маневренной и базовой частей графиков нагрузки азербайджанской энергосистемы показывает, что их соотношение составляет 3:20:77. Это соотношение характеризует потребность в соответствующих мощностях.

Другим важным фактором являются технические возможности использования различных типов генерации в суточном графике. При этом исследуется график зимних рабочих суток, соответствующий периоду максимальных нагрузок (годовой максимум). Для этого же дня проверяются требования к использованию мощностей в часы годового максимума (вечернего) и разгрузки в ночное время:

- ГЭС, ГТЭС и мелкие ТЭС могут варьировать свою мощность в диапазоне 0÷100%;
- АЭС должны работать с 100% нагрузкой в течение суток;
- ТЭС в зимние рабочие сутки снижают свою загрузку не ниже 85—90%;
- конденсационные энергоблоки — не ниже 50%, а ПГУ — до 35%.

Различия в технических характеристиках электростанций разного типа и возможностях их использования существенно усложняют выбор структуры энергетических мощностей.

Оценка эффективности различных типов генерации выполняется с учетом времени их работы в соответствующих зонах годового графика нагрузки. В этих зонах продолжительность использования установленной мощности распределяется следующим образом:

¹² См.: *Быкова Е.В.* Методы расчета и анализ параметров энергетической безопасности. Кишинев, 2005. С. 150.

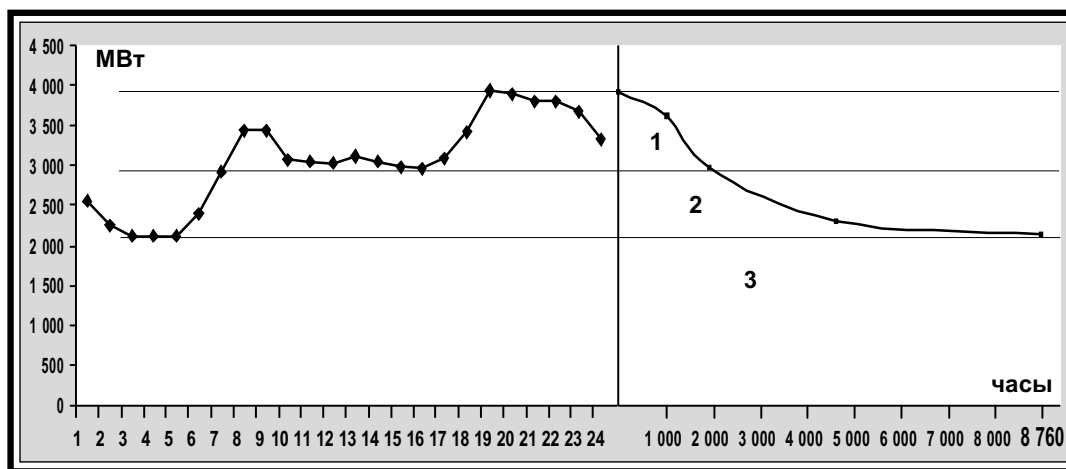
базисная зона — число часов использования установленной мощности 6 200—6 500 ч/год; маневренная — 4 000—4 100 ч/год; пиковая — не более 1 500—1 700 ч/год.

На рис. 2 показан переход от суточного графика нагрузки к годовому графику электропотребления для Азербайджанской энергосистемы:

- 1-я зона показывает число часов использования пиковой мощности и объем пиковой энергии в году,
- 2-я зона показывает объем энергии в году, соответствующий маневренной мощности,
- 3-я зона показывает объем базисной энергии в году.

Рисунок 2

Схема перехода суточного графика нагрузки к годовому

Соотношение объемов энергии в соответствии с этими зонами сходно с упоминавшимся соотношением мощностей 3:20:77. Исследование графиков нагрузки зимних рабочих дней последних лет показало, что указанное соотношение с небольшой погрешностью устойчиво удерживается. Можно предположить, что оно будет поддерживаться и в дальнейшем, и потому в перспективе нужно будет сохранить такой же и структуру энергетических мощностей: 3:20:77.

З а к л ю ч е н и е

Таким образом, для энергетической безопасности Азербайджанской Республики на перспективу одним из важных показателей является состояние развития электроэнергетической отрасли, где решающее значение будут иметь масштабы и структура современных энергетических мощностей на различные периоды.

В условиях Азербайджанской Республики среди задач энергетической безопасности особое внимание нужно уделить вопросам прогнозирования динамики энергетических мощностей на различные периоды, а также мощностей действующих электростанций и выбору их структуры в перспективе.

ГЕОКУЛЬТУРА**Рауф КАРАГЕЗОВ**

*Кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института стратегических исследований Кавказа
(Баку, Азербайджан).*

Рена КАДЫРОВА

*Доктор психологических наук,
доцент кафедры психологии
Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

**ДОВЕРИЕ И ДЕМОКРАТИЯ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ:
РАЗНЫЕ ТРАЕКТОРИИ,
РАЗНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ¹****Резюме**

В статье рассматривается проблема доверия как одного из центральных элементов демократического развития стран Центрального Кавказа. Автор выделяет три вида доверия: «политическое», «общее» и «ча-

стное». Для обществ Центрального Кавказа преобладающим является именно частное доверие, то есть доверие к членам семьи, родственникам и знакомым, в то время как современное общество требует смены частно-

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на симпозиуме: «Democratic Structures, Democratic Culture: The Republic of Georgia in Comparative Perspective». St. Louis (USA): Washington University, 12—13 November, 2009.

го доверия на доверие к незнакомым согражданам и к беспристрастности и правомочности государства. Опираясь на данные кросс-культурного исследования, осуществленного коллективом исследователей из Азербайджана, Грузии, России, Украины, Великобритании,

Испании, Греции и Нидерландов, автор приходит к выводу о необходимости создания в странах региона современных государственных институтов, которые своей деятельностью способны повысить доверие граждан к своему государству.

В м е с т о в в е д е н и я

В статье представлены некоторые результаты исследования², цель которого — изучение уровня доверия молодежи к местным и центральным политическим институтам и лидерам, а также моделирование взаимоотношений между паттернами идентификации, уровнями политического доверия и восприятиями его различных аспектов.

Исследование носило кросс-культурный характер и охватывало Азербайджан, Грузию, Россию, Украину, Грецию, Нидерланды, Испанию и Великобританию. Выборка испытуемых, в общей сложности достигавшая 3 009 чел., состояла из 15—18-летних юношей и девушек, проживающих в странах — участниках проекта³.

Доверие и демократия

Одна из авторитетных международных организаций оценивает положение дел в странах Центрального Кавказа следующим образом: «Важнее всего то обстоятельство, что, хотя в регионе присутствуют демократические формы, само содержание демократии, в частности политическая культура, опирающаяся на доверие и эффективный уровень политического участия, все еще отсутствует»⁴.

Данное заключение, увязывающее категории демократии и доверия, рождает ряд вопросов, требующих более пристального внимания. Остановимся на трех, на наш взгляд наиболее важных, которые можно сформулировать примерно так: *Как соотносятся доверие и демократия? Что означает доверие? Каковы пути развития доверия в регионе?* Начнем с первого вопроса.

В научной литературе отмечается взаимосвязь между доверием и демократией. Например, указывают, что уровень доверия в обществе является одним из важных показателей степени его демократичности. Как отмечает в этой связи один из исследователей, «для

² Речь идет о международном исследовательском проекте «Политическое доверие и политическое участие молодежи, принадлежащей к этническим меньшинствам в странах СНГ и Европейского союза», который был осуществлен при финансовой поддержке со стороны INTAS, Grant No. 03-51-3123, 2004—2007. Получателями гранта были Университет Суррея, Международный центр социальных исследований, Институт психологии АН Грузии, Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Харьковский государственный университет, Университет Страны Басков, Утрехтский университет, Университет Пантхио и Смоленский гуманитарный университет. Мы многим обязаны нашим коллегам Эвансии Лайонс, Георгию Кипиани, Татьяне Рязановой, Валентину Павленко, Хосе Валенсиа, Майклу Веркутену, Ксении Криссоху и Владимиру Сливанову, участвовавшим в разработке концепции исследования.

³ Такими меньшинствами являлись: в Азербайджане — лезгины и талыши; в Грузии — армяне; в России — грузины и украинцы; в Украине — русские и крымские татары; в Нидерландах — суринамцы, турки и марокканцы; в Испании — арабы и цыгане; в Соединенном Королевстве — выходцы из Бангладеш, Пакистана, Индии, африканских стран и стран Карибского региона.

⁴ The Economist Intelligence Unit's Index of Democracy 2008 [<http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy%20Index%202008.pdf>], 20 October 2009.

того чтобы люди желали участвовать в политических процессах, они должны доверять как общественным институтам, так и другим людям»⁵.

В свою очередь, вопрос о том, что есть доверие, вызывает оживленную дискуссию. Исследователи предлагают различные дефиниции доверия. Для кого-то это вера в истинность заявлений, сделанных от имени официальных лиц, для кого-то — степень удовлетворенности работой общественных институтов⁶. В контексте нашего анализа мы полагаем достаточным выделить следующие виды доверия:

- 1) *политическое доверие*, то есть доверие к политическим институтам и лидерам;
- 2) *общее, или генерализованное, доверие* — доверие к незнакомым людям⁷;
- 3) *частное доверие* — доверие к членам своей семьи, родственникам, друзьям, членам своей группы (этнической, религиозной и т.д.).

Последний вид доверия в наибольшей мере присущ странам региона. Хотя никто из социологов, психологов или политологов никогда не признавал нежелательным само по себе доверие к родственникам, членам своей группы, существенное преобладание частного доверия над общим признается нежелательным с точки зрения социально-экономического и политического развития общества⁸. Как подчеркивает в этой связи Роуз-Аккерман, «в современном обществе от людей требуется способность отделять свои роли и отношения как друзей и родственников от роли чиновника, политика, судьи, менеджера или служащего»⁹. Другими словами, модернизация требует смены частного доверия как основной цементирующей силы общества на доверие к беспристрастности и правомочности государства.

Наконец, на вопрос «как развивать доверие?» соответствующая литература дает разные и подчас прямо противоположные заключения. Вот лишь некоторые примеры:

- А) *Развитие гражданского общества ведет к повышению уровня доверия, способствующего росту демократии*¹⁰;
- Б) *Участие в добровольных организациях не порождает роста доверия к другим и не способствует демократии*¹¹;
- В) *Хорошо работающее демократическое правительство может породить доверие между людьми*¹²;
- Г) *Демократия не порождает доверия*¹³.

Итак, литература не дает однозначных ответов на поставленный вопрос. Вероятно, не существует и универсальных рецептов по развитию доверия, многое здесь зависит от конкретной ситуации и контекста. В этой связи представлялось важным обратиться к исследованиям, которые содержат эмпирические данные, отражающие специфику региона.

⁵ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, p. 146.

⁶ См.: Hardin R. Trusting Persons, Trusting Institutions. В кн.: Strategy and Choice / Ed. by R.J. Zeckhauser. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 185—209; Patterson O. Liberty against the Democratic State: On the Historical and Contemporary Sources of American Distrust. В кн.: Democracy and Trust / Ed. by M.E. Warren. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 151—207.

⁷ См.: Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and Commitment in the United States and Japan // Motivation and Emotion, 1994, No. 18 (2). P. 129—166.

⁸ См.: Uslaner E.M. Democracy and Social Capital. В кн.: Democracy and Trust. P. 121—150.

⁹ Rose-Ackerman S. Trust, Honesty, and Corruption: Reflection on the State-Building Process. В кн.: Archives of European Sociology, 2001, XLII (3). P. 27—71.

¹⁰ См.: Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

¹¹ См.: Uslaner E.M. Producing and Consuming Trust // Political Science Quarterly, 2001, No. 115. P. 569—590.

¹² См.: Warren M.E. Introduction. В кн.: Democracy and Trust. P. 121—150.

¹³ См.: Inglehart R. Trust, Well-being and Democracy. В кн.: Democracy and Trust. P. 88—120.

Происхождение и оценка уровней доверия

В политической науке существуют два конкурирующих направления в объяснении происхождения доверия: культурологические¹⁴ и институциональные теории¹⁵. Добавлю сюда и одну социально-психологическую теорию — теорию социальной идентичности¹⁶.

Культурологические теории видят источник возникновения доверия в нормах культуры, находящихся вне мира политики. Утверждается, что индивиды, социализирующиеся в разных культурах, перенимают различающиеся навыки доверия к людям, что, в свою очередь, переносится и на доверие к политическим институтам.

В противоположность этому институциональные теории исходят из того, что источник доверия кроется в суждениях людей о работе тех или иных институтов власти.

При этом в теории социальной идентичности подчеркивается роль групповой идентичности и самоидентификаций в порождении доверия и тот факт, что привязанности к той или иной социальной общности формируют индивидуальное восприятие других людей и чувство доверия к ним.

В данном исследовании измерению подверглись следующие показатели: сила национальной, этнической и религиозной идентификации, уровни политического и общего (генерализованного) доверия, а также восприятие молодежью степени эффективности различных институтов власти и уровень удовлетворенности жизнью.

I. *Сила национальной, этнической и религиозной идентификации* измерялась по 7-балльной шкале в соответствии с ответами на следующие 12 вопросов:

- 1) В какой степени вы ощущаете себя гражданином (название страны, где проводилось исследование)?
- 2) В какой мере для вас важно быть гражданином (название страны, где проводилось исследование)?
- 3) Когда вы слышите как кто-то, не являющийся гражданином (название страны, где проводилось исследование), критикует граждан (название страны, где проводилось исследование), в какой степени вы чувствуете раскритикованным лично себя?
- 4) В какой степени вы ощущаете сильную связь с другими гражданами (название страны, где проводилось исследование)?
- 5) В какой степени вы чувствуете себя похожим на других членов вашей этнической группы?
- 6) Насколько важно для вас принадлежать к вашей этнической группе?
- 7) Когда вы слышите как кто-то, не принадлежащий к вашей этнической группе, критикует людей вашей этнической группы, в какой степени вы чувствуете раскритикованным лично себя?
- 8) В какой степени вы ощущаете сильную связь с другими членами вашей этнической группы?
- 9) В какой степени вы чувствуете себя похожим на других членов вашей религиозной группы?

¹⁴ См.: Ibidem; Putnam R. Op. cit.

¹⁵ См.: Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990; Hetherington M.J. The Political Relevance of Political Trust // American Political Science Review, 1998, No. 92. P. 791—808.

¹⁶ Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. В кн.: The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, Calif.: Brooks-Cole, 1979.

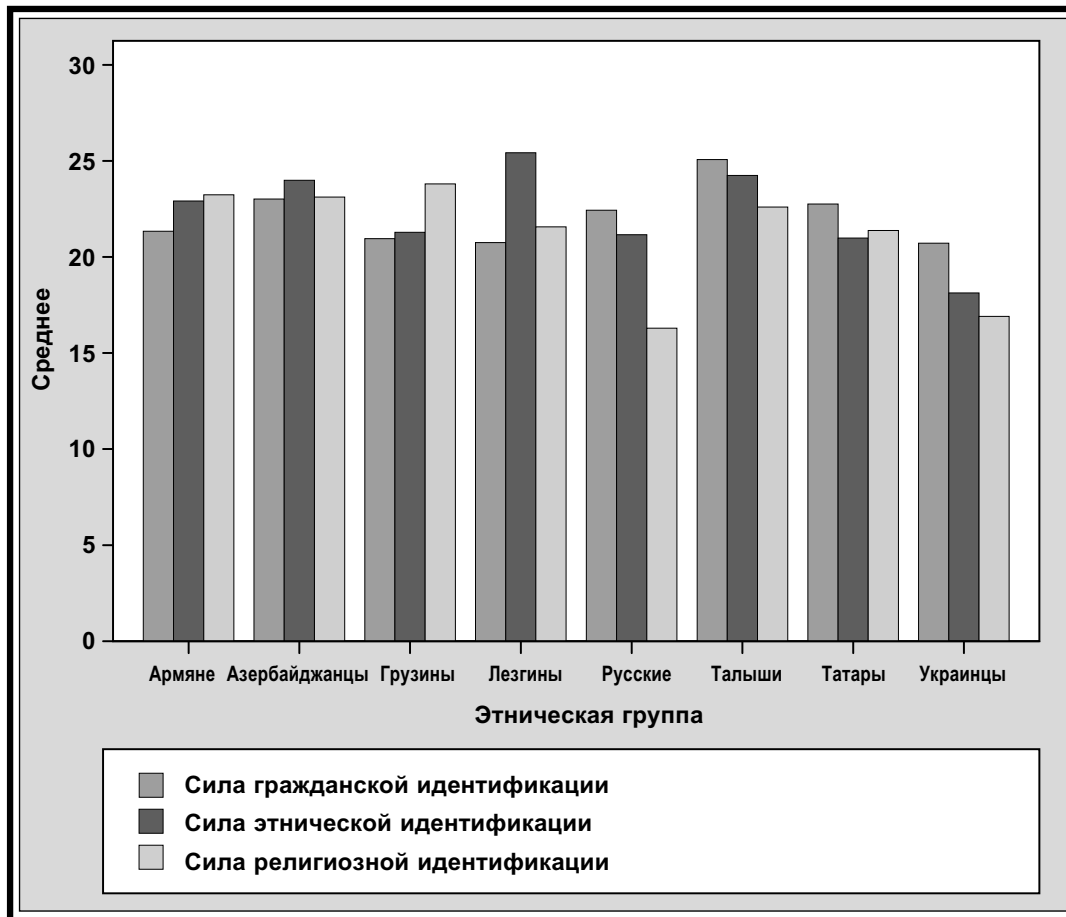
- 10) Насколько важно для вас принадлежать к вашей религиозной группе?
- 11) Когда вы слышите как кто-то, не принадлежащий к вашей религиозной группе, критикует ваших единоверцев, в какой степени вы чувствуете раскритикованным лично себя?
- 12) В какой степени вы ощущаете сильную связь с другими единоверцами?

Среднее значение баллов, приспанных вопросам 1—4, служило показателем уровня национальной, вопросам 5—8 — этнической, а вопросам 9—12 — религиозной идентификации наших респондентов.

На рис. 1 приведены показатели, отражающие силу национальной, этнической и религиозной идентификации некоторых этнических групп, составляющих большинство и меньшинство в Азербайджане, Грузии, России и Украине¹⁷.

Рисунок 1

Паттерны национальной, этнической и религиозной идентификации в разных этнонациональных группах (по фактору этничности, $p < .0001$)

¹⁷ Для ясности уточним, что на рис. 1 приведены данные, касающиеся только следующих меньшинств: армяне в Грузии, лезгины и талыши в Азербайджане и крымские татары в Украине.

Чем выше показатель, то есть чем длиннее столбик гистограммы, тем выше уровень национальной, этнической или религиозной идентичности. Значимость определялась по критерию Крускала-Уоллиса.

Как видно из рис. 1, разные этнические группы демонстрируют разные паттерны самоидентификации. Так, для грузинского большинства и армянского меньшинства Грузии наиболее значима религиозная идентификация, в то время как для азербайджанцев и лезгин наиболее выпукло предстает этническая идентификация. Для талышей наиболее высоким явился уровень национальной (гражданской) идентификации, что может свидетельствовать об их хорошей интегрированности в азербайджанское общество. Аналогичные паттерны идентификации демонстрируют русские, украинцы и крымские татары, для которых наиболее значимой предстает национальная самоидентификация.

II. Для оценки *уровня политического доверия* респондентов просили по 7-балльной шкале оценить степень их доверия к политическим лидерам и институтам:

- а) местные власти;
- б) президент;
- в) парламент;
- г) полиция;
- д) религиозные лидеры.

Среднее значение от баллов, приписанных каждому из отмеченных лидеров и институтов власти, служило показателем уровня доверия. Полученные данные представлены на рис. 2.

Как видно из данного рисунка, в Азербайджане и России наибольшим доверием пользуются президенты, в то время как в Британии — полиция. В Грузии наибольшие оценки получило доверие к религиозным лидерам, в Украине — парламенту, а в Испании и Нидерландах — местным властям. Перед тем как перейти к обсуждению других данных, важно отметить необходимость учета следующих моментов.

Первый связан со степенью достоверности полученных данных. Исследователи часто задаются вопросом, насколько респонденты готовы искренне отвечать на вопросы в недемократических государствах¹⁸. Второй момент связан с культурными различиями, которые могут обуславливать разный смысл, вкладываемый респондентами в вопросы, касающиеся доверия¹⁹.

До некоторой степени снять остроту этих проблем позволяет то обстоятельство, что наше исследование носит кросс-культурный характер, фокусируется на выявлении тенденций, присущих разным обществам и использует ряд специальных математико-статистических процедур обработки результатов. К тому же там, где это было возможно, результаты сопоставлялись с аналогичными данными, полученными в других исследованиях.

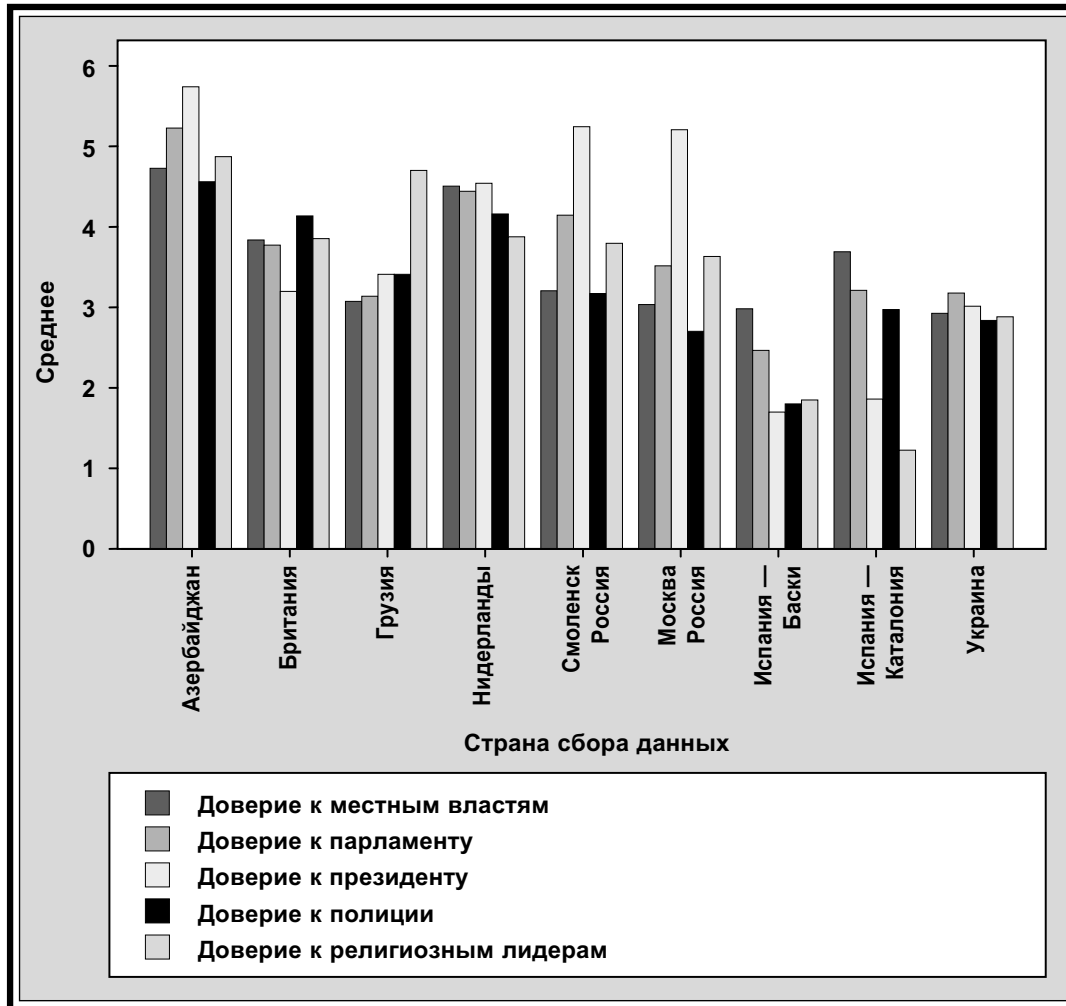
Так, дополнительно к результатам нашего исследования я провел сравнительный анализ уровней политического доверия в Азербайджане, Армении и Грузии, опираясь на данные другого исследования. Речь идет об «Инициативе сбора данных» — общенациональных опросах, ежегодно (с 2004 г.) проводимых под эгидой Кавказских исследовательских ресурс-центров во всех трех странах

¹⁸ См.: Adam F. The Distribution of Social Capital and the Quality of Data from Cross-national Surveys. В кн.: Social Capital and Governance / Ed. by F. Adam. Berlin: Lit Verlag, 2007. P. 21—50.

¹⁹ См.: Harre R. Trust and Its Surrogates: Psychological Foundations of Political Trust. В кн.: Democracy and Trust. P. 249—272.

Рисунок 2

Уровень доверия
к различным политическим лидерам и институтам

Центрального Кавказа²⁰. В этих опросах респондентов просили по 5-балльной шкале оценить степень их доверия к различным политическим лидерам и институтам. Для сравнения результатов я рассчитал данные применительно к трем институтам власти:

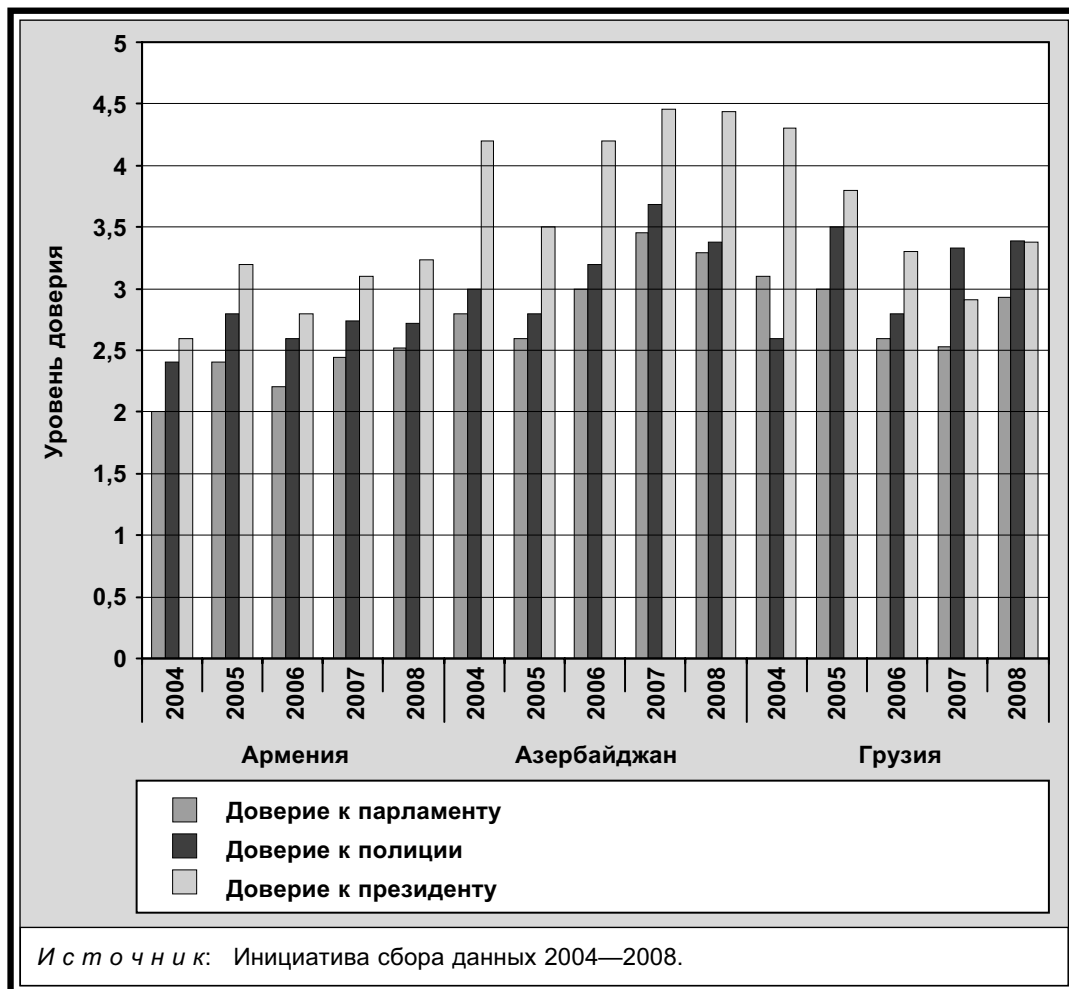
- а) парламент,
- б) полиция,
- в) президент.

Среднее значение баллов, приписанных каждому из отмеченных лидеров и институтов власти, служило показателем уровня доверия. Полученные результаты представлены на рис. 3.

²⁰ [<http://www.crrcenters.org>].

Рисунок 3

Уровень доверия к различным политическим лидерам и институтам в странах Центрального Кавказа (2004—2008)

Как можно видеть из рис. 3, в Армении, и особенно в Азербайджане, наибольшим доверием пользуются президенты, а в Грузии наблюдается спад доверия к нему.

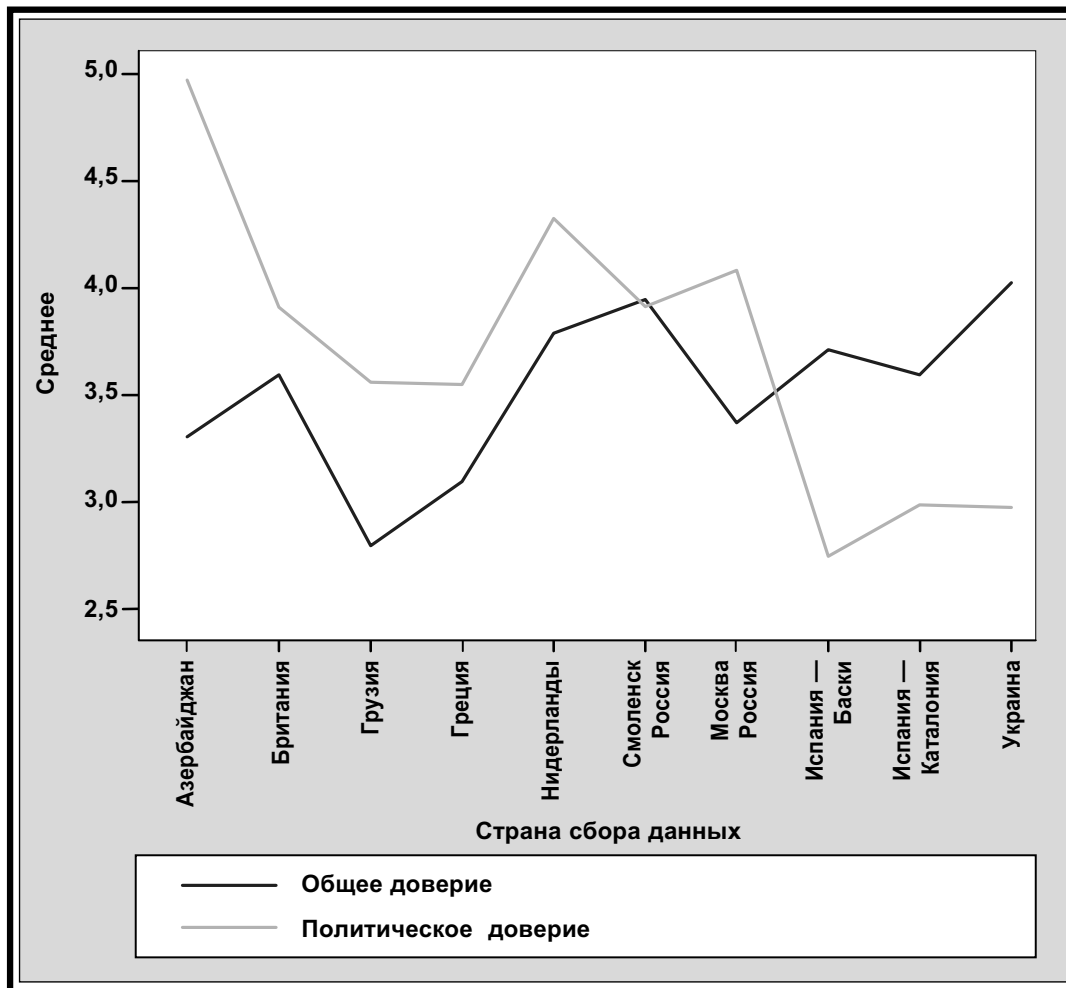
III. *Общее (генерализованное) доверие.* Другим видом доверия, которое измерялось в нашем исследовании, являлось общее, или генерализованное, доверие. Для этого респондентов просили ответить на следующие вопросы, оцениваемые по 7-балльной шкале:

- 1) Говоря в общем, вы бы сказали, что большинству людей можно доверять или же в отношениях с людьми осторожность не помешает?
- 2) Вы считаете, что большинство людей попыталось бы использовать вас в своих интересах, получи они такой шанс, или же они постарались бы быть честными?
- 3) Сказали бы вы, что люди в большинстве случаев стараются помогать друг другу, или же они по большей части думают о себе?

Суммировав средние значения баллов для всех трех вопросов, получаем обобщенную оценку уровня общего (генерализованного) доверия, которая представлена на рис. 4. На этом же рисунке представлены тенденции политического доверия по странам.

Рисунок 4

Тенденции политического и общего доверия
(по странам, $p < .0001$)

Из рисунка видно, что наименьший уровень общего доверия характерен для Грузии, и затем — для Азербайджана. Украина демонстрирует наивысший уровень общего доверия²¹.

Мы видим, что в одних странах наблюдается высокий уровень политического доверия и низкий уровень общего, в других противоположная картина — на фоне низкого общего доверия, сравнительно высокий уровень доверия к от-

²¹ Сравнительно высокий уровень генерализованного доверия в Украине подтверждается и другими исследованиями, охватывавшими более обширные выборки, такими как, «Мировые ценности» (WVS, 1990) или «Европейские Ценности» (EVS, 1999).

дельным институтам власти²². В Азербайджане и Грузии наблюдается примерно схожая тенденция: большой разрыв между политическим и общим доверием с преимуществом в пользу первого.

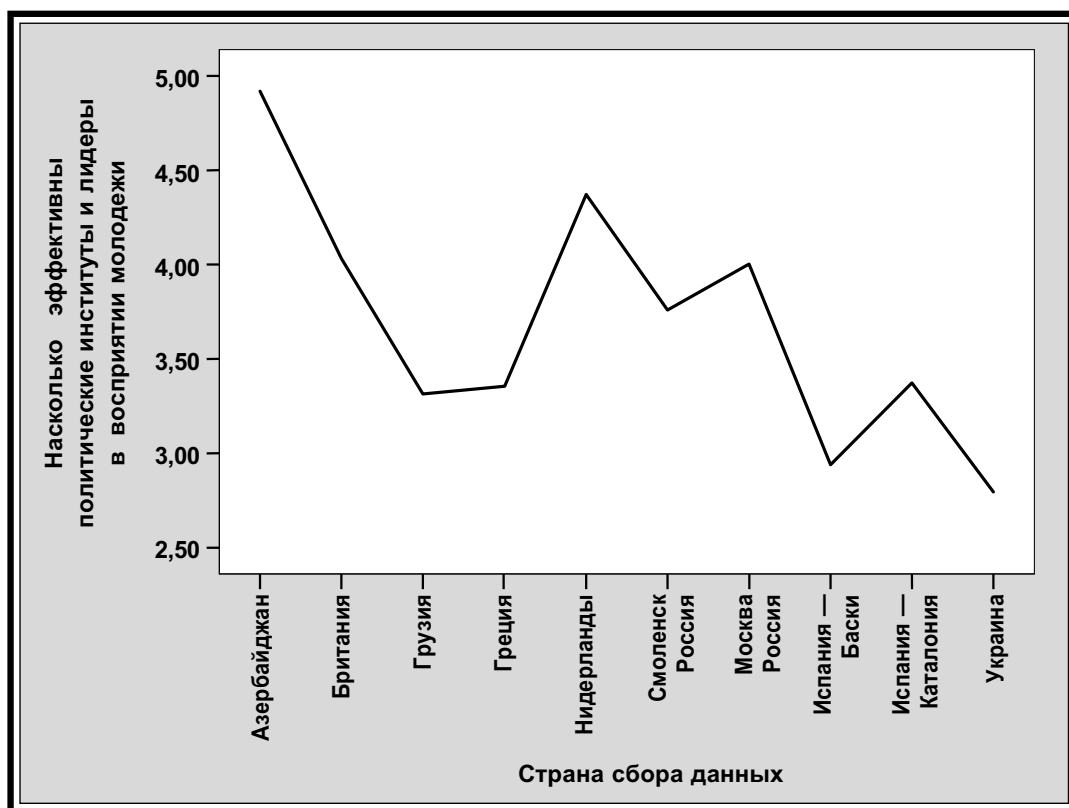
IV. Для измерения *восприятия молодежью степени эффективности различных институтов власти* респондентов просили по 7-балльной шкале (от 1 балла — «совсем не эффективна», до 7 баллов — «очень эффективна») оценить деятельность следующих людей или организаций:

- местные органы власти;
- премьер-министр;
- президент;
- парламент;
- полиция;
- религиозные лидеры.

Полученные данные представлены на рис. 5.

Рисунок 5

Тенденции в восприятии молодежью
степени эффективности различных институтов власти,
по странам ($p < .0001$)

²² См.: Rose R., Haerpfer C. New Democracies Barometer V: A 12 Nation Survey // Studies in Public Policy, No. 302. Glasgow: Strathclyde University, 1998.

Как можно видеть из рис. 5, наблюдаются значительные флуктуации в восприятии молодыми людьми эффективности действий различных политических институтов и лидеров. Любопытно, что молодежь из Украины и Грузии наиболее низко оценивает эффективность действий институтов власти, в то время как азербайджанская молодежь наиболее высоко.

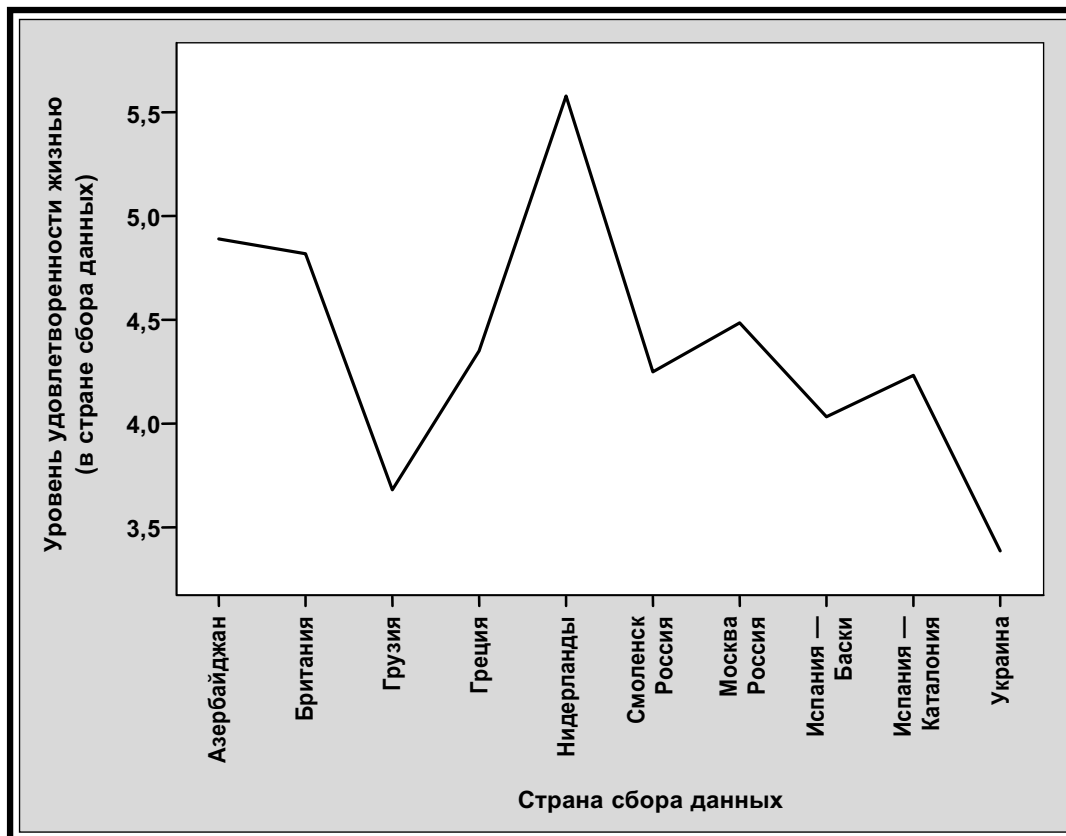
V. Для измерения *степени удовлетворенностью жизнью* респондентов просили по 7-балльной шкале (от 1 балла — «полностью не согласен» до 7 баллов — «полностью согласен») выразить степень согласия с нижеследующим утверждением:

- Я удовлетворен(а) своей жизнью в (название страны, где проводилось исследование).

Полученные данные представлены на рис. 6.

Рисунок 6

Тенденции в степени удовлетворенностью жизнью
(по странам, $p < .0001$)

Странами, где молодежь оказалась наименее удовлетворенной жизнью, являлись Украина и Грузия, наиболее довольна жизнью молодежь в Нидерландах.

VI. На следующем этапе мы измерили *корреляцию между видами доверия* и рассмотренными ранее показателями. В табл. 1 приведены наиболее значимые корреляции.

Таблица 1

**Корреляции доверия
с другими показателями**

	Политическое доверие	Общее доверие	Восприятие эффективности	Удовлетворенность жизнью	Степень гражданской идентификации	Степень этнической идентификации	Степень религиозной идентификации
Политическое доверие	—	.221**	.791**	.391**	.116**	.072**	.171**
Общее доверие	.221**	—	.221**	.202**	НЗ	-.046*	-.063**
** Корреляция значима на уровне 0.01; * Корреляция значима на уровне 0.05.							
<i>Примечание:</i> НЗ — корреляция не значима даже на 5% уровне.							

Мы обнаружили 11 корреляций, из которых наиболее значимыми представляются следующие. Политическое доверие наиболее сильно коррелирует с такими показателями, как:

- 1) «восприятие эффективности политических институтов и лидеров» ($r = 0.79$, $p < .01$),
- 2) «удовлетворенность жизнью» ($r = 0.39$, $p < .01$), и значительно меньше с
- 3) общим (генерализованным) доверием ($r = 0.22$, $p < .01$),
- 4) силой религиозной идентификации ($r = 0.17$, $p < .01$),
- 5) силой национальной идентификации ($r = 0.17$, $p < .01$), и
- 6) силой этнической идентификации ($r = 0.07$, $p < .01$).

В свою очередь, общее (генерализованное) доверие имеет очень слабую корреляцию со всеми показателями:

- 8) с «восприятием эффективности политических институтов и лидеров» ($r = 0.22$, $p < .01$),
- 9) с «удовлетворенностью жизнью» ($r = 0.20$, $p < .01$).

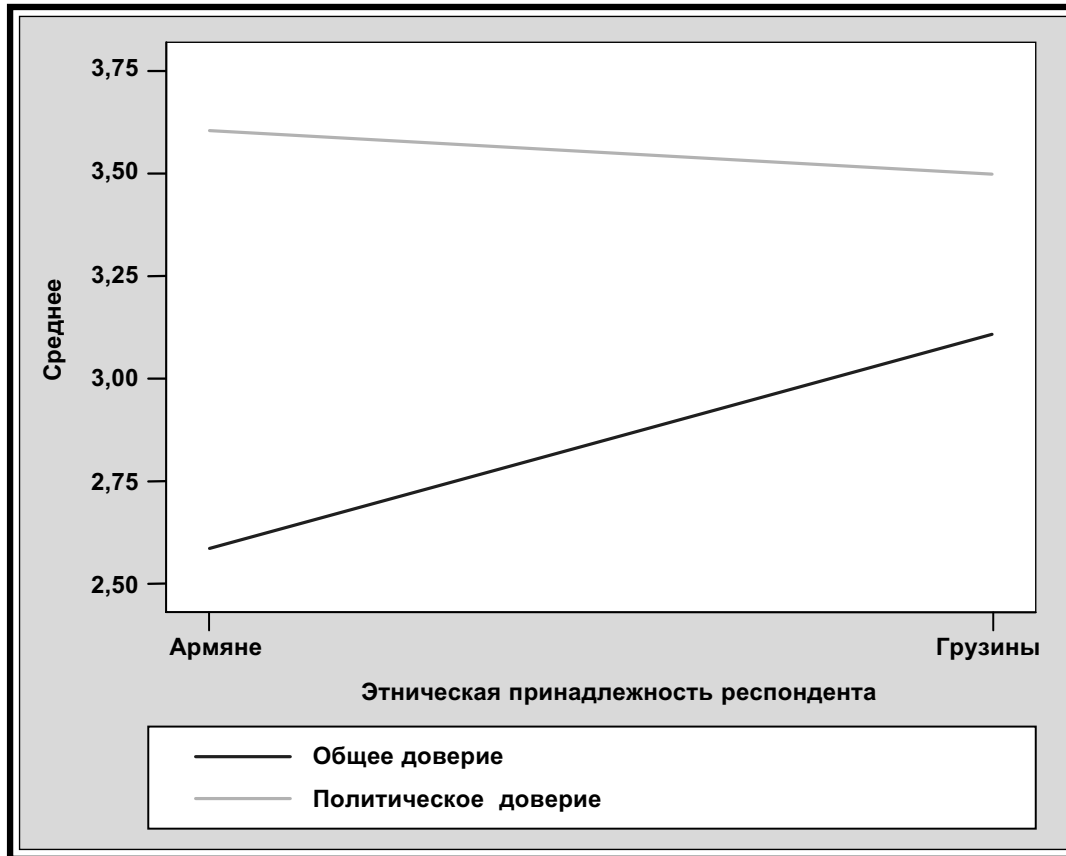
К тому же выявилась слабая негативная корреляция:

- 10) с силой религиозной идентификации ($r = -0.06$, $p < .01$) и
- 11) с силой этнической идентификации ($r = -0.05$, $p < .05$).

Хотя и слабая, но негативная корреляционная связь между общим доверием и силой религиозной и этнической идентификации заслуживает особого внимания. Как мы помним, религиозная идентификация была особо значимой для армян и грузин (см. рис. 1). В этой связи любопытно рассмотреть рис. 7, на котором на примере Грузии представлены тенденции политического и общего доверия в зависимости от этнической принадлежности респондентов.

Рисунок 7

Тенденции политического и
общего доверия в Грузии
(по этническому фактору, $p < .001$)

Как можно видеть из рис. 7, этнический фактор, в данном случае армянский, существенно снижает уровень общего доверия в грузинском обществе: армянское меньшинство, живущее в Грузии, демонстрируя крайне низкий уровень общего доверия, в целом снижает и без того невысокий показатель доверия в грузинском обществе.

Выявленная в нашем исследовании слабая корреляция между политическим и общим доверием соответствует мнению некоторых исследователей о том, что это два разных вида доверия, которые слабо соотносятся друг с другом²³. Например, Гибсон в ходе своего исследования пришел к выводу, что «межличностное доверие имеет мало общего с установками, направленными на демократизацию институтов и развитие» в посткоммунистической России²⁴.

²³ См.: *Easton D.* A Re-assessment of the Concept of Political Support // *British Journal of Political Science*, 1975, No. 5. P. 435—457; *Newton K.* Social and Political Trust in Established Democracies. В кн.: *Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance* / Ed. by P. Norris. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 169—187.

²⁴ См.: *Gibson J.L.* Social Networks, Civil Society, and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition // *American Journal of Political Science*, 2001, No. 45. P. 51—69.

Более того, некоторые исследователи противопоставляют тенденции в развитии этих видов доверия. Например, утверждается, что в демократических обществах политическое доверие не должно быть очень высоким, поскольку именно определенная степень недоверия граждан к своему правительству заставляет их более тщательно отслеживать и контролировать действия чиновников²⁵. В то же время наиболее демократичные страны характеризуются и наиболее высоким уровнем общего (генерализованного) доверия.

В странах Центрального Кавказа (прежде всего в Азербайджане и Грузии) мы наблюдаем довольно специфическую конфигурацию: низкий уровень общего доверия и сравнительно высокий уровень доверия к президенту (правда, несколько упавший в Грузии). Примечательно, что высокий уровень доверия к президенту наблюдался и во многих посткоммунистических странах Восточной Европы²⁶.

Интересно, что Грузия, при том что здесь были предприняты значительные усилия по развитию гражданского общества, демонстрирует сравнительно низкий уровень общего доверия (даже за вычетом армянского фактора). Этот факт наряду со слабой корреляцией общего доверия с другими показателями может свидетельствовать в защиту тезиса о культурных факторах, или «унаследованных культурой навыков»²⁷ доверия.

В обществах, где семейно-родственные отношения являются приоритетными и больше всего доверяют родственникам («частное» доверие), к каковым относятся страны Центрального Кавказа, как правило, мало доверяют незнакомым людям (общее доверие)²⁸. Возможно, правы в этой связи те исследователи (Фукуяма и др.), которые говорят об исключительной трудности существенного повышения общего доверия «искусственными» средствами. К тому же следует отметить, что уровень общего доверия в полиэтнических странах Центрального Кавказа (прежде всего в Азербайджане и Грузии) едва ли может быть существенно повышен без разрешения этнополитических конфликтов в регионе. Яркий тому пример — социальные установки армянского меньшинства в Грузии.

Не случайно, что, проанализировав опыт развития посткоммунистических стран, Роуз-Аккерман признает, что все попытки порождения общего доверия в постсоветских странах не имели сколько-нибудь большого влияния на развитие демократических институтов или функционирование рыночных отношений²⁹. К тому же, с учетом реальной ситуации постсоветских стран Центрального Кавказа, возникает вопрос, насколько адекватны и продуктивны эти усилия³⁰.

В свою очередь, сильная корреляция между политическим доверием и «восприятием эффективности политических институтов и лидеров», выявленная в нашем исследовании, вполне соответствует данным других исследователей³¹ и может служить поддержкой выдвигаемого институциональными теориями тезиса о том, что источник доверия кроется в

²⁵ См.: *Hardin R.* Op. cit.; *Inglehart R.* Op. cit.

²⁶ См.: *Mishler W., Rose R.* Trust in Untrustworthy Institutions: Culture and Institutional Performance in Post-communist Societies // *Studies in Public Policy*, 1998, No. 10.

²⁷ *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Ермак, 2004.

²⁸ См.: *Wintrobe R.* Some Economics of Ethnic Capital Formation and Conflict. В кн.: *Nationalism and Rationality* / Ed. by A. Breton, G. Galeotti, P. Salmon, R. Wintrobe. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 43—70.

²⁹ См.: *Rose-Ackerman S.* Op. cit.

³⁰ Например, некоторые аспекты ситуации в Азербайджане, осложняющие процесс демократизации общества, описаны в работе: *Seyidov V.* How Gradualism Meets Commitment: Azerbaijan's Transition to Democracy. В кн.: *Azerbaijan in Global Politics. Crafting Foreign Policy*. Baku: Azerbaijan Diplomatic Academy, 2009. P. 323—345.

³¹ См.: *Miller W.L., Koshechkina T.Y., Grodeland A.* Diffuse Trust or Diffuse Analysis? The Specificity of Political Distrust in Post-communist Europe. В кн.: *Trust and Democratic Transition in Post-communist Europe* / Ed. by I. Markova. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 133—156.

суждениях людей о работе тех или иных институтов власти. К аналогичному выводу приходят и авторы, специально проверявшие гипотезу институциональных теорий об источнике доверия на материале стран Центральной и Восточной Европы³².

З а к л ю ч е н и е

Хотя общее (генерализованное) доверие является полезным фактором, вносящим свой вклад в социальное и экономическое развитие, постсоветские страны Центрального Кавказа нуждаются в первую очередь в создании эффективных и заслуживающих доверия институтов и организаций современного типа, которые не зависели бы от уровня общего доверия, присущего обществу. Иными словами, именно государственное и институциональное строительство должно быть поставлено во главу угла. Разработка программы по созданию «современного, нормально функционирующего государства» должна стать приоритетной задачей правительств стран региона.

Наряду с этим представляется целесообразным осуществление следующего комплекса мер:

- а) внедрение образовательных программ (в школах и на рабочих местах), которые учили бы ценностям гражданского общества и формированию гражданской идентичности;
- б) поддержка добровольных и негосударственных ассоциаций (в том числе спортивных), в которых население могло бы приобретать навыки общения, доверия и сотрудничества друг с другом;
- в) эффективная борьба с коррупцией;
- г) разрешение этнополитических (в первую очередь, нагорно-карабахского как центрального) конфликтов в регионе.

Демократизация общества в отсутствие соответствующих традиций — это долгий и трудный процесс, требующий изменения традиционных моделей мышления и поведения, мировосприятия и доверия, отношения к себе и другим и т.д. К демократии западные общества шли многие десятилетия, и даже столетия, на протяжении которых в них происходили существенные изменения, подготовившие необходимые предпосылки для демократизации. В этой связи, несколько упрощая и обобщая, можно выделить две позиции, которые можно рассматривать и как разные стратегии в развитии общества: одна отдает приоритет поддержке и развитию гражданского общества, другая — становлению государственных институтов. По всей видимости, ни та ни другая стратегия по отдельности не могут решить задачу демократизации общества. Необходимо сочетание обеих стратегий, иначе народы Центрального Кавказа рискуют стать заложниками либо «демократического» популизма, либо репрессивного авторитаризма.

³² См.: *Mishler W., Rose R.* Op. cit.

Ирина БАБИЧ

*Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Кавказа
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация).*

ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА НА СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Резюме

В статье исследуются основные тенденции в развитии современной религиозной ситуации на Северном Кавказе.

Рассматриваются принципы соотношения формирования религиозной и

светской морали в обществе. Представлена попытка анализа процесса формирования религиозной идентичности и характера межрелигиозных взаимоотношений в северокавказских республиках.

Введение

В 1990-х годах в Российской Федерации началось бурное «религиозное строительство» — своеобразный процесс религиозного возрождения, когда появившаяся в стране демократия и свобода совести и печати дала мощный импульс для становления новой религиозной ситуации: с одной стороны, стали широко распространяться традиционные религии, то есть те, которые веками складывались на территории Российской империи — православие и ислам, а с другой — появились многочисленные христианские (и нехристианские) секты и группы.

Наряду с этим начавшаяся в конце 1980-х годов «перестройка» и ее политические лидеры с удовольствием объявили «свободу» и сместили с пьедестала так называемую «советскую идеологию», основы советской морали, на базе которых в советские годы принудительно осуществлялось «формирование советского человека». Люди, почувствовав себя действительно свободными, стали счастливо жить без советской морали, однако к концу 1990-х годов как простые люди, так и представители творческой интеллигенции и даже властных структур стали осознавать «кризис морали», «кризис духовных ценностей»: столь желанная свобода перетекла в анархию, при которой из общества исчез «моральный стержень». И в стране начался процесс формирования новой, «постперестроечной» идеологии, поиск духовных ценностей, основ морали, которые могли бы стать путеводной нитью для жизни россиян в XXI веке.

Освободившую идеологическую нишу и попытались занять «религиозные морали» — начался мощный процесс формирования современной морали, духовных ценностей на основе *религиозных ценностей*.

В формировании современной религиозной ситуации на Северном Кавказе участвует и другой мощный фактор — *внешний, международный*. Регион, который сегодня называется Северным Кавказом, уже не раз становился ареной геополитического соперничества империй: Российская империя в борьбе с западными и восточными державами отстаивала свое право на владение территорией, на которой проживали многочисленные горские народы с различными культурами, языками и уровнем общественно-политического развития. Религия являлась одним и ключевых инструментов в этой борьбе: с одной стороны, Россия совместно с Грузией стремилась к христианизации народов Северного Кавказа, с другой — Османская империя стремилась к исламизации горцев региона.

С начала 1990-х годов в регионах Российской Федерации, в которых ислам исторически стал традиционной религией, появилась возможность возрождения отправления религиозного культа. В этом процессе, который длится уже почти 20 лет, на определенных этапах пытались принимать участие мусульмане как ряда зарубежных восточных стран: Турции, Саудовской Аравии, Сирии, так и мусульмане других республик Северного Кавказа и Центрального Кавказа.

Между тем процессы религиозного возрождения и формирование «религиозной морали» во многом проходили и продолжают проходить стихийно, без соответствующего взаимодействия, помощи и контроля со стороны как духовных, так и государственных структур. По сути, и исламское, и православное становление на территории РФ при всей видимой государственной помощи идет крайне трудно. Возникают различные «перекосы» и «непонимания»: известны случаи перехода русских из православия в ислам и в различные протестантские группы или же формирования общин «фундаменталистского» характера.

По нашему мнению, усиление роли этноконфессионального фактора в жизни россиян отчасти не способствует объединению граждан страны, а, наоборот, приводит к появлению некоей «обособленности»: представители различных этнических групп, исповедующих разную религию, стали отдаляться друг от друга, разжигая в своей среде ненависть к другим народам и к другим религиям. Во многом этому способствовали появившиеся фундаменталистские движения, и в первую очередь — исламские или, точнее, ваххабитские. Для ваххабитов все те, кто не мусульмане, — кяфиры, то есть неверные, которых надо убивать или уж, во всяком случае, ненавидеть. Есть радикальные течения и в православии, которые также разжигают ненависть между людьми.

Тем не менее главная задача в области формирования современного общекультурного фундамента состоит в *обустройстве российского общества как мультикультурного сообщества на основе национального и религиозного разнообразия народов страны*, в укреплении единства государства и создании межкультурного диалога на пространстве СНГ.

В силу геополитических, социально-экономических и национально-религиозных факторов мы сталкиваемся в республиках Северного Кавказа со сложной ситуацией, характеризующейся специфическим сочетанием различных религий, в первую очередь христианства в целом (и православия, в частности) и ислама. Во всех республиках сложилось определенное сочетание русского и местного (коренного) населения, определенное соотношение мусульман и православных как представителей так называемых «традиционных религий»; среди местного населения присутствуют новые миграционные группы: чеченцев, косовских адыгов и т.д.

Этапы религиозного возрождения на Северном Кавказе

В целом, в современной истории процессов религиозного возрождения на Северном Кавказе можно выделить *три этапа: 1990 — 1995 годы, 1996—2000 годы, с 2001 года по настоящее время*.

1990—1995 годы — время, когда и в городах, и в мелких населенных пунктах в массовом масштабе начали появляться религиозные общины, члены которых стали осуществлять каждодневные моления вначале в молельных домах, а затем и в восстановленных или построенных заново церквях и мечетях.

Этот процесс затронул все слои граждан Северного Кавказа, причем, по моему мнению, в этот период он проходил совместно и во взаимодействии с процессом национального возрождения, когда в республиках региона стали возникать многочисленные общественно-политические движения, основанные на национальных (а в ряде случаев — и националистических) идеях.

На втором этапе — 1996—2000 годы — наблюдался мощный процесс религиозного возрождения: началось бурное строительство церквей, мечетей и т.д., создавались религиозные общины, воскресные школы.

На третьем этапе — 2001—2010 годы — происходит, с одной стороны, отток от религии тех, кто там оказался в ходе бурного общего потока «прихода» граждан России в «религию», а с другой стороны, углубление среди «истинно верующих» основ религиозной жизни, поведения, сознания и морали.

Характер соотношения религиозной и культурной (этнокультурной) идентичности граждан северокавказских республик

В 1990—2000-х годах в республиках Северного Кавказа наблюдалось формирование религиозной и культурной (этнокультурной) идентичности граждан, причем эти процессы происходили *параллельно, не пересекаясь*.

Процент «активно верующих», то есть тех, кто постоянно посещал место отправления культа (мечеть, церковь или молельный дом) был в целом невысок. Статистических данных нет ни у нас, ни у властей субъектов Российской Федерации (госструктур, занимающихся связями с религиозными организациями — Комитетов по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации; Комитетов по культуре, спорту, СМИ и взаимодействию с общественными объединениями; уполномоченных по делам религии при республиканских правительствах и т.д.). Но используя применяемый в культурной антропологии (этнологии) метод «включенного наблюдения» и опросы этнографов-кавказоведов в северокавказских республиках, *можно заключить*, что в *любой религии* «активно верующих» — не более 5 процентов населения. Обычно храм, мечеть или молельный дом посещают по 30—50 чел.

Тем не менее можно утверждать, что современное религиозное пробуждение граждан республик Северного Кавказа во многом поменяло нравственный климат. Многие из них признавались, что до принятия православия, ислама или вступления в общину баптистов и т.д. вели аморальный, а иногда и криминальный образ жизни.

Важно подчеркнуть, что характер религиозной жизни в республиках Северного Кавказа во многом зависит от конфессиональной принадлежности.

Ислам. Мощный процесс исламского возрождения, имевший место в 1990-х годах, в настоящее время пошел на спад. Народы Северного Кавказа, исповедующие ислам¹, де-

¹ Исключением являются осетины, большинство из которых исповедуют православие при сохранении древнего языческого пласта (с элементами неоязычества).

лятся на две неравные группы: «активно верующие» — мусульмане, посещающие мечеть хотя бы один раз в неделю, по пятницам — их число незначительно; и «этнические мусульмане» — основная группа горцев, посещающих мечеть крайне редко, один-два раза в год по большим праздникам.

Как правило, исламские джамааты формируются на основе четырех категорий мусульман:

- 1) мусульмане, которые не посещают мечети, но периодически дома совершают намаз и соблюдают пост (среди мусульман этой категории много женщин);
- 2) мусульмане, которые посещают мечети только по основным исламским праздникам, не совершая дома намаза и не соблюдая поста;
- 3) мусульмане, которые по пятницам совершают намаз в мечети, а в другие дни могут совершать его дома, а могут и вовсе не совершать;
- 4) мусульмане, которые посещают мечети для совершения намаза часто, по возможности каждый день (среди мусульман этой категории много молодежи).

Внутри исламского сообщества на Северном Кавказе постепенно оформились «идейные» и «канонические» разногласия между верующими. Так, молодые мусульмане стали отделять себя от так называемых *этнических мусульман (традиционных мусульман)*, к которым они причисляют всех тех, кто не совершает намаз постоянно ни дома, ни в мечети, но тем не менее считает себя мусульманином. Обычно этнические мусульмане вспоминают об исламе во время похорон, свадьбы или основных исламских праздников. Поэтому ислам старшего поколения молодые мусульмане называют *похоронным, народным или традиционным*. Себя же молодые мусульмане называют *молящимися, молодыми мусульманами, развивающими новый, или чистый ислам*.

Со второй половины 1990-х годов можно было наблюдать процесс деления крупных общин на более мелкие, что было связано как с увеличением числа молодых исламских лидеров и усилением борьбы между ними за лидерство в исламском обществе, так и с необходимостью строительства новых мечетей, решение о которых обычно принимал новый джамаат, не имеющий своей мечети.

Молодые исламские лидеры стремились к формированию у населения религиозной (исламской) идентичности в противовес идентичности национальной (этнокультурной). Они стали рассматривать кавказские культуры, культуры народов Северного Кавказа как некое культурное пространство, которое требует анализа с точки зрения исламского хадиса, утверждая, что в новую исламскую культуру можно взять только те традиции горцев, которые не противоречат исламу. К этому анализу привлечена местная научная интеллигенция.

Этническое возрождение народов Северного Кавказа, по мнению исламских идеологов, должно опираться не на поддержку и развитие кавказских традиций, а на формирование новой исламской культуры. Поэтому, например, молодые мусульмане не поддерживали сохранение национальной одежды, предпочитая распространять идею ношения исламской одежды.

Тем не менее горские национальные лидеры в начале стремились формировать новую идеологию исключительно на национальных культурах, а не на исламской культуре. Молодые мусульмане стали осознавать себя прежде всего мусульманами и лишь затем вспоминали о своей национальной принадлежности, тогда как пожилые считали себя в первую очередь кабардинцами, балкарцами и т.д.

Подчеркнем, что формирование исламской идеологии и, особенно, ее успешное распространение было возможно благодаря безусловному кризису современной светской идеологии, характерному для всей России. Но если в других российских регионах научная и творческая интеллигенция в течение 1990-х годов мучительно искала новую идею, не-

обходимую для сплочения народа, то на Северном Кавказе незаметно произошла подмена общечеловеческих ценностей исключительно исламскими.

Православие. Православное возрождение в республиках происходит очень медленно, постепенно, в станицах церкви посещают 20—40 чел. по выходным², большинство населения посещает церковь два раза в год: на Пасху и Рождество.

Православные храмы во главе с местным духовенством в настоящее время являются едва ли не единственным «оплотом» — моральным, психологическим и иным — для русского и казачьего населения республик Северного Кавказа в условиях, когда оно практически выживается из республик «коренными народами» — горцами.

Основная проблема, которая мешает установлению тесных контактов с верующими и формированию сильного авторитета церкви в русских селах и казачьих станицах, — то, что священники не проживают в тех населенных пунктах, где они служат. Многие из них предпочитают жить в республиканских столицах, появляются в своих храмах лишь в выходные дни. Это чрезвычайно ослабляет авторитет православного духовенства в сельской местности.

Христианские движения. Основными религиозными деноминациями являются следующие: *Старообрядцы, Евангельские христиане — баптисты, Евангельские христиане, Евангельские христиане в духе апостолов, Христиане веры евангельской — пятидесятники, адвентисты Седьмого дня, Свидетели Иеговы.* Кроме этих организаций есть еще несколько некрупных: Евангельская организация «Исход», евангельские христиане «Слово и дело», евангельские христиане «Надежда», евангельские пятидесятники «Живое слово», «Церковь креста» и несколько других

Большое разнообразие такого рода христианских организаций обусловлено *осознанным подходом — стремлением представлять одни и те же религиозные ценности под разным «соусом».* Периодически руководители многих из них собираются на совет, где обсуждают совместные действия по разным направлениям. Большинство из них имеют слабое влияние и незначительное число последователей, за исключением трех: баптистов, пятидесятников и иеговистов.

В настоящее время в силу ряда факторов христианские движения набирают силу и влияние в обществе, проводя мощную пропаганду как среди русского населения, так и среди адыгейцев. Популярность христианских движений среди коренных северокавказских народов региона — особенно интересное явление, и связано оно, безусловно, с мощной антиваххабитской пропагандой, из-за которой у народов Северного Кавказа возник страх перед исламом. Причем по нашим материалам видно, что горцы в своих духовных исканиях обращаются не только в христианские организации протестантского толка, но и приходят в православные храмы, стремятся пройти обряд крещения — правда «в тайне»: можно говорить о появлении такой группы верующих, как «тайные православные горцы».

По результатам наших опросов можно сделать вывод, что в республиках Северного Кавказа процесс формирования религиозной идентичности проходит медленно — лишь незначительная часть населения республик определяет себя как *принадлежащих к какой-либо религии.*

Поэтому большинство населения пытается формировать свою идентичность на основе культурной или, как нам кажется, *гражданской (светской)* идентичности.

В частности, основная часть адыгейцев стремится формировать свою идентичность на основе *национальной адыгейской культуры — Адыгэ Хабзэ.* Сложилась многочисленная группа сторонников именно национальной (культурной) идентичности, которая была

² Значительное количество прихожан в православных храмах можно наблюдать лишь в городах Северного Кавказа, главным образом в столицах республик — Нальчике, Черкесске, Майкопе и т.д.

активно поддержана и местной творческой интеллигенцией, и представителями республиканской власти.

Наиболее ярко разногласия между мусульманами и адыгской интеллигенцией проявились в дискуссии на страницах республиканских средств массовой информации, инициированной газетой «Адыгэ Мак», опубликовавшей в сентябре 2003 года статью научного сотрудника Адыгейского института гуманитарных исследований М. Беджанова, бывшего советника Комитета по межнациональным вопросам Правительства Республики Адыгея, «Адыгейские обычаи и обряды». М. Беджанов выступил категорически против замены адыгских традиций исламскими. Историк Аскер Сохт, руководитель республиканской Адыгэ Хасэ, в издаваемой им районной газете «Наша республика» (Тахтамукаевский р-н) также поддержал сторонников борьбы с экспансией исламской культуры, настаивая на культуре адыгской. В этой же газете Аскер Сохт опубликовал статью Р. Гусарука «Исламизм или адыгство: что возьмет верх». Члены Совета Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края заняли позицию защиты мусульман против адыгской интеллигенции.

Использование религии в качестве инструмента формирования современной морали и духовных ценностей в республиках Северного Кавказа

Проводя беседы с религиозными лидерами и представителями творческой интеллигенции, занимающимися формированием современной морали и духовных ценностей, мы пришли к следующим выводам: с одной стороны, религиозные лидеры стремятся формировать внутри своих общин мораль на основе религиозных ценностей, с другой — творческая интеллигенция абсолютно не поддерживает данное стремление, пытаясь формировать духовные ценности только на основе национальных культур.

Русская интеллигенция опирается на общечеловеческие (светские) ценности, никак не идентифицируя их с православием. Например, популярная общественная организация, защищающая интересы русского народа в РА — Союз славян республики Адыгея — не имеет контактов с Майкопской епархией и не отражает на страницах своей газеты процесс формирования религиозных духовных ценностей.

Тем не менее, по результатам наших опросов, мы можем сказать, *что ни национальные, ни религиозные традиции не в состоянии оказать сопротивление мощным процессам культурной глобализации.*

Принципы соотношения формирования религиозной и «светской» идеологий

Беседы с руководителями религиозных объединений и представителями творческой интеллигенции, призванной формировать светскую идеологию и мораль, позволили обнаружить важную тенденцию в процессах формирования религиозной и светской морали. Представители религиозных организаций, стремящиеся к формированию религиоз-

ной идеологии, *опираются исключительно на моральные ценности своего религиозного направления*, в результате чего в республиках Северного Кавказа формируется отдельно: исламская идеология, православная идеология, «христианская» мораль баптистов, пятидесятников и т.д. Они отказываются формировать новую идеологию на *основе общих ценностей*, характерных для большинства религиозных движений, а акцентируют внимание своих членов исключительно на том, что *истина и моральные ценности находятся только внутри их религиозного учения*, а в других — в лучшем случае *полуистина*.

Представители творческой интеллигенции, призванной формировать мораль на основе общечеловеческих ценностей, в свою очередь, отказываются учитывать *положительный потенциал*, заложенный в религиозных моральных ценностях, считая, что мораль должна быть обязательно *гражданской (светской)*. Творческая интеллигенция в республиках Северного Кавказа практически не поддерживает ни одну из религий, стараясь опираться исключительно на культуру, в первую очередь национальную, противопоставляя ее религиозной морали, культуре и идеологии.

Характер взаимоотношений верующих граждан разного вероисповедания

Основная форма взаимоотношений православных, мусульман и членов христианских движений — попытки пропаганды своего вероучения среди представителей другой религиозной организации или конфессии. Данные попытки носят исключительно мирный характер, и в их основе лежит желание сделать другого человека «счастливым» — каждый считает свою религию единственно верной, свою истину — единственно правильной, свой смысл жизни — единственно достойным, свой образ жизни — единственно счастливым. Именно опираясь на желание сделать счастливым другого человека, представители религиозных конфессий и деноминаций пытаются проводить диспуты с представителями другой конфессии или религиозной организации на теологическом уровне; пропагандировать свои религиозные истины в «мирной», но настойчивой манере; распространять свое религиозное учение как единственно верное.

На бытовом уровне между представителями различных конфессий и религиозных организаций на Северном Кавказе, в целом, складываются хорошие и добрососедские отношения. Однако на характер отношений между членами различных конфессий и религиозных организаций влияют *некоторые политические факторы*, в частности характер взаимоотношений *руководителей* конфессий и религиозных организаций в республиках Северного Кавказа.

Так, между руководителями традиционных конфессий — мусульманской и православной в республиках Северного Кавказа существует *политическое соглашение*, согласно которому они, используя местный властный и силовой ресурс (республиканские органы власти, ФСБ, МВД), негласно борются с так называемыми «нетрадиционными» христианскими объединениями. Необходимость такой борьбы вызвана объективной *слабостью* и исламской, и православной конфессий, их неспособностью получить на Северном Кавказе более сильное влияние и авторитет, с помощью которых можно было бы более успешно противостоять нашествию нетрадиционных христианских учений.

Наблюдая процесс распространения нетрадиционных христианских организаций, можно сказать, что исламские и православные организации *в силу целого ряда факторов* неспособны победить их на идеологическом уровне. Они предпочли сосредоточиться не на *усовершенствовании своей деятельности*, чтобы стать для населения лучше, привле-

кательнее нетрадиционных христианских движений, а на подавлении противников с помощью республиканских властных и силовых структур.

Миссионерство является важной частью деятельности христианских организаций. Христианские движения ведут грамотную и всестороннюю пропаганду не только среди русского, но и среди адыгейского народа. Они используют для этого разные методы, среди которых наиболее успешный — проведение мощной социальной благотворительной помощи: если православная церковь через «оплату треб» собирает деньги, то «нетрадиционные» христианские организации, наоборот, сами предоставляют самую разнообразную помощь членам своих общин. Этот метод называется «бомбардирование любовью».

Пропаганда христианских движений осуществляется как в городах, где главным образом и сосредоточены все организации «нетрадиционных» религий, так и в сельских населенных пунктах, в горских аулах, русских селениях и казачьих станицах.

По мнению руководителей христианских общин, пропаганду легче вести среди северокавказских горцев, даже несмотря на то, что их активно вовлекают в ислам, как в традиционную религию народов Северного Кавказа. Но именно ислам и исламские организации являются мощным препятствием массового перехода горцев в нетрадиционные христианские движения. Многие горцы боятся это сделать, так как после перехода в эти организации обязательно подвергнутся осуждению со стороны родственников. *Поэтому некоторые горцы являются тайными членами христианских движений.*

Многие из тех, кто посещает данные организации, происходят из национально смешанных семей, например отец — адыг, а мать — русская. Или это семейные пары, где супруги относятся к разным народам, например муж-татарин и жена-адыгейка. Мы встречали таких членов христианских организаций. Интересно, что среди христиан-адыгейцев есть такие, чьи отцы были в советские годы мусульманскими лидерами — эфенди (муллами). Важный аргумент пропаганды среди горцев Северного Кавказа — распространение информации о том, что в период Средневековья, еще до принятия ислама, многие народы региона, например адыги, были христианами.

Многие «нетрадиционные» христианские организации, например евангельское движение «Исход» в республике Адыгея, имеют реабилитационные центры. Евангельские христиане — баптисты в Майкопе тоже имеют свой реабилитационный центр в поселке Тульская. В нем 10 «проблемных» мужчин (алкоголики, наркоманы) живут совместно с «братьями» — членами общины. Христианские движения стремятся оказывать социальную помощь и одновременно проводить пропаганду своих идей в социальных учреждениях, в частности баптисты работают с интернатом в ауле Шовгеновский.

По мнению старшего пресвитера баптистов Д.Д. Кадацкого (Республика Адыгея), у христианских «нетрадиционных» религиозных организаций разные «идеологические платформы» с другими религиями. Пресвитер говорит: «*Вся жизнь наша сопряжена с Богом, поэтому мы не можем выделить сферу жизни, где мы могли бы общаться с представителями других религий в бытовой жизни.* При такой установке межконфессиональный диалог между людьми, исповедующими разные религии, вообще невозможен. Представители религиозных христианских организаций, стремящихся к формированию религиозной идеологии, опираются исключительно на моральные ценности своего религиозного направления.

Слабость традиционных конфессий на Северном Кавказе объясняется следующими факторами:

- незначительный период так называемого «религиозного возрождения», как православного, так и мусульманского;
- наличие внутри данных конфессий целого ряда собственных внутренних проблем развития (слабость духовенства и т.д.).

**Формы и характер
межрелигиозного диалога
между народами,
имеющими разные
религиозные ориентиры
(вместо заключения)**

Как нам представляется, следует выделять несколько уровней, на которых может и должен происходить межрелигиозный диалог:

- между руководителями религиозных организаций,
- *между рядовыми членами религиозных организаций,*
- *между представителями религиозных организаций, верующими людьми, светским населением, и «полурелигиозным» населением (так называемыми «этническими мусульманами», «этническими православными»).*

Главными формами деятельности по усилению положительного, здорового межконфессионального диалога, по нашему мнению, следует признать следующие.

1. Формирование среди членов различных религиозных общин представлений об *относительности «религиозных истин»*, о возможности разных путей ее поиска и о признании права за другим человеком жить иной жизнью, исповедовать иную «истину».
2. Формирование силами всей российской интеллигенции единого общечеловеческого пласта системы ценностей, основанного не на *религиозной*, а на «культурной» основе, и способного «работать» на всем российском пространстве вне рамок конкретной религии. Эта система ценностей может дополняться религиозными ценностями различных религий, но фундамент ее должен быть «светский», «гражданский».
3. Введение в России политики мультикультурализма для ослабления остроты проблемы отсутствия межрелигиозного согласия. Надо подчеркнуть, что и в СССР, и послесоветский период в целом в стране всегда проводилась политика мультикультурализма и культурного плюрализма, поскольку сосуществование народов в рамках такого крупного государства не может быть организовано на иных принципах. Советские лозунги «дружбы народов» во многом актуальны и сейчас. Однако для применения их в настоящее время *требуется серьезная и фундаментальная работа по грамотному внедрению основ мультикультурализма в современных религиозных и культурно-идеологических условиях РФ.*
4. Формирование общего поля светской духовности. Думается, что в этом направлении большие надежды можно возложить на местную интеллигенцию: писателей, художников, руководителей местных теле- и радиоканалов, театральных деятелей, — которая должна сформировать современное мультикультурное пространство, где могут найти свою нишу и история народов Северного Кавказа, и горские традиции, и традиции казаков и русских, и исламские ценности, и православные ценности — наряду с теми процессами, которые связаны с особенностями современной социально-экономической и политической жизни народов Северного Кавказа. Усиление внимания республиканских властных и исполнительных органов к формированию общекультурного единого поля и гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа.

5. Процессы религиозного возрождения сопровождаются рядом обстоятельств, которые постоянно требуют *формирования определенных основ взаимоотношений государства и гражданского общества в области развития религиозных движений в РФ*, поскольку распространение многочисленных религиозных направлений вызвало к жизни и разного рода внутри- и межрелигиозные конфликты как между служителями культа, так и между рядовыми членами общин.

Основные тенденции в развитии основ взаимоотношений государства и гражданского общества:

- формулирование понятий «традиционные религии»,
- принятие нормативных документов, регулирующих преподавание основ религиозной жизни в общеобразовательных школах.

Конфликты, возникающие при формировании внутри- и межрелигиозного диалога в России, связаны в основном с неприятием руководителями и членами общин других конфессий, с отсутствием в общественной идеологии идей мультикультурализма и знаний о данной концепции. В результате в последние годы возникли политические тенденции, когда руководство традиционных религий на Северном Кавказе — православия и ислама — объединились в борьбе с христианскими движениями — так называемыми «нетрадиционными» религиями. В ходе этой борьбы православное и исламское руководство Северного Кавказа активно использует «властный ресурс» — республиканские властные и силовые структуры, тем самым нарушая основы Конституции, провозглашающей невмешательство государства во внутренние дела религиозных обществ. Такое вмешательство неизбежно приводит к ухудшению взаимоотношений граждан РФ, исповедующих разные религии.

Эльмир КУЛИЕВ

*кандидат философских наук,
директор департамента геокультуры
Института стратегических исследований Кавказа
(Баку, Азербайджан).*

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Р е з ю м е

Цель настоящей статьи — оценить перспективы взаимодействия светского и религиозного в об-

щественно-политической жизни Азербайджана. Мы дадим оценку трансформации светскости и религиозности в

современном мире, а также взаимосвязи этих категорий в правовом и культурном пространстве. Для определения перспектив сосуществования светских и религиозных традиций мы проследим развитие представлений о «неделимости» религии и государства в исламской религиозно-политической мысли и проанализируем опыт секуляризации в Азербайджане за последние

годы. На этом основании мы и обозначим тенденции развития государственно-конфессиональных отношений. Но прежде чем приступить к решению поставленных задач, следует охарактеризовать ту геокультурную парадигму, которая определяет ценностную направленность модернизационных процессов на современном этапе.

В в е д е н и е

В последние два десятилетия социально-экономические и политические преобразования в Азербайджане проходят под знаком модернизации. Ориентированный на преодоление экономической и технологической отсталости страны, на реформирование государственного управления и законодательства, на создание гражданского общества и публичной сферы, эффективно взаимодействующей с политическими институтами, этот процесс управляется «сверху» и идет с привлечением административных, финансовых, информационных и иных ресурсов. Однако отношение к модернизации в обществе остается неоднозначным, что во многом связано с отсутствием четких представлений о ее сущности и целях.

Модернизация часто отождествляется с вестернизацией и секуляризацией. Такое видение вектора культурного развития страны преобладает среди политической элиты и части общества. Но не всего общества и даже не большей его части. Диффузия либерально-демократических ценностей в культурное пространство Азербайджана протекает параллельно с распространением других идеологий и мировоззренческих систем, в первую очередь религиозных. И если для одних модернизация — синоним прогресса и нравственного раскрепощения, то другая часть общества видит в ней средство идеологической диверсии и культурного порабощения. Сущность модернизации как программы национального развития обычно остается вне поля зрения и тех и других, а на передний план выходят социально-экономические и культурные конфликты, детерминированные переменами в жизни людей.

Опыт многих развивающихся стран показывает, что успех модернизации во многом зависит от того, являются ли ценности и стандарты, установленные политической и финансовой элитой, легитимными в глазах масс. Авторитарная модернизация неизбежно заканчивается экономическим кризисом и крахом политической системы. Поэтому будущее реформ в Азербайджане зависит от того, сумеют ли власти убедить народ в правильности и необходимости намеченных перемен. И если в общественно-политической мысли страны демократизация как политический проект сегодня практически не имеет альтернативы, то в социокультурной плоскости антагонизм между сторонниками западного образа жизни и исламской традиции ярко выражен. В обществе поддерживается дискуссия относительно пределов светскости и монополии государства на нравственные ценности. А многие факторы локального и глобального масштаба придают противоречиям между светскостью и религией особую тональность.

Геокультурные основания модернизации и глобализации

Модернизацией принято называть процесс преобразования традиционных обществ в современные, связанный с раскрепощением науки, развитием промышленности и ка-

питалистических производственных отношений, изменением типов демографического поведения и т.д. Теория модернизации сформировалась в 1950-х — начале 1960-х годов под влиянием работ американских теоретиков структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона и изначально служила геополитическим интересам Запада, выстраивавшего новую систему взаимоотношений с бывшими колониями. Для сохранения контроля над странами «третьего мира» и поддержания в них коррумпированных и зависимых режимов устроители нового миропорядка нуждались в новой идее, оправдывающей их политику. Эта роль была отведена теории модернизации, которая обосновывала необходимость перехода к индустриальному и демократичному обществу западного образца.

Идея модернизации провозглашала не только технологическое и военное, но и культурное превосходство Запада над остальным миром. Западная цивилизация стала олицетворением «современности», всего передового и желанного, к чему остальные могут лишь стремиться. Вставая на путь модернизации, общества добровольно соглашались перенимать западные ценности и образ жизни. На практике это фактически означало отказ идти своим собственным путем и неминуемо приводило к кризису цивилизационной идентичности. Именно такой кризис, подрывавший общества изнутри, становился непреодолимым препятствием на пути политических реформ и экономического развития. Как выразился американский социолог И. Валлерстайн, возможность экономического развития всех стран была универсальным убеждением, путеводной звездой, а оказалась всего лишь иллюзией¹.

Несмотря на противоречивость модернизации, она и сегодня остается весьма популярной программой в развивающихся странах и в странах с так называемой переходной экономикой. Показателен в этом отношении опыт государств постсоветского пространства, которые, несмотря на достаточно высокий уровень индустриализации, научного и технологического развития, объявили свой путь развития модернизационным². По мнению ряда исследователей, на нынешнем этапе модернизация как программа развития является запоздалой, потому что современный мир уже вступил в новую фазу междоцивилизационного взаимодействия — в фазу глобализации. Глобализация открыла возможности для повышения производительности труда, для переоснащения производства на базе новейших технологий, для развития современных быстродействующих систем коммуникаций и средств связи, способствующих формированию единой мировой рыночной системы. Прорыв в области информационных технологий изменил представления о национальной экономике и государственных границах, трудовых отношениях и образовании. Вместе с тем финансовый капитал приобрел практически неограниченную мобильность. Транснациональные корпорации освободились от привязанности к определенному региону, государству и сформировали космополитическую элиту.

Казалось бы, торжество либерализма должно было повлечь за собой утверждение демократических ценностей. В начале 1990-х годов эйфория от развала социалистического лагеря на какое-то время породила миф о «конце истории» в смысле завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии³. Однако освобождение мировой элиты от ответственности за судьбы народов привело к еще более несправедливому распределению богатств, к стремительному увеличению неравенства между Севером и Югом, к росту коррупции и насилия. Как отмечает британ-

¹ См.: Валлерстайн И.М. Геокультура развития или трансформация нашей культуры [http://archipelag.ru/geoculture/concept/transform/transformation].

² В частности, президент Российской Федерации Д. Медведев в ежегодном послании Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 года указал на необходимость модернизации, «основанной на ценностях и институтах демократии» [http://www.kremlin.ru/transcripts/5979].

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3 [http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php].

ский социолог З. Бауман, приобретенная финансовыми магнатами мобильность означает «беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств»⁴. Иммунитет власть имущих вырос настолько, что их господству больше не угрожают ни общественное мнение, ни экономические кризисы, ни вооруженные конфликты, ни гуманитарные катастрофы. Хаос стал для них благодатной средой, а управление хаосом превратилось в способ существования и обогащения.

Глобализация не ограничивается установлением тотального контроля над политическими, экономическими и финансовыми институтами. Как и модернизация, она сопровождается универсализацией западных ценностей и либеральной морали. Однако эти ценности и эта мораль значительно отличаются от тех, на которых формировалась сама западная цивилизация. Легализовав нравственную вседозволенность, культ насилия и жестокости, она отступила от своих христианских корней и вступила в завершающую фазу богоборчества. Подлинно человеческое больше не является ценностью западной культуры, которая переориентирована на технологический прогресс и материальное обогащение. В рамках медицинской этики обсуждается допустимость активной эвтаназии, то есть инициирования «безболезненной» смерти путем активного вмешательства врачей. Развитие генной инженерии делает все более вероятным репродуктивное клонирование человека с трудно предсказуемыми социальными и этическими последствиями. Внедрение биотехнологий не учитывает их отрицательное влияние на здоровье человека и служит финансовым интересам транснациональных корпораций.

Технологии не служат человеку, но диктуют ему новые правила жизни. Как отмечает А.В. Назарчук, получение данных через информационные технологии нарушает биологически детерминированный способ усвоения информации и взаимодействия. В психике формируется дематериализованный мир, заменяющий реальный мир, к которому приспособлены тело и психика человека. Результатом этого становятся депрессии, психологические расстройства, ослабление общественных связей⁵. Одним словом, нехватка духовности и отсутствие нравственных ограничений ставят под угрозу не только стабильность, но и само существование общества, пользующегося всеми достижениями технологического прогресса.

Опыт последних десятилетий показывает, что выхолащивание нравственного содержания порождает серьезные проблемы и на индивидуальном уровне, и в глобальном масштабе. Сюда можно отнести проблемы международного терроризма, загрязнения окружающей среды, глобального неравенства и т.д. На фоне экологических, гуманитарных и финансовых кризисов нового тысячелетия как никогда ощущается потребность в подлинных человеческих ценностях, источником которых во все времена была религия. И это — ахиллесова пята глобалистов современного мира и западной цивилизации в целом.

Можно согласиться с Э. Адамсом в том, что, начиная с эпохи Возрождения, западная цивилизация постепенно лишалась ценностной ориентации. Концептуальная система, не основанная на ценностях, впервые стала возможной в физических науках. Гораздо позже, с появлением дарвинистской концепции изменений и причинности, с этим феноменом столкнулись биологические науки. Бихевиористская психология применила научные методы, свободные от оценочных суждений, к человеческому поведению, а социальные науки — к социальным изменениям. Как следствие, для «западного человека» эмпирический научный метод стал единственным способом постижения реальности, а любые верования, не подтверждаемые наукой, были объявлены суеверием⁶.

⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. С. 20.

⁵ См.: Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. С. 236.

⁶ См.: Adams E.M. *Philosophy and the Modern Mind: A Philosophical Critique of Modern Western Civilization*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1975. P. 32.

Отвергая религиозные ценности и традиции, западная мысль породила множество утопий и идеологий, которые отчасти выполняют функции традиционной религии. Религиозная мораль была замещена светской, которая, по определению Ж. Боберо, акцентирует внимание на двух моментах: на «понятии человеческого достоинства, постулирующем фундаментальное равенство человеческих существ, и на понятии солидарности, главным для которого являются связи, которые существуют между людьми во времени и пространстве»⁷. Но даже такая светская мораль вступает в противоречие с доктриной либерализма во всех его формах.

Либеральная демократия провозглашает культ человеческой свободы, которая может быть ограничена только тогда, когда человек покушается на свободы другого. Гарантируя политические и гражданские свободы, она создает условия для развития философии и науки, для индивидуального самовыражения. Как пишет З. Бжезинский, индивидуальное самовыражение способствует созданию благ и «притягивает энергетикой, амбициями и высокой конкурентоспособностью»⁸.

Между тем у либеральной демократии есть и обратная сторона. Идеализировав свободу, не ограниченную нравственной ответственностью, либерализм породил общество, которое видит смысл жизни в удовлетворении собственных желаний. Закономерным следствием этого, по мнению Дж. Милбанка, стал материалистический гедонизм, ведь «если материя не рассматривается как нечто связанное с таинством, то она неизбежно превращается во что-то бессмысленное, во что-то сугубо инструментальное»⁹.

Легкость, с которой нравственная распушенность и гедонизм распространились в западной культуре, объясняется тем, что в ней всегда существовала потребность поддерживать баланс между материальным началом, корни которого уходят в античную культуру, и духовным, опирающимся на христианские ценности. Попытки восполнить отсутствие духовной основы ценностями свободного предпринимательства и демократии оказались безрезультатны. «С тех пор, как общественный дискурс сместился в сторону политики, защиты интересов потребителей и узких, спорных определений личной морали, мы потеряли связь с важным сегментом нашего культурного наследия», — признается американская исследовательница Р. Вутнау¹⁰. Многие люди, отмечает Б. Митчелл, не удовлетворены существующими моделями светской морали. «Они ищут, но не находят в них какой-то стандарт, высший, нежели текущие предпочтения индивидов и обществ, на основании которого они могут быть судимы; идеалы или принципы, которым человек был бы предан всерьез и надолго, которые возымели бы большую власть, чем та, которую можно оправдать на одних лишь утилитарных основаниях»¹¹.

Конфликт с традиционной моралью обнажил пределы либеральной демократии, однако ее устой по-настоящему пошатнулись после установления однополярного мира, когда идеализация конкуренции пробудила у определенной группы желание добиться тотального контроля над политическими, экономическими и финансовыми институтами. Обусловленные этим события последних лет привели к тому, что западные общества оказались перед необходимостью поступиться некоторыми демократическими ценностями и свободами (это наиболее остро ощущается в формах борьбы с международным террориз-

⁷ Боберо Ж. Светскость: Французская исключительность или универсальная ценность? [<http://www.krotov.info/history/20/1950/bobero.html>].

⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические перспективы. М.: Международные отношения, 2002. С. 39.

⁹ Светскость имеет тоталитарные наклонности. Интервью Дж. Милбанка «Русскому журналу» от 25 декабря 2008 года [<http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Svetskost-imeet-totalitarnye-naklonnosti>].

¹⁰ Wuthnow R. Poor Richard's Principle: Recovering the American Dream through the Moral Dimension of Work, Business, and Money. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 12.

¹¹ Mitchell B. Morality, Religious and Secular: The Dilemma of the Traditional Conscience. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 79.

мом). Откат к принципам тоталитаризма и участвовавшие случаи попираания индивидуальных свобод обозначили спад в общественной жизни. Американский социолог Ф. Фукуяма признает, что этот спад произошел не вопреки либеральным принципам, но благодаря им: «Такая ситуация приводит к мысли, что никакое фундаментальное усиление общественной жизни не будет возможно, если личности не вернут некоторые права объединениям и не примут вновь определенные исторические формы нетерпимости. Другими словами, либеральная демократия не самодостаточна: общественная жизнь, на которой она основана, должна, в конечном счете, исходить из источника, отличающегося от либерализма»¹².

Кризис либеральной демократии породил новый виток дискуссий о закате западной цивилизации. В 2002 году американский политик П. Бьюкенен опубликовал книгу «Смерть Запада», в которой развил взгляды О. Шпенглера и А. Тойнби о предстоящей закономерной гибели западной цивилизации. Еще раньше, в середине 1990-х годов, русский философ А. Зиновьев писал, что «превращение западного общества в постиндустриальное означает фактически превращение его в ожиревший социальный организм с высочайшей степенью паразитарности. Со временем это неизбежно скажется на его способности самосохранения самым негативным образом»¹³. Общество потребления, стремящееся во что бы то ни стало удовлетворять свои потребности и сохранять глубокий социальный разрыв между полюсами бедности и богатства, необходимый для поддержания его духа, действительно выглядит малопривлекательным с философской и нравственной точки зрения. Однако это не означает, что в ближайшей перспективе американские политики и их партнеры откажутся от своих притязаний на мировое господство. «Право сильного» пока никто не отменял, а реалии сложившегося однополярного мира таковы, что даже ограничить это «право» некому. Слишком велико сегодня материальное, технологическое и военное превосходство США, и оно находит отражение во внешнеполитическом курсе официального Вашингтона.

После прекращения военно-политического и идеологического противостояния с социалистическим блоком США фактически потеряли интерес к демократизации стран «третьего мира». Заокеанские идеологи отреагировали на это «откровениями» об уникальности, но не универсальности западной культуры. Как заключил С. Хантингтон, «на фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным»¹⁴. Освободившись от моральной ответственности за цивилизации, которые не способны повторить западный путь развития, США прибегли к жестким методам самоутверждения в роли «мирового жандарма», о чем свидетельствует опыт «гуманитарных интервенций» в последние два десятилетия (Сомали, 1993; Югославия, 1999; Афганистан, 2001; Ирак, 2003). Точно так же и поддержка демократии и свободного рынка, оказываемая Соединенными Штатами и их европейскими союзниками, служит лишь укреплению их власти и геополитического влияния.

Таким образом, на нынешнем этапе модернизационные процессы в развивающихся странах лишены прочной геокультурной основы. Тем не менее глобалисты практически не оставляют выбора национальным элитам: плата за отгораживание от модернизации очень велика. Выбирать приходится между модернизацией при полном подражании западной культуре (путь кемалистской Турции) и модернизацией при сохранении базовых принципов национальной культуры. Последнему пути развития отдают предпочтение Россия и большинство государств постсоветского пространства. Предсказать исход та-

¹² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 487—488.

¹³ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 144.

¹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 112.

кой модернизации трудно. Много будет зависеть от самих модернизирующихся стран, от умения их лидеров ослабить разрушительное влияние глобализма, наметить правильный путь развития и повести за собой народные массы.

Определить правильные ориентиры и приоритеты развития значит правильно разглядеть парадигму технологического и цивилизационного развития в обозримом будущем. Иными словами, суметь предвидеть, каким будет мир «послезавтра», если оно наступит. А.С. Панарин считал, что культурологическим основанием так называемый «постзападной» эры станет цивилизационный плюрализм¹⁵. По мнению В.М. Межуева, целью глобальной политики, в отличие от модернизации, может быть «только создание такого мирового порядка, при котором коллективные достижения человечества в разных областях деятельности становятся достоянием каждого человека и каждого народа — личным и национальным достоянием»¹⁶.

И. Валлерстайн в одной из своих последних работ пишет, что основой будущей цивилизации должен стать глобальный универсализм, который позволит всем народам и давать, и получать. В противном случае наступит мир, в котором будет царить неравенство. «Этот мир будет говорить о себе, что он основан на универсальных ценностях, но в нем расизм и сексизм будет по-прежнему доминировать, и, возможно, в еще более жестких формах, чем в ныне существующей мир-системе»¹⁷.

Будет ли человечество двигаться навстречу такому «глобальному универсализму»? Ответить на этот вопрос трудно, и нынешний уровень межцивилизационных и межрелигиозных взаимодействий не вселяет оптимизма. По данным Центра оборонной информации США, из 14 вооруженных конфликтов, имевших место на планете в 2009 году, лишь в одном случае причиной была исключительно борьба за власть. Во всех остальных конфликтах присутствует религиозная, этническая, идеологическая или политическая составляющая¹⁸. Но если даже человечество сумеет преодолеть разногласия и найдет внутренние ресурсы для сближения на основе общих ценностей, вряд ли этот процесс будет безболезненным.

Светскость и религия в эпоху постмодерна

Кризис либеральной демократии и эпохи модерна ознаменовал начало новой фазы противоборства между светской и религиозной моралью. С одной стороны, содержание современного образования, уклад повседневной жизни, особенности массового просвещения и трудовой деятельности вытесняют духовное и наполняют человеческое сознание рациональным и чувственным. Но, с другой стороны, заметно выросло значение религии в общественной жизни. В западных обществах причиной этого стало истощение светских идеологий и их неспособность создать социальные и этические нормы. «Постмодерн понял религию не как религиозную институцию, церковь, претендующую на доминирование. Постмодерн дал свободу религии, религиозности и тем самым обозначил в «европей-

¹⁵ См.: *Философия истории* / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999 [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Panarin/03.php].

¹⁶ *Межуев В.М.* Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», 2009, № 1 [<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/#>].

¹⁷ *Валлерстайн И.М.* Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис, 2008, № 2 (14) [http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/Prognosis_2_2008/1.pdf].

¹⁸ См.: *The Defense Monitor*, January/February/March 2010, Vol. XXXVIV [http://www.cdi.org/pdfs/DM_JanFebMarch10.pdf].

ской культурной истории» начало постсекулярной эпохи»¹⁹. Кроме того, конфликт науки и религии, который мыслился в контексте противодействия Церкви развитию светских наук, потерял свою актуальность, по меньшей мере, в силу двух причин.

- Во-первых, сциентизм исчерпал себя в глазах значительной части общества и наука больше не считается единственным источником знаний и суждений о мире. Религиозные ценности, хотя они в определенном смысле и ограничивают деятельность человека, сохраняют свою привлекательность, потому что люди подсознательно ощущают их непреходящую актуальность. Притязая на истинность, они наполняются конкретно-историческим содержанием, придают человеческой жизни тот смысл, которого не хватает научному мышлению.
- Во-вторых, во второй половине XX века западное общество получило возможность ближе познакомиться с исламом и восточными религиозными системами, которые, в отличие от христианства, не вступают в открытое противоречие с наукой. И если ислам апеллирует к научным знакам в Коране, которые подтверждаются достижениями современной науки в различных областях, то восточные религии направлены не на познание внешнего мира и его проявлений (объект современной науки), а на постижение внутреннего мира человека. Как пишет основоположник аналитической психологии Карл Юнг, если европеец делает выводы относительно внутреннего мира на основании полноты внешних впечатлений, то «индийские мышление и образность лишь явлены в чувственном мире, но не выводятся из него»²⁰.

Времена, когда Запад сталкивался с восточными религиями только в регионах их исторического существования и стороной диалога выступали лишь активные носители западной культуры, давно прошли, и сегодня последователи ислама, индуизма и буддизма интегрировались в западное общество и играют все более заметную роль в общественно-политической жизни. «Неудача западной цивилизации, пожелавшей доминировать на Востоке, сопровождалась победным шествием «восточных духовных практик» на Запад, — пишет православный публицист А. Кырлежев. — И цивилизация, возросшая на христианстве, а затем — в эпоху секуляризации — на его «внутреннем» отрицании, сегодня восполняет свою потребность в «религиозной метафизике» за счет нехристианской религиозности»²¹.

В странах «третьего мира» важной причиной усиления религиозного самосознания, наряду с неудовлетворенностью результатами постколониального проекта светского государства, стала культурная глобализация (американизация). Под воздействием информационных средств и технологий многие люди приобретают ложную идентичность, отождествляя себя с определенными группами вопреки действительности. В своем сознании они погружаются в систему чужих взглядов, интересов и образцов поведения, что приводит к культурным конфликтам и дисфункции социальных институтов. Подобная экспансия западной ментальности и морали на фоне неразрешенных экономических и политических проблем приводит к обострению чувства принадлежности к собственной нации, культуре и религии. В результате глобализация находит ревностных противников не только в мусульманском мире, но и в России, Китае, Индии и даже в европейских странах²².

¹⁹ Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент, 2004, № 120 [<http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>].

²⁰ Юнг К.Г. К психологии восточной медитации [<http://psylib.org.ua/books/yungk01/txt01.htm>].

²¹ Религия в современном мире: итоги века [http://www.religare.ru/2_25412.html].

²² См.: Кулиджаншивили А.Э. Глобализация и национальные культуры. В кн.: Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Сб. материалов международного симпозиума. Выпуск 2 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 153—154.

Таким образом, и на Востоке и на Западе влияние религии на культуру и на общественное сознание растет. Вместе с тем сама религия испытывает на себе ощутимое влияние постмодерна.

- Во-первых, расширяется социальная база нетрадиционных верований, а также различных оккультных и мистических практик, которые на фоне категоричного неприятия тоталитаризма получили право на существование. Новые религиозные движения характеризуются высокой мобильностью, распространяются в основном среди молодежи и серьезно ослабляют позиции традиционных верований.
- Во-вторых, внутри самих традиционных религий отмечается рост фундаменталистских настроений как реакция на очередную волну секуляризации, агентами которой выступают «массовая культура» и информационно-коммуникативные технологии. В отдельных случаях в силу социокультурных, экономических и политических причин религиозная традиция, неверно истолкованная и оторванная от духовных начал, ложится в основу экстремистских идеологий.
- В-третьих, «сжатие» мира приводит к изменению, точнее, упразднению границ традиционного распространения религий, что провоцирует обострение межрелигиозных противоречий, но в то же время приближает нас к глобальной культуре диалога.

Как видим, религия возвращается в социальное пространство, но ее традиционным формам, претендующим на исключительность и социальные преференции, брошен вызов. Нынешнее противостояние между традиционными религиями, новыми религиозными движениями и радикальными религиозными группировками — это не просто идеологическая или религиозно-политическая борьба. Это борьба за способ обладания «истиной» и построения отношений со «своими» и «чужими», который будет превалировать в цивилизации будущего. Это борьба между тоталитаризмом и плюрализмом, между толерантностью и нетерпимостью, между варварством и цивилизованностью.

Говоря так, не завышаем ли мы значение религии для современной цивилизации? В геополитической модели современного мира религиозные различия рассматриваются как основа межцивилизационных противоречий и как фактор международной нестабильности. В середине 1990-х годов С. Хантингтон отметил, что именно религия способствует разобщению современного мира и эскалации конфликтов по линии межцивилизационных стыков. Еще раньше американский футуролог Э. Тоффлер причислил религию к «глобальным воителям», бросившим вызов суверенному государству как субъекту международных отношений²³. В то же время неверно думать, что религия выступает в роли главного разобщающего фактора. По крайней мере, далеко не большая часть населения и не во всех странах видит в религии главную причину разногласий и противоречий. Например, согласно результатам социологического исследования (2005), лишь 6,8% православных россиян ставят межрелигиозные противоречия на первое место среди причин межнациональной розни. Среди опрошенных российских буддистов этого мнения придерживаются 2,8% респондентов, среди мусульман — 7,7%, среди католиков и иудеев — 10%, среди протестантов — 12,6%. Во всех конфессиональных группах до трети респондентов в качестве основной причины, обостряющей межнациональные отношения, указали ухудшение экономического положения страны. От пятой до третьей части опрошенных отдали приоритет ошибкам в национальной политике центральных властей. Осталь-

²³ См.: Тоффлер Э. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века* [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/16.php].

ные причины межнациональной розни во всех конфессиональных группах были названы небольшим процентом опрошенных²⁴.

На текущий момент миротворческий потенциал религии не используется в полном объеме. Тем не менее за последние годы религиозные лидеры значительно расширили рамки межрелигиозного диалога и объединяют усилия для сохранения духовных ценностей, для противодействия нравственному разложению, международному терроризму, торговле наркотиками, для сохранения культурного многообразия и охраны окружающей среды. «Мы готовы приложить все усилия для того, чтобы не допустить использования религиозных различий в качестве инструмента ненависти и раздора и уберечь человечество от глобального конфликта религий и культур», — говорится в декларации участников I Съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане²⁵. Такие съезды и всемирные саммиты религиозных лидеров, ставшие уже традиционными (последний состоялся в апреле 2010 года в Баку), могут сыграть важную роль в укреплении системы международной безопасности и изменить характер взаимоотношений между государством и церковью.

Некоторые исследователи сравнивают современный мир с Европой накануне заключения Вестфальского мира (1648), политическим основанием которого стал миф о том, что вмешательство религии в международные отношения провоцирует нетерпимость, войны и перевороты. Как пишет С. Томас, мир готов отказаться от так называемой «вестфальской презумпции» и находится в ожидании того, что различные религиозные подходы смогут привести в международные отношения²⁶.

Еще большее влияние религия может оказать на политическую культуру. По словам С.Д. Лебедева, в условиях позднего постмодерна религиозная идеология способна без сопротивления ассимилировать светскую культуру, которая «практически ничем не сможет обогатить своего контрагента ни в плане знаний, ни в плане ценностей, ни в плане идеалов. Она также в равной степени готова уступить идейные позиции любой религии либо идеологической системе, независимо от характера исповедуемых ею верований и социальных идей»²⁷. Такое категоричное суждение нам представляется спорным, но следует признать, что соотношение светского и религиозного меняется, и конечный исход этого взаимовлияния пока не определен. По мнению Ю. Хабермаса, западные общества уже трансформировались в «постсекулярные» и заботятся о сохранении религиозных сообществ в светском окружении. Если прежде либеральное государство требовало только от верующих раскалывать свою идентичность на публичную и частную составляющие, то сегодня и от секулярной части общества требуется признать перспективы и услышать возражения своих оппонентов²⁸.

Вместе с тем остается немало вопросов. Сумеют ли традиционные религии укрепить свои позиции или же граница между религиозным и нерелигиозным будет постепенно стираться, а на смену религиозным институтам придут квазирелигиозные движения и синкретические секты? Не приведет ли возрождение религии к агрессивной секуляризации и к полному краху либеральной демократии? И будут ли идеи веротерпимости и вариативности религиозного опыта восприняты в странах «третьего мира», где модернизация и секуляризация остались незавершенным проектом?

²⁴ См.: Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Сфера политики и межнациональные отношения в восприятии религиозных общностей // Социологические исследования, 2005, № 6. С. 62—63.

²⁵ [<http://www.religions-congress.org/content/view/19/32/lang.ru/>].

²⁶ Thomas S.M. Taking Religious and Cultural Pluralism Seriously. The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Society. В кн.: Religion in International Relations: The Return from Exile / Ed. by F. Retito, P. Hatzopoulos. NY: Palgrave Macmillan, 2003. P. 43—44.

²⁷ Лебедев С.Д. Светско-религиозная синергия как проблема культурной глобализации [<http://spkurdyumov.narod.ru/D49Lebedev.htm>].

²⁸ См.: Хабермас Ю. Вера и знание [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Ver_Znan.php].

Модернизация в Азербайджане: срединный путь

Модернизация в современном Азербайджане совпала по времени с изменением баланса светских и религиозных сил как на Западе, так и на Востоке. *Kulturdrift*, начавшийся с распадом Советского Союза, отразился на всех сферах жизнедеятельности азербайджанского общества. Влияние подобных сдвигов на судьбы народов бывает разным. Одним удается реализовать свой творческий потенциал и, переосмыслив прогрессивный опыт других обществ, выработать модернизированную систему ценностей. Другие оказываются неспособны принять вызовы времени и возвращаются к старым, устоявшимся ценностям. В Азербайджане изменение основ мироустройства привело к сбою в целеполагании государства, а отсутствие общенациональной идеи и гражданского консенсуса вызвало глубокий кризис идентичности. Большая часть граждан оказалась не готова к отказу от марксистской идеологии, несмотря на то что многие разделяли ее главным образом из конъюнктурных соображений.

Армянская агрессия и всплеск этнического сепаратизма на некоторое время инициировали возврат к традиционным ценностям, в которых значительная часть общества видела оплот азербайджанской государственности. В тот период в обществе преобладали представления об уникальности и даже превосходстве национальной культуры. Однако с установлением режима прекращения огня и постепенным вовлечением Азербайджана в масштабные транснациональные проекты общество вступило в период идейной дивергенции. Политическая и финансовая элита, получившая выход в глобальный бомонд, быстро переняла космополитические ценности и отделилась от масс, охваченных, с одной стороны, ностальгией по распавшейся империи, а с другой — волнами вестернизации и исламизации. Слабость гражданского общества и общий кризис в системе образования только способствовали социальной разобщенности и идеологической неопределенности.

В таких условиях остро ощущалась потребность в идее, которая обеспечила бы мобилизацию всех национальных ресурсов для укрепления государственного суверенитета, построения правового демократического государства, достижения экономического роста и преодоления технологической отсталости. Эта идея, однажды родившись в умах патристично настроенных интеллектуалов, должна была найти понимание и поддержку среди подавляющей части полиэтнического и поликонфессионального населения страны, а это было невозможно без последовательной и целенаправленной реформы общественного сознания. В условиях оккупации Нагорного Карабаха и семи соседних районов республики, резкого падения жизненного уровня большей части населения и непрерывной идеологической экспансии извне, способствовавшей росту нравственного нигилизма, этнического сепаратизма и религиозного экстремизма, времени для созревания национальной идеи попросту не было. В связи с этим азербайджанские реформаторы заручившись поддержкой Запада и при молчаливом согласии России сами выступили гарантом обеспечения общественных интересов и реализации принципов демократии и открытого общества. Несмотря на национальное единение в борьбе за освобождение Нагорного Карабаха, внутренние ресурсы общества были слишком слабы для форсирования начального этапа построения демократии.

Таким образом, либерально-демократические реформы в Азербайджане были инициированы «сверху». На начальном этапе они характеризовались двумя особенностями. Во-первых, они не отражали ценностных ориентаций значительной части общества и вследствие этого оставались непонятыми. В сознании большей части граждан демократия отождествлялась с социальной справедливостью; гражданская солидарность и чувство ответственности за судьбу государства и нации присутствовали лишь у малой, наи-

более сознательной части общества. Кроме того, социально-экономические проблемы не имели скорого единовременного решения, что лишь усугубляло недоверие масс к осуществляемым либерально-экономическим и демократическим преобразованиям. Во-вторых, едва возникшие демократические институты не могли сразу преодолеть землячество и чиновничий произвол, и потому приоритетом многих преобразований было не обеспечение прав граждан, а защита интересов власть имущих.

Политические взгляды граждан развивались хаотично, поддержку находили разные, порой диаметрально противоположные идеи. Некоторые политические силы, позиционировавшие себя как демократические, тяготели к анархической вольности. Конфронтируя между властями и оппозицией время от времени, особенно в предвыборный период, принимала довольно жесткие формы. Несмотря на объявленный примат идеалов западной демократии, в политической культуре сохранились черты, присущие восточному мышлению. В частности, сохранилось тяготение к сглаживанию противоречий между моральной и правовой мотивацией политических решений, к выявлению харизматических лидеров, к упрощенным формам организации власти и т.д.²⁹

Главной особенностью реформ в Азербайджане было не развитие демократической культуры, а решение конкретных социально-экономических и политических задач. Как пишет Р. Мехтиев, суть государственной политики выражалась в обеспечении стабильности и безопасности, в минимизации внешних и внутренних угроз, в наращивании экономического потенциала страны и ликвидации социально-экономического неравенства «при минимальной оглядке на проблемы транзита»³⁰. Очевидно, именно это привело к формированию в стране так называемой «номинальной демократии», которая, по мнению того же автора, при сильной государственной власти «является единственной формой общественного устройства, дающей возможность постепенно продвигаться к демократии универсальной»³¹.

Можно предположить, что такое развитие событий было неизбежным. В условиях, когда социальные предпосылки для формирования демократии и гражданской культуры отсутствовали, социум нуждался в сильном государстве, способном поддержать политическую стабильность и экономическое развитие. В целом, начальный этап становления и утверждения демократии имел большое значение для будущего Азербайджана: определились контуры новой модели политико-идеологического развития страны, в основу которой легла идеология азербайджанства — неоконсервативная идеологическая система, опирающаяся на принципы светской государственности, политической демократии и самоценности национальных традиций.

Возникшая в середине 1990-х годов идея азербайджанства стала быстро наполняться идеологическим содержанием. На Первом съезде азербайджанцев мира 9 ноября 2001 года президент Г. Алиев объявил азербайджанство «основной идеей независимого Азербайджана»³². По словам Р. Мехтиева, азербайджанство как национально-государственная идеология определяет цели и приоритеты национального развития, «восприятие и оценки настоящего и будущего азербайджанского народа»³³.

На сегодня концептуальные основы азербайджанства (философские, геополитические и т.д.) недостаточно разработаны и исследованы. Некоторые авторы отмечают, что азербайджанство пока не выражает устремлений и мировосприятия всех граждан страны, особенно принадлежащих к этническим и религиозным меньшинствам. По

²⁹ О различиях между политическими культурами западного и восточного типа см.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1995 [http://www.i-u.ru/biblio/archive/pugachev_politolog/polit18.aspx].

³⁰ Мехтиев Р. На пути к демократии: размышляя о наследии. Баку: Шерг-герб, 2007. С. 549.

³¹ Там же. С. 556.

³² Dünya Azərbaycanlılarının i Qurultayı, 9—10 noyabr 2001, ci il. Bakı, 2002. S. 25.

³³ Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: XXI — Ени Нешрляр эви, 2004. С. 138.

мнению философа А. Исмаилова, из-за недостаточной разработанности функций этой идеи сегодня четко просматриваются две крайности в отношении к данной проблеме: попытка подогнуть многоцветие и неповторимое богатство национальной жизни под субъективно сконструированные характеристики идеи азербайджанства и попытка превратить названную идею в некое клише, лишенное содержания и структуры, оторванное от других понятий и явлений, также выполняющих в обществе консолидирующие функции³⁴.

Несмотря на это, популярность азербайджанства среди политической элиты и интеллигенции вызвана тем, что данная идеология очерчивает «третий путь» развития и выступает своего рода альтернативой вестернизации и исламизации. Дальнейшее становление национальной идеи должно быть направлено на демократизацию массового сознания и на повышение уровня гражданской культуры, без которой немислимы демократические перемены. Национальная идея не может быть оторвана от действительности, она должна формироваться естественным образом и отражать устремления и предпочтения большей части общества.

Для построения демократии необходимо формирование «участвующего» типа личности и утверждение во всех основных сферах жизни «контрактного» типа взаимодействия, когда граждане будут осознавать значение и ценность свободы и осознавать ответственность за судьбу государства. Как пишет Ф. Бем, в демократическом обществе частноправовой порядок наделяет всех граждан широкой свободой действий и обширными полномочиями в плане установления отношений с другими людьми, гарантируя им защиту их основных прав и свобод³⁵. При этом государство добровольно отказывается от примата над личностью и превращается в пространство, в рамках которого формируется индивид, обладающий определенными знаниями, самостоятельным мышлением и гражданской сознательностью. Открытое общество возможно только там, где каждый готов нести ответственность за свой выбор, где моральная власть интегрирована в его идентичность. Люди не поступают в соответствии со своими убеждениями, если эти самые убеждения в действительности не являются их собственными. В таких условиях моральные обязательства кажутся тягостными, а отказ от следования им представляется освобождением³⁶.

Будущее Азербайджана во многом зависит от того, насколько модернизированная система ценностей будет понятна и доступна широким массам, особенно среднему классу. Как пишет Г. Нодиа, «проект модернизации должен быть идеологически увязан с национальными политическими традициями. Осуществляющие модернизацию элиты должны быть способны представить модернизацию как продолжение и укрепление внутренних политических традиций или, по крайней мере, как нечто никоим образом не угрожающее этим традициям»³⁷. Вероятность того, что модернизированные ценности будут усвоены только элитарными группами, должна быть сведена к минимуму. Сегодня существуют опасения в успехе модернизации, потому что качественное образование и высокий уровень общей культуры, которые во многом определяют участие граждан в общественно-политических процессах, перестали быть общедоступными.

Ввиду этого необходимо, чтобы демократические преобразования сочетались с историко-культурным наследием азербайджанского народа и явились следствием конк-

³⁴ См.: *Исмаилов А.* Гейдар Алиев и идеи национального единства // Наш век, 13—19 мая 2005.

³⁵ См.: *Бем Ф.* Частноправовое общество и рыночная экономика. В кн.: Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм / Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 201.

³⁶ См.: *Bergman R.* Identity as Motivation: Toward a Theory of the Moral Self. В кн.: *Moral Development, Self and Identity* / Ed. by Daniel K. Lapsley, Darcia Narvaez. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 31.

³⁷ *Нодиа Г.* Грузия: измерения уязвимости. В кн.: Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» / Под ред. Б. Коппитерса, Р. Легволда. Кембридж — Лондон: МИТ-Пресс, 2005. С. 90.

ретных социокультурных предпосылок. В мире сформировались разные типы демократии, не всегда совпадающие с западной моделью. Тем не менее некоторые из них оказываются более устойчивыми и долговечными, поскольку в них демократические ценности органично сочетаются с морально-нравственными устоями общества. К разумению того, что западная форма представительной демократии является отнюдь не единственной формой правления, совместимой с открытым обществом, пришел и финансист Дж. Сорос, который до распада коммунистического блока придерживался иных взглядов³⁸. Одним словом, построение демократии и открытого общества не означает радикального отказа от одной идентичности в пользу другой. Решение данной проблемы — в перестройке общественного сознания на основе принципа совмещения традиции и новации. Необходимо динамично сочетать культурную традицию с либеральными ценностями, необходимыми для построения рыночной экономики и открытого общества. «Решение конфликта ценностей предполагает достижение позитивных сдвигов в отношении культурного и ценностного разнообразия, не противоречащего базовому консенсусу»³⁹.

Культура и сознание должны быть нацелены на активизацию и развитие всех человеческих потенциалов, обеспечивающих духовное и материальное благополучие, моральное и интеллектуальное здоровье нации. В этом процессе важную роль должны сыграть носители личностного сознания, которые, как пишет С. Лурье, не должны стать аутсайдерами и должны влиять на ценностную ориентацию остальных членов общества⁴⁰. Они должны правильно оценить последствия трансформации национальной идентичности и определить, какие элементы традиционного мышления являются доминирующими и незаменимыми для азербайджанского общества и какие меры необходимы для эффективного сочетания этих элементов с формами либеральной культуры.

Усилиями интеллигенции должны быть отобраны те принципы и ценностные установки, которые менее конфликтногенны и способствуют решению актуальных социальных, экономических и прочих проблем. Этот процесс не может ограничиваться стенами академических учреждений и кабинетами госслужащих. Переосмысление ценностей возможно только в ходе столкновения ценностей и интересов с последующим преодолением противоречий и недопонимания. И здесь не обойтись без критической оценки того, что мы привыкли считать правильным, и без публичной дискуссии.

В современном Азербайджане посылом для модернизационных реформ можно считать готовность большинства граждан перенять западные стандарты в политической жизни, в деловом общении, в сфере образования и т. д. Однако ориентация на внешнюю сторону жизни западных обществ приводит к неправильному пониманию смысла модернизации, ввиду чего она вызывает восхищение у одной части населения и консервативно-реакционные настроения у другой. Опасения граждан нередко вызывает и то, что, как показывает исторический опыт, модернизация далеко не всегда приводит к экономическому росту и политической стабильности. Поэтому необходимо приложить максимум усилий, чтобы либеральные реформы не ограничивались либерализацией цен и разгосударствлением экономики, а либерализация сознания не превратилась в освобождение от нравственных норм и моральных обязательств. Индивидуальная свобода, которая занимает особое место в демократической системе, должна преподноситься не как нигилистическое отношение к государству, обществу и праву, а как нравственная ценность. Как пишет Б. Капустин, индивидуальная свобода выражается в плане общественных отношений как равенство в свободе; в плане отношений с государством — как равенство перед

³⁸ См.: Кутырев В. А. Два Сороса // *Общественные науки и современность*, 2000, № 3. С. 189.

³⁹ Мехтиева Р. Азербайджан: вызовы глобализации. С. 70.

⁴⁰ См.: Лурье С. В. *Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала)*. СПб, 1994. С. 74.

законом, который гарантирует не противоречащую ему свободу частной и публичной деятельности; в плане отношения к различиям в общественной жизни — как терпимость ко всему, что само не отрицает терпимости; в плане экономики — как признание частной собственности условием свободного развития человека⁴¹.

Однако в действительности либеральные ценности не просто вступают в противоречие с ценностями традиционными — они вытесняют и подменяют их. Исследуя взаимовлияние либеральной экономики и морали, немецкий философ Р. Мюнх сравнивает специалистов по финансам со жрецами, а экономические законы — с моральным кодексом общества. Мерилом благоразумия и благонравия становится валовой общественный продукт, а природная и социокультурная среда рассматривается как «ресурс, который должен постоянно возобновляться, чтобы быть в наличии для дальнейшего использования»⁴². Таким образом, проникновение экономических императивов во все сферы общественной жизни серьезно угрожает духовной и культурной самобытности модернизирующихся наций.

Еще одна угроза современного либерализма — обособление финансово-политической элиты от масс. Глобальный бомонд не привязан к территории конкретной страны и больше не нуждается в расходах на моральное оправдание своих действий. Для сохранения места в элитарном клубе его представителям достаточно соблюдать принятые в нем негласные правила, а его космополитизм нередко воплощается в открытое пренебрежение понятиями «нация» и «традиции». Не случайно Р. Мюнх пишет, что нежелание порываться с принадлежностью к нации стало особенностью «слабых социальных слоев и слабых регионов»⁴³.

Наиболее эффективное средство предотвращения этих угроз в рамках концепции азербайджанства — морально-этический кодекс ислама. Исламские ценности обладают достаточным потенциалом для налаживания горизонтальных связей в обществе, искоренения унаследованной от советской идеологии склонности к авторитаризму, воспитания молодого поколения в духе подлинного патриотизма, объединения живущих в республике различных народностей в единую азербайджанскую нацию, поддержания атмосферы веротерпимости и межконфессионального согласия. Однако остается неясным, сумеют ли мусульмане страны преодолеть недостатки традиционного сознания, для того чтобы принять полноценное участие в политических и экономических реформах.

Традиционное сознание лишает человека желания творить и изменять мир, потому что тот видится ему абсолютно неподвижным, а традиционные ценности сплачивают общество только тогда, когда их разделяет подавляющее большинство его членов. При этом все инакомыслящие вытесняются на периферию или даже подавляются, поскольку сторонники традиции допускают плюрализм только в пределах единой иерархии убеждений. Нередко приверженность религиозной традиции превращается в предмет обычных спекуляций тех, кто не готов и не может отстаивать свои позиции в трансформирующемся обществе. Отстраняясь от политической жизни, традиционалисты могут выполнять охранительные функции в обществе, однако следование некоторым традициям, не имеющим никакого значения для сохранения культурной самобытности, часто становится причиной отсталости в самом широком смысле слова.

В отличие от традиционалистов мусульманские реформаторы не избегают межкультурных и межрелигиозных контактов и готовы к проецированию исламских идей и

⁴¹ См.: Капустин Б. Либеральное сознание в России // *Общественные науки и современность*, 1994, № 3. С. 74.

⁴² Мюнх Р. Взаимопроникновения экономики и морали [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Mynh_VzEk.php].

⁴³ Мюнх Р. Труд и общественная солидарность в условиях глобальной экономики. В кн.: *Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003*. Сб. материалов / Под ред. А. Журавского, К. Костюка. М., 2003. С. 361.

ценностей на современный социокультурный опыт. Как пишет бывший ректор Исламского университета в Малайзии 'Абд ал-Хамид Абу Сулайман, благодаря этому «реальность и практика становятся естественным результатом соблюдения исламских норм и сохраняют связь с первоисточниками мусульманской веры и мысли. В итоге это означает формирование независимого научного мусульманского мышления, опирающегося на собственные источники познания»⁴⁴. На наш взгляд, именно реформаторский подход к исламу позволяет совместить демократические реформы с традиционной моралью и духовностью, однако этот процесс и его конечные результаты требуют глубокого осмысления.

Таким образом, на нынешнем этапе перед азербайджанской интеллигенцией стоит задача путем публичных дискуссий ответить на вопросы: какие либерально-демократические ценности действительно играют ключевую роль в развитии гражданского общества? Как они сочетаются с национальной ментальностью и традициями? Какие из традиционных ценностей имеют универсальный, а какие — релятивный характер? И что нужно сделать, чтобы модернизационные ценности были усвоены широкими слоями населения?

Как видим, проводником модернизационных реформ должно стать не государство, а гражданское общество. Реформа сама по себе — одномоментный акт, дающий импульс дальнейшему развитию и очерчивающий его законные рамки, а эффективность реформы во многом зависит от активности и потенциалов самого общества. Это не отменяет значимости государственных институтов, поскольку только государство с мощной социально-экономической базой способно компенсировать негативные последствия изменений условий труда, рыночных отношений и т.п. По словам Т. Мацонашвили, «целиком переложить ответственность за социальные риски на индивидов значило бы совершить роковую ошибку»⁴⁵. Вместе с тем политические и социально-экономические реформы должны протекать параллельно с преобразованием самого социума и увеличением политического веса организаций гражданского общества.

Интеграция Азербайджана в европейское и евро-атлантическое политическое и культурное пространство может оказать позитивное влияние на данный процесс. Как выразился А.В. Назарчук, международные демократические стандарты позволяют усилить гражданский контроль над действиями властей и создают условия для активного преобразования политической системы и культуры, для которого иначе потребовались бы другие исторические сроки⁴⁶. Это утверждение справедливо лишь отчасти, потому что давление извне не всегда учитывает интересы самих развивающихся государств и предпочтения их граждан. Сегодня западные державы непосредственно либо посредством международных институтов требуют от властей Азербайджана реализовывать принципы либерализма и демократии. Как правило, первое подразумевает открытие внутреннего рынка для транснационального капитала и приватизацию государственного сектора, включая некоторые стратегические сферы экономики, что в конце концов может привести к исчерпанию ресурсов государства, необходимых для стабилизации экономики и социальной защиты граждан. Второе предполагает политический и культурный плюрализм в той форме, в которой он служит интересам западных государств, — не отражающий политическую и социокультурную конъюнктуру, а лишь ослабляющий и расшатывающий государственную власть. В этом отношении показательны усилия ПАСЕ по обеспечению гражданского равенства для гомосексуальных, бисексуальных и

⁴⁴ 'Абд ал-Хамид Ахмад Абу Сулайман. Азма ал-'акл ал-муслим (Кризис мусульманского сознания). Каир: Дар ал-кари' ал-'араби, 1412/1991. С. 100.

⁴⁵ Мацонашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra, 2001. Т. 6, № 3. С. 124.

⁴⁶ См.: Назарчук А.В. Указ. соч. С. 303.

трансгендерных людей в общеевропейском измерении, в том числе в Азербайджане. 23 января 2010 года азербайджанские делегаты в ПАСЕ отказались участвовать в обсуждении двух резолюций, призывающих к обеспечению прав сексуальных меньшинств на свободу самовыражения и к внедрению образовательных программ по развитию уважительного отношения к ним. Обсуждение проблем сексуальных меньшинств на уровне ПАСЕ вызвало негодование в азербайджанском обществе: против признания однополых браков выступили и политики, и правозащитники, и общественные и религиозные деятели.

Неоконсерватизм политико-идеологического курса азербайджанских властей отвергает слепое подражание европейскому опыту. Модернизационные реформы в стране учитывают традиционные мировоззренческие установки граждан, но предполагают внедрение тех принципов демократии и открытого общества, которые необходимы для превращения Азербайджана в ведущее государство не только на Центральном Кавказе, но и во всем мусульманском мире, каждый регион которого в условиях глобализации сталкивается с похожими проблемами. Избранный властями «срединный путь», пожалуй, является единственно правильным в нынешней геополитической ситуации. Остается открытым вопрос о механизмах достижения обозначенных целей и исполнителях конкретных задач, и здесь свое слово должно сказать гражданское общество. Реформы в обществе — не односторонний процесс, и требовать их успешного проведения только от государства неправильно.

Светское и религиозное в азербайджанском обществе

Модернизация в Азербайджане имеет выраженную светскую заданность. Светскость государства прописана в Конституции Азербайджанской Республики и строго соблюдается при формировании органов государственной власти, в деятельности и определении конституционно-правового статуса госслужащих, в образовательной сфере. Однако дистанцируясь от всех вероисповедных групп, государство контролирует деятельность религиозных объединений для защиты своих интересов, общественной безопасности и прав граждан. Несмотря на то что подавляющее большинство населения Азербайджана (по некоторым сведениям, до 96%, хотя официальной статистики на этот счет нет) причисляют себя к мусульманам, мусульманское духовенство не пользуется никакими привилегиями перед остальными традиционными конфессиями: оно не имеет влияния на руководство страны, не имеет более широкого доступа в госучреждения (школы, больницы, воинские части, исправительные учреждения и т.д.).

Вместе с тем модернизацию в современном Азербайджане неправильно отождествлять с секуляризацией. За годы независимости «удельный вес» религиозной составляющей в общественной жизни и в культуре значительно вырос. На протяжении двух десятилетий власти не только не препятствовали религиозному возрождению, но и создавали условия для реализации гражданами своих прав в области свободы вероисповедания и для участия религиозных объединений в общественной жизни. Секуляризация предполагала лишь отгораживание религиозных общин и деятелей от управления государством, от политической деятельности и от участия в светском образовательном процессе.

Официальное духовенство в лице Управления мусульман Кавказа вполне удовлетворено таким положением вещей и отведенной ему ролью в общественной жизни. Но среди независимых мусульманских лидеров есть и исламисты — сторонники вовлечения религиозных деятелей в политическую борьбу. Некоторые из них выступают за демокра-

тические преобразования и апеллируют к западному опыту участия религиозно-политических партий и движений в политической жизни. Другие, напротив, открыто выступают против секуляризации и видят смысл политической борьбы в утверждении норм шариата во всех сферах жизни. К первым можно отнести политизированное крыло шиитов и нурсистов — последователей протурецкого религиозного движения; ко вторым — сторонников построения «мирового халифата», чьи взгляды имеют сходство с политической доктриной «Братьев-мусульман» и Партии исламского освобождения. Исламисты пока не имеют завершенной политической платформы и социально-экономической программы; их риторика опирается на религиозную проповедь и на противопоставление идеалов ислама реалиям современного общества. Поэтому социальную базу «политического ислама» составляет главным образом образцом протестная часть молодежи, а не мусульманские интеллектуалы. Однако в отдаленной перспективе ряды исламистов могут пополниться за счет «сочувствующих» из числа умеренных мусульман разной направленности, включая суфиев и салафитов, которые пока демонстрируют лояльность светской власти.

В целом религиозное возрождение в Азербайджане не направлено против светской государственности. Политический ислам не имеет традиций на Центральном Кавказе, и отношение населения страны к использованию священной религии в мирских целях крайне негативное. Однако неуспех экономической стратегии руководства страны может привести к появлению на политической арене исламистских движений, вокруг которых будут спланиваться те, кто в наибольшей степени пострадал от модернизации. Подъем исламизма во второй половине прошлого века тоже был ответом на модернизацию, и целью его было предоставить возрастающему городскому населению мусульманских стран «социальную поддержку, моральное руководство, материальную помощь, медицинские услуги, образование, помощь в преодолении безработицы — все то, что часто не могут обеспечить мусульманские правительства»⁴⁷.

Есть и другой взгляд на природу исламизма, выявляющий не только социальные, но и цивилизационные предпосылки возникновения этого феномена. По мнению Мансура Му'аддила политизация ислама стала реакцией на излишне секулярный уклон интеллигенции и политиков, которые подписались под европоцентристской концепцией рационализма и идеи мировой истории⁴⁸.

Поэтому соотношение светского и религиозного в контексте азербайджанского проекта модернизации требует деликатного и взвешенного подхода. Неосторожные попытки вытеснить религию из социального пространства или низвести верующих «до уровня граждан второго сорта»⁴⁹ могут привести к сдвигам в религиозно-политических предпочтениях населения и к открытому противостоянию. Примеры из новейшей истории Ирана, Афганистана, Алжира и ряда других мусульманских стран показывают, насколько трагическими могут быть последствия конфронтации между светскими режимами и исламистскими движениями.

В Азербайджане правящие круги стремятся добиться гармоничного сочетания традиционных ценностей ислама с принципами демократии и либерализма. «Срединный путь» очерчивает границы демократии и религии, сохраняя принципиальную ориентированность на демократизацию общества и на укрепление духовно-культурных традиций. Такая концепция развития государственно-конфессиональных отношений предполагает использование потенциала религии для решения социальных проблем и минимизации

⁴⁷ Хантингтон С. Век мусульманских войн [http://www.archipelag.ru/geopolitics/stolknovenie/11september11/].

⁴⁸ См.: Moaddel M. The Future of Islam after 9/11 // Futures, 2004, Vol. 36 (9) [http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=5007552381].

⁴⁹ Американский политолог П. О'Брайн называет такую реакцию на исламское возрождение «жестким либерализмом» (см.: Шарипов А. Постмодернистский либерализм — панацея от исламофобии? [http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/panacea/]).

негативных последствий экономической глобализации. Но для того, чтобы оценить перспективы модернизации «срединного пути» в Азербайджане, мы должны получить ответы на два вопроса, имеющих большое практическое значение: допускает ли принцип светскости вовлечение религии в определенные сферы жизни общества? И легитимно ли отделение религии от государства с точки зрения традиционного ислама?

В политической теории нет единой светской модели государства. А.В. Останин выделяет три основных типа светского государства: индифферентный, когда государство отгораживается от религиозных объединений и не вступает в партнерские отношения с ними; преференциальный, когда государство выстраивает динамичные отношения с преобладающей конфессией; и классический — государство выстраивает партнерские отношения с религиозными объединениями, учитывая интересы населения, но не отдавая предпочтения отдельным вероисповедным группам⁵⁰.

На практике даже государства с прочными традициями политического секуляризма вступают в законные отношения с религиозными объединениями и даже финансируют их деятельность. В частности, во Франции, где государство демонстративно обособляется от всех вероисповедных групп и отстаивает принцип отделения школы от религии, частные религиозные школы получают финансовую помощь от государства. Согласно закону Дебре (1959), государство оплачивает труд преподавателей в частных школах и участвует в расходах на обучение⁵¹. Как пишет Э. Сьюэлл, светские государства предоставляют прямые и косвенные финансовые и другие привилегии религиозным ассоциациям и организациям, которые спонсируются религиозными объединениями. Государство также может и должно выплачивать достаточную компенсацию за собственность, в прошлом изъятую у религиозной организации государством⁵².

Несмотря на различные интерпретации понятия светскости и ее пределов, большинство исследователей сходятся во мнении, что светскость не обязательно означает богоборчество и полное неприятие религии. Согласно И.В. Понкину, «светскость государства — это такая система требований, которая обеспечивает независимость и суверенность государства и религиозного объединения в соответствующих сферах их компетенции»⁵³. А границы этих компетенций определяются не только имманентными функциями государства и религии, но и интересами и нуждами общества в конкретную эпоху и в конкретной стране. И можно согласиться с теми, кто расширяет современное понимание светскости до признания религии «*позитивным* компонентом общественного мироустройства — наряду с наукой»⁵⁴.

Религия и государство в исламской религиозно-политической мысли

Ответив на первый из поставленных вопросов, перейдем к обсуждению второго: допускает ли традиционный ислам отделение религии от государства? Можно поставить

⁵⁰ См.: Останин А.В. Светское государство и демократия // Вестник Томского государственного университета, 2009, № 325. С. 106.

⁵¹ См.: Лисенко К. Уроки религии в государственной школе — норма светского правового государства [http://www.pravoslavie.ru/jurnal/29267.htm].

⁵² См.: Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций [http://religion.sova-center.ru/publications/4C5458F/49E984C].

⁵³ Понкин И.В. Светскость государства. М., 2004. С. 22.

⁵⁴ Наумов С., Слонов Н. От атеистического государства — к светскому // Свободная мысль, 2009, № 9. С. 50.

вопрос иначе: не окажется ли религиозная традиция непреодолимым препятствием для демократических реформ в Азербайджане и в мусульманском мире в целом? Ведь если исламская традиция антагонистична основополагающему принципу либеральной демократии, то развитие и укрепление ислама неизбежно приведет к столкновению двух мировоззренческих систем. Тем более что идеалистический и эгалитарный характер ислама подталкивает к инакомыслию и может порождать социально-политические протесты⁵⁵.

Тезис о том, что в исламе религия неотделима от государства, кажется, настолько прочно закрепился в современном исламоведении, что большинство исследователей даже не задаются вопросом о его происхождении. Исламская политическая мысль действительно строится на примате взаимосвязи государства и религии. В сознании мусульман эти понятия не противопоставляются. Религия представляет важность для государства, а государство — для религии. Более того, значение государства как института, обеспечивающего соблюдение Божьих заповедей, вытекает из самой религии. Но означает ли это неделимость духовной и светской власти, неприемлемость светского характера государства?

По мнению проф. Г.М. Керимова, единство духовной и светской власти положено в основу мусульманской доктрины: «люди не создают законы, а исполняют законы Божественные, вследствие этого власть может быть исполнительной, но не законодательной»⁵⁶. Подобный идеализм уместен в отношении периода пророчества, потому что согласно мусульманской традиции приказы и решения пророка Мухаммада скреплялись авторитетом откровения. В нескольких местах Корана повиновение пророку приравнивается к повиновению самому Аллаху (например: сура 4 «Женщины», аяты 64 и 80). Пророк совмещал обязанности духовного наставника, правителя, законодателя, главнокомандующего и судьи. Верующие обращались к нему по самым разным вопросам, касавшимся личной и общественной жизни, и получали ответы, которые легли в основу шариата.

Такая форма правления сохранилась и при четырех праведных халифах, но в их решениях мы уже сталкиваемся с «человеческим законотворчеством». В эпоху праведных халифов ислам начал распространяться за пределы Аравии, условия жизни мусульман изменились, и они столкнулись с многочисленными проблемами, которых не было при жизни пророка. Это способствовало становлению традиции *иджтихада*, то есть самостоятельного исследования текстов Корана и сунны для решения тех проблем, которые в священных текстах прямо не упоминаются. *Иджтихад* быстро вошел в практику *факихов*-законоведов и широко использовался для соотнесения новых ситуаций и проблемных задач с жизненной практикой пророка Мухаммада, что обеспечило гибкость и приспособляемость мусульманского права.

С приходом к власти Омейядов началось постепенное обособление светской и религиозной власти, хотя формально обе ее ипостаси оставались в руках халифов. Конфронтации между правящей династией и религиозными авторитетами, выступавшими против произвола халифов и их наместников, носили латентный характер, но иногда перерастали в вооруженные конфликты. Как справедливо отмечает А. Али-заде, значение религиозных ценностей в мусульманских обществах уменьшилось, и они были подменены волей правителей. Со временем это привело к секуляризации, которая в мусульманском мире протекала не как борьба прогрессивной части общества против Божественных законов, а

⁵⁵ См.: *Faksh M.A.* The Future of Islam in the Middle East: Fundamentalism in Egypt, Algeria, and Saudi Arabia. Westport: Praeger Publishers, 1997. P. 23.

⁵⁶ *Керимов Г.М.* Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб: Изд-во «ДИЛЯ», 2007. С. 396.

как протест «против псевдотеократическо-монархических методов управления государством»⁵⁷.

Истоженные противостоянием со светской властью, религиозные лидеры отстранились от политической жизни и в конце концов признали легитимность монархической формы правления. Комментируя механизм функционирования данной системы, К.В. Марков пишет: «Хотя не существовало формального договора, имелась молчаливая сделка, согласно которой в ответ на признание власти улемов в сфере законодательства и их финансовой и институциональной независимости от правительства монарх получал санкционированную с их стороны свободу осуществлять более или менее абсолютную светскую власть. Обладание этой властью подразумевало, что улемы реально были не вправе вмешиваться в управление государством с целью ограничения произвола монарха. В то же время монарх чувствовал себя все-таки ограниченным в своих возможностях шариатом, что обуславливалось, в первую очередь, высоким авторитетом улемов»⁵⁸.

Фактическое разделение светской и религиозной власти произошло во второй половине IX века, когда аббасидские халифы стали марионетками в руках гвардейских военачальников. На протяжении нескольких столетий реальная власть в государстве Аббасидов была сосредоточена в руках сначала военной верхушки, потом — буидских эмиров, а потом — сельджукских султанов. С их позволения халифы осуществляли контроль над соблюдением законов шариата и выступали гарантом законности существующего режима. Согласно шафиитскому правоведу Абу ал-Хасану ал-Маварди (ум. 1058), такая форма правления не соответствует принципу абсолютного подчинения правителю, но зато обеспечивает соблюдение законов шариата и религиозных предписаний. Признавая легитимность такой формы разделения власти, авторитетный богослов объясняет это недопустимостью анархии и беспорядков, которые возможны при слабом правителе⁵⁹.

Имам Абу Хамид ал-Газали (ум. 1111) тоже указывает на необходимость подчинения эмиру, обладающему властью и качествами, необходимыми для управления страной и обеспечения соблюдения законов. Он подчеркивает, что если правитель способен объединить народ и обеспечить соблюдение законов, но не обладает всеми достоинствами, которые должны быть присущи правителю (знание законов шариата, справедливость и т.д.), и если он обладает достаточной силой для удержания власти, то повиноваться ему обязательно. Далее ал-Газали пишет: «Это допущение не является добровольным, но необходимость делает дозволенным запрещенное. Мы знаем, что есть мертвечину плохо, но умереть еще хуже. Хотелось бы знать, кто в наше время не согласится с этим и вынесет решение о незаконности власти правителя, который не отвечает всем требованиям, ведь он не сможет заменить его тем, кто вызовется занять эту должность, и даже не найдет того, кто будет отвечать всем требованиям»⁶⁰.

В традиционном богословии форма правления рассматривается лишь как средство реализации функций и целей государства, главная из которых, согласно исламу, состоит в обеспечении соблюдения принципов и законов шариата. Как отмечает М.Б. Пиотровский, «в мусульманском обществе средних веков можно наблюдать определенную

⁵⁷ Али-заде А. Ислам и секулярные формы государственной власти [<http://www.islam.ru/pressclub/histori/isekfov/>].

⁵⁸ Марков К.В. Сущность «исламского возрождения» в современном мире и процессы эволюции общественно-политической системы Исламской Республики Иран. В кн: Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2002. С. 116.

⁵⁹ См.: Ал-Маварди, 'Али ибн Мухаммад. Китаб ал-ахкам ас-султаниййа (Регулятивы власти) [<http://www.al-islam.com>].

⁶⁰ Ал-Газали Мухаммад ибн Мухаммад. Ал-Иктисад фи-л-и'тикад (Умеренность в убеждении) [<http://www.alwarraq.com>].

двойственность в соотношении светских и духовных авторитетов. С одной стороны, существует определенный первоначальным исламом принцип неразделенности светского и духовного, принцип, к которому восходят все специфические политические институты исламского общества. А вместе с тем теория признает, а практика показывает реальное обособление двух сфер власти, причем развитие в целом идет именно в этом направлении»⁶¹.

Традиционный взгляд на вопросы государственного устройства, опирающийся на соотношение целей и средств, сохраняется и в современной исламской мысли. При этом учитываются общественно-политические процессы, охватившие мусульманский мир после распада Османского государства, упразднения халифата и установления светских режимов. Видный богослов прошлого столетия 'Абд ар-Рахман ибн Насир ас-Са'ди (ум. 1956) в своем тафсире пишет: «Если мусульмане живут в стране, которой правят неверующие, то им лучше стремиться к созданию республики, которая бы предоставляла отдельным личностям и целым народам права исповедовать религию и благоустраивать мирскую жизнь, нежели покоряться государству, которое мешает людям исповедовать религию и заботиться о мирском благополучии, порабощает людей и лишает их гражданских прав. Безусловно, было бы замечательно, если бы существовало мусульманское государство, которым правили бы мусульмане. Но если такого государства не существует, то лучше отдать предпочтение государству, в котором оберегаются религиозные и мирские права людей»⁶².

Мы процитировали этот отрывок полностью из-за его важности. В нем разъясняется принцип приоритетности целей шариата, среди которых особое место занимает защита и обеспечение прав человека. Мусульманское государство в идеале призвано защищать фундаментальные права и свободы, но если такого государства нет, то построение демократического государства не противоречит целям шариата.

В отличие от западной политической мысли в классическом исламе политическая концепция государства не получила развития. Проблеме политической власти посвящены отдельные сочинения ал-Маварди, ал-Газали, Ибн Таймийи и Ибн Халдуна, однако в них нет систематизированного учения о государстве, его признаках, функциях и институтах. Традиционные представления о государстве эволюционировали параллельно с изменением общественно-политического устройства Халифата. И хотя эпоха пророчества и праведных халифов идеализируется исламской традицией, в классическом исламе нет категорического неприятия других форм правления, отличных от той, которая существовала в раннеисламском обществе, если при этом достигаются основные цели шариата.

Идеология «политического ислама», зародившаяся в середине минувшего столетия в ответ на европейскую колонизацию и упразднение исламского халифата, выбивается из традиционного контекста. Она явилась результатом усвоения мусульманами чужого и выработки собственного революционного опыта. Ее методологические основы отличаются от тех принципов, на которых зиждется мусульманское право, и поэтому в ней зачастую нарушается принцип приоритетности, а цели подменяются средствами. Например, индийский публицист и общественный деятель Абу ал-А'ла ал-Маудуди (ум. 1979) считал главной целью мусульман создание путем политической борьбы мирового государства, которое станет «панацеей от всех их проблем»⁶³. И в этом заключалась принципиальная

⁶¹ *Пиотровский М.Б.* Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама. В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 185.

⁶² 'Абд ар-Рахман ибн Насир Ас-Са'ди. Тайсир ал-Карим ар-Рахман (Облегчение от Великодушного и Милостивого). Бейрут: Муассаса ар-рисала, 1417/1997. С. 345.

⁶³ *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2004. С. 39.

методологическая ошибка его политической доктрины, потому что государство, согласно исламу, является лишь средством достижения высших целей и идеалов религии. Ни в священной традиции, ни в трудах исламских классиков построение шариатского государства не объявляется целью ислама. Нет этого и в трудах современных мыслителей, разрабатывающих концепцию целей шариата — *макасид аш-шари'а*.

Другой идеолог исламизма, один из руководителей египетского движения «Братья-мусульмане» Саййид Кутб (казнен в 1966 г.) выступал за радикальный разрыв с существующим порядком и призывал к борьбе против любой власти, не основанной на законах Аллаха. Он обвинял в неверии общества, в которых законы пишутся людьми вопреки принципу единобожия. Среди тех, кто развил и по-своему истолковал его взгляды, был основатель течения «ат-Такфир ва-л-хиджра» (Обвинение в неверии и переселение) Мустафа Шукри (казнен в 1978 г.), объявивший неверующими всех, кроме членов своей группировки. Радикальные идеи С. Кутба и сторонников *такфира* были подвергнуты резкой критике со стороны авторитетных улемов, в том числе одного из лидеров умеренного крыла «Братьев-мусульман» шейха Йусуфа ал-Кардави⁶⁴.

З а к л ю ч е н и е

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что потенциал традиционных ценностей ислама может быть использован для сохранения духовно-нравственных ценностей и для укрепления национальной идентичности в период модернизационных реформ. По мере обострения противостояния между духовностью и властью инстинкта потребность в исламе как в мировоззренческой системе, нравственно-этическом регуляторе и культурообразующем факторе будет ощущаться сильнее. И от правильности определения центра тяжести между этими двумя опорами — светской ориентированностью реформ и религиозной природой духовных нужд человека и общества — зависят и ход модернизации, и характер религиозности.

Опыт Малайзии, Турции и ряда других мусульманских стран показывает, что исламская традиция не только не препятствует политическому и экономическому развитию страны, но и при ее правильной интерпретации способствует построению открытого общества. Ислам может и должен стать частью национальной идеи Азербайджана, что позволит азербайджанскому народу сохранить самобытность, уберечься от деструктивного воздействия глобальной массовой культуры и выступить в роли интегрирующего звена между Западом и Востоком. Контуры будущего мирового порядка пока не определены, и в борьбе за место в глобальном мире преуспеет тот, кто сумеет спрогнозировать геокультуру развития и опередить других. И если человечество вступит в эпоху «глобального универсализма», которую пророчат социологи, то в наиболее предпочтительном положении окажутся те общества, которые сегодня научились обогащать свои традиции, не теряя при этом своей культурной самобытности.

В Азербайджане разброс ценностей ориентаций населения, особенно молодежи, достаточно велик. Преодоление социальной и идейной разобщенности мы видим в организации публичных дискуссий о сущности осуществляемых руководством страны реформ и значении ценностей для становления и развития нации. На наш взгляд, необходимо провести четкую грань между защитой фундаментальных свобод и правовым нигилизмом, между традиционалистским исламом и исламской традицией. Необходимо со-

⁶⁴ См.: Islamonline.net, 8 августа 2009 [http://islamoon.islamonline.net/servlet/Satellite?c=ArticleA_C&cid=1248187724889&pagename=Islamyoun%2FIYALayout].

хранить те традиционные ценности, которые формируют высоконравственную личность и определяют внутренний мир нации, и реформировать общественное сознание на основе ценностей, укрепляющих гражданское общество и высвобождающих творческую энергию личности.

Модернизация в Азербайджане продолжается. Ее исход неясен, но цели обозначены. И среди них — формирование нации, которая сможет громогласно заявить о себе и отстаивать свои интересы в эпоху глобализации. Вопрос в том, сумеет ли само общество отказаться от различных форм социокультурной мимикрии, осознать национальное «Я» и встать на собственный путь развития.

ГЕОИСТОРИЯ**Эльдар Р. ИСМАИЛОВ**

*Доктор исторических наук,
профессор Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

**СОВЕТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ****Р е з ю м е**

В статье анализируется политика государственного террора в СССР (1937 г.).

Рассматриваются особенности ее применения и последствия в Азербайджане. Отмечается, что в

этот сравнительно небольшой исторический отрезок времени советская тоталитарная система пошла на открытое попрание прав граждан, в том числе в сфере обеспечения их личной безопасности.

В в е д е н и е

Проблема «большого террора» в СССР прочно вошла в тематику советских, а впоследствии и российских исторических, литературных и философских произведений. Однако в Азербайджане так и не была предпринята попытка ее комплексного изучения. Между тем изучение этой темы применительно к конкретным условиям Азербайджана, с учетом реалий советской действительности тех лет, может позволить лучше понять многие современные национальные проблемы, их истоки, а также способствовать устранению многочисленных препятствий на пути исторического прогресса независимого ныне государства Азербайджан. Отсутствие таких исследований порой порождает превратное представление о событиях «большого террора» в Азербайджане, создает иллюзию о сугубо

местном характере произошедшего или служит основанием для выдвижения весьма далеких от истины трактовок событий, роли в них конкретных личностей.

При изучении подходов к этой проблеме бросаются в глаза некоторые особенности. Первая связана с желанием объяснить масштабность репрессий в Азербайджане в значительной степени жестокостью тогдашнего руководителя республики Мир Джафара Багирова. Закрепилось в литературе и другое видение, которое сводится к тому, что буквально все погибшие в ходе массовых репрессий партийные и государственные чиновники представляли собой образцы честных, непоколебимых коммунистов, ставших жертвами наветов и клеветы. Третья точка зрения сводилась к тому, что основными жертвами репрессий стали представители партийной номенклатуры, деятели культуры, военные. Сомнения в правомочности таких оценок и обусловили выбор и направленность настоящего исследования.

Накануне «большого террора»

Начало «большого террора» в СССР обычно датируется днем убийства неким Николаевым 1 декабря 1934 года одного из руководителей Коммунистической партии и Советского государства С.М. Кирова. Это событие послужило поводом для развязывания крупномасштабной репрессивной кампании по всей стране, в том числе в Азербайджане. За год до этого в Азербайджане произошла очередная смена партийного руководства. В декабре 1933 года новым первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана стал кадровый чекист, некоторое время проработавший в аппарате ЦК ВКП(б), Мир Джафар Багиров. Его секретарство совпало с началом развертывания в стране репрессивной кампании. Правда, «большой террор» возник не сразу и отнюдь не в Азербайджане.

11—12 января 1934 года, спустя месяц после избрания Багирова на пост первого секретаря ЦК состоялся XII съезд Компартии Азербайджана. В Отчетном докладе первого секретаря ЦК не ощущалось, что республике и ее партийной организации предстоит пройти через суровые испытания кровавой чистки. В докладе основное внимание было уделено успехам республики за годы Советской власти в развитии экономики, культуры, социальной сфере, а также проблемам партийного строительства и необходимости возрастания роли и уровня партийного, «большевистского» руководства. Одним словом, ставшая в те годы привычной партийная риторика. Говоря о развитии культуры, например, Багиров подчеркнул, что партия добилась заметных успехов в деле формирования новой и перевоспитания старой интеллигенции. В этой связи он подчеркивал: «Мы имеем не только большие достижения в смысле организации новых театров, кино, новых радиоточек, но и в смысле роста кадров, вышедших из нашей среды. Наряду с этим мы имеем громадный перелом в настроении людей, иначе мысливших до последнего времени. Ряд бывших буржуазных тюркских писателей перестраиваются, и не плохо. Возьмем, например, Гусейн Джавида, Мушвига, Джабарлы. Они перестраиваются медленно, туго, но все-таки чувствуется, что человек перестраивается. То же самое и в области театра»¹. Касаясь укрепления единства партии, Багиров заметил, что особой угрозы этому единству не существует. «Были некоторые попытки со стороны жалких остатков троцкистов, которые еще единицами насчитываются в той или иной организации, расшатать наши ряды, были отдельные выступления», — сказал он. И подчеркнул, что эти попытки и выступления будут встречать самый решительный и беспощадный отпор². Никакой особой агрессивности

¹ Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (далее: ГАППОД), ф. 1, оп. 74, д. 17, л. 70—71.

² Там же, л. 95.

доклад не содержал. После съезда Компартии Азербайджана, в феврале 1934 года, прошел XVII съезд ВКП(б) — «съезд победителей». Ритм жизни в обществе в 1934 году не изменился. Напряженность не нарастала и не подогревалась.

Ситуация существенно изменилась после убийства Кирова. Сразу же стал проглядываться постепенный переход к применению решительных санкций ко всем, кто не вызывал политического доверия. Естественно, что в поле зрения сориентированных соответствующим образом органов государственной безопасности должны были попасть все, кто когда-либо был связан с различными оппозиционными группами в самой партии, те, чья социально-классовая принадлежность вызывала у «бдительных» чекистов сомнения. Так, 25 декабря 1934 года политбюро по предложению ЦК Компартии Азербайджана утвердило решение о «высылке из Азербайджана в административном порядке в концлагеря с конфискацией имущества 87 семейств кулаков, злостных антисоветских элементов, в прошлом владельцев крупных капиталистических предприятий, беглых кулаков из других районов Союза»³. Но в первые месяцы после убийства Кирова репрессивная кампания не приобрела еще особо значимых масштабов. Во всяком случае — в Азербайджане. К ответственности, как партийной, так и уголовной, привлекались лишь проявившие крайнюю неосторожность люди. Но шаг за шагом вместе со всей страной Азербайджан приближался к периоду кровавых потрясений.

Время, характеризуемое в литературе как период «большого террора» в СССР, начинается летом 1936 года. Этапным событием стал судебный процесс по делу руководителей троцкистско-зиновьевской оппозиции, состоявшийся в Москве. И все же в Азербайджане сигналом к достижению особого иступления в кампании «всенародного» возмущения послужила статья Л. Берия, опубликованная 21 августа 1936 года во всех центральных газетах Закавказья под названием «Развезать в прах врагов социализма». В этой статье он «обосновал» логическую неизбежность нынешнего грехопадения бывших последователей Троцкого и Зиновьева, скатывания их в болото контрреволюции, измены делу рабочего класса и социализма. Охарактеризовав глубину идейного падения бывших лидеров оппозиции и их сторонников, Берия перешел к конкретным примерам вражеской деятельности бывших оппозиционеров в республиках Закавказья. По его словам выходило, что троцкисты и зиновьевцы располагали и в Грузии, и в Азербайджане, и в Армении большим количеством сторонников, сохранивших хорошо законспирированные организации. Эти организации будто бы вели подрывную работу во всех сферах хозяйственной и культурной жизни, стремясь ослабить мощь страны, подорвать доверие трудящихся к руководящей роли партии, ее руководителям. В своей ненависти к завоеваниям социализма они не брезговали ничем, планируя физическое устранение всех истинных коммунистов и прежде всего лидеров большевиков во главе со Сталиным.

Берия четко дал понять, что объектом гонений должны стать все, кто когда-либо принадлежал к сторонникам Троцкого или Зиновьева, другим оппозиционным течениям в большевистской партии. И в этой связи становилось ясно, что Берия располагает фактами, «любезно» и своевременно предоставленными чекистами, для обоснования несправивности бывших оппозиционеров. «В Баку разоблачена контрреволюционная троцкистская террористическая группа Багдасарова, Крылова, Кульчина, Коневского, О. Байрамова, Бабаева и других», — торжественно возвещал Берия. «Как установлено, — продолжал он, — возвратившиеся в Баку из ссылки троцкисты не только не прекратили своей контрреволюционной работы, но, наоборот, добившись восстановления в партии, одновременно создали в Баку контрреволюционные диверсионные группы...». Четко прослеживалась мысль, что восстановление в партии бывших троцкистов и других оппозицио-

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ), ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 95.

неров было неоправданно. Они по-прежнему враждебны по отношению к созданному великим Сталиным строю.

Итак, четко была обозначена первая категория лиц, которым выражалось политическое недоверие. Но была обозначена и вторая группа врагов. Ее составили представители враждебных большевикам в прошлом партий. Потеряв надежду собственными силами взять реванш за поражение в гражданской войне, они неизбежно, как говорилось, должны объединиться с оппозиционерами внутри партии большевиков. Именно так выглядела логика бериевского мышления. «Контрреволюционеры троцкисты-зиновьевцы не только сошлись в своих целях и средствах борьбы с вышвырнутыми из республик Закавказья меньшевиками, дашнаками, мусаватистами, белогвардейцами и их подпольной агентурой, но они являлись их организующей силой, возглавляя их борьбу против побед социализма в республиках Закавказья», — писал Берия.

Масштабы решающего этапа репрессий

Как бы то ни было, осенью 1936 года по Азербайджану прокатилась первая мощная волна арестов, коснувшаяся прежде всего бывших оппозиционеров внутри партии большевиков, всех подозреваемых в нелояльности к сталинскому руководству, бывших членов небольшевистских партий. Началось выявление «повстанческих» групп среди крестьянства. Аресты были проведены, например, в селах Алибайрамлинского района. К началу 1937 года была привлечена к уголовной ответственности (с политическими обвинениями) большая группа руководящих партийных и советских работников. Среди них выделялась фигура бывшего секретаря ЦК Компартии Азербайджана и Закрайкома ВКП(б) Рухуллы Ахундова.

Если февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) официально санкционировал старт тотальных репрессий в СССР, то в Азербайджане эту функцию выполнил VI Мартовский (1937 г.) пленум ЦК Компартии республики. На пленуме был отменен какой-либо иммунитет на репрессии по отношению к номенклатурным работникам. За этим последовали массовые исключения из партии и аресты партийных, советских и хозяйственных руководителей.

В июне 1937 года начался новый этап репрессивной кампании в СССР. Численность арестованных была столь велика, что становилось очевидным: судебная и даже существовавшая внесудебная система в ближайшее время оперативно справиться с таким потоком представляемых дел будет не в состоянии. Видимо, об этом сталинское руководство информировали партийные работники и руководители органов государственной безопасности. На собравшемся в конце июня 1937 года пленуме ЦК ВКП(б) стало очевидным, что Сталин не намерен замедлять темпы репрессий, более того, убежден в необходимости их расширения. Именно этим можно объяснить то, что после пленума последовали решения, придавшие новый импульс репрессиям. Эти решения были связаны с созданием так называемых «троек» и утверждением количественных показателей для лиц, подлежащих репрессиям.

«Тройки» учреждались в союзных и автономных республиках, краях и областях. В их состав входили, как правило, руководитель местного ведомства внутренних дел, представитель прокуратуры или суда и представитель местной партийной организации. Для каждой «тройки» утверждалось количество людей, подлежащих в течение ближайших четырех месяцев расстрелу, длительному сроку лишения свободы, высылке. 10 июля 1937 года последовало постановление политбюро ЦК ВКП(б), касавшееся Дальнего Востока, Азербайджана и Северо-Казахстанской области. В разделе об Азербайджане было сказа-

но: «Утвердить тройку... по Азербайджанской ССР в составе т.т. Сумбатова, Теймура Кулиева и Джангира Ахундзаде. Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 500 чел., уголовников 500 чел., и высылке кулаков 1 300 чел., уголовников 1 700 чел. Разрешить рассмотрение в тройке дел контрреволюционных повстанческих организаций с применением расстрела к 500 чел., высылки к 750 чел. и выселению в лагеря НКВД 150 семейств бандгрупп»⁴. И так, было принято решение о расстреле 1 500 чел., заключению в лагерях 3 750 чел., и выселении 150 семейств.

Таким образом, одновременно с уже действующим внесудебным органом — Особым совещанием при НКВД СССР стали активно использоваться «тройки» и выездные сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. «Тройки» и заседания выездных сессий были наделены приблизительно одинаковыми полномочиями. Они имели право рассматривать дела по спискам, представляемым органами госбезопасности, проводить заседания без вызова свидетелей и обвиняемых, без привлечения представителей прокуратуры и адвокатуры, выносить приговоры, включая высшую меру наказания.

«Производительность» вынесения приговоров резко возросла. Но разница между всеми эти органами «правосудия» все же сохранялась. Особое совещание было лишь органом, действовавшим при НКВД СССР. Выездные сессии проводились лишь судьями военной коллегии Верховного Суда СССР, командировавшимися на места. Проводимые ими сессии не могли быть частыми, хотя продолжались порой относительно долго. Особые совещания и выездные сессии не могли охватить приговорами тот огромный поток обвиняемых, который рекрутировала репрессивная машина. Лишь изобретение «тройки» смогло поставить приговорный процесс на конвейерную основу. На основании постановлений политбюро о создании «троек» и утверждения конкретных показателей репрессий 30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Николай Ежов издал приказ. В его вводной части обосновывается необходимость широкомасштабной операции по репрессированию «элементов», которые «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». Семьи приговоренных должны были быть отправлены в лагеря. Члены семей лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе и крупных городах, в том числе в Баку, но не ставшие соучастниками политических преступлений, подлежали высылке из мест проживания в другие районы и города страны⁵. Приказ детально регламентировал весь порядок проведения операции, ведения следствия и приведения приговоров в исполнение. Столь детально, что не оставлял сомнений в его страшной циничности и жестокости. «Тройки», по существу, должны были обеспечить валовые показатели репрессий.

С созданием «троек» и расширением рамок деятельности выездной коллегии кровавая вакханалия достигает своего апогея. Начался самый зловещий период «большого террора». Он продолжился до осени 1938 года. Безусловно, репрессивная машина косила номенклатурных работников, невзирая на лица и национальную принадлежность. Только в 1937 году в Азербайджане были арестованы 22 наркома, 49 секретарей райкомов, 29 председателей райисполкомов, 57 директоров заводов и промыслов, 95 инженеров, 110 военнослужащих, 207 советских и профсоюзных работников, 8 профессоров⁶. Почти все они были уничтожены. В результате только «тройкой» за политические преступления в 1937 году были приговорены к расстрелу 2 792 чел., а к длительным срокам лишения свободы — 4 425 чел.

⁴ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938 гг. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», Издательство Йельского университета, Издательство «Материк», 2004. С. 241.

⁵ См.: Там же. С. 273—281.

⁶ См.: ГАППОД, ф. 1, оп. 331, д. 23, л. 3.

Хотя в следующем году репрессивная машина замедлила движение, она и до ноября 1938 года сумела «намотать» достаточно. Еще 31 января 1938 года политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «Об антисоветских элементах». Согласно этому решению были утверждены дополнительные «квоты» лиц, подлежащих репрессиям. По Азербайджанской ССР подлежали осуждению к высшей мере наказания 2 000 чел. За весь же 1938 год были рассмотрены дела не менее чем 10 000 чел. Только «тройкой» были рассмотрены дела в отношении 7 241 чел. 5 061 чел. обвинялись в политических преступлениях и 2 180 — в уголовных. Лишь за антисоветскую агитацию были осуждены на расстрел 1 108 чел.⁷ Осуждали за умысел на террор, за шпионаж, за вредительство. А были ведь еще и осужденные выездными сессиями Военной коллегии, военными трибуналами, осужденные обычными судебными заседаниями.

Но была и большая группа арестованных, которых не успели осудить «тройки», выездные коллегии и судьба которых решалась уже позже, в 1939, 1940 годах Особым совещанием НКВД СССР. Их тоже в большинстве случаев осудили. Правда, как правило, не к расстрелу. Но, если судьба была милостива к обвиняемым, их, вне зависимости от устанавливаемого срока пребывания под стражей, ждало, по сути, бессрочное пребывание в заключении. Отбыв положенный срок наказания в лагере, они по старым обвинениям вынуждены были оставаться заключенными. Многие из осужденных так и не дожили до нового, реабилитационного периода.

Арестованные и приговоренные к отбыванию наказания в лагерях в 1937—1939 годах, дожившие до реабилитации, последовавшей в 1954—1956 годах, пробыли там 16—19 лет. Не так давно московское общество «Мемориал» опубликовало так называемые Сталинские списки. Это списки, которые содержали имена людей, предлагаемых к осуждению, преимущественно к расстрелу. Сталин и ряд других членов высшего руководства страны выносили окончательный вердикт. В списки эти, как правило, вносились лица, принадлежащие к номенклатуре. Иными словами, согласие на расправу требовалось лишь для руководящих партийных и советских работников, наркомов, лиц, занимающих высокие посты в сферах управления хозяйственной и идеологической жизнью общества.

Сохранились такие списки руководящих работников из Азербайджанской ССР. В них числятся 870 чел. Но лишь около 340 чел. из них являлись этническими азербайджанцами⁸. И это соответствовало национальному составу тогдашней номенклатуры. В большей части ее отраслевых групп азербайджанцы составляли тогда меньшинство. Особенно невелика была доля местных кадров в составе инженерно-технических работников, в управленческих аппаратах промышленных и строительных организаций, среди экономистов, служащих среднего звена и даже среди медицинских работников.

Но основной удар был нанесен по рядовым гражданам. Больше всех пострадали представители крестьянства. План по репрессиям легче всего было выполнять в их среде. А поскольку самым «крестьянским народом» в Азербайджане были азербайджанцы, то и план можно было выполнить преимущественно за их счет. Что и было сделано.

Каждому районному управлению НКВД был спущен план репрессий по первой (расстрел) и второй категориям, а те, в свою очередь, делали разверстку по селам. Но можно ли считать жертвами большого террора лишь тех, кого арестовывали и осуждали? Нет конечно. Рамки репрессий были значительно шире. Они охватили и ту часть жителей пограничной зоны от Астары до Джульфы, которые были отнесены к «сомнительным элементам» и выселены в Казахстан. К жертвам «большого террора» правомерно отнести и жен «врагов народа», которые выселялись в отдаленные, преимущественно северные районы и Среднюю Азию без какого-либо судебного решения. Даже в тех случаях, когда брак распался задолго до этого. Так, например, произошло с бывшей женой Султана

⁷ См.: Там же, оп. 331, д. 23, л. 4.

⁸ [<http://stalin/memo.ru/spiski/pg01005.htm>].

Султанова — брата известного деятеля Азербайджанской Демократической Республики Хосрова бека Султанова. Брак был расторгнут еще в 1922 году. Но бывшую жену все равно выслали в Казахстан.

9 апреля 1938 года была арестована, а вслед за этим приговорена к заключению в лагеря жена бывшего председателя АСПС (Азербайджанский совет профессиональных союзов) Зулгаджи Амирасланова. Ее история может быть отнесена к категории великих страданий женщин периода «большого террора». Сразу после ареста мужа ее вместе с детьми выселили из квартиры. Малограмотную женщину, мать троих детей арестовали, не посчитавшись с тем, что она была беременна. Четвертый ее ребенок родился уже в лагере⁹. 9 апреля была осуждена жена бывшего секретаря одного из райкомов партии Асада Караева — Ситара Караева, которая погибла в лагере. Одну из дочерей Караева исключили из партии, несовершеннолетних детей выселили из квартиры¹⁰.

К жертвам «большого террора» вполне можно отнести и детей репрессированных родителей. Как правило, дети репрессированных должностных работников определялись в детские дома. На многие годы они были обречены жить в лишениях, числиться «детьми врагов народа» и потому испытывать ограничения в вопросах получения образования и трудоустройства, налаживания личной жизни. Как, впрочем, и дети репрессированных простых людей. Графа в анкетах о родителях превращала большую группу людей в изгоев советского общества.

Жертвами репрессивной политики становились порой близкие, а иногда и дальние родственники «врагов народа». Те из них, которые до 1953 года умудрились попасть в ряды служащих советских и правоохранительных органов, при регулярно проводимой проверке наличия родственных связей с «врагами народа» в большинстве случаев увольнялись со службы и, как правило, с партийными взысканиями. Так что, в общем, приводимые рядом авторов, в том числе и мной, цифры о количестве жертв массовых репрессий в Азербайджане в 1937—1938 годах в 80—100 тыс. чел. близки к истине.

Известно, что с середины 1936 года до середины 1938 года было арестовано по политическим мотивам 13 356 лиц азербайджанской национальности. Если сравнивать с репрессиями по отношению к представителям других национальных групп, это ни в абсолютных цифрах, ни по отношению к общей численности представителей данной национальности не выглядит как антиазербайджанская акция. Так, армян было арестовано 16 988 чел., а земляков «великого» Сталина — грузин — 16 488 чел. Но в указанный период было арестовано почти 15 тыс. чел., зарегистрированных в учетных ведомостях НКВД как «иранцы»¹¹. Нетрудно догадаться, что речь опять-таки шла, в основном, об азербайджанцах. Следовательно, мы вправе сделать вывод, что репрессии по отношению к азербайджанцам носили более суровый характер, чем ко многим другим национальным группам.

Как ни странно, отчасти это можно связать с тем, что «вождь народов» — Сталин почитал себя великим знатоком Баку и Азербайджана. Он, как правило, не возражал против казни старых своих знакомых по Азербайджану. О том, что Азербайджан постоянно находился в поле зрения Сталина, свидетельствуют депеши, в которых он высказывает свои суждения. А сколько было высказано им суждений о тех или иных людях в устной форме — об этом можно только догадываться.

Не повезло Азербайджану в том, что Сталин очень неплохо знал местных работников, как до революции, так и после нее. В октябре 1937 года на очередном пленуме ЦК Компартии Азербайджана Багиров признался, что в последнее время получил два послания от Сталина. В первом его обязывали выехать в Нахчыван и совместно с членом по-

⁹ См.: ГАППОД, ф. 1, оп. 43, д. 275, л. 50—51.

¹⁰ См.: Там же, д. 278, л. 144.

¹¹ См.: Данилов В.П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории, 2004, № 2. С. 174.

литбюро А. Микояном и народным комиссаром иностранных дел СССР М. Литвиновым принять меры по укреплению границы в этом регионе. Из слов Багирова выходило, что это указание Сталина было выполнено. Другое письмо касалось судьбы секретаря Нахчыванского областного комитета КП Азербайджана Г. Рахманова, на которого был собран политический компромат. В этой связи, видимо, Багиров и обратился к Сталину с предложением освободить первого секретаря обкома от занимаемой должности и утверждением о невозможности оставить в качестве председателя правительства республики его брата У. Рахманова. Ответ Сталина был категоричным и недвусмысленным. «ЦК ВКП(б) санкционирует арест Усейна Рахманова и Гасана Рахманова. Просим Вас тщательно очистить Нахичеванскую республику, загаженную Гасаном Рахмановым, от всякой нечисти. Имейте в виду, что Нахреспублика является наиболее опасным пунктом во всем Закавказье. Нужно поставить там настоящее большевистское проверенное руководство»¹².

Направляющая роль Сталина на продолжение репрессий в Азербайджане не ослабевала весь рассматриваемый период. 17 января 1938 года Сталин писал Ежову о необходимости усилить преследование бывших эсеров. «Сообщаю для ориентировки, что в свое время эсеры были очень сильны в Саратове, в Тамбове, на Украине, в армии (комсостав), в Ташкенте и вообще в Средней Азии, на бакинских электростанциях, где они и теперь сидят и вредят нефтепромышленности». В этой же записке неожиданно можно встретить и следующий запрос, который можно рассматривать и как требование: «Что сделано по выявлению и аресту всех иранцев в Баку и в Азербайджане?»¹³.

Естественно, что сразу последовала реакция на сталинские указания. Были произведены массовые аресты на бакинских электростанциях. Особенно больших масштабов они достигли на электростанции «Красная Звезда». Приняты были меры и по отношению к иранцам. 19 января 1938 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление. В нем говорилось: «Предложить ЦК КП(б) и СНК Азербайджана немедленно поставить в известность всех граждан пограничных с Ираном районов об оформлении советского гражданства в течение 10 дней в том случае, если эти граждане считают себя подданными Ирана. Всех тех граждан иранцев, которые оформят советское подданство, переселить в месячный срок в Казахстан, по примеру переселения курдов из Нахичеванской республики. Все те граждане, которые откажутся от перехода в советское подданство и пожелают остаться подданными Ирана, подлежат немедленному выселению в Иран и в случае отказа — аресту»¹⁴.

Приведенное выше постановление поражает не столько своей жестокостью, сколько абсолютным отсутствием логики и смысла. Нелогичность выражена в требовании принять советское гражданство с последующим немедленным выселением в Казахстан. Зачем людям было принимать гражданство, если за ним следовало немедленное выселение. Бессмысленность постановления состояла в том, что, выражая недоверие выходцам из Ирана, советское руководство настаивало тем не менее на принятии ими советского гражданства. Касаясь эсеров, руководитель партии и лидер страны явно исходил из прежних представлений о влиянии эсеров дореволюционного периода и периода Гражданской войны.

Часто в литературе советского периода все репрессии в Азербайджане напрямую увязывались с творимым М.Д. Багировым произволом. Мол, что хотел, то и делал, кого хотел, казнил, кого хотел, миловал. С этим можно согласиться лишь отчасти. Да, Багиров был подозрителен, впрочем, как и многие другие партийные функционеры того весьма смутного времени. Да, он был капризен, правда лишь в рамках тех наместнических полномочий, которые ему делегировал Сталин. Но мы не вправе вваливать на его плечи весь груз ответственности за злоупотребления и преступления тех лет. Именно так пы-

¹² Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 380.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 464.

тались изобразить дело московские режиссеры процесса десталинизации в Азербайджане. И при Хрущеве, и при Горбачеве Москву это устраивало. Мол, сами натворили, сами на своего руководителя и обижайтесь. Кстати, и судебный процесс по делу Багирова, и его расстрел были связаны, отчасти, с такой постановкой вопроса. Хотя вина Центра, инициировавшего все безобразия того времени, вряд ли у любого здравомыслящего человека могла вызывать сомнения. Но в любом случае следует признать, что Багиров воспользовался возможностями, предоставляемыми ему условиями массовой «облавы», для сведения личных счетов с теми, кто когда-либо перешел ему дорогу. Быть может, если бы Сталин не затеял кампании борьбы с врагами, то и Багиров не проявил бы рвения. Но, поскольку кампания началась, то Багиров готов был принять участие в ней, причем с вдохновением.

Пытки — узаконенный метод «большого террора»

Неожиданно для многих в сентябре 1938 года были внесены серьезные коррективы в проведение кампании массовых репрессий в стране. Пожалуй, начало этому было положено в августе, когда первым заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Берия. Видимо, Сталин пришел к выводу, что настала пора ограничить масштабы репрессий. А уже 15 сентября по инициативе Берии принимается очень важное постановление, касающееся работы «троек». Все дела о контрреволюционных преступлениях, возбужденные до 1 августа 1938 года, подлежали окончательному рассмотрению в «тройках». «Тройки» должны были завершить свою деятельность к середине ноября¹⁵. 24 ноября 1938 года Николай Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел СССР. Сообщалось о назначении на должность наркома внутренних дел Берии¹⁶.

Специальное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) создавало условия для упорядочения действий судебно-следственной системы в стране. Особое значение имела отмена «троек». Тем самым резко сокращались возможности внесудебного рассмотрения дел. Ноябрь 1938 года без всяких натяжек можно считать концом «большого террора» в СССР, в том числе в Азербайджане.

«Большой террор» объяснить можно, оправдать трудно, практически невозможно. Феномен этот был обусловлен задачей вселить страх перед системой в души людей, продемонстрировать бессилие человека перед всемогуществом государственного монстра. Массовым испугом желали пресечь не то чтобы протест, обычное роптание. И применяли при этом сугубо криминальный метод доказательства своей бесцеремонности.

Пытки были фактически узаконены. В одной из телеграмм местным партийным организациям, подписанной Сталиным, говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»¹⁷. Как говорится, установка не в бровь, а в глаз: арестованному надо признаться, что он враг. А если он не признается — заставить любым путем. И заставляли. И об этом сохранились многочисленные свидетельства.

¹⁵ См.: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 549—550.

¹⁶ См.: Там же. С. 611—612.

¹⁷ Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М.: Версты, 1995. С. 196.

Методы, применяемые к арестованным, достаточно подробно в середине 1950-х годов описал бывший сотрудник НКВД Федор Горяев. По его словам, «в результате жестокого обращения и беспощадных репрессий заключенные, не выдержав пыток, подписывали составленные следователями протоколы, «признавались», что являются участниками контрреволюционных организаций. Многие из них, вынужденные признавать себя виновными, называли имена еще 40—50, якобы являвшихся членами антисоветских организаций». Далее Горяев поведал об издевательствах, которыми подверглись бывшие партийные работники Лазарев и Миркадырова. В ходе следствия, повествовал он, Лазарева избивали Кудин и Григорян, а Миркадырову — Кудин и Желтенкова. Лазарев подвергся таким изощренным издевательствам, после которых его было невозможно перевести в камеру, несколько дней его держали в комнате следователя. В результате Лазарев дал признательные показания, после чего Кудин самодовольно рассказывал всем, что сумел заставить Лазарева дать показания против руководителей пароходства «Каспар». В отличие от Лазарева Миркадырова выдержала все пытки¹⁸. Желтенкова же подробно описала избиение Кудиным Миркадыровой. Кудин бил несчастную женщину резиновой дубинкой по голому телу. Миркадырова кричала и плакала. Затем она потеряла сознание¹⁹.

В 1954 году бывший сотрудник НКВД Азербайджана С. Зыков говорил: «Я был свидетелем избиения помощником Григоряна следователем Шером бывшего наркома просвещения Джуварлинского. Я рассказал об этом Григоряну, который в ответ лишь улыбнулся». Другой бывший сотрудник того же наркомата И. Кротков сообщал: «Однажды по распоряжению следователя Шера Джуварлинского взяли в «круг» 5—6 следователей и стали избивать резиновыми дубинками и мокрыми половыми тряпками. Джуварлинский упал, но его подняли и вновь стали бить ногами и кулаками. Потом это делалось ради развлечения. Под воздействием пыток Джуварлинский сдал, в полусознательном состоянии стал подписывать все предложенные ему документы»²⁰.

Один из бывших сотрудников НКВД описывал эпизод процесса подготовки следственных дел к передаче на рассмотрение судебных или внесудебных органов. В конце 1937 года назначенный начальником отдела Х. Григорян поставил перед следователями задачу довести дела до такого состояния, когда наркому нетрудно будет предложить вынести приговор по первой категории, то есть приговорить к расстрелу. В таких условиях вопросы о виновности или невиновности подсудимых совершенно утрачивали смысл. Обвиняемый должен был признать свою вину, и неважно было, каким путем следователь добьется этого. Естественно, при отсутствии вины обвиняемого добиться признания можно было лишь путем применения к нему методов физического и морального воздействия. После этого вопрос о том, по какой категории — первой или второй — будет вынесен приговор, по существу, решался в кабинетах НКВД, конкретно наркомом Сумбатовым, а впоследствии Раевым, Борщевым, Григоряном и некоторыми другими²¹.

А вот о чем свидетельствовал следователь Ага Рагим Алиев еще в 1939 году: «Работая в Баилловской тюрьме совместно с Гарушяном и Максимовым, я присутствовал и сам участвовал в избиениях арестованных ираноподданных. Так, в производстве у Гарушяна было следственное дело на Юсуфа Генджали оглы по обвинению в шпионаже. Гарушян и я принимали участие в избиении его. Участвуя в работе следственной группы, я заметил, что около 50—60 арестованных дали трафаретные показания о своей вербовке разведорганами Ирана. Я говорил об этом своему начальнику Перельману, но последний заявил, что все ираноподданные шпионы». Тогда же был допрошен Перельман, который заявил:

¹⁸ См.: Суд над Мир Джафаром Багировым. Архивные материалы. Баку: Yazıcı, 1993. С. 102—103 (на азерб. яз.).

¹⁹ См.: Там же. С. 102—103.

²⁰ Бульятов З. Красный террор. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1993. С. 159—160 (на азерб. яз.).

²¹ См.: Там же. С. 104—105.

«Вследствие сильного избиения Юсуфа Генджали оглы, последний умер». Тогда, по словам Перельмана, решили составить акт, в котором смерть должна была быть представлена как результат возрастных причин. При этом работник НКВД сказал: «Вон Хентов забил до смерти одного арестованного прямо в кабинете, и ему за это ничего не было»²². И действительно, следователи Хентов и Пивоваров убили на допросе некоего Ковальского. А врач через несколько дней составил фиктивный акт о том, что Ковальский умер от разрыва сердца²³.

Павел Хентов через много лет дал весьма любопытные показания. Он поведал, например, что бывший председатель Совнаркома Азербайджана Д. Буниатзаде признался в участии в контрреволюционной организации после сильных избиений. Он также сообщил, что арестованных избивали нарком Раев, следователь Гвоздев, кстати «отличавшийся большой физической силой». В избиениях арестованных, добавлял Хентов, своей жестокостью особо выделялись Борисов-Павлов, Цинман, Хорен Григорян и другие²⁴.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

Таким образом, становится очевидным, как фабриковались признательные показания. Тот, кто подстегивал исполнителей, не мог не осознавать, что уровень профессиональной их подготовки неизбежно приведет к вакханалии беззакония. Речь шла о решении задачи политической, причем в кратчайшие сроки. Действиями исполнителей управляла чиновничья психология, выраженная в сугубо традиционной манере бездумного выполнения поставленной начальством задачи. И в данном случае не срабатывал даже инстинкт самосохранения. Уничтожая, унижая людей, издеваясь над человеческим достоинством, чиновники, сами того не осознавая, создавали угрозу для себя. Но вся надежда была на то, что в аналогичное положение попадут не они, а кто-то другой. И чтобы не попасть самим, они демонстрировали свое рвение. Не у всех это получалось. И все же кто-то сумел проскочить мимо разжигаемого общими усилиями костра. Правда, спустя много лет многим из них напомнили их грехи. Но тот, кто начал разбор авгиевых конюшен того времени, был потрясен уровнем следственной работы и убогим политическим кругозором работников карательного аппарата.

В 1955 году прокурор Азербайджанской ССР А.С. Бабаев в докладной первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана И.Д. Мустафаеву так представлял свое впечатление от анализа следственных дел времени «большого террора». Создалось впечатление, писал он, что «все слои населения Азербайджана были охвачены контрреволюционной деятельностью и являлись членами самых разнообразных контрреволюционных организаций. Старые партийцы-подпольщики объявлялись врагами Советской власти, руководящие партийные и советские работники буквально на ходу вербовали друг друга в различные контрреволюционные организации, армяне становились мусаватистами, русские рабочие боролись за установление буржуазно-националистической власти в Азербайджане, а дряхлые профессора зачислялись в боевики террористических формирований».

Опытный и знающий профессионал-юрист, каким являлся Бабаев, был обескуражен содержанием следственных дел, по результатам которых выносились самые суровые приговоры. Причину этого он усмотрел в политической и культурной отсталости, «которая приводила к тому, что арестованным предъявлялись самые нелепые обвинения, как, например, вредительство путем выпуска недоброкачественной бумаги-мухомора, вредительская поломка колеса арбы, отторжение Азербайджана от ЗСФСР и превращение в

²² ГАППОД, ф. 1, оп. 41, д. 65, л. 102—108.

²³ См.: Там же, оп. 331, д. 23, л. 53.

²⁴ Суд над Мир Джафаром Багировым. С. 63—64.

союзную республику и, наконец, отделение Азербайджанского государственного университета от государства»²⁵.

Бабаев подчеркивал «политическую и культурную» отсталость работников НКВД в те годы. Решающее значение власть придавала не профессиональной подготовке исполнителей, а исполнительской дисциплине. Ценилось не качество проведенной работы, не деловые качества работников, не способность получать обоснованные доказательства, а умение получать признательные, преимущественно ложные показания от арестованных. Но добиться исковой стратегической цели — навсегда закрепить в сознании людей мысль о совершенстве созданной социалистической модели — не удалось. И потому нет никаких оснований считать использованный метод государственного терроризма хоть в какой-то мере оправдавшим себя. Зато следует признать, что духовному и нравственному потенциалу советских народов, и в их числе азербайджанскому народу, был нанесен колоссальный ущерб, менталитет нации вследствие тотального воздействия страха был в определенной степени деформирован.

²⁵ ГАППОД, ф. 1, оп. 41, д. 100, л. 2—3.

Мариам ЛОРДКИПАНИДЗЕ

*Доктор исторических наук,
профессор Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили,
академик Национальной академии наук Грузии
(Тбилиси, Грузия).*

Георгий ОТХМЕЗУРИ

*Доктор исторических наук,
профессор Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили
(Тбилиси, Грузия).*

СТАТУС АБХАЗИИ В СОСТАВЕ ГРУЗИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Резюме

В статье рассматриваются вопросы статуса Абхазии в составе Грузии и становления абхазского этноса, который в XV—XVII веках пе-

реселился с Северного Кавказа на территорию Западной Грузии (в Абхазию); сам народ называет себя «апсуа», а грузины именуют его «абхазами».

В в е д е н и е

История так называемого «грузино-абхазского конфликта» уходит корнями в далекое прошлое. В XVI—XVIII веках Османская империя с целью утверждения своего господства пыталась распространить в Западной Грузии (в частности, в Абхазии) ислам и разжечь вражду между христианами и мусульманами, то есть грузинами и абхазами (*апсуа*). В начале XIX века, после аннексии Грузии, той же политики придерживалась и царская Россия.

Опираясь на исторические источники и научные исследования, мы постараемся дать ответ на некоторые вопросы истории Абхазии и абхазов (*Апсны и апсуа*).

Абхазия с древнейших времен до аннексии Грузии Россией

Археологические материалы, найденные при раскопках на черноморском побережье Грузии и относящиеся к III—II тыс. до н.э., дают основание предполагать, что с указанного времени и до античной эпохи Западное Закавказье было населено в основном картвельским (грузинским) этносом; исторические источники указывают на наличие здесь единой колхидской (западногрузинской) культуры, внутри которой выделяются отдельные регионально-локальные варианты¹.

Во II—I тыс. до н.э. картвельский этнический элемент был широко распространен как в горной, так и низинной части Западной Грузии, о чем свидетельствует наличие грузинских топонимов, гидронимов и распространение грузинских фамилий с древнейшего времени².

Эти выводы находят подтверждение в греческих мифах о путешествии аргонавтов в Колхиду и основываются на лингвистических исследованиях, доказывающих существование здесь во II тыс. до н.э., то есть в эпоху древнейших греко-колхских контактов, картвельского языка³.

Кроме того, греческие письменные источники (Гекатей Милетский, VI в. до н.э.; Геродот, V в. до н.э.; Скилак Кариандский, IV в. до н.э.; Страбон, прибл. 64/63 гг. до н.э. — 24/23 г.н.э. и др.) свидетельствуют, что в это время царство Колхида охватывало всю низинную часть Западной Грузии.

При этом территория до Диоскурии (Сухуми) была в основном заселена колхами, а при анализе этнического состава населения северной части страны упоминаются и представители северокавказских этносов (например, керкеты, которых считают черкесами).

Для изучения этнической карты Западной Грузии важное значение имеет тот факт, что авторы II века Флавий Арриан и Клавдий Птолемей упоминают в своих трудах пункт

¹ См.: *Джаспаридзе О.* Западногрузинская культура. В кн.: *Очерки истории Грузии*. Т. I. Тбилиси, 1988. С. 119—140; *Он же.* К этнокультурной ситуации северо-западного Закавказья в эпоху камня и раннего железа. В кн.: *Разыскания по истории Абхазии / Грузия*. Тбилиси, 1999. С. 7—25 (резюме на англ. яз.); *Барамидзе М., Пхакадзе Г.* Археологические разыскания доантичного периода на территории современной Абхазии. Эпоха древней бронзы — раннего железа (XVI—VII вв. до н.э.). В кн.: *Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейшего времени до сегодняшнего дня*. Тбилиси, 2007. С. 21 (на груз. яз.).

² См.: *Меликишвили Г.* К вопросу об этнической принадлежности населения древней Грузии. В кн.: *Очерки истории Грузии*. Т. I. С. 182—183; *Гванцеладзе Т.* Лингвистические основы этнической истории Абхазии. В кн.: *Очерки из истории Грузии. Абхазия...* С. 178—196.

³ См.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 907—909.

Лазика, находившийся около Никопсии (Туапсе), который Арриан именуется «Древней Лазикой», что является неоспоримым доказательством наличия здесь издревле лазского, то есть колхского (грузинского) населения⁴.

На основании данных источников совершенно очевидно, что в VI—I веках до н.э. территория современной Абхазии полностью входила в пределы Колхидского царства; при этом с Аспароса (недалеко от Батуми) до Диоскурии (Сухуми) проживали собственно колхи. Севернее колхов, в горах, проживали также картвельские племена сванов⁵.

С I—II веков в античных письменных источниках на территории Абхазии упоминаются апсилы и абазги⁶.

«Апсилия» античных авторов соответствует «Абшилети» грузинских письменных источников; с середины VIII века она там уже не упоминается, так как часть ее была ассимилирована абазгами, а большая часть — лазами⁷.

После ослабления и распада Колхидского царства (I в.) на черноморском побережье Грузии образовались зависимые от Рима этноадминистративные единицы — Лазика, Апсилия, Абазгия и Санигия⁸.

С III века начинается усиление Лазики, а в IV веке на территории Западной Грузии образовалось Лазское (Эгрисское) царство⁹. Лазика в греческих письменных источниках являлась непосредственной преемницей Колхиды. Например, Прокопий Кесарийский пишет: «Колхида», которая отныне именуется «Лазикой»¹⁰.

В VI веке Лазское царство ослабло в результате ирано-византийских войн, и Византия установила свою власть над Абазгией; ее правители назначались имперской администрацией, одновременно являясь подданными царя Лазики.

Абазгия подчинила себе соседние этноадминистративные единицы, расширив территорию до р. Галидзга. В середине VIII века произошло объединение Абхазии и Эгриси (Лазики) и границы Абазгии (Абхазети) охватили уже всю Западную Грузию; правитель государства, являвшийся вассалом Византии, именуется *мтаваром* (князем)¹¹.

По сведениям грузинских письменных источников, последний представитель картлийского царствующего дома, бездетный Арчил, выдал замуж за абхаза Леона I свою племянницу (дочь скончавшегося царя Мира) и передал ему корону Эгриси (царя Лазики)¹². Это обстоятельство дает основание считать, что объединение Эгриси и Абхазии, то

⁴ По данному вопросу существует обширная научная литература, в том числе: *Ингорквва П.* Георгий Мерчуле. Тбилиси, 1954. С. 130—146 (на груз. яз.); *Инадзе М.П.* К вопросу об этническом составе населения Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // *Вестник отделения общественных наук АН ГССР*, 1960. Вып. 2. С. 145—162 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); *Меликишвили Г.А.* Колхида в VI—IV вв. до н.э. В кн.: *Очерки истории Грузии*, Т. I. С. 223; *Анчабадзе З.В.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 27; *Мухелишвили Д.Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Т. I. Тбилиси, 1977. С. 46 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989 (см. также: Разыскания по истории Абхазии / Грузия; Очерки из истории Грузии. Абхазия...).

⁵ См.: *Меликишвили Г.А.* Указ. соч. С. 283; *Инадзе М.П.* Указ. соч. С. 151.

⁶ См.: *Плиний.* *Натуральная история* VI, SC, II. С. 178, 179; *Флавий Арриан.* *Периплус*, SC, I. С. 222; *Инадзе М.П.* Указ. соч. С. 156.

⁷ См.: *Мухелишвили Д.Л.* *Историческая география Грузии IV—X вв.* В кн.: *Очерки истории Грузии*. Т. II. Тб., 1989. С. 383—386; *Лордкипанидзе М.* *Абхазы и Абхазия*. Тб., 1990. С. 42 (на груз., русск. и англ. яз.).

⁸ См.: *Флавий Арриан.* *Путешествие вокруг Черного моря*. Грузинский перевод, исследование, комментарий и кар. Н. Кечагмадзе. Тбилиси, 1961. С. 42—43.

⁹ См.: *Ломоури Н.* *Эгрисское царство*. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

¹⁰ См.: *Георгика.* *Сведения греческих историков о Грузии*. Греческий текст и грузинский пер. С. Каухчишвили. Т. II, 1936. С. 47.

¹¹ См.: *Сабанидзе И.* *Мученичество Або Тбилели, Памятники древнегрузинской агиографической литературы*, I, 1963. С. 59 (на груз. яз.); русский пер. К.С. Кекелидзе; *Этюды из истории древнегрузинской литературы*, XII, Тб., 1974. С. 120.

¹² См.: *Джугуаниер Джугуаниериани.* *Жизнь Вахтанга Горгасала, Картлис цховреба (История Грузии)*. Т. I, 1955. С. 242—243 (на груз. яз.) (История Грузии (Картлис цховреба). Тб., 2008. С. 111, на русск. яз.).

есть создание единого Западногрузинского государства было добровольным, династическим актом¹³.

Воспользовавшись непростой внутривосточной ситуацией, сложившейся в конце VIII века в Византии, Леон II освободился от вассалитета империи, объявил себя царем «и завладел Абхазией и Эгриси до Лихи»¹⁴.

Наследственным владением Леона II являлись Абхазия и Эгриси (наследство от матери), и обеими этими странами он одинаково «завладел» и назвался «царем»¹⁵.

В письменных источниках нет прямых указаний на этническую принадлежность населения страны; одни исследователи считают их собственно абхазами, то есть некартелями, другие — греками, а некоторые — грузинами. При этом следует учесть и то обстоятельство, что армянский историк X века Иоанн Католикос именуется это государство *Ашхар эгерауц*, то есть страна эгрисцев, а их царей — царями Эгриси¹⁶, то есть для наших ближайших соседей — это грузинское государство (Эгриси), а их цари — грузины.

С данной проблемой непосредственно связаны вопросы титулатуры¹⁷. В IX—X веках цари западногрузинского государства в своих документах именовали себя лишь «царями», не считая нужным уточнять, откуда они родом. Например, «царь Константин III» (893—922), «царь Георгий II» (922—957) и «царь Леон III» (957—967) считались царями всего государства.

После коронации первого царя единого грузинского феодального государства Баграта Багратиони (975/8—1014), состоявшейся в 978 году в Кутаиси, в грузинских письменных источниках они начали именоваться «царями абхазов».

Ни в одном из известных письменных источниках IX—X веков это западногрузинское государство не именуется «Абхазским царством». Даже анонимный персидский историк X века, автор «Кетабес Худуд ал-Алем» («Книга границ стран») называет Черное море «Морем грузин» («Горджи Дария») ¹⁸.

Государство, образовавшееся после объединения Западной Грузии, именовалось Абхазией, так как ее правители были из собственно грузинской историко-географической области Абхазии.

Например, грузинский писатель И. Сабанидзе, который в 80-х годах VIII века находился в Западной Грузии, именуется эту страну Абхазией, а ее верховного правителя — *мтаваром* (князем), без всякого определения¹⁹. Конечно, вопрос происхождения династии представляет определенный интерес, но однозначно ответить на него невозможно. В данном случае главное — не генетика, а национальное самосознание. Важно, что они были грузинскими царями грузинского государства.

Не только грузинские, но и известные абхазские историки Г. Дзидзария и З. Анчабадзе считали Абхазское царство западногрузинским государством²⁰.

Следует также отметить, что столицей царства был один из древнейших центров грузинской культуры — город Кутаиси, а не Анакопия (город-крепость Абхазии), являвшаяся резиденцией абхазских эриставов.

¹³ См.: *Ингороква П.* Указ. соч. С. 189—218; *Анчабадзе З.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 100—105.

¹⁴ См.: Матиане Картелиса. Картелис цховреба. Т. I. С. 251 (История Грузии (Картелис цховреба). С. 140, на русск. яз.).

¹⁵ См.: *Лордкипанидзе М.* Указ. соч. С. 43.

¹⁶ См.: *Иоанн Католикос (Драсханакертици).* История Армении. Армянский текст, грузинский перевод и комментарий Е. Цагарейшвили. Тб., 1965. С. 38, 44, 109, 111, 119, 257.

¹⁷ См.: *Ахаладзе Л.* Грузинские и армянские историки о титулатуре царей «абхазов». В кн.: Исторические разыскания. Ежегодник, VII. Тбилиси, 2004. С. 24—33 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

¹⁸ См.: *Гванцеладзе Т.* Указ. соч. С. 185.

¹⁹ См.: *Сабанидзе И.* Указ. соч. С. 59; русский пер. К.С. Кекелидзе. С. 120.

²⁰ См.: Грузинская Советская Энциклопедия. Том — Грузинская ССР, 1981 г., статья «Абхазская АССР» — исторический очерк, автор Г. Дзидзария. С. 324; *Анчабадзе З.* Абхазское царство, Грузинская Советская Энциклопедия. Т. 2. 1977. С. 32 (на груз. яз.).

Согласно административной реформе, проведенной царем Леоном (конец VIII — начало IX вв.), в государстве было создано 8 административных единиц (*саэриставо*), одной из которых было Абхазское эриставство, а семь остальных были грузинскими: Цхумское, Эгрисское (центр — Бедиа), Гурия, Рача-Лечхуми, Сванети, Аргвети (центр Шорапани) и низинная Имерети (центр — Кутаиси)²¹.

Если даже допустить, что население, проживающее в Абхазском эриставстве, было негрузинским (что маловероятно), то все остальное было собственно грузинским, так что это царство как по территории, так и населению было грузинским государством²².

Именно при активном содействии их царей Западная Грузия в X—IX веках вышла из подчинения Константинопольскому патриархату и вступила в юрисдикцию грузинской, Мцхетской кафедры²³.

Несомненно, что освободиться от политического влияния Византии было очень трудно, но гораздо сложнее было избавиться от религиозно-культурного влияния Константинополя. С этой целью западногрузинские цари упраздняли греческие епископские кафедры (в основном на черноморском побережье и прилегающей территории), которые являлись опорой Константинополя, и взамен основывали новые грузинские кафедры внутри страны, которые впоследствии стали центрами грузинской культуры.

Если бы Абхазское царство и его цари были негрузинскими, то церковь Абхазии вряд ли была бы выведена из-под подчинения Константинополю и введена в общегрузинский Мцхетский католикосат. Грузинская церковь противостояла греческой; грузинский язык окончательно занял свое законное положение во всей Западной Грузии, став государственным языком и языком богослужения²⁴.

В царстве были созданы грузинские агиографические и гимнографические произведения, хроники царей, а также памятники грузинской архитектуры. В результате упорной борьбы произошло объединение грузинских земель и создание единого грузинского средневекового государства Сакартвело (страна картвелов).

Весь этот сложный процесс нашел свое отражение в греческих (списки церковных кафедр, подчиненных Константинополю) и грузинских письменных источниках и изучен в трудах ряда историков²⁵.

С начала IX по XVIII век собственно в Абхазии засвидетельствована только грузинская эпиграфика²⁶, не считая двух арабских надписей.

Огромное значение имеет тот факт, что западногрузинская (абхазская) кахетская, тао-кларджетская и картлийская средневековые архитектурные школы хотя и имеют некоторые местные особенности, носят общегрузинский характер²⁷.

Общие характерные черты, присущие памятникам искусства отдельных независимых грузинских государств, проявлялись и до становления единой феодальной монархии,

²¹ См.: *Вахушти*. История Грузии. В кн.: Картлис цховреба. Т. IV. Тб., 1979. С. 796 (на груз. яз.). Это сообщение Вахушти подтверждается и другими источниками.

²² Моноэтнических государств, как известно, не существует, и в этом царстве, возможно, проживали и представители других этносов, но это не меняет общей картины.

²³ См.: Рассмотрение вопроса с обзором источников и литературы, см.: *Лордкипанидзе М.* Абхазское царство. В кн.: Очерки истории Грузии. Т. II. С. 287—298; *Она же*. Абхазское царство. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 158—161.

²⁴ См.: *Джанашия С.Н.* Из истории Абхазского царства. Труды, II, 1952. С. 306.

²⁵ См.: *Бердзенишвили Н.А.* Вазират в феодальной Грузии. В кн.: Вопросы истории Грузии. Т. III. Тб., 1966. С. 47—57 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе М.Д.* Политическое объединение феодальной Грузии, 1963. С. 188—194 (на груз. яз.); *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии. С. 144—154; *Лордкипанидзе М.Д.* Абхазское царство. В кн.: Очерки истории Грузии. Т. II. С. 286—292 и др.

²⁶ См.: *Бгажба Х.С.* Из истории письменности в Абхазии. Тб., 1967. С. 13; *Ахаладзе Л.* Эпиграфические памятники Абхазии. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 363—374. Наличие греческих надписей на фресках церквей и монастырей вызвано приверженностью к греческому толку.

²⁷ См.: *Беридзе В.* Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тб., 1981. С. 132; *Туманишвили Д.* Средневековая церковная архитектура в Абхазии. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 375—390.

что подтверждает общность исторических корней и принадлежность к древнейшей общегрузинской культуре.

Свидетельством того, что титул «царь абхазов» появляется именно с XI века (после коронации Баграта III в 978 г.), являются хроники эриставов и царей Западной Грузии, которые до царствования Константина III (893—912) именовались «Диван царей», а после воцарения Баграта Багратиони — «Диван царей абхазов»²⁸.

Следует учесть и то, что армянский историк XI века Аристакес Ластивертци, в отличие от своего предшественника, историка X века Иоана Драсханакертци, именует их не эгрисскими царями, а царями «абхазов»²⁹.

Вышеуказанные факты подтверждают, что цари западногрузинского государства IX—X веков принадлежали к грузинскому этнокультурному миру, царство «абхазов» было грузинским государством и являлось неотъемлемой частью общегрузинского исторического мира³⁰.

Вполне очевидно, что первый царь, который официально именуется «царь абхазов», Баграт Багратиони, являлся единственным законным наследником западногрузинского престола (по материнской линии) и его титул — юридическое подтверждение его прав на западногрузинский, то есть абхазский престол. После смерти своего предка он, как законный наследник, получает еще один титул — «царь картвелов», а после воссоединения Кахетии и Эрети становится также «царем ранов (т.е. эров) и кахов»³¹. Немаловажно, что в титулатуре грузинских царей, претерпевшей в течение веков ряд изменений, эта часть осталась неизменной вплоть до упразднения Россией царской власти в Грузии.

Именно потому, что в титулатуре грузинских царей на первом месте стоит «царь абхазов», в ряде иностранных и грузинских письменных источников понятие «абхаз» подразумевает грузин вообще (картвели, иберов), а «Абхазия» — Грузию (Сакартвело). При этом иностранные авторы (греки, арабы, персы, армяне, русские) прекрасно осведомлены о том, что это синонимы, а один из русских средневековых источников так и пишет: «Авер (т.е. ивер) иже суть обезы (абхаз)»³².

Древние абхазы (*апсил-абишлы, абазг-абхазы*), упоминаемые в источниках, в историческом и культурном отношении были такими же грузинами (картвелами), как эгры, сваны и все картвельские этнические группы, и принимали такое же участие в строительстве грузинского государства и грузинской культуры, как все картвельские этносы³³.

После максимального расширения значения терминов «Абхазия» и «абхаз» начался обратный процесс.

В конце XV—начале XVI веков из-за обострения внутренних противоречий и неблагоприятной внешнеполитической обстановки единое грузинское государство распалось на три царства: Картли, Кахети и Имерети. Кроме того, возникло отдельное княжество — Самцхе-Саатабаго (ист. Месхети).

В течение XVI—XVIII веков между Сефевидской Персией и Османской Турцией велись почти непрерывные войны за расширение влияния на Ближнем Востоке; одной из основных задач борющихся сторон было завоевание Грузии.

Грузинские государства пытались оказывать посильное сопротивление завоевателям, стараясь столкнуть их между собой. В результате военных действий значительно

²⁸ См.: *Такайшвили Э.* Древняя Грузия. Т. II. Тифлис, 1913. С. 46—47 (на груз. яз.).

²⁹ См.: *Аристакес Ластивертци.* История. Грузинский перевод с исследованием, комментариями Э. Цагарейшвили. Тб., 1971. С. 42.

³⁰ См.: *Лордкипанидзе М.Д.* Абхазское царство. В кн.: *Очерки истории Грузии.* Т. II. С. 283—284; *Ахаладзе Л.В.* Грузинские и армянские источники о титулатуре царей «абхазов». Исторические разыскания. Ежегодник. VII, 2004. С. 33.

³¹ *Лордкипанидзе М.Д.* Абхазы и Абхазия. С. 46; *Ахаладзе Л.* Указ. соч. С. 29.

³² См.: *Лордкипанидзе М.Д.* Абхазы и Абхазия. С. 47; *Повесть временных лет.* Ч. II. М., 1950. С. 213.

³³ См.: *Бердзенишвили Н.* Об Абхазии. В кн.: *Вопросы истории Грузии.* Т. III. С. 288 (на груз. яз.); *Он же.* Вопросы истории Грузии. Тб., 1990. С. 608 (на груз. яз.).

уменьшилось число жителей в низинной части страны (основном регионе военных действий); сюда с южных склонов Кавказа начало постепенно спускаться грузинское население, территорию которого, в свою очередь, заняли переселенцы с северных склонов, спасавшиеся от завоевательной политики России.

В XV—XVI веках происходило переселение племен с Северного Кавказа, в результате чего в Кахети осели лезгины (представители дагестанских этносов), в северной части Шида (Внутренней) Картли — осетины (аланы), а в Западной Грузии — представители черкесско-адыгских этносов, которые, видимо, именовали себя «апсуа»; однако у них не было письменности, это самоназвание нигде не зафиксировано.

С этого времени на территории Абхазии происходят определенные изменения, связанные с ослаблением позиций христианства, что было вызвано появлением здесь языческих обрядов и верований, распространяемых переселенцами с Северного Кавказа, и установлением господства Османской империи, насаждавшей здесь ислам.

С XVI века в западногрузинском государстве (царстве Имерети) постепенно создаются крупные сеньории (*самтавро*, княжества) Гурия, Сванетия и Самегрело (Одиши), которые юридически считались частью царства Имерети, но пытались проводить независимую политику. В условиях феодальных распрей во второй половине XVII века от Самегрело (Мегрелия, Одиши) отделилось Абхазское княжество, управляемое князьями Шервашидзе, и между ними начинается борьба за территорию; в результате Самегрело теряет часть своих владений, в дальнейшем именуемую Самурзакано (современный Гальский район).

С этого времени значение термина «Абхазия» сужается — так стало именоваться только Абхазское княжество.

Тем временем иммиграция с Северного Кавказа становится еще интенсивнее — начинается «абхазизация», то есть «апсуизация» края, что отражено в нарративных грузинских и иностранных источниках и документах, а также освещено в специальной литературе³⁴.

Начиная с XV века в документах сообщается, что абхазы отошли от христианства³⁵. Грузины знали, что абхазы, как и все остальные грузины, были христианами, а переселившиеся сюда с севера черкесско-адыгейские племена, осевшие в высокогорных районах, отошли от веры и совершали нападения на соседние регионы.

С этого времени постепенно возрастает численность негрузинского населения, которое грузины называли абхазами, так как они жили и живут в Абхазии; согласно средневековым обычаям иностранец, поселившийся в Грузии, именуется «хизани», его потомки в третьем поколении уже считаются коренными жителями (но не аборигенами).

В иностранных источниках эти люди, как правило, упоминаются под названием «абаза». В документе первой половины XVIII века засвидетельствовано, что абхазы осквернили христианство, отказались от веры³⁶.

Таким образом, в XVI—XVII веках границы западногрузинской епархии сужаются, так как грузины (христиане) постепенно вытесняются с земель, расположенных за рекой Энгури; отражать нападения переселенцев становилось все труднее.

Следует также учесть и то весьма важное обстоятельство, что приблизительно до XVII века абхазы в социальном отношении, по культуре и вероисповеданию не отличались от остальных жителей Грузии (собственно Западной Грузии).

По свидетельствам иностранных авторов (например, Джованни Джулиано да Лукка, который побывал в Западной Грузии в 1630 г.) они не живут в городах, их жизненные

³⁴ См.: Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1951; Беридзе Т. Этнополитические процессы на территории современной Абхазии в XV—XVIII вв. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 205—214.

³⁵ См.: Памятники грузинского права. Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил И.С. Додидзе. Т. III. Тб., 1970. С. 222 (на груз. яз.).

³⁶ См.: Там же. Т. II. 1965. С. 209.

нормы схожи с черкесскими, их язык отличается от языка соседей, они не имеют письменности, письменных законов, живут в лесах, хотя по вере будто христиане, но без всяких обычаев и т.д.³⁷

В трудах миссионера Римской католической церкви А. Ламберти, который в 1633—1649 годах жил в Западной Грузии, содержатся весьма ценные сведения о том, что абхазы не живут в городах и крепостях... живут в лесах, на вершинах гор... не другие нападают на них, а они сами нападают друг на друга³⁸.

В 1640-х годах в Грузии находился известный турецкий географ и историк Эвлия Челеби, который свидетельствует о наличии в Абхазии отличного от соседних грузин быта и культуры. Там к этому времени уже господствует ислам, но, по его словам, жители не знакомы с Кораном и вообще у них нет никакой религии.

Все эти сведения относятся не к грузинам-абхамам, а к северокавказским переселенцам, которых, как уже было сказано, называли (и называют) «абхазами», самоназвание которых «апсуа». Как явствует из сообщения Эвлии Челеби, это отличное от соседних абхазов (т.е. грузин) население³⁹.

Вышеприведенные свидетельства вполне подтверждают сведения грузинской историографии о социально-культурно-религиозном облике населения Абхазии после XV—XVI веков (особенно с XVII в.), что могло быть вызвано частичной сменой этнического состава населения⁴⁰.

В исторических преданиях неоднократно затрагивается тема о переселении из далеких стран⁴¹. О проживании абхазов в горах свидетельствует народное стихотворение об Аигре, боге войны в абхазской мифологии, который сторожил горы и к побережью спускался лишь с целью грабежа⁴².

Исторические сведения о происхождении переселенцев и миграционных процессах отображены в этногенетических и генеалогических устных преданиях⁴³, согласно которым их далекие предки из Аравии, Египта, Абиссинии и Греции сперва поселились в степи на берегу р. Кубань, а затем часть их по горным перевалам Кавказского хребта переместилась на юг, на территорию Грузии, и обосновалась в районе горы Псху. Они оставили там свои языческие святыни, могилу Ипал-Куба — черкесского вождя, память о котором сохранилась и у современного населения. Эти святыне места являются покровителями тех фамилий, происхождение которых связано с севером⁴⁴.

Отражением реальной действительности является и адыгское предание о нашествии на Абхазию адыгов под предводительством Инала и его братьев Аше и Шаше⁴⁵.

Эти предания являются устной историей народа, не имеющего письменности, и не могут дать ответа на вопрос о времени переселения. Не исключена возможность, что они отражают процессы, происходившие в разное время и, наряду с письменными источниками

³⁷ См.: *Табагуа И.* Грузия в архивах и книгохранилищах Европы. Тб., 1987. С. 169—171 (на груз. яз.).

³⁸ См.: *Ламберти А.* Описание Самегрело / Под ред. Л. Асатиани. Тб., 1938. С. 168 (на груз. яз.).

³⁹ См.: *Челеби Э.* Книга путешествия. Т. II. / Пер. с турецкого, исследования и комментария Г.В. Пугридзе. Вып. I. Тбилиси, 1971. С. 106 (на груз. яз.). Эвлия Челеби, как и Ламберти, неоднократно указывает, что они нападают друг на друга (Там же. С. 102, 105 и др.).

⁴⁰ См.: *Ингорква П.* Указ. соч. С. 114—295.

⁴¹ См.: *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. Сухуми, 1960. С. 36—38.

⁴² См.: Песнь Аигра. Абхазская народная поэзия. Тб., 1984; *Бартая Н.* «Аигр, ты грабишь только побережье» // Сахалхо ганатлеба, 10 октября 1989, № 46. С. 12 (на груз. яз.).

⁴³ См.: Абхазские сказки. Сухуми, 1935. С. 165—173; Приключения нарта Сасрыквы и его девяти братьев. М., 1962; *Инал-Ипа Ш.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 212—245; *Салакая Ш.* Абхазский народный героический эпос. Тб., 1966; *Апиба А.* Абхазский фольклор и действительность. Тб., 1982 и др.

⁴⁴ См.: *Ногмов Ш.Б.* История адыгского народа. Тифлис, 1861. С. 70—71; *Чурцин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 37; *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 175 и др.

⁴⁵ См.: *Инал-Ипа Ш.* Абхазы.

ми, заслуживают должного внимания. В результате оседания на грузинской земле часть грузинского населения влилась в их состав⁴⁶, участились случаи абхазизации грузин в эпоху русского господства, на что указывают грузинские (в основном, мегрельские) фамилии представителей апсуа⁴⁷.

Теория не закавказского (центральнокавказского) происхождения абхазов (апсуа) базируется не только на выводах грузинских ученых. Об этом еще в XIX веке писали некоторые русские исследователи: «Абхазцы не всегда обитали там, где теперь живут, а предания их и многие исторические данные и обычаи указывают, что они пришли с севера и потеснили картвельские племена, пока не остановились у Ингури»⁴⁸.

В русском языке наименование «апсуа» засвидетельствовано в 1830-х годах⁴⁹, а известный русский ученый П.К. Услар прямо пишет, что апсуа — это абхаз⁵⁰.

В средневековой Грузии абхазом считался грузин, житель грузинской историко-географической области Абхазии. Согласно этнокультурной концепции Л. Мровели, Западная Грузия суть Эгриси⁵¹.

На карты, составленные иностранцами в XVI веке, Абхазия вообще не нанесена: все восточное побережье Черного моря (приблизительно до современного Туапсе) обозначено как «Менгрелия» (итальянцы Батиста Агнеси — 1542 г. и Джакомо Гастальди — 1561 г., португалец Диого Хомен — 1559 г.)⁵².

Впервые апсуа упоминаются в сочинении римского историка I века Плиния⁵³, согласно которому они локализируются на Северном Кавказе. На итальянской карте 1561 года Джакомо Гастальди (Жаццопо Астальди) на Северном Кавказе, севернее Самегрело (Megrelia Regi), на среднем течении реки Кубань локализуется страна Апсуа (ABCVAS REGI) и там же, то есть на той же карте, в той же области Апсуа, на среднем течении реки Кубань нанесен пункт «Аква» (Асуа)⁵⁴ — апсуйская крепость. На карте 1738 года на черноморском побережье, около древнегрузинского города Цхуми (Сухуми) нанесена крепость «Аква», свидетельство того, что к этому времени здесь (на берегу Черного моря) уже проживают переселенцы из северокавказского Апсуа и ими здесь основана своя крепость Аква. На своем апсуйском языке Сухуми они именуют «Аква»⁵⁵.

Следует отметить, что грузинская общественно-экономическая и социальная структуры оказали определенное влияние на обычаи абхазов (апсуа), которые в основном сохраняют характер своих северокавказских родственников, собственно черкесско-адыгских этносов⁵⁶, на принадлежность к которым указывают и языковые данные: язык абхазов (апсуа) входит в группу абхазо-адыгских языков⁵⁷.

⁴⁶ См.: Мухелишвили Д. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 141; Бахия-Окруашивили С. К вопросу этногенеза абхазов (Фамильные святилища) // Клио, Тбилиси, 2000. № 7. С. 11—13.

⁴⁷ См.: Мибчуани Т. По кровавым следам абхазского сепаратизма. Тб., 1994. С. 15—16 (на груз. яз.); Сонгулашвили А. Апхаз или апсуа. Тб., 2007. С. 60 (на груз. яз.).

⁴⁸ Дьячков-Тарасов А.Н. Бзыбская Абхазия // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. XVIII. Тифлис, 1905. С. 65.

⁴⁹ В документе барона В. Розена, Главноуправляющего Кавказом в 1831—1837 гг. (см.: Понхадзе Н. Правду об Абхазии должны знать все // Ищущий истины, 2000, № 2 (на груз. яз.).

⁵⁰ См.: Услар П.К. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1882. С. 121.

⁵¹ См.: Мровели Л. Жизнь царей. В кн.: Картлис цховреба. Т. I. С. 5 (История Грузии (Картлис цховреба). С. 14 (на русск. яз.).

⁵² См.: Гогия А.Б. Северо-западная Грузия на иноязычных картах. В кн.: Очерки из истории Грузии. Абхазия..., карты №№ 6, 7, 11.

⁵³ См.: Инадзе М. Указ. соч. С. 85.

⁵⁴ См.: Очерки из истории Грузии. Абхазия..., карта № 11; Гванцеладзе Т. Неизвестная итальянская карта и ее значение для локализации исторической родины абхазов // Свободная Грузия, 23 июля 1997.

⁵⁵ Оригинал карты хранится в Москве — ЦГВИА, ВУА; Копия в Тбилиси в Национальном центре рукописей — РТ IV, № 1.

⁵⁶ См.: Бахия-Окруашивили С. Абхазы. Этнографический очерк. В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 342—343.

⁵⁷ См.: Гванцеладзе Т. Лингвистические основы этнической истории абхазов. С. 178—196.

Лингвистический анализ позволяет предположить, что территория современной Абхазии не являлась первоначальным местом жительства абхазов (апсуа)⁵⁸. В этом смысле весьма примечательно заявление, что «абхазо-адыгские» этикетные параллели, в широком смысле этого слова, настолько многочисленны и выразительны, что книгу об адыгском этикете с известным основанием можно было бы назвать и произведением по абхазским моделям поведения, и наоборот»⁵⁹. Современные абхазы, в основном, сформировались «вследствие слияния вышедших из Северного Кавказа апсуа-абазин с местным аборигенным населением, абхазским и мегрельским».

Если даже согласиться с мнением, что абазги и апсилы, упоминаемые в источниках I—II веков, а также и в более поздних, генетически были далекими предками абхазов (что маловероятно), то они не могут быть признаны их фактическими предками. Это объясняется тем, что они жили в грузинской историко-культурно-политической среде и в течение веков, без сомнения, были ассимилированы местным населением.

С XV—XVII веков положение кардинально меняется; появляется компактное поселение новой этнической группы. Этих переселенцев грузины называли и называют «абхаз», иностранцы (европейцы, турки-османы) — «абаза», русские — «обез», «абхаз» (с грузинского «абхазии»), а сами они именуют себя «апсуа», а свою этническую общность — «апсны».

Абхазия после аннексии Грузии Россией

В начале XIX века Грузия была аннексирована Россией и на ее территории начался процесс упразднения княжеств. Абхазское княжество было упразднено одним из последних — в 1864 году. По административной реформе, проведенной в царской России, Грузия была разделена на две губернии — Тифлисскую и Кутаисскую, то есть наименования «Грузия» (Сакартвело) и «Абхазия» исчезли с географических карт.

Абхазия была переименована в «Сухумский военный отдел» (с 1883 г. «Сухумский округ»), который находился в подчинении кутаисского генерал-губернатора⁶⁰.

Царская Россия начала наступление на грузинский язык, который был единственным официальным языком письменности, государственного управления и богослужения; кроме того, она старалась посеять раздор среди населения Грузии, используя «абхазов» (т.е. апсуа).

В середине XIX века с целью полного искоренения грузинского языка в Абхазии были предприняты первые попытки создания письменности для языка апсуа (абхазов); она была создана в 1862 года известным ученым П.К. Усларом на базе русской (древнеславянской) графики⁶¹.

Этой же цели служило и постановление о совершении богослужения на русском языке («славянском наречии»), «чтобы уберечь абхазов самым надежным образом... от грузинского влияния» и обеспечить в будущем слияние «туземного населения с русским»⁶².

⁵⁸ См.: *Гванцеладзе Т.* Лингвистические основы этнической истории абхазов. С. 196.

⁵⁹ *Инал-Ипа Ш.* Очерки об абхазском и адыгском этикете. Сухуми, 1984. С. 172; *Бгаженкоков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 22—52.

⁶⁰ См.: *Пайчадзе Г.* Абхазия в составе Российской империи (1810—1917). В кн.: *Разыскания по истории Абхазии / Грузия.* С. 226—228.

⁶¹ См.: *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Абхазский язык, Тифлис, 1882.

⁶² *Папаскири З.* Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2009. С. 164—165.

Первая книга на языке апсуа (сборник стихов классика абхазской литературы Д. Гулиа) была издана в 1912 году в Тифлисе. После целого ряда изменений и доработок в 1954 году был создан абхазский алфавит на основе русской графики, который употребляется по сей день.

Правительство царской России использовало в своих целях и трагические события, связанные с мухаджирством (II пол. XIX в.). Сначала было спровоцировано переселение абхазов-мусульман (т.е. апсуа) в Турцию, а затем начали создаваться препятствия для желающих вернуться на родину (мухаджиров).

Царское правительство не разрешало грузинам поселяться в Абхазии; одновременно край заселялся русскими, армянами и представителями других национальностей. Грузинская пресса того времени иллюстрирует усилия, которые предпринимались грузинской интеллигенцией во главе с И. Чавчавадзе (известный писатель и общественный деятель) с целью воспрепятствовать выселению абхазов-мусульман в Турцию⁶³.

Стоит указать и на то, что правительство Демократической Республики Грузии (1918—1921 гг.) в 1920 году внесло вопрос мухаджиров на рассмотрение Верховного совета Антанты.

Процесс заселения Абхазии русскими, армянами и другими народами активно продолжался и в советский период, о чем красноречиво говорят данные переписей населения 1920—1980-х годов; за этот период численность русского населения в Абхазской АР выросла с 1,8% до 14,3%, армянского — с 1,6% до 14,6%, грузинского — с 35,8% до 45,7%⁶⁴.

Упраздненное царским правительством России наименование Абхазия было восстановлено Конституцией Грузинской Демократической Республики, и она вошла в ее состав на правах автономии⁶⁵. При этом местные большевики при поддержке РСФСР пытались ослабить независимую Грузинскую Демократическую Республику. Активнее всего противники грузинского государства действовали в окраинных регионах, особенно в Абхазии, где имели место выступления, которые были подавлены⁶⁶.

Процессы, происходившие в Абхазии после аннексии Грузии большевистской Россией в феврале 1921 года, освещены в книге лидера абхазских (апсуа) большевиков Н.А. Лакобы⁶⁷.

В марте 1921 года на совещании руководящих работников Закавказья, в работе которого принимали участие грузинские большевики С. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, М. Торошелидзе и Ш. Элиава, было принято решение о создании Абхазской ССР. Лидеры абхазских большевиков Лакоба и Эшба, требуя самостоятельности для Абхазии, совершенно игнорировали интересы преобладающего большинства грузинского населения. Абхазские лидеры просили дать им временную самостоятельность как вывеску «в интересах создания неподдельной Советской власти в Абхазии», на что грузинские большевики ответили, что «если независимость нужна в Абхазии в интересах создания там подлинной Советской власти, то берите ее не только как вывеску, но и как подлинную независимость»⁶⁸.

⁶³ Эти трагические процессы широко освещены в труде известного абхазского историка Г.А. Дзидзария «Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 1982); (см. также: *Чургулия О.* Мухаджирство и грузинская интеллигенция (вторая половина XIX в.). В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 391—408 (резюме на англ. яз.); *Папаскири З.* Указ. соч. С. 150—161).

⁶⁴ См.: *Тотадзе А.* Население Абхазии. История и современность. Тб., 1995. С. 105 (на груз. яз.); Там же даны сведения о составе населения с 1926 по 1989 годы.

⁶⁵ См.: *Тотадзе А.* К вопросу о политическом статусе Абхазии (1921—1931 гг.). В кн.: Разыскания по истории Абхазии / Грузия. С. 292—293; *Гамахария Дж.* Абхазия в составе Грузинской Демократической Республики. В кн.: Очерки из истории Грузии. Абхазия... С. 285—299.

⁶⁶ См.: *Тотадзе А.* Указ. соч. С. 292—293; *Гамахария Дж.* Абхазия — автономия. Июнь 1918 г. — март 1919 г. В кн.: Очерки из истории Грузии. Абхазия... С. 290—299.

⁶⁷ См.: *Лакоба Н.А.* Статьи и речи. Сухуми, 1987.

⁶⁸ *Лакоба Н.А.* Указ. соч. С. 92; Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922—1923 гг.). Сухуми, 1959. С. 92, док. № 29; *Тотадзе А.* Указ. соч. С. 295.

Грузинские большевики шли на такую уступку не случайно: хотя переговоры велись после аннексии Грузии, они нуждались в поддержке своих абхазских коллег и не думали о том, что посягают на единство Грузии, на ее исторические границы, за неприкосновенность которых грузинский народ боролся веками.

В марте 1921 года была создана Абхазская ССР (Апсны ССР). Было очевидно, что она была создана искусственно, а обособленное существование не отвечало ее же собственным политическим и культурно-экономическим интересам; об этом неоднократно заявляли сами абхазские лидеры. В ноябре 1921 года она вошла в состав Грузинской ССР в качестве «договорной (ассоциированной) республики». При этом необходимо учесть, что во всех официальных документах (в Конституции Грузинской ССР 1922 г., Конституции СССР 1924 г., постановлениях правительства) Абхазия зафиксирована как автономная республика в составе ГССР (как Аджарская АР и Югоосетинская АО).

Некоторые абхазские деятели старались представить положение дел по-другому, стараясь создать впечатление, что в 1921—1931 годах Абхазия была независимой республикой, а государственные деятели грузинского происхождения (Сталин и Берия) отняли у нее самостоятельность.

Окончательно статус Абхазии как автономной республики был утвержден VI съездом Советов Абхазии (1931 г.)⁶⁹. В этом статусе она дошла до трагических событий 1990-х годов.

На сегодняшний день ситуация еще более обострилась. После открытой интервенции России в августе 2008 года от Грузии было «оторвано» и передано Абхазии Кодорское ущелье — территория, испокон веков населенная только грузинами (сванами), на которой абхазы никогда не жили.

З а к л ю ч е н и е

Представители почти 80 разных национальностей и народностей, проживающих в Грузии, никогда не испытывали притеснений. Даже в условиях существовавшего в России антисемитизма в Грузии, которая была ее составной частью, никогда не притесняли евреев (за это в свое время видный политический деятель государства Израиль Г. Мейер объявила благодарность грузинскому народу). Несмотря на то что во время войны в Абхазии (начало 1990-х гг.) против грузин воевали русские, армяне и конфедеранты (отряды Конфедерации горских народов Кавказа), не было ни одного случая притеснения представителей этих народов; через некоторое время республика даже приютила беженцев из Чечни. Во время русско-грузинской войны в августе 2008 года, когда русские танки и самолеты атаковали территорию Грузии, здесь не проводились какие-либо антирусские кампании.

Сегодня происходит изгнание аборигенного грузинского населения и собственно абхазов (апсуа) с их исконных земель; территории самопровозглашенного государства Апсны (Абхазии) заселяются русскими и армянами, распространяются русские паспорта и т.п. Подобные и другие мероприятия ставят под сомнение будущее самих абхазов (апсуа). Может, им стоит задуматься о положении соседних северокавказских народов, например, о судьбе своих ближайших родственников — убыхов?

Абхазия — исконно грузинская земля, которая всегда входила в состав грузинского государства. Современные апсуа (абхазы), которые всегда составляли меньшинство насе-

⁶⁹ *Тондзе А.* Указ. соч. С. 303—308; *Гамахария Дж.* Политический статус Абхазии в составе Советской Грузии. В кн.: *Очерки истории Грузии.* Т. II. С. 310—322. Может быть, следует учесть и то обстоятельство, что в условиях советского тоталитарного режима никакой самостоятельностью республика не пользовалась.

ления Абхазии, имеют претензии на всю территорию бывшей автономной республики. Апсуа (абхазы) — это нация со строго выраженным национальным самосознанием, которая имеет полное право жить в Грузии (как и жила), иметь административное самоуправление в пределах своего компактного проживания, развивать свою культуру, письменность, язык, образование, науку и искусство.

Абхазы (апсуа) и грузины должны найти общий язык и жить совместно, как жили всегда, а изгнанным нужно создать условия для возвращения в свои дома. Конфликт необходимо урегулировать мирным путем, и для решения этого вопроса требуются активные действия международных организаций.

Эльмира МУРАДАЛИЕВА

*Доктор исторических наук,
профессор Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Р е з ю м е

В статье раскрывается портрет городов Азербайджана в IX — первой четверти XIII веков. Рассматривается роль городов в формировании и развитии новых экономичес-

ких отношений, развитию внутрирегиональных интеграционных процессов в регионе, а также их роль в развитии и расцвете светской культуры стран Кавказа.

В в е д е н и е

IX — первая четверть XIII веков — период процветания Кавказа¹ в экономическом и интеллектуальном отношениях. В то же время именно в этот период Кавказ в целом был

¹ В отличие от общепринятого понятия Кавказ (территории постсоветского пространства — Северный Кавказ и Закавказье) сегодня в научной литературе правомерно предлагается новая структуризация Кавказского региона с учетом исторически сложившихся параметров Кавказа: 1) Центральный Кавказ, включающий три независимых государства — Азербайджан, Грузию и Армению; 2) Северный Кавказ, состоящий из приграничных автономий РФ; 3) Южный Кавказ, включающий приграничные с Азербайджаном, Грузией и Арменией илы Турции (Юго-Западный Кавказ) и северо-западные останы Ирана (Юго-Восточный Кавказ) (см.: *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ. История, политика, экономика. М.: Мысль, 2007. С. 21).

Термин «Закавказье», употребляемый в царско-советское время, впервые был использован составителями экономического обследования края сразу после его завоевания Россией. (Обозрение Российских вла-

более или менее взаимосвязанным регионом и от Никопсии до Дербента, от Осетии до Зангезура представлял собой единый экономический и политический организм². После освобождения из-под власти арабского халифата народы Кавказа приступили к мирному созидательному труду. Появились государства: Ширванское (861 г.), Гянджинский эмират (династия Шаддадидов — 971 г.), Тифлисский эмират (династия Джафаридов — начало IX в.), Анийское царство (IX,60 — 1045) Абхазское царство (начало IX в.), Кахетское княжество (конец VIII в.), Дербентский эмират (династия Хашимидов — сер. X в.), государство Саджидов (879 г.), Саларидов (941 г.), Раввадидов (981 г.). В этот период регион принимал активное участие в международной торговле по маршрутам Великого шелкового пути.

Города этого времени — исключительное явление в истории Кавказа. Они были многочисленны, насчитывая по несколько сот тысяч человек. Таких городов во всем мире были считанные единицы. В каждом из них было развито около 30—40 ремесленных профессий. Довольно высокой в городах была культура быта, о чем свидетельствует наличие канализационной системы, водопровода из гончарных труб. Ряд средневековых городов являлись резиденциями наместничеств великих империй.

Главным фактором столь высокого социально-экономического и политического расцвета городов являлись оживленные торговые связи. Магистральный путь евразийской транзитной торговли охватывал земли Кавказа, проходя через его процветающие города.

Такие города, как Барда, Гянджа, Шеки, Шамахи, Бейлаган, Дербент, Баку, Тебриз и др., представляли собой крупные центры ремесла и торговли, и при их участии шел интенсивный процесс экономической интеграции государств Кавказа. Именно через города страны Кавказа были как никогда интегрированы.

Социально-экономические сдвиги в городской жизни

Арабский географ X века ал-Истахри в труде «Книга путей и стран» рассказывал об Азербайджане: «Здесь такое изобилие, что те, кто не увидит своими глазами, не поверит этому»³. Его современник Ибн Хаукаль отмечал, что земли Азербайджана «покрыты

дений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб, 1836). В последующем с небольшой метатезой (Закавказье) он вошел в употребление повсеместно (см.: *Мурадалиева Э.* Города Северного Азербайджана во второй половине XIX века. Баку: БГУ, 1991. С. 8).

Категория Закавказье подспудно предполагала, что территории, находящиеся южнее Большого Кавказского хребта, не относятся к собственно Кавказу, располагаются за ним, то есть вне его. Тем самым, как отмечается в литературе, эта категория в определенной степени представляла собой средство достижения политической цели Российской империи на Кавказе — разделение местных народов, проживающих в северной и южной частях завоеванного Кавказа. Категория «Закавказье» была продуктом российской внешнеполитической концепции, которая отражала подход метрополии к политико-административному делению завоеванного региона. При этом интересы народов региона, а также исторически сложившиеся в регионе экономические, культурные и иные связи зачастую приносились в жертву интересам Российской империи (см.: *Исмаилов Э., Папава В.* Указ. соч. С. 17, 18).

Сегодня «Южный Кавказ» обозначается и как «Центральный Кавказ». Авторы новой структуризации Кавказского региона подчеркивают, что понятие Южный Кавказ, так же как и предшествовавшая ему категория «Закавказье», несет в себе «российский» геополитический смысл, поскольку обозначает часть Кавказского региона, добившуюся независимости от России. Неслучайно термин «Южный Кавказ» вошел в обиход и утвердился с момента распада СССР, отразив важный аспект новой геополитической ситуации на Кавказе — образование трех независимых государств (см.: *Исмаилов Э., Папава В.* Указ. соч. С. 19).

² См.: *Метревели Р.* Кавказская цивилизация в контексте глобализации. Стокгольм: SA&CC Press, 2009. С. 40.

³ Источники по истории Азербайджана / Под ред. С. Алиярлы. 2-е изд. Баку: Чираг, 2007. С. 126 (на азерб. яз.).

пшеничными полями. Реки, сады и населенные пункты ни одного из этих мест не отстают друг от друга. Напротив, всюду полно всяких благ и благодать Аллаха. Фрукты очень дешевые, а продукты питания, можно сказать, бесплатные»⁴. На прибрежных землях Куры и Аракса, а также реки Сефидруд, в Ширване и Шеки широко были распространены посевы зерновых. Те же авторы сообщают о выращивании почти всех зерновых (пшеница, ячмень, рис, просо и пр.), различных сортов технических (хлопок, лен), бахчевых культур. Оба берега Куры были покрыты пшеничными и хлопковыми полями. В некоторых местах собирали по два урожая в год. Жители окрестностей Тебриза, Гянджи, Баку, Шеки, Шамкира, Габалы, Шабрана также занимались земледелием, главным образом выращиванием пшеницы. В окрестностях Баку и Дербента культивировали шафран и лен. Азербайджанский шафран экспортировался в другие страны. В Ленкорани и Шеки выращивали ценные сорта риса. Бардинская область была богата кошенилью — сырьем для получения очень ценной красной краски.

Как правило, земля вспахивалась парой быков или буйволов. Поэтому в народе были распространены слова «джут» (пара), «идти на джут», а вместо пахаря — «джутчу» (землепашец). В некоторых местах использовались сохи, в которые впрягались две, три, иногда четыре пары упряжных животных. Согласно ал-Мукаддаси, в Ардебильском округе землю вспахивали упряжки по 8 быков, которыми управляли 4 землепашца. Когда путешественник спросил, «связана ли такая вспашка с твердостью земли», пахари ответили: «Нет, это делается для снега»⁵: хранившие древние земледельческие традиции крестьяне считали глубокую вспашку лучшим средством от засухи.

В качестве пахотного орудия применялся *котан*, который в разной форме произношения (*гутани*, *гутан*, *готан* и т.д.) встречался почти у всех народов Кавказа. Этот большой плуг позволял глубоко вспахивать землю и вместе с тем обрабатывал и твердую почву, расширяя тем самым площадь пахотных земель. Само существование такого орудия, как «большой плуг», указывает на значительный экономический прогресс в регионе.

Одной из развитых отраслей хозяйства было садоводство. Побывавшие во многих странах арабские путешественники писали, что таких разнообразных, красивых и вкусных фруктов нет больше нигде в мире. В окрестностях городов было бесчисленное количество садов, где росли яблоки, груши, виноград, гранат, абрикосы, персики, инжир, айва, черешня, слива, кизил, орехи, фундук, каштан, шелковица. В Габале, Шеки, а также на территории между рекой Ганых (Алазань) и Главным Кавказским хребтом было много садов, где росли орех и фундук. Нигде больше не встречался редкий сорт граната, который выращивался вдоль реки Аракс. Тебриз, Марага, Хой, Салмас, Урмия утопали в садах. В Тебризе для полива садов было построено более 900 *кяхризов*. Ибн Хаукаль фиксирует множество виноградников, разбитых между Дербентом и Самандаром. В источниках того времени отмечается использование энергии воды, в частности, специально упоминаются работающие на ней мельницы.

Интересно, что как хлебопашеством, так и садоводством занималось не только сельское население, но и население городов и их предместий. Город этого времени — прежде всего экономическая категория, это центр ремесла и торговли. Вместе с тем город как бы вторгался в сферу сельскохозяйственного производства. Значительная часть городского населения занималась и скотоводством, но в большей степени в источниках отмечается хлебопашество и садоводство. Это был как бы придаток городской экономики того времени. В связи с отмеченным наблюдается и другая черта: города были тесно связаны с системой искусственного орошения, водоснабжения и водопользования. В экономическом плане города не могли обойтись без этих источников. Ирригация

⁴ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х годов XIX в. / Под ред. С. Алиярлы, 2-е изд. Баку: Чираг, 2009. С. 225.

⁵ Там же. С. 226.

давала не только воду для населения, но и питала экономику — как ремесло, так и сельское хозяйство.

Зарождение и прогресс новых городов были связаны в первую очередь с углублением общественного разделения труда. Оживление производительных сил создавало благоприятные условия для возникновения и развития новых отраслей ремесла. Кроме того, Кавказ обладал довольно ценными природными ресурсами, что также способствовало развитию множества редких ремесел. По свидетельству арабского путешественника Абу Дулафа, в горах вокруг города Шиз (на юге Азербайджана) имеются рудники, где добывают золото, ртуть, свинец, серебро. В Шизе добывали три сорта золота. Дулаф описывал технологию добычи золота: местные мастера поливали водой землю, в которой имелись вкрапления золота, и делали это до тех пор, пока вода не смывала всю землю и на месте промывки оставались только золотые крупинки. Затем они собирали их при помощи ртути. По свидетельству Абу Дулафа, в Шизе находили и золото в самородках. Ценным сырьем для изготовления ювелирных изделий считался добываемый в Шизе арсен. В окрестностях города Аран, который находился в четырех фарсах⁶ от Шиза, также добывали золото белого, серебристого и красного цветов. Здесь находились и свинцовые рудники. Путешественник провел здесь химические опыты. Он приготовил «свинцовую кислоту» и с ее помощью получил из добываемой здесь руды серебро⁷. В окрестностях Тебриза тоже были медные рудники.

Известностью пользовалось и художественное ремесло — *минасазы* (мастера наносили узоры и различные орнаменты на драгоценные камни). В некоторых случаях на изделиях встречались надписи с упоминанием имени *устадов* — известных мастеров. Ареал распространения изделий художественного ремесла, особенно глазурованного стекла (в Западной Европе это ремесло стало известно лишь с XIII в.), был довольно значительным. Подтверждением тому являются данные подводной археологии по западному побережью Каспия (прибрежная полоса Азербайджана). Обнаруженные в большом количестве остатки посуды — это то, что на судах вывозилось в различные страны. Мелкие суда часто бывали застигнуты сильными штормами, столь характерными для Каспия, особенно для его западного побережья (от Дербента до Баку). Здесь гибель судов была обычным явлением. Обнаруженный на дне моря разнообразный материал — это образцы высокого художественного ремесла, высокого искусства.

К портрету городов того времени надо добавить и то, что часто дома из гипса или обожженного кирпича имели покрытие из керамики.

Азербайджан был родиной кошенили — редкого сырья, из которого получали ярко-красную краску. Ею пользовались и в ковроткачестве. Этот краситель до XIX века составлял важное звено в истории ремесленного производства страны. В арабских источниках эта краска называлась «гырмыз»⁸. Ал-Истахри сообщал, что из Барды «в страну Индию и другие места экспортировался гырмыз»⁹. Этот автор писал о том, что напротив того места, где река Кура впадала в Каспий, располагался большой остров, очень богатый кошенилью. Красильщики из Барды приезжали сюда за кошенилью. Другой автор, Ибн Хаукаль, подтвердил информацию об экспорте кошенили в Индию: «В Варсане, Барде, в окрестностях Баб ал-Абваба и на острове в центре Каспия есть кошениль. Она перевозится по Каспию в Джурджан, а оттуда уже по суше отправляется в страну Индию. Кошениль имеется на всей территории Арана — от границ Баб ал-Абваба и до Тифлиса, по берегам Араса и до Джурзана (Грузия)»¹⁰. Арабский географ ал-Мукаддаси представ-

⁶ Один фарсах примерно 6—8 км.

⁷ См.: Источники по истории Азербайджана. С. 132, 133.

⁸ См.: Там же. С. 126.

⁹ Там же. С. 231.

¹⁰ Там же.

лял кошениль как чудо климата и описывал технологию получения краски из насекомых: «Здесь есть и кошениль. Это земляной червь. Женщины приходят сюда, собирают червей в медную посуду, а затем ставят в тандыры для выпечки хлеба»¹¹.

Прохождение через Кавказ международных караванных путей, связывавших Поволжье и Восточную Европу с Ближним и Средним Востоком и с Индией, а знаменитые торговые центры Центральной Азии, Китая, Индии и Ирака со Средиземноморьем и побережьем Черного моря, создавало крайне благоприятные условия для развития ремесел и торговли. И в этом казавшемся безграничным экономическом пространстве Великого шелкового пути были созданы все необходимые предпосылки для роста городов, земледелия и его составной части — шелководства. И по сей день в истории евразийской цивилизации нет аналога этой коммуникации. Все это способствовало возникновению на пересечении караванных путей вдоль побережья Каспия, Куры и Аракса множества центров ремесла и превращению некоторых населенных пунктов в города.

По сведениям арабских авторов IX—X веков, Центральный Кавказ пересекало множество караванных путей, основным узловым пунктом которых была Барда. Существовали маршрутные дороги Барда — Дербент, Барда — Тифлис, Барда — Двин, Барда — Ардебиль, Барда — Зенджан, Ардебиль — Амид, Ардебиль — Марага, Марага — Двин¹². Эти караванные пути связывали страны Кавказа не только друг с другом, но и с Европой и Азией: Сирией, Ираком, Малой Азией, Мавераннахром, а также с хазарами, славянами, скандинавами. Как отмечается в фундаментальном труде по истории Грузии, именно с IX века возросло значение этих маршрутных путей, особенно восточного Закавказья¹³, то есть Азербайджана.

Города Аррана

Ал-Мукаддаси писал про Азербайджан: «Все города этой страны прекрасны, богаты продуктами и рудниками. Фрукты и все виды мяса в изобилии и стоят недорого»¹⁴.

Одним из крупнейших городов Передней Азии, по свидетельству источников, являлась Барда (Партав) — древняя столица Кавказской Албании. В период длительного господства арабов Барда была центром созданного Халифатом на Кавказе крупного наместничества¹⁵. Здесь находилась резиденция наместника. Это обстоятельство сыграло важную роль в превращении Барды в политический центр, а также в один из самых крупных ремесленных и торговых центров. Ал-Истахри в труде «Книга путей и стран», написанном в 930—933 годах, указывал: «Что до Барды, то это большой город, ширина и длина которого один фарсах, со здоровым климатом, цветущий и с обильным урожаем. После Ирана и Хорасана, Рея и Исфахана, по месту расположения и урожайности полей, нет другого такого большого, цветущего и красивого города. Из Барды экспортируется много шелка. Червей шелкопряда кормят листьями никому не принадлежащих шелковиц. Оттуда в Иран и Хузистан отправляют много шелка...»¹⁶

Интересные сведения о Барде сообщил также Ибн Хаукаль, написавший примерно 20 лет спустя после ал-Истахри книгу «Пути и страны». Книга была написана после

¹¹ Там же.

¹² См.: *Сихарулидзе Э.* Маршрутные пути Закавказья в IX—X веков по арабским источникам. В кн.: *Вопросы истории Ближнего Востока.* Тбилиси, 1963. С. 176.

¹³ См.: *Очерки истории Грузии.* Т. II. Тбилиси, 1988. С. 230.

¹⁴ *История Азербайджана.* С. 232.

¹⁵ См.: *Велиханова Н.М.* Арабский халифат и Азербайджан (по сочинениям ибн-Хордадбяха и других представителей арабской географической литературы). Автореф. докт. дисс. Баку, 1994. С. 78.

¹⁶ *Источники по истории Азербайджана.* С. 126, 127.

случившейся в Барде в 944 году большой трагедии — захвата города русами¹⁷. Он пишет: «Что до города Барда, она «Умму-р-Ран» («мать Аррана») и самый лучший регион этих стран»¹⁸. По его мнению, город очень большой, что проистекает от чистоты здешнего воздуха, плодородности земли, многочисленности пашен, фруктов, деревьев и рек; в Барде производят различные шелковые изделия и отправляют много шелка в Иран и Хузистан, в городе есть прекрасная Джума мечеть. В период правления арабов, по свидетельству автора, здесь находилась казна, базары располагались на окраинах города. Ал-Мукаддаси также называл Барду «главный город», «большой город», «Багдад этой области».

В Барде специализация ремесленного производства достигла большой глубины. Свидетельством тому является тот факт, что город сплошь был разбит на кварталы и микрорайоны, населенные ремесленниками какой-то определенной профессии: ряды оружейников, медников, кузнецов, *заргаров* (ювелиров) и т.д. Наряду с названными очень большое развитие получили красильное ремесло, гончарное дело, в городе производилась первичная обработка технического сырья — шелковых коконов, шерсти, кожи, производились различные ткани. В большом ассортименте шелковые, хлопчатобумажные ткани вывозились в города Передней Азии.

Барда являлась центральным пунктом, где сходились дороги из Тифлиса, Дербента, Дебиля (Двина) и других городов. Вся торговля была сосредоточена в этом городе. На воскресные рынки Барды свозились со всех городов продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия. Там можно было найти товары из соседних государств, а также стран Ближнего и Дальнего Востока. Караван-сарай и крытые рынки Барды были полны иностранцами и их товарами. «И стекаются сюда люди из всевозможных стран...»¹⁹, — писал ал-Истахри.

Из Ирана, Ирака и Сирии, из далекой Индии, из Хазарии приходили купцы в Барду куда, в обмен на шелк, одежды, ковры, покрывала, рыбу, скот (мулов), кошениль (гирмыз) привозили продукты своих стран, изделия своих мастеров. Караваны шли из Барды до Тифлиса, а оттуда дальше.

Однако после набегов русов в 944 году Барда больше не смогла восстановить свое былое величие. Более полугодия находившийся в руках русов город был подвергнут ужасным разрушениям, ремесло и торговля пришли в упадок. Знаменитый Бардинский базар утратил свое значение. Прекратилась чеканка монет. Этот разрушительный эпизод истории художественно изложен в поэме великого Низами Гянджеви «Искендер-наме». Поэт пишет: «Сколь прекрасна Барда... Всегда в ней обильны богатства и блага...». С горестью поэт заключает: «Теперь трон того дворца унижен, парчи, и шелка его унес ветер... те гранаты и нарциссы превратились в пыль...»²⁰ Город практически исчез в дальнейшем с карты Кавказа. Сохранилось только его имя, которое автоматически перешло населенному пункту, который возник рядом с развалинами. Сохранилось до наших дней имя, но не город.

После этого времени стала возвышаться Гянджа, «затмившая, — как указывает В.В. Бартольд, — Барду и ставшая очень большим городом»²¹. Гянджа как новое детище земли Аррана — двуречья Куры и Аракса — вместе с тем стала выступать наследни-

¹⁷ Русы, торговавшие с Азербайджаном по маршруту Волга — Дон — Каспий, а через территорию Азербайджана — с Халифатом, в том числе с Багдадом, начали осуществлять грабительские набеги на прикаспийские земли. В арабских источниках военные дружины Киевской Руси, совершавшие набеги на Каспийское побережье, указаны под единым именем «русы». Большая часть военных сил Киевского государства состояла из нормандских рыцарей — варягов со скандинавскими корнями.

¹⁸ Велуханова Н.М. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ Источники по истории Азербайджана. С. 128.

²⁰ Гянджеви Н. Искендер-наме. Баку: Элм, 1989. С. 188, 189.

²¹ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 34.

цей древнейшей столицы Атропатены — города Газаки, или Джанзы. Некогда Газака была столицей и казнохранилищем Атропатены, теперь это имя было унаследовано новым городом.

Гянджа, находясь в центре древних торговых путей, действительно могла стать местом, куда свозились из соседних областей продукты для дальнейшей отправки в другие страны. Недаром арабские географы отмечают, что Гянджа была богата продуктами. «Полная сокровищ Гянджа», — пишет Хамдуллах Казвини, повторяя данные своих предшественников²².

«Гянджа» как географическое название было распространено на Востоке, в частности в иранских владениях, а также на Кавказе (в Азербайджане и Грузии).

В Азербайджане название Гянджи — Газаки носила, как отмечалось выше, древняя столица Южного Азербайджана — Атропатены²³. Гянджой (Гандзаком Азербайджанским, Гандзаком — Шахастаном) часто называли город Тебриз.

Название Гянджи носил город на севере Азербайджана (область Кавказской Албании), который, в отличие от других, часто назывался Гянджой албанской или аранской²⁴.

Гянджа выросла не из замка-крепости или укрепленного пункта, куда население пряталось во время нападения врага, а из древнего поселения. Это поселение, расположенное в плодородной местности, на скрещении торговых путей, идущих через Карабах на юг Азербайджана, в Армению и Иран, а также на запад — в Грузию и на северо-восток — к Дербентским воротам, благодаря развитию производительных сил и торговли со временем стало городским центром.

Гянджа IX и первой половины X века была еще городом «незначительным, но цветущим и богатым угодьями». Пока Гянджа занимала лишь второстепенное место. Но в то же время, находясь на одной из главных ветвей торгового пути Барда — Тифлис, Гянджа принимала деятельное участие в этой торговле. Гянджа доставляла на бардинский рынок пока незначительную часть своей продукции как сельскохозяйственной, так и ремесленной. Но она ненадолго сохранила свой полусельскохозяйственный облик. Гянджа стала привлекать все новое население, преимущественно торгово-ремесленное, и быстро расти в экономическом и культурном отношении.

С середины X века, с упадком Барды, первенствующая роль переходит к Гяндже. С этого времени Гянджа выступает уже как благоустроенный и значительный город. По свидетельству источников, ремесло в экономической жизни города занимало уже определенное место. Оно стало отделяться от сельского хозяйства. Ремесленник стал производить на рынок, на неизвестного ему потребителя. Став ремесленно-торговым центром, Гянджа возвысилась и политически. Город стал центром Гянджинского эмирата с правящей династией Шаддадидов (971—1088). В.В. Бартольд отмечает, что каждый правитель-государь самостоятельной династии старался придать возможно больше блеска своей столице и своему двору²⁵.

Сведения о династии Шаддадидов весьма скудны. Источниками являются краткие сведения грузинской летописи «Картлис-цховреба», данные армянских источников — Степаноса Таронского (X—XI вв.), Самуила Анийского (XII в.), Вардана (XIII в.), а также монеты, чеканенные в Гяндже, и куфическая надпись на знаменитых Гянджинских воротах (выкованы в 1063 году, при правителе Шавире, кузнецом Ибрагимом).

В XII веке Гянджа была столицей наместников Сельджукской империи (1038—1157), затем одной из столиц государства Атабеков (1136—1225). По числу жителей она пре-

²² См.: *Альтман М.М.* Исторический очерк города Ганджи. Баку: Изд. АН Азерб. СССР, 1949. С. 10.

²³ См.: *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб, 1903. С. 143.

²⁴ В районе Сальян (Азербайджан) имеются три селения, носящие название Гянджи: 1) Пиратман Гянджели; 2) Муган Гянджели; 3) Гянджели.

²⁵ См.: *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПб, 1900. С. 9.

восходила многие города Востока того времени. Она была также столицей провинции Арран, и здесь находился трон сельджукского султана Гийас ад-Дина Мухаммада Тапара, служивший более ста лет символом власти для различных государей²⁶.

Гянджа была «последним пограничным аванпостом мусульманского мира» на границе с Грузией, и поэтому все правители придавали ее укреплению первостепенное значение.

В Гяндже были развиты все виды ремесла, но источники особо выделяют разведение шелковичных червей, обработку шелка и изготовление прекрасных шелковых тканей, превосходящих по качеству ткани других местностей. Интересно описание обработки шелка-сырца, приведенное у Закарийи ал-Казвини: «В самом городе есть канал, к которому спускаются двумя путями: один из них — место под названием Баб ал-Макбара, а другое — как Баб ал-Барда. Жители берут воду у Баб ал-Макбара и обрабатывают шелк в ней, после чего его цена становится выше, чем у шелка, промытого водой, взятой у Баб ал-Барда. Если брать воду у Баб ал-Макбара и перенести ее к Баб ал-Барда, то ничего из этого не получится, а если сделать наоборот, то получится прекрасный шелк»²⁷.

Когда монголы во время своего первого вторжения в конце 1221 года подошли к Гяндже, «они узнали, что Гянджа имеет множество жителей, — пишет Ибн ал-Асир, — которые весьма храбры и, кроме того, имеют много оружия, и они не стали ее осаждать и послали гонца к жителям с требованием денег и одежды. Им все это выдали, и они ушли от города»²⁸.

Наличие вблизи Гянджи залежей железной и медной руды способствовало развитию кузнечного ремесла, обработки металла, изготовления посуды, чеканки. Гянджинские ремесленники владели сложными приемами отделки фаянса. Они расписывали его кистью, прорезывали стенки сосудов и заполняли отверстия прозрачной глазурью. Мастера покрывали посуду тончайшим слоем белой глины, а затем наносили на ее гладкую поверхность прозрачную цветную глазурь. Для получения глазури применяли местный материал: железную руду, кобальт, марганец, свинец, медь. Каолин и глина для гончарного производства имелись во многих пунктах запада Азербайджана. Изготавливались также изделия из цветного стекла.

Жители Гянджи проводили летние месяцы в местности, расположенной близ горы Хирак (совр. Хаджикенд), «вокруг которой душистые травы, воды и сады. Воздух там летом прекрасен. Каждая семья имеет здесь дом, где они (гянджинцы) остаются до тех пор, пока не спадет жара. У гянджинской знати здесь отличные дома»²⁹.

Но время не пощадило и этот город. В самом разгаре своего расцвета Гяндже пришлось перенести землетрясение, которое оказалось великой катастрофой в жизни города (1139 г.). Все источники, излагающие события XII века, не обходят молчанием это страшное бедствие. О нем пишет и Низами. Источники отмечают, что в городе погибло более 300 тыс. человек. Современные исследователи отмечают, что население Гянджи до землетрясения насчитывало около 500 тыс. человек. В то время таких городов на карте мира было крайне мало. Землетрясение было настолько сильным, что недалеко от Гянджи обрушилась часть горы Кяпаз, преградив путь большому горному потоку.

Автор XIII века Киракос Гандзакец (Гянджинский) дает информацию об образовании прекрасного озера Гейгёль: «Обвалилась от землетрясения гора Алханак (Кяпаз), запрудила лошину, по которой протекала речка, и образовалось озеро. В нем водятся ценные сорта рыб...»³⁰ А на территории нынешнего Кельбаджарского района в результа-

²⁶ См.: Бунятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана. Баку: Элм, 1978. С. 189.

²⁷ Там же. С. 189, 190.

²⁸ Источники по истории Азербайджана. С. 155.

²⁹ Бунятов З.М. Указ. соч. С. 191.

³⁰ Цит. по: Альтман М.М. Указ. соч. С. 61.

те этого землетрясения забил знаменитый и поныне целебный источник Истису. В последующем, отстраиваясь, город расширился и занял новые участки.

Среди других событий историки отмечают появление под Гянджей изгнанного из Грузии первого мужа царицы Тамары сына русского князя Андрея Боголюбского Георгия. Желая вернуться в Грузию для восстановления своей власти, он обратился за помощью к азербайджанскому атабеку Абубекру (1191—1210). Последний поддержал Георгия и дал ему в пределах Аррана удел — «землю», где тот и поселился. Георгий набрал свои отряды из жителей Аррана и Гянджи и направился с ними в Грузию. Но и на этот раз попытка Георгия вернуться в Грузию окончилась неудачей.

Известный большой город в стране Арран Бейлаган был расположен на перекрестке торговых и военно-стратегических путей из Гянджи в южные районы Азербайджана. Средневековая история этого города, отмечают исследователи, во многом может служить как бы эталоном при исследовании проблем истории не только средневекового азербайджанского города, но и города Востока вообще³¹.

В начале XII века, в разгар междоусобных войн в Сельджукской империи, власть их наместников в Бейлагане настолько ослабла, что город вышел из-под контроля и стал почти автономным провинциальным городом³².

Своего расцвета Бейлаган достиг при атабеках Эльденизах. В период правления атабека Абубекра и, особенно, Узбека Бейлаган «весьма отстроился — там построили множество дворцов. В древности в этом городе не было воды, и по этой причине люди этого города страдали; несколько протоков текут туда из Аракса. Рассказывают, что этот город приобрел блеск от благословенных присутствий Абубекра и Узбека. Построили множество зданий, и там поселились вельможи. В городе обилие благ и большое количество базаров»³³.

К началу XIII века в Бейлагане проживало до 40 тыс. человек, здесь было развито более 30 отраслей ремесла³⁴. Один из монетных дворов Эльденизов находился в Бейлагане.

Среди товаров Бейлагана источники называют шелковые ткани, зерно, хлопок, рис, гранаты, виноград. В городе продавались товары, ввозимые из Дербента, Ширвана и Шабрана, нефть и соль из Баку.

Во время монгольских нашествий на Арран Бейлаган был разрушен, вся ирригационная система вышла из строя, что в засушливых округах Бейлагана было равносильно гибели всего живого.

В период правления Сельджуков и Атабеков одним из крупных центров был город Нахчыван. При атабеке Шамсаддине Эльденизе он стал одной из столиц государства. Он был важным военно-стратегическим пунктом Азербайджана на берегу Аракса. Производимые местными мастерами ткани, разнообразная посуда, *чуха* (верхняя длинная мужская одежда на Кавказе), изделия из золота, серебра и меди широко экспортировались в зарубежные страны. Построенная недалеко от города крепость Алинджа укрепляла безопасность Нахчывана. В городе помимо резиденции Атабеков и здания государственного управления были построены многочисленные сараи, медресе, мечети, дворцы.

К числу известных архитектурных памятников Нахчывана относятся знаменитые мавзолеи главы местных шейхов Йусуфа ибн Касира (Кусайра) (1162) и Моминэ-хатунжены атабека Шамсаддина (1186), построенные выдающимся архитектором средневековья Аджамии ибн Абу Бакром ан-Нахчывани.

Среди классических городов особой известностью пользовались Ардебиль и Тебриз. Ибн Хаукаль дает портрет Ардебилля — столицы государств Саджидов (879—941) и

³¹ См.: Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972. С. 5.

³² См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Наука, 1963. С. 157.

³³ Миклухо-Маклай Н.Д. Аноним XIII в. // Уч.зап. ИВАН СССР. Т. IX, 1954. С. 201, 202.

³⁴ См.: Ахмедов Г.М. Указ. соч. С. 84.

Саларидов (941—981). «Ныне самым значимым вилайетом и большим городом Азербайджана является Ардебиль. Военный лагерь и дворец государя находятся именно здесь, в Ардебиле. Территория государства составляет 30 фарсахов.

Постройки, в основном, из глины и обожженного кирпича. Вокруг города крепкие крепостные стены. Воздух города свеж, цены низкие. Вблизи Ардебилля находится гора Савалан. Это очень массивная гора, она возвышается с западной стороны, словно зависая над городом. Снег на вершине Савалана не тает ни летом, ни зимой. Хлеб всегда в изобилии. За один дирхем³⁵ можно купить 50 лавашей... Мед, топленое масло, фундук и орех, кишмиш и другое счетное стоит очень дешево, можно сказать, что дается даром». И далее, подытоживая, автор пишет, что «Ардебиль завоевал славу города-изобилия, всего того, что пожелает душа человека. По дешевизне и высокому уровню жизни он опережает все остальные города»³⁶. Источники отмечали наличие в городе «хороших бань».

Тебриз был столицей государства Атабеков (1136—1225). Международные караванные пути из Дербента к берегам Персидского залива и с Востока в Европу пересекались в Тебризе. Поэтому город был важным международным торговым центром. Он был полон иностранными купцами. Отсюда караванами отправлялись товары в страны Азии и Европы. Изготовленные тебризскими мастерами ковры, атлас, тафта, разнообразные шелковые ткани, одежда и другие товары пользовались большим спросом на мировых рынках. Один из основных монетных дворов Эльденизов располагался в Тебризе.

Побывавший в Тебризе в начале XIII века Йакут ал-Хамави писал: «Тебриз самый знаменитый город в Азербайджане. Этот город с многочисленным населением, с крепко сложенными из кирпича и известняка стенами. Внутри города протекает множество речушек; он окружен садами, здесь фрукты дешевые... Дома в Тебризе построены из крашеного красного кирпича и известняка и выглядят очень красиво... В Тебризе ткнут ткани для верхней одежды. Эти ткани вывозятся во все страны Востока и Запада»³⁷.

Города Ширвана

Область Ширван³⁸, где на протяжении тысячелетнего периода (VI—XVI вв.) царствовала старинная династия правителей Ширваншахов, включала плодородные равнины с прекрасными пастбищами, лугами и лесами. Близость Куры и моря доставляла жителям ценные сорта рыб.

В XI—XII веках города Ширвана — Шамахи, Шабаран, Баку, Дербент становятся известными на Востоке ремесленными и торговыми центрами. В столичном городе Шамахи насчитывалось до 100 тыс. жителей³⁹, основным занятием которых было шелководство. Шелк-сырец и шелковые ткани вывозились в другие города Кавказа и в ряд стран Ближнего Востока. В XIII веке шелк из Ширвана в большом количестве вывозился в Италию и Францию. Источники сообщают о развитии ковроткачества. Ранний ковер XIII—XIV веков Губа-Ширванской группы сохранился до наших дней⁴⁰.

³⁵ Приблизительно 1/20 динара. Дирхем чеканили из серебра, а динар — из золота.

³⁶ История Азербайджана. С. 233.

³⁷ Источники по истории Азербайджана. С. 185, 186.

³⁸ Ширваном или Шарваном средневековые авторы называли область на западном побережье Каспийского моря, к востоку от Куры, составляющую часть древней Кавказской Албании или раннесредневекового Аррана. У античных авторов Ширван не упоминается. Это название становится известным при Сасанидах (III—VII вв.).

³⁹ См.: *Аиурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI—XVI вв.). Баку: Элм, 1983. С. 173.

⁴⁰ См.: *Керимов Л.* Азербайджанский ковер. Баку — Ленинград, 1961. С. 17, рис. 8.

Города Ширвана славились производством специфических товаров. Так, Баку был известен нефтью и солью, Шамахи — шелком-сырцом и шелковыми тканями, Дербент — шафраном и льняными одеждами, Шабаран — керамическим производством.

К северу от Шамахи близ морского побережья находился один из древних городов Ширвана Шабаран. Этот город являлся касабой, административным центром территории Хурсан, одного из трех округов, из которых слагался в X веке Ширван⁴¹. В конце X века Ширваншах Мухаммад ибн Ахмад построил стену вокруг Шабарана. В XI веке здесь находилась семейная усыпальница Ширваншахов. К XV веку город прекратил свое существование. Во время археологических раскопок были обнаружены колодцы, баня, построенная из жженого кирпича, кирпичные водоводы — галереи, другие сооружения, многочисленные остатки керамической простой и глазурованной посуды, обжигательная печь, клад ширваншахских монет XIII века, свидетельствующие о развитой хозяйственной жизни средневекового города⁴².

Большинство источников, говоря о Баку⁴³, сообщают о значительной добыче нефти в окрестностях города, вывозимой в страны Ближнего Востока. Ал-Бируни в первой четверти XI века очень кратко говорит: «Баку — промысел белой нефти». Тема нефти всегда вызывала эмоции у путешественников. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гариати, объехавший в 1131 году юго-западное побережье Каспийского моря, описывает нефтеносные земли Апшерона и селение, в котором нетрудно узнать Сураханы с его вечными огнями: «И выходит из этой черной земли битум и нефть, черная и белая⁴⁴, а находится эта земля недалеко от Бакух, области Ширвана... Отсюда вывозят битум в другие местности»⁴⁵. В анонимном географическом сочинении на персидском языке, написанном в 20-х годах XIII века, о Баку говорится: «... это город в области Ширвана на берегу моря. Всю ночь земля его горит как огонь; ставят на нее котел и вода на земле его закипает. Его товары: нефть черная, белая и соль»⁴⁶.

Не без эмоций о бакинской нефти писали и западноевропейские путешественники. Первые сообщения их относятся к XIII веку. Первым из европейцев был знаменитый венецианец Марко Поло, отметивший факт добычи нефти в районе Баку⁴⁷.

Нефтяной промысел работал на внешнюю транзитную торговлю. Нефть в то время применялась как осветительное, лечебное и как военное средство. На практике в X—XII веках нефть применялась в ратном деле. Были специальные сосуды, которые наполнялись нефтью и использовались для поражения военных судов. Нефть широко применялась как лечебное средство при различных заболеваниях кожи, причем находили исцеление как люди, так и животные. Поэтому спрос на нефть был значительным, что явилось стимулом для роста Баку.

⁴¹ См.: *Ашурбейли С.* Указ. соч. С. 183.

⁴² См.: Там же.

⁴³ Город развился из небольшого поселения, возникшего в глубокой древности (более 2 тыс. лет). Добыча нефти и соли, выращивание шафрана, вывозившихся в различные страны Востока, служили важным стимулом роста Баку как города. Добыча нефти требовала развития ряда ремесел, связанных с нефтяным хозяйством, в частности изготовления сосудов из глины и тюленьей кожи для вывоза нефти. На этой основе незначительное поселение могло вырасти в город Баку, название которого в средние века связывали с нефтью и огнями (см.: *Ашурбейли С.* История города Баку. Период Средневековья. Баку: Азернешр, 1992. С. 39, 40).

⁴⁴ Имеется в виду Сураханская нефть (Сураханы в 15 км от Баку), которая в естественном виде обладала химическими свойствами современного керосина и потому называлась «белой нефтью». Это топливо исключительного свойства и на рынках пользовалось большим спросом.

⁴⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гариата в восточную и центральную Европу (1131—1153). М.: Наука, 1971. С. 55—56.

⁴⁶ Сведения «Диковинок мира» о Грузии и Кавказе. Тбилиси, 1978. С. 8.

⁴⁷ См.: *Эфендиев О.* Западноевропейские путешественники XIII—XVII веков о бакинской нефти // Первая международная конференция по истории нефтяной промышленности Азербайджана. Хьюстон, 1996. С. 1.

Существовала такая практика: половина доходов нефтяного и соляного промыслов была передана жителям города Дербента в качестве вакфа, то есть не облагалась налогом в пользу казны. Причем эти доходы шли на содержание не всего населения, а только защитников. Этот факт еще раз подтверждает ключевое значение Дербента для защиты северных рубежей Азербайджана.

Находясь в узком проходе между хребтами Большого Кавказа и Каспием, Дербент занимал выгодное военно-стратегическое положение. Город в истории имел более 20 названий, отражающих географические и стратегические особенности его положения. Греко-римские источники античного периода именовали город Каспийскими или Албанскими Воротами, кавказские средневековые авторы — Воротами чола, арабы — Баб ал-абваб (ворота ворот) или Баб ал-хадид (Железные ворота), азербайджанцы — Демиргапы. В истории трудно найти другой город, который испытал бы столько нашествий и разрушений, пережил бы такое количество подъемов и упадков, расцветов и запустения.

Как крупный торговый город Дербент упоминался во всех средневековых маршрутах. В X веке знаменитые дербентские полотняные изделия уступают место шелководству⁴⁸. Позднее венецианский путешественник Марко Поло при описании Дербента — Демиргапы писал: «Много тут шелку, выделывают здесь шелковые и золотые ткани. Таких красивых тканей нигде не увидишь»⁴⁹.

Металлообрабатывающее производство в Дербенте в XI — начале XII веков ознаменовалось не только количественными, но и качественными сдвигами: орудия труда значительно превосходили предметы вооружения⁵⁰.

Дербент был большим торговым городом. Через Дербентский порт Азербайджан поддерживал широкие связи с мусульманскими странами, в частности с Хазарией. Его главный город Самандар, просуществовавший до середины X века, также упомянут во всех маршрутах, соединявших Центральный Кавказ с Северным Кавказом, Русью, Волжской Булгарией и Нижним Поволжьем.

Дербентский порт с севера и юга был окружен стенами, построенными из камня и свинца. По сведениям Ибн Хаукаля, «к извилистому входу порта была проведена цепь, как в Тире и Бейруте»⁵¹. Цепь была на замке, а ключ хранился у смотрителя порта, без разрешения которого ни один корабль, ни одно судно не могло ни зайти в порт, ни выйти из него.

Дербентский базар славился на всем Ближнем и Среднем Востоке. Здесь также происходила оживленная работоторговля. Для приобретения рабов, привезенных из «соседних неверных стран», сюда стекались торговцы из разных стран Востока. В центре рыночной площади возвышалась Джума мечеть. Эта мечеть с родником и сейчас является местом поклонения.

Средневековые источники сохранили сведения о культуре быта Дербента. Из сведений ал-Мукаддаси видно, что в городе еще в X веке для отвода сточных вод была построена канализационная система. Пригороды сплошь состояли из посевных земель и виноградников. Ибн Хаукаль отмечал, что здесь «в большом количестве выращивают шафран» и «по посевным участкам этот город богаче, чем Ардебиль». То же отмечал ал-Истахри: «Дербент больше, чем Ардебиль»⁵².

Говоря о культуре быта в городах Азербайджана, надо отметить и наличие в них водопроводной системы. Недалеко от Шамахи на горе была воздвигнута крепость Гюли-

⁴⁸ См.: История Дагестана с древнейших времен до XX века. Т. I. М.: Наука, 2004. С. 212.

⁴⁹ Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И.П. Минаева. М.: Госиздат географич. литературы, 1955. С. 53.

⁵⁰ См.: Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. М.: Наука, 1993. С. 95.

⁵¹ Ашурбейли С. Государство Ширваншахов. С. 178.

⁵² История Азербайджана. С. 234.

стан. Высокие скалы и мощные каменные стены защищали подступы к ней. Водопровод из гончарных труб доставлял внутрь крепости родниковую воду. Подземный ход вел в соседнее ущелье, где протекал ручей. В цитадели находился дворец Ширваншахов. Такой же мощной была крепость Кале-й-Бугурд на реке Ахсу. Питьевая вода поступала в крепость по длинному керамическому водопроводу.

Археологические раскопки выявил следы сети водопровода и в других городах — Гяндже, Барде, Бейлагане. Обнаружены они и в районах банных помещений в черте городов.

По сообщению арабского автора, купцы русы вели торговлю со странами, расположенными на южном и западном побережье Каспийского моря. Они спускались по Танаису (Дону), волоком переправлялись на Волгу, спускались к Хамлиджу, столице хазар, где их облагали пошлиной, и на своих судах плыли в Каспийское море. Купцы же Азербайджана собирались в Трапезунде и оттуда ездили для торговли в Византию. Караванная дорога шла из Трапезунда и Малой Азии через равнины Аракса в Азербайджан и Иран. Баку, Шамахи, Дербент, Гянджа, Барда находились на магистралях международного торгового пути. Основной путь шел через Мугань по правому берегу Куры в Тифлис и оттуда к Черному морю и в Византию.

Большое значение имела торговая дорога по берегу Каспийского моря через порты Баку, Дербент и дальше через владения хазар на север. Другой важный путь шел из Барды в Ардебиль и в Иран и из той же Барды в Двин и дальше в Сирию и Месопотамию⁵³.

Подытоживая сказанное о крупных городах Азербайджана, надо отметить следующее: через них проходила главная ветвь Кавказского маршрута Великого шелкового пути. Купцы из Руси, Хазарии, Малой и Центральной Азии, Китая, Индии, Египта, Ирана, Ирака, Сирии и других стран Востока приезжали в города и, сбыв свои товары — меха, мечи, китайский шелк, индийскую тирму, жемчуг, стеклянные изделия и прочее, вывозили караванами нефть, соль, шелк-сырец, хлопок, сельскохозяйственные продукты.

З а к л ю ч е н и е

В целом, города и городское хозяйство IX — первой четверти XIII веков — это исключительное явление в истории Азербайджана. В этот период в стране насчитывалось около 50 городов, в каждом из которых было развито более 30 ремесленных профессий. Города выступали ведущими факторами прогрессивного, восходящего исторического развития. Городское хозяйство, городская экономика, а также земледелие, основывающееся на ирригации, явились фундаментом экономики страны. Расцвет и появление новых городов объяснялись перемещением международной торговли в бассейн Куры.

Вместе с тем именно города предопределили развитие и расцвет светской культуры. Растущие города позволили создать культурную среду, культурную жизнь региона. В этой среде сформировались выдающиеся поэты Гатран Табризи, Мехсети Гянджеви, Хагани Ширвани. Великий Низами был поэтом первой величины среди поэтов Востока. А Восток в XII веке был центром мировой культуры. Хамсе Низами Гянджеви вошло в сокровищницу мировой культуры. «Китаби Дедем Горгуд», получивший письменное оформление в XII веке, сегодня является основным источником по истории Азербайджана, энциклопедией его далекого прошлого и средневековой жизни. Как невозможно изучение

⁵³ См.: Ашурбейли С. История города Баку. С. 73—74.

далекого прошлого греков без «Илиады» и «Одиссеи», истории европейцев без «Легенды о нибелунгах» и «Песни о Роланде», так без «Китаби Дедем Горгуд» невозможно изучение происхождения тюркских народов, их древней истории в целом.

Ситара МУСТАФАЕВА

*Сотрудник кафедры истории
славянских стран исторического факультета
Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И АРМЕНИИ)

Р е з ю м е

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом установления азербайджано-армянской границы в 1920—1922 годах. На основе

богатого фактического материала автор пытается пролить свет на причины территориальных споров между Азербайджаном и Арменией.

В в е д е н и е

Формирование границ современных суверенных государств Кавказа произошло в основном в период с 1918-го по 1921 год. С провозглашением в мае 1918 года независимых государств — Азербайджана, Армении и Грузии вопрос о принадлежности тех или иных территорий каждой из новообразованных республик приобрел особую остроту. В основе территориальных споров этого периода лежало несоответствие дореволюционного административно-территориального устройства края этническому составу населения. В губерниях Южно-Кавказского региона было немало уездов с этнически смешанным населением. Попытки размежевания по национальному признаку породили территориальные конфликты.

Это и вызвало армяно-азербайджанскую конфронтацию, которая характеризовала отношения между двумя странами вплоть до установления в регионе гегемонии Советской России. Политика Советской России по отношению к спорным территориям меня-

лась в зависимости от ее интересов, но чаще удовлетворялись притязания армянской стороны.

Однако и установление Советской власти в регионе не приостановило, а еще усилило территориальные претензии Армении к Азербайджану. Это обусловило особую остроту вопроса об установлении границ между двумя советскими республиками в начале 1920-х годов.

Проблема установления азербайджано-армянской границы в 1920—1922 годах и роль Советской России в этом процессе до сих пор не были предметом отдельного исследования ни в советский, ни в постсоветский период — они изучались лишь в общем контексте политических событий на Кавказе.

Состояние азербайджано-армянской границы накануне советизации Азербайджана

В период существования Азербайджанской Демократической Республики (АДР) ее территория составляла 113 895,97 кв. км. Из них 97 297,67 кв. км не были объектом чьих-либо притязаний. Сюда входили следующие территории: Бакинская губерния (39 075,15 кв. км), Гянджинская губерния (44 371,29 кв. км), Закатальский округ (3 992,54 кв. км) и часть Иреванской губернии (9 858,69 кв. км — сюда входили I и II полицейские участки Шаруро-Даралаязского уезда; I, II, III и IV полицейские участки Нахчыванского уезда; I и II полицейские участки Ново-Баязетского уезда). Северная граница республики проходила вдоль течения реки Самур и Главного Кавказского хребта. На западе граница с Грузией, за исключением небольшого участка, совпадала с сегодняшней границей. Азербайджано-армянская граница шла по прежней административной границе Сурмалинского уезда до реки Аракс, проходила через Иреванский уезд через селения Агамалы, Баш-Гярыны и Имирзин и следовала по границе Ново-Баязетского и Шаруро-Даралаязского уездов, сворачивала потом по озеру Гейча (Севан) и делила его пополам. Селение Чубухлы оставалось за Арменией, а весь остальной восточный берег озера — за Азербайджаном¹. На основании указанной границы в территорию Азербайджана входят целиком вся Гянджинская губерния и все уезды — Сурмалинский, Нахчыванский и Шаруро-Даралаязский Иреванской губернии, а также южная часть Иреванского уезда с селениями Камарлу, Беюк-Веди, Давалу и восточная часть Ново-Баязетского уезда. Накануне апрельской революции 1920 года Карабах, Зангезур и Нахчыван входили в состав Азербайджанской Республики.

К числу территорий, на которые претендовала Армения, относились Газах, Карабах, Нахчыван и Зангезур.

В годы независимости руководство АДР вынуждено было передать ряд своих исторических территорий Армении. В период работы Батумской конференции (11 мая — 4 июня 1918 г.) между представителями Азербайджана и Армении велись переговоры о границах между двумя странами. В докладе члена делегации Закавказского мусульманского совета Н. Усуббекова на чрезвычайном заседании бывших членов закавказского сейма 27 мая 1918 года отмечалось, что «самым главным залогом процветания Закавказья, по мнению турецкой делегации, является солидарность и единение Закавказских народов, для достижения чего необходима будет некоторая территориальная уступка армя-

¹ См.: Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 28с, оп. 1с, д. 99, л. 1.

нам со стороны Азербайджана»². Таким образом, Турция выступала за создание армянского государства в Закавказье и советовала Азербайджану отказаться от ряда своих территорий. 29 мая на заседании Мусульманского национального совета в Тифлисе обсуждались результаты переговоров представителей Совета с представителями Армянского национального совета по данному вопросу. В своем выступлении здесь член Мусульманского национального совета Ф.Х. Хойский сообщает, что для образования армянской федерации им нужен политический центр, а таковым после отхода Александрополя (Гюмри. — С.М.) к Турции может быть только Иреван, а потому уступка Иревана армянам является неизбежной. Члены Совета Х. Хасмамедов, М.Ю. Джафаров, М. Магеррамов и др. в своих речах признавали уступку Иревана армянам «исторической необходимостью, неизбежным злом». При голосовании за уступку Иревана подается 16 голосов из 28 общего числа и единогласно решается вопрос об образовании с армянами конфедерации³.

Таким образом, Национальный совет под давлением Турции, «желая помочь обьявившему свою независимость соседнему государству», принимает такое важное решение, как уступка города армянам. Уже 1 июня 1918 года на заседании Мусульманского национального совета в Тифлисе был оглашен протест, подписанный членами Национального совета (Г. Сеидовым, Б. Рзаевым и Н. Нариманбековым) против уступки Иревана Армянской Республике. Однако Национальный совет постановил без обсуждения протест приобщить к протоколу⁴. Протест не был принят, поскольку в Батуми на переговорах между представителями Азербайджана и Армении была достигнута договоренность по следующим вопросам: Азербайджан согласен с созданием в пределах Александропольской губернии армянского государства; город Иреван уступается Армении с условием, что армяне отказываются от притязаний на часть Елизаветпольской губернии, то есть на нагорную часть Карабаха⁵. Из письма председателя Совета министров Азербайджанской Республики Ф.Х. Хойского, отправленного 31 июля 1918 года председателю азербайджанской делегации в Стамбуле М.Э. Расулзаде, становится ясно, что вместе с Иреваном Армянской Республике на Батумской конференции была уступлена и часть Газахского уезда⁶.

Однако Иреван был уступлен Армении временно. В январе 1919 года представитель Азербайджана в Грузии М.Ю. Джафаров в беседе о границах Азербайджана с английским генералом Бичем заметил, что Иреван был уступлен армянам временно, пока турки не очистят Александрополь⁷. Но даже эти уступки не смогли в дальнейшем воспрепятствовать обострению отношений между этими республиками.

Роль Советской России в урегулировании территориальных споров между Азербайджаном и Арменией

Дипломатическая переписка между Советским Азербайджаном и Араратской (Армянской. — С.М.) Республикой относительно Карабаха и Зангезура началась с первых

² ГААР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 46.

³ См.: ГААР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 51—52.

⁴ См.: ГААР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 53—54.

⁵ См.: *Гасанов Дж.* Азербайджан в системе международных отношений (1918—1920-е гг.). Баку, 1993. С. 89—90 (на азерб. яз.).

⁶ См.: Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 42.

⁷ См.: ГААР, ф. 970, оп. 1, д. 42, л. 3—4.

дней установления большевистской власти в Азербайджане. Москва, в свою очередь, согласившись на предложение Армении, взяла на себя роль посредника между этими двумя республиками. Объявив ряд территорий спорными (Нахчыван, Зангезур и Карабах), большевики заявили о том, что они будут заняты войсками Красной Армии⁸. Однако в вопросе о принадлежности ряда территорий той или иной республике большевики метались из стороны в сторону и в большинстве случаев поддерживали армян. Доказательством тому является множество документов. В первые дни после советизации Азербайджана Г. Орджоникидзе в телеграмме на имя народного комиссара иностранных дел Советской России Г. Чичерина пишет, что территории Зангезура и Карабаха необходимо оставить в составе Азербайджана, чтобы они не попали в руки османов⁹. Г. Орджоникидзе в одной из своих записок В. Ленину, И. Сталину и Г. Чичерину пишет, что армянская делегация в случае отказа Азербайджана от Шаруро-Даралаязского уезда и Нахчыванского района согласится на немедленное присоединение Карабаха и Зангезура к Азербайджану и что этот вопрос они поднимут в Баку в разговоре с Н. Наримановым.

9 мая 1920 года Азербайджан обратился к Армении с предложением не позже 15 мая 1920 года начать переговоры по пограничным вопросам. Армения отклонила это предложение, так как еще надеялась на помощь великих держав в вопросе о границах. А помощь на этот раз поступила от Советской России. 15 мая 1920 года заместитель наркома иностранных дел РСФСР Л. Карахан направил телеграмму на имя наркома иностранных дел Азербайджана М. Гусейнова. В нем сообщалось, что армянское правительство обратилось к российскому правительству с просьбой о посредничестве между Азербайджаном и Арменией и что советское правительство, выразив согласие на это, решило занять частями Красной Армии спорные между Азербайджаном и Арменией местности¹⁰.

Интерес представляет телеграмма Г. Орджоникидзе Г. Чичерину от 19 июня 1920 года «Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахчыванский и Шаруро-Даралаязский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть, и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской Советской Республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев азербайджанцев-мусульман. Относительно Шаруро-Даралаязского уезда у меня сведений нет»¹¹. Чичерин в письме Ленину утверждает: «Азербайджанское правительство заявило претензию на Карабах, Зангезур и Шаруро-Даралаязский уезд вместе с Нахчываном, Ордубадам и Джульфой. Большая часть этих местностей находится фактически в руках Армянской Республики»¹². Однако на самом деле Карабах и Зангезур не могли в это время находиться в руках Армении, так как в соответствии с Декретом о районных советах народного хозяйства от 28 июня 1920 года были определены границы районов Азербайджана: в частности, в Карабахский район включены были Зангезурский, Джеванширский и Шушинский уезды¹³. Таким образом, по этому документу в июне 1920 года Карабах и Зангезур по-прежнему были в составе Азербайджанской Республики.

В этот период С. Киров (член Кавбюро ЦК РКП(б). — С. М.) с Кавказа направляет письмо Чичерину о положении дел в Грузии, Азербайджане и Армении, в котором пишет: «Я имел с ним (Гусейновым М. Д., — С. М.) и с армянским представительством нео-

⁸ См.: ГААР, ф. 28с, оп. 1с, д. 99, л. 96.

⁹ К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918—1925. Документы и материалы. Баку, 1989. С. 34.

¹⁰ См.: ГААР, ф. 28с, оп. 1с, д. 99, л. 96.

¹¹ К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. С. 49—50.

¹² Мамедова Ш. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане. 1920—1930. Баку, 2004. С. 163.

¹³ См.: Декреты Азревкома (1920—1921 гг.). Сборник документов. Баку, 1988. С. 87—88.

днократные совещания... В результате всего этого от азербайджанцев добился только одного — готовности уступить Армении Шаруро-Даралаязский уезд, остальные же, то есть Нахичеванский уезд, Ордубад, Джульфу, Зангезур, Карабах, азербайджанцы считают, безусловно, своими. В свою очередь, представители Армении категорически претендуют на эти области. Главным мотивом азербайджанцев является то, что эти области при правительстве АДР принадлежали Азербайджану и уступка этих областей сейчас будет, по их мнению, дискредитированием Советской власти не только в Азербайджане, но и в Персии и Турции. Представители Армении и Азербайджана наметили в ближайшее время созвать мирную конференцию для разрешения всех спорных вопросов, но ни та, ни другая сторона положительно не верит, что они могут до чего-нибудь договориться на этой конференции. Так безнадежно стоит этот вопрос здесь. Я уже вам сообщал, что единственный выход из создавшегося положения — твердо решить этот вопрос в Москве, только ее авторитет может решить дело»¹⁴.

В телеграмме от 14 июля 1920 года на имя Чичерина Орджоникидзе и представитель России в Армении Легран пишут: «Считаем необходимым такое разрешение вопроса, которое отчасти может удовлетворить Азербайджан: Карабах целиком и безоговорочно присоединяется к Азербайджану. Зангезур объявляется спорным, остальные области (Нахичевань, Шарур-Даралаяз, Ордубад) остаются за Арменией»¹⁵.

Эта же политика нашла свое отражение в постановлении заседания Бюро ЦК АКП(б), проходившего 15 июля 1920 года, где обсуждался вопрос о мире с Арменией: «1. Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану. 2. От Нахичевани и других отказаться, предложить оккупировать русскими войсками»¹⁶.

Карабах, Нахчыван и Зангезур — предмет торга в процессе советизации Армении

10 августа 1920 года в Иреване между РСФСР и Араратской Республикой было подписано предварительное соглашение о прекращении военных действий, по которому «войсками РСФСР занимают спорные области Карабах, Зангезур и Нахичевань» до определения границ между Азербайджаном и Арменией¹⁷. Азербайджанская сторона выступила против объявления территорий Карабаха, Зангезура и Нахчывана спорными.

Подписав с РСФСР вышеуказанный договор, министр иностранных дел Армении Агаджанян, в ответ на неоднократные предложения Азербайджана о созыве конференции для урегулирования всех спорных вопросов, отправляет министру иностранных дел Азербайджана телеграмму следующего содержания: «Согласно предварительному договору, заключенному между представителями правительства Армении и полномочным представителем РСФСР Леграном 10 августа 1920 года, территориальные споры между Арменией и Азербайджаном должны быть разрешены на основах, которые будут уста-

¹⁴ Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тбилиси, 1958. С. 613—614.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд 85 «Орджоникидзе Г.К.», оп. 13, д. 98, л. 1.

¹⁶ К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. С. 57.

¹⁷ См.: *Мустафазаде Р.* Две республики. Азербайджано-русские отношения в 1918—1922 гг. М., 2006. С. 221.

новлены мирным договором, имеющим быть заключенным между РСФСР и республикой Арменией в скорейшем будущем. Ввиду изложенного в ответ на предложение Ваше о созыве 20 августа сего года Армяно-Азербайджанской конференции сообщаю, что правительство мое созыв такой до заключения окончательного договора с РСФСР считает преждевременным». Армянские представители заявляли, что армяно-азербайджанская граница будет установлена согласно соглашению от 10 августа 1920 года между Россией и Арменией¹⁸. По новому договору от 28 октября 1920 года по урегулированию отношений с Россией Армения отказывалась от притязаний на Карабах при условии передачи ей Зангезура и Нахчывана и предоставлении ссуды в 2,5 млн золотых рублей¹⁹.

Фактически Советская Россия после советизации Азербайджана, используя территориальный вопрос, пыталась привлечь на свою сторону и другие кавказские государства, в данном случае Армению. Это видно из слов Сталина, который 9 ноября 1920 года в Баку выступил с докладом на объединенном заседании Кавбюро ЦК РКП(б), ЦК АКП(б), Ревкома АзССР, Бакинского комитета партии о ближайшей партийной и советской работе в Азербайджане. На один из письменных вопросов Сталин дал такой ответ: «В Зангезуре восстание (дашнакское). Мы с ними боремся. Если хотят узнать, кому принадлежать должны (спорные) Зангезур и Нахичевань, то теперешнему правительству (дашнаков) Армении их передать нельзя, будет советское, тогда можно будет»²⁰.

По окончании войны с Арменией Турция 2 декабря 1920 года в Александрополе заключила мир. По этому договору Нахчыван, Шарур и Шахтахты объявлялись «временно» находящимися под защитой Турции. Фактически протекторат Турции устанавливался и над территорией, формально остававшейся за Арменией²¹.

2 декабря полномочным представителем РСФСР в Армении Леграном было подписано соглашение с представителями дашнакской Армении об объявлении Армении Советской Республикой. Определялась территория Советской Армении следующим образом: Иреванская губерния, часть Карсской области, Зангезурский уезд, часть Газахского уезда и те части Тифлисской губернии, которые находились в составе Армении до 8 сентября 1920 года²². Итак, Армения одновременно подписывает соглашение с Турцией и с Советской Россией, надеясь на помощь последней. Однако против вышеуказанных решений выступили жители Нахчывана. Еще 28 июля 1920 года здесь была создана Нахчыванская ССР. Ревком Нахчывана заявил о том, что Нахчыван является неотъемлемой частью Азербайджана. И поэтому Ревком Армении вынужден был 28 декабря 1920 года признать Нахчыван как независимую Советскую Республику. В январе 1921 года при участии представителей Турции, РСФСР, Азербайджана и Армении здесь был проведен опрос населения. 90% населения Нахчывана заявили о своем желании остаться в составе Азербайджана²³. Анкарское правительство соглашалось вывести свои войска из Нахчывана лишь при условии, если Россия признает этот регион составной частью Азербайджана. Таким образом, сопротивление местных жителей и позиция Турции в вопросе о принадлежности Нахчывана решили судьбу этого края. Вопрос о статусе Нахчыванского края окончательно был решен Московским договором, заключенным 16 марта 1921 года между РСФСР и Турцией, и Карсским договором, подписанным при участии РСФСР 13 октября 1921 года между Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой. III статья Московского договора определяла статус и границы Нахчыванской области: «Обе договаривающиеся стороны согласны, что Нахичеванс-

¹⁸ См.: ГААР, ф. 28с, оп. 1с, д. 99, л. 102.

¹⁹ См.: Документы внешней политики СССР. В семи томах. Т. II. М., 1958. С. 728.

²⁰ Хармандарян С.В. Ленин и становление Закавказской федерации. 1921—1923. Ереван, 1969. С. 47.

²¹ См.: Документы внешней политики СССР. В семи томах. Т. III. М., 1959. С. 675.

²² См.: Документы внешней политики СССР. В семи томах. Т. IV. М., 1960. С. 711.

²³ См.: Мусаев И. Политическое положение в азербайджанских регионах Нахчыван и Зангезур и политика зарубежных государств (1917—1921 гг.). Баку, 1996. С. 269—301 (на азерб. яз.).

кая область в границах, указанных в Приложении 1(с) настоящего договора, образуют автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству²⁴. Однако статьи Московского договора относительно Нахчыванского края фактически игнорировались со стороны Советской Армении. В телеграмме от 13 июля 1921 года народного комиссара иностранных дел АССР М.Д. Гусейнова на имя Г. Орджоникидзе выражена просьба принять меры к отозванию из Нахчыванского края представителей Армении, так как их действия могут вызвать с турецкой стороны «новые попытки претензий на нахкрай под предлогом неисполнения Московского договора»²⁵.

Решение Политбюро и Оргбюро АКП(б) относительно передачи Зангезура Армении было реализовано уже в 1921 году. И это несмотря на то, что мусульманское население края было против присоединения к Армении. В докладе чрезвычайного комиссара Карабаха и Зангезура Ш. Махмудбекова от 24 декабря 1920 года говорится, что к нему пришли «представители Низменного Зангезура, состоящего из 4-х участков, и заявили о своем категорическом решении остаться под управлением Азербайджанской Советской власти, если же их ходатайство не будет удовлетворено, то они просят указать место, куда они могли бы переселиться».

Между тем в своем докладе на I съезде Советов Азербайджанской ССР 9 мая 1921 года М. Гусейнов о Зангезуре говорит как о территории Армении²⁶. Согласно данным армянских авторов, 20 июля 1921 года Совет народных комиссаров утвердил декрет об административном делении Армении, по которому Советская Армения была разделена на 8 уездов — Иреванский, Александропольский, Эчмиадзинский, Иджеванский, Караклисский, Нор-Баязетский, Лори-Памбакский и Даралаязский. Позже был организован Зангезурский уезд²⁷. Таким образом, западная часть Зангезура была изъята решением центра из состава Азербайджана и присоединена к Армении.

Сложно решался вопрос о Нагорном Карабахе. После советизации Грузии 2 мая 1921 года на пленуме Кавбюро ЦК РКП(б) было принято решение о создании комиссии из представителей закавказских республик под председательством С. Кирова для определения границ между советскими республиками Кавказа с предоставлением заключения на утверждение пленума Кавбюро. Еще до начала заседания указанной комиссии в постановлении Кавбюро от 3 июня 1921 года отмечалось, что правительство Советской Армении в своей декларации должно указать на принадлежность Нагорного Карабаха Армении.

12 июня 1921 года Армянское правительство, якобы на основании соглашения с Азербайджаном, издало декрет о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Однако это заявление Армении вызвало резкий протест в Азербайджане. Заседания комиссии в составе председателя Кирова, членов: Сванидзе, Тодрия (от Грузии), Гусейнова, Гаджинского, Расулзаде (от Азербайджана), Бекзадяна (от Армении) проходили в Тифлисе с 25 по 27 июня 1921 года. На первом же заседании Бекзадян предложил членам комиссии учесть несправедливое административное разделение Закавказья царской властью и исключительно тяжелое положение Советской Армении и «во имя общей солидарности, установления раз навсегда самых искренних, дружеских взаимоотношений сделать известные территориальные уступки, при этом в районах, населенных компактным армянским населением». Эти уступки относились к Ахалкалакскому уезду, к Лорийской нейтральной зоне и Нагорному Карабаху.

²⁴ См.: Документы внешней политики СССР. В семи томах. Т. III. С. 599.

²⁵ РГАСПИ, ф. 85 «Орджоникидзе Г.К.», оп. 13, д. 151, л. 1—7.

²⁶ См.: К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. С. 74.

²⁷ См.: *Акопян А.М., Эльчибекян А.М.* Очерки по истории Советской Армении. 1917—1925 гг. Ереван, 1953. С. 178.

Бекзадян также отмечал, что в Москве, в мае, в беседе с ним и Мясниковым Сталин вполне разделял эту точку зрения. Однако представители Грузии и Азербайджана, исходя из политических соображений борьбы с внутренней националистической контрреволюцией, выдвинули контрпредложение о недопустимости каких бы то ни было территориальных прирезок. Их поддержал и Киров²⁸. Таким образом, вопрос о территориальном разграничении не был решен в выгодном для Армении ракурсе, и поэтому представитель Армении Бекзадян перенес его на решение Кавбюро ЦК РКП(б).

26 июня 1921 года утром Орджоникидзе с Кировым послали из Тифлиса следующую срочную телеграмму председателю Совнаркома АССР Н. Нариманову: «...Просим созвать экстренно Политбюро и Совнарком и разрешить вопрос о Карабахе, с тем чтобы завтра 27 июня можно было закончить переговоры. Если интересуешься нашим мнением, то оно следующее: в интересах окончательного разрешения всех трений и установления истинно дружественных отношений при решении вопроса о Нагорном Карабахе необходимо руководствоваться таким принципом: ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, равно как ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении»²⁹.

27 июня 1921 года на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) при обсуждении вопроса о границах Азербайджана с Арменией в связи с работой комиссии в Тифлисе постановили: «В целом вопрос о Нагорном Карабахе в постановке т. Бекзадяна Полит. и Оргбюро считает неприемлемым, ввиду безусловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану, в каковом смысле и должен быть разрешен вопрос. Поэтому предложение отделить местности с армянским и азербайджанским населением соответственно к Армении и Азербайджану с точки зрения административной и экономической целесообразности тоже считать неприемлемым»³⁰. В этот же день Н. Нариманов отправляет телеграмму Орджоникидзе с просьбой отозвать из Карабаха чрезвычайного уполномоченного Армении Муравьяна. В телеграмме указывается на тот факт, что вопрос о Карабахе еще не решен окончательно и нахождение там представителя Армении является политической и тактической ошибкой³¹.

Со 2 по 7 июля 1921 года проходил пленум Кавбюро ЦК РКП(б). 4 июля на вечернем заседании пленума Кавбюро был рассмотрен вопрос о Нагорном Карабахе. Кавбюро было вынесено постановление: «Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении и плебисцит провести только в Нагорном Карабахе». Однако после заявления Н. Нариманова о том, что «ввиду той важности, какую имеет карабахский вопрос для Азербайджана», он считает «необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП(б)», с этим мнением Кавбюро согласилось. 5 июля на следующем заседании Кавбюро отменяется решение о переносе вопроса в Москву, в ЦК РКП(б), и принимается новое постановление, в котором говорилось: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном — Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в городе Шуше». Кроме того, ЦК КП(б) Азербайджана было поручено определить границы автономной области и представить на утверждение Кавбюро ЦК РКП(б)³².

²⁸ См.: Хармандарян С.В. Указ. соч. С. 101—102.

²⁹ Там же. С. 103.

³⁰ К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. С. 86—87.

³¹ См.: РГАСПИ, ф. 85 «Орджоникидзе Г.К.», оп. 13, д. 98, л. 1.

³² См.: К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. С. 90—92.

Установление государственной границы между Азербайджаном и Арменией

15 августа 1921 года пленум Кавбюро, заслушав вопрос о границах между советскими республиками Закавказья, постановил: предложить председателям СНК и Ревкома Азербайджана, Армении, Грузии подписать договор, определяющий границы между тремя республиками, и поручил комиссии в составе Лукашина, Гусейнова, Сванидзе, Орахелашвили выработать проект договора³³. В дальнейшем подобный общий договор между правительствами кавказских республик не был подписан. И территориальный вопрос продолжал остро стоять все 1920—1930-е годы.

На заседании Президиума АзЦИК 15 апреля 1922 года постановили: «Для ликвидации спорных вопросов о границе между АССР и ССРА образовать две смешанные комиссии: одну по Казахскому, другую по Карабахскому району». Это постановление было отправлено председателем АзЦИК Агамалы оглы в Союзный совет с просьбой известить ЦИК Армении об этом решении. Извещенный об этом ЦИК Армении телеграммой от 27 апреля 1922 года сообщил следующее: «Постановлением Президиума ЦИК Армении для выяснения спорных пограничных вопросов между Делижанским и Казахским уездами организованы две комиссии... Также выражено пожелание о назначении председателями этих смешанных комиссий представителей Союзного Совета, о чем просим Вашего согласия»³⁴. На заседании Союзного Совета 8 мая 1922 года постановили: «Образовать специальную комиссию из Представителя Союзного Совета и ЦИКов АССР и ССРА для выяснения споров в пограничном районе между упомянутыми Республиками»³⁵.

Распоряжением Закавказского Чрезвычайного комитета с 22 августа 1922 года упразднялись все пограничные заставы в крае, объявлялись свободными все внутренние границы, внешними границами стали считаться границы с Турцией и Персией³⁶. Это распоряжение должно было смягчить пограничные споры между кавказскими республиками. Однако, несмотря на вышеуказанное решение, пограничные споры продолжали существовать. На имя председателя правительства Армении Довлатова 30 сентября 1922 года было отправлено от уполномоченного НКВД Азербайджана Ширвани сообщение следующего содержания: «По сообщению Главного управления милиции Азербайджанской Республики, властями пограничного Кафанского района Зангезурского уезда притесняются жители Халадузского и Даржлинского обществ, с целью добиться признаниями последними властей Армянской Республики. Ввиду того, что они являются частью Кубатлинского уезда, следовательно, в административном отношении подчинены Правительству АССР, прошу Правительство ССР Армении, в Вашем лице, внушить пограничным властям прекратить незаконные их выступления»³⁷.

На заседании Президиума Закрайкома РКП(б), проходящем 30 октября 1922 года, обсуждался вопрос, связанный с ликвидацией пограничных споров на армяно-азербайджанской (в районе Таузского, Газахского и Каравансарайского уездов) и грузино-азербайджанской (Сигнахский район) границах. По данному вопросу было принято следую-

³³ См.: Хармандарян С.В. Указ. соч. С. 110.

³⁴ ГААР, ф. 28, оп. 1, д. 96, л. 63.

³⁵ ГААР, ф. 379, оп. 40с, д. 16, л. 5.

³⁶ См.: ГААР, ф. 379, оп. 40с, д. 45, л. 2.

³⁷ ГААР, ф. 28с, оп. 1с, д. 135, л. 15.

щее постановление: «Для окончательной ликвидации пограничных споров наметить комиссию Заккрайкома: т.т. Г.К. Орджоникидзе, Н. Нариманова, А. Мясникова. Заккрайком констатирует, что постановления Президиума Союзного Совета 20 мая сего года о ликвидации земельных споров между селениями Татлы мусульманское и Татлу Армянское, селениями Чахмахли и Лалакенд... до сих пор в местах не проведено в жизнь. Это вызывает сейчас ряд недоразумений на местах, грозящих вылиться в острую форму. Заккрайком полагает возможным установления того порядка землевед. и лесопользования, какой существовал на местах до образования отдельных республик, при этом вопрос может быть разрешен или в форме изменения государственных границ, в смысле перехода части армянских селений к Азербайджану, или же в форме установления полнейшей гарантии со стороны Армении, что впредь пользование спорными землями будет допущено для азербайджанских крестьян беспрепятственно»³⁸. Однако в изучаемый нами период не было созвано ни одно совещание.

Согласно объяснительной записке к карте государственных границ Азербайджанской ССР от 24 октября 1922 года государственная граница между Азербайджаном и Арменией не фиксировалась никакими пограничными договорными актами, а была установлена по фактическому территориальному владению после сельскохозяйственной переписи в Азербайджанской ССР в конце 1921 года, исполненной Центральным статистическим управлением. Причем пограничная линия, нанесенная на карте, не строилась по признаку «цепи естественных топографических пунктов», а проводилась по линии ряда селений, жители которых в административном порядке и фактически находились в подданстве АССР, а потому описания ее не могли быть закреплены никакими географическими названиями³⁹.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

Советизация обернулась для Азербайджана потерей части его исторических земель. Территория Северного Азербайджана к началу 1920 года составляла 113 895,97 тыс. кв. км, а после советизации она потеряла 29 338,2 кв. км. Из них 12 779,6 кв. км были уступлены Армении. В результате проводимой Советской Россией политики территория Армении, состоящая в момент образования республики в 1918 году из 9,2 тыс. кв. км, в течение 1920—1922 годов расширилась до 28,1 тыс. кв. км⁴⁰. И уже по данным переписи 1926 года, территория Армении составила 30,24 тыс. кв. км⁴¹. То есть за годы Советской власти Азербайджан потерял 12 тыс. кв. км своих территорий. Армении были «подарены» следующие районы: Гафан, Горус, Сисиан и Мегри, составляющие примерно 4 504,5 кв. км⁴². И лишь нахождение турецких войск в Нахчыване и сопротивление местного населения помешало Армении присоединить к себе этот край.

Отторжение же части исторического Карабаха — Зангезура от Азербайджана послужило началом реализации плана армянской партии «Дашнакцутюн», который последовательно проводился в жизнь в течение десятилетий и был направлен на присоединение к Армении все новых азербайджанских земель. Один из лидеров партии Ов. Качазнуни считал Советскую Россию единственной опорой Армении. В 1923 году он писал: «Вопрос

³⁸ ГААР, ф. 411, оп. 1, д. 54, л. 25.

³⁹ См.: ГААР, ф. 28, оп. 1, д. 84, л. 3—4.

⁴⁰ См.: Зейналова Т.М. Из истории национального государственного строительства в Азербайджане (1920—1930-е гг.). Баку, 2004. С. 33, 49 (на азерб. яз.).

⁴¹ См.: ЗСФСР в цифрах. Центральное статистическое управление ЗСФСР. Тифлис, 1929. С. 1.

⁴² См.: Мусаев И. Указ. соч. С. 328.

расширения наших (армянских. — *С.М.*) границ можно разрешить, только опираясь на Россию, ибо только Россия может заставить турок отступить, и это единственный практический способ для завоевания земель; остальное — наивность или самообман. То есть если и здесь остается какая-нибудь надежда — опять на большевиков...»⁴³

⁴³ Качазнуни Ов. Дашнакцутюн больше нечего делать! Баку, 1990. С. 77.

Васиф ГАФАРОВ

*Преподаватель кафедры
новой и новейшей истории Азербайджана
Бакинского государственного университета
(Баку, Азербайджан).*

РУССКО-ТУРЕЦКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА (1919—1921 гг.)

Резюме

В статье исследуется развитие отношений между Советской Россией и Турцией в 1919—1921 годах и их влияние на политическую ситуацию в Азербайджане, провозгласившем свою независимость 28 мая 1918 года.

Введение

После Октябрьского переворота 1917 года Россия вышла из войны, что вызвало враждебность ранее союзных стран Антанты. Изначально воспринимая В.И. Ленина как «агента Германии», Антанта пыталась задушить созданное им большевистское правительство. Россия нуждалась в поддержке, и Турция, ведущая антиимпериалистическую войну с Антантой, оказалась ее естественным союзником.

В мае 1919 года в Турции поднялось национально-освободительное движение под руководством Мустафы Кемаль-паши. С самого начала Анатолийское движение испытывало нужду в вооружении и финансовых средствах, и такая помощь могла поступить только из России. Правительство Азербайджанской Республики (АР) в этот период пыталось, действуя через англичан, получить международное признание и не имело возможности оказывать Анатолийскому движению необходимую помощь. В таких условиях Мустафа Кемаль-паша был вынужден обратить свое внимание к Москве.

Вопрос о советизации Азербайджана в отношениях между Анатолийским движением и Советской Россией

С первых же дней национально-освободительного движения Мустафа Кемаль-паша пытался получить российскую помощь. В частности, с этой целью 25 мая 1919 года он прибыл в Хавзу, где встретился с советской делегацией¹. На проведенных здесь переговорах советская делегация пообещала ему военную и финансовую помощь, взамен призвав Турцию к совместной борьбе с общим врагом — Антантой².

Отметим, что тогда же возникли и определенные разногласия в рядах Анатолийского движения по вопросу об отношении к большевикам. Одна группа турецких лидеров требовала противостоять продвигавшемуся к Кавказу большевизму и опереться в этом на помощь Союзных держав; другая же в стремлении изгнать иностранных оккупантов с турецких территорий требовала сближения с большевиками. В конечном счете победили эти последние.

В дни Эрзерумского конгресса (23 июля — 7 августа 1919 г.) Мустафа Кемаль принял решение поручить налаживание отношений с большевиками командующему 15-й армией Казыму Карабекир-паше. Для изучения ситуации в Азербайджане Казым Карабекир-паша направил в Баку Омара Лютфи-бека и Фуада Сабит-бека, который затем из Баку должен был проследовать в Москву³. Мустафа Кемаль в свое время отмечал, что Сабит-беку были даны соответствующие устные инструкции⁴.

Оба посланца, прибыв в Баку, в первую очередь встретились с премьер-министром АР Насиббеком Усуббековым, который положительно отреагировал на просьбу анатолийцев о помощи⁵. Однако Фуад Сабит-бек при посредничестве партии «Гуммет» сам связался с русскими большевиками, подпольно действовавшими в Баку.

После установления связи с большевиками Сабит-бек послал в Анкару зашифрованное письмо следующего содержания: «...повидался с большевиками. Я спросил, какую помощь они могут оказать нам с учетом того, что в нашей стране нет общественных и экономических условий для установления большевизма и мы не можем осуществить общественные реформы, так как народные традиции будут препятствовать этому. Они обещали любую помощь, но из-за отсутствия дорог пока только возможна финансовая помощь, причем дадут столько, сколько попросим...»⁶

В дни Сивасского конгресса (4—11 сентября 1919 г.) Нуру-паша обратился к Казыму Карабекир-паше с предложением создать республику для сохранения и защиты Карса, Батума и Ардагана⁷. Однако Карабекир-паша не считал эту мысль удачной и посоветовал ему отправиться в Азербайджан и оттуда обеспечить помощь Анатолийскому движению⁸.

¹ См.: *Эртюрк Х.* За кулисами двух периодов. Запись воспоминаний: Самих Нафиз Тансу. В 3-х томах. Стамбул: Изд-во «Арат», 1969. С. 344 (на турец. яз.).

² См.: Там же. С. 344—345.

³ См.: *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. I. Стамбул: Изд-во «Япы креди», 2006. С. 80 (на турец. яз.); *Гюрюн К.* Турецко-советские отношения (1920—1953). Анкара: Турецкое историческое общество, 1991. С. 19 (на турец. яз.).

⁴ См.: АТАСЕ (Архив Военного министерства Турецкой Республики), А. 1/4282, К. 586, D. 114-34, F. 56.

⁵ См.: *Карабекир К.* Указ. соч. С. 395—396.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ См.: Там же. С. 203—204.

⁸ См.: Там же. С. 204—205.

Нуру-паша в сентябре 1919 года прибыл в Баку и создал там полуофициальное «Представительство турецкого народа», стремясь добиться помощи и поддержки Анатолийскому движению. В результате в декабре 1919 года азербайджанское правительство оказало финансовую поддержку Мустафе Кемалю⁹.

В сентябре 1919 года Кемаль-паша направил в Азербайджан и Халил-пашу, который в конце Первой мировой войны воевал на Кавказе, а потому хорошо знал и этот регион, и большевиков. Ему было поручено наладить связи с правительствами Советской России и АР, получить от них материальную и финансовую помощь и, в особенности, способствовать открытию дороги между Советами и Турцией¹⁰.

Сам Халил-паша оценивал ситуацию в Азербайджане следующим образом: «Азербайджанский народ хочет быть вместе с Турцией, но есть и такие, кто хочет жить самостоятельно и опасается объединения с Турцией. Есть и такие, кто хочет объединиться не с Турцией, а с Иранским Азербайджаном, мечтая таким образом создать большое Азербайджанское государство... На днях получил от К. Карабекира следующую шифрограмму: «Вашей совместно с Энвер-пашой и Нуру-пашой главной задачей является доведение Советской формы правления до границ Турции. Следует упорно бороться в этом направлении, в противном случае от этого выиграют другие». Таким образом, Турция, воевавшая против Царской России в Первой мировой войне, под давлением изменившихся условий и во имя своих национальных интересов вынуждена была способствовать расширению влияния Советов на Кавказе, в частности в Азербайджане.

Деятельность представителей общественно-политических движений Турции в Азербайджане

20 октября 1918 года было создано «Общество Каракол», учредителями которого были Кара Васиф, Кара Камал и Баха Саит. В дальнейшем Общество зарекомендовало себя как умелый организатор движения национального сопротивления в Турции. Существенную роль оно сыграло и в обеспечении Анатолийского движения оружием.

«Общество Каракол» уделяло большое внимание налаживанию отношений с большевиками, с тем чтобы обеспечить условия для оказания военной помощи движению национального сопротивления с Кавказского направления. Для ведения переговоров с большевиками «Общество Каракол» командировало в Баку Баху Саит-бека¹¹, который был не только соучредителем Общества, но и членом Центрального комитета организации. При этом он был снабжен мандатом Временного революционного правительства Турции, дающим ему все полномочия на ведение переговоров с большевиками¹².

В результате переговоров Бахи Саит-бека с представителями Кавказского Комитета РКП (б) в ноябре 1919 года был подготовлен текст, который без изменений лег в основу договора от 11 января 1920 года¹³. Договор подписали: со стороны правительства Совет-

⁹ См.: *Светоховски Т.* Русский Азербайджан в 1905—1920 гг. Стамбул: Изд-во «Баглам», 1988. С. 213, 215 (на турец. яз.).

¹⁰ См.: *Аслан Б.* Турецко-азербайджанские отношения и Ибрагим Абилов (1920—1923 гг.). Стамбул: Изд-во «Кайнак», 2004. С. 44 (на турец. яз.).

¹¹ См.: *Еросимос С.* Турецко-советские отношения. От Октябрьского переворота к «Национальному сопротивлению». Стамбул, 1979. С. 113 (на турец. яз.); *Аслан Б.* Указ. соч. С. 47.

¹² См.: Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 894, оп. 10, д. 145, л. 11—13.

¹³ См.: *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. II. С. 702—704; *Еросимос С.* Указ. соч. С. 134—136.

ской России — Шалва Элиава, а со стороны Временного революционного правительства Турции — Баха Саит-бек.

Главной общей целью провозглашалось «освобождение всех мусульманских стран из-под ига империалистов Западной Европы». По договору Советская Россия брала на себя обязательство обеспечить турецкое революционное движение оружием, снаряжением, деньгами и другой помощью. В свою очередь турецкая сторона обязалась оказывать посильную помощь Советам в борьбе с Деникиным, Колчаком и другими врагами Советской власти, а также поддерживать антибританские восстания в Батуме, Иране, Афганистане и Индии.

В этом договоре, состоявшем из 15 статей, наибольшего интереса, на наш взгляд, заслуживает статья 11: «...Российская Советская Республика и Турецкое Революционное Правительство берут на себя обязательство оказывать поддержку начинающемуся на Кавказе общему движению против английских и российских империалистов и тормозящих это движение нынешних правительств Грузии, Армении и Азербайджана, действующих по приказу и под влиянием империалистов Европы против целей и задач, определенных данным договором. Временное Революционное Правительство Турции, представленное Исполнительным органом Революционного Общества Каракол, обязуется помогать всем правительствам, присоединившимся к подписантам данного договора и, особенно, Кавказскому Краевому Комитету, против трех вышеназванных правительств...»¹⁴

В статьях 13 и 14 договора утверждается, что он вступает в силу после ратификации, в то же время в статье 14 отмечено, что стороны, не дожидаясь реакции правительств, немедленно после подписания договора приступают к его реализации.

Турецких представителей, занимавшихся в конце 1919 — начале 1920 годов в Баку налаживанием отношений между Анатолийским движением и большевиками в целях получения советской военной помощи, можно условно разделить на две группы.

Первую группу возглавлял Халил-паша. Во вторую входила группа, сплотившаяся вокруг Фуада Сабит-бека (Юзбаши Ягуб, Сулейман Нури, отставные офицеры, несколько офицеров и военнопленных)¹⁵. Для получения и реализации советской помощи Анатолийскому движению, бьющемуся не на жизнь, а на смерть с Союзными державами, эти две группы решили объединиться. В начале 1920 года состоялось объединительное собрание, на котором было принято решение о совместной деятельности¹⁶. Новую организацию, действующую в Азербайджане параллельно с местными и русскими большевиками, назвали «Турецкая коммунистическая партия». Членами организации были Халил-паша, Доктор Фуад Сабит, Сулейман, Эркани Харп Мустафа, Баха Саит, Юзбаши Ягуб, Кичик Талат, Салих Зеки, Сулейман Нури, Хилми и другие. В партии были организованы отделы: транспортный, издательский и пропаганды. Также было запланировано издание газеты¹⁷. Позже партия начала издавать в Баку газету «Новый путь».

Немедленно после образования Турецкой коммунистической партии началась ее переписка с лидерами Анатолийского движения, и вся дальнейшая деятельность партии соразмерялась с директивами Мустафы Кемалю и Казыма Карабекира. Объективно эти директивы были направлены на то, чтобы в обмен на советскую помощь Анатолии добиться советизации Азербайджана, что в конце концов и произошло.

Турецкая коммунистическая партия хорошо понимала, что советская помощь Анатолии могла поступать по маршруту через Зангезур — Нахчыван. Но перед Турецкой

¹⁴ ГААР, ф. 894, оп. 10, д. 145, л. 13—14; *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. II. С. 702—704; *Еросимос С.* Указ. соч. С. 134—136.

¹⁵ См.: *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. II. С. 680.

¹⁶ См.: Там же; *Теветоглу Ф.* Социалистическая и коммунистическая деятельность в Турции. 1910—1960 гг. Анкара, 1967. С. 277 (на турец. яз.).

¹⁷ См.: *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. II. С. 680—681.

коммунистической партией стояли два препятствия: первое — армяне, второе — проанглийское азербайджанское правительство. Поэтому члены Партии, с одной стороны, пытались организовать наступление азербайджанской армии на армян, с другой — продолжали деятельность по советизации Азербайджана¹⁸.

Турецко-русское сотрудничество и падение АР

Признание де-факто независимости Азербайджана на Парижской мирной конференции было с большой радостью воспринято стамбульской прессой, газеты опубликовали ряд поздравлений в адрес Азербайджана. На заседании османского парламента от 22 января 1920 года была официально признана независимость Азербайджана, и это решение было представлено 2 февраля представителю Азербайджанской Республики в Стамбуле¹⁹. Отметим, что в конце войны османское правительство уже принимало решение признать независимость Азербайджанской Республики, но по причине поражения реализовать такие шаги было невозможно²⁰.

Когда стало совершенно ясно, что Антанта не реагирует на Турецкое национально-освободительное движение и что англичане не собираются посылать войска для создаваемого ими антибольшевистского «Кавказского вала», лидеры Анатолийского движения однозначно взяли курс на сближение с большевиками. Свое окончательное решение Мустафа Кемаль-паша высказал Казым Карабекир-паше в шифрограмме от 6 февраля 1920 года. В ней говорилось: «Когда большевики победоносно завоюют Кавказ и наладят связи с нами, Европа попадет в трудное положение... Считая создание «Кавказского вала» планом уничтожения Турции, мы вынуждены пойти на самые крайние меры, чтобы не допустить создания этого вала странами Антанты, и должны при этом предвидеть всевозможные опасности на этом пути... Официально или неофициально проведе мобилизацию на Восточном фронте, начать развал «Кавказского вала» с тыла, срочно наладить отношения с новыми кавказскими правительствами, особенно с мусульманскими правительствами Азербайджана и Дагестана, изучить их отношение к плану Антанты. Если кавказские народы решат быть нам преградой, то договориться с большевиками о совместном наступлении на них...»²¹

17 марта Казым Карабекир-паша отправил письмо Халил-паше и Нуру-паше в Азербайджан, в котором отметил, что «для появления большевиков у границ Турции необходим немедленный захват большевиками всего Кавказа, и даже их малые силы, придя в Азербайджан и вместе с азербайджанцами дойдя до границ Турции, сыграют на пользу турецких интересов. Очень было бы кстати обеспечить приход к власти большевиков в Азербайджане, Дагестане и Грузии...»²²

В телеграмме от 18 апреля 1920 года Казым Карабекир-паша просит Мустафу Кемаль-пашу назначить специальную делегацию для переговоров с Советами. Он обосновывал свою просьбу тем, что состояние переговоров находившихся на Кавказе турецких представителей с Советами неудовлетворительно, до сих пор нет военного плана с учетом

¹⁸ См.: *Еросимос С.* Национальности и границы. Балканы, Кавказ и Средний Восток / Пер. на турецкий: Ширин Текели. Стамбул: Изд-во «Илетишим», 1994. С. 327; *Аттур И.Е.* Нахчыван: от османского правления до советского правления (1918—1921). Анкара: ТТК, 2001. С. 337 (на турец. яз.).

¹⁹ См.: Архив Османского правительства (ВОА), НР. MTV, D. 639. G. 16.

²⁰ См.: Илери, 31 января 1920, № 742; Икдам, 31 января 1920; Азербайджан, 5 апреля 1920, № 67; Азербайджан, 6 апрель 1920, № 68.

²¹ *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. I. С. 512—514.

²² Там же. С. 598—599.

военных передвижений и могут возникнуть неприятности, когда турецкая и русская армии войдут в соприкосновение. Поэтому Казым Карабекир-паша сообщал: «Из-за того, что представительная делегация опаздывает на переговоры, считаю возможным немедленно направить в Баку командира Трабзонского полка Минбаши Али Рыза-бека с офицером сопровождения, чтобы вести переговоры только по военным вопросам...»²³

26 апреля 1920 года Мустафа Кемаль-паша обратился с письмом к советскому правительству. Оно было продиктовано необходимостью предотвратить нежелательные инциденты, когда Советская армия, в результате соглашения между большевиками и Коммунистической партией Турции завоевав Азербайджан, встретится с турецкой армией. Письмо в Москву запоздало, но это было неважно, потому что задолго до этого письма образованная в Баку Коммунистическая партия Турции занималась именно теми вопросами, которые были подняты в письме Мустафы Кемаль-паши. Отметим лишь, что упомянутая в третьем пункте письма «советизация Южного Кавказа на почве русско-турецкого сотрудничества» значится в параграфе 11 договора, подписанного 11 января 1920 года Бахой Саит-беком.

Совпадение интересов большевиков и кемалистов, ведущих антиимпериалистическую борьбу с Западом и вынужденных просить у Советов помощи, сильно облегчало Москве реализацию ее планов относительно Азербайджана.

Один из лидеров Турецкой коммунистической партии Баха Саит-бек в письме на имя Мустафы Кемаль-паши от 8 апреля 1920 года сообщал, что Кавказский комитет назначил Халил-пашу главнокомандующим Красной Армией²⁴. Чтобы узнать, согласна ли Москва с кандидатурой Халил-паши, через влиятельного курьера был послан запрос в штаб Красной Армии. Через некоторое время пришел отрицательный ответ, впрочем тщательно скрываемый от самого Халил-паши и его товарищей²⁵.

На самом деле решение Кавказского комитета о назначении Халил-паши командующим Красной Армией не имело никакой юридической основы и преследовало одну единственную цель — замаскировать истинные намерения большевиков.

Халил-паша отправился в Дагестан встречать Красную Армию, но был еще в дороге, когда вечером 26 апреля XI Армия пересекла границу Азербайджана и начала наступление на Баку. Не дождавись внутреннего переворота, Красная Армия начала запланированную оккупацию Азербайджана.

Халил-паша и сопровождавший его из Баку русский полковник Скачков встретились с командующим XI Красной Армией Левандовским. Скачков сообщил ему о решении Кавказского Комитета передать Халил-паше командование Красной Армией. Левандовский возразил, что Москва такого указания не давала и он со своей армией намерен продвигаться до старой осmano-русской границы. И было бы очень кстати Халил-паше ехать в Москву²⁶. Паша вынужден был подчиниться.

Несмотря на все это, Халил-паша продолжал призывать азербайджанский народ обеспечить беспрепятственное прохождение XI Красной Армии в направлении Баку. В обращении Халил-паши говорилось: «Красная Армия, не встречая сопротивления азербайджанской армии, прошла станции Самур, Хачмас, Чархи и продолжает движение. Обошлось без кровопролития. Но в других местах оказание сопротивления может стать причиной кровопролития. В Азербайджане, в основном, сохранится власть независимой народной республики.

²³ Там же. С. 693—698.

²⁴ См.: *Карабекир К.* Наша война за независимость. Т. II. С. 688—690.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ См.: *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. Баку: Ниджат, 1992. С. 140 (на азерб. яз.); *Халил-паша.* Непрерывающаяся война. Подготовил: Тайлан Соргут. Стамбул: Изд-во «Камер», 1997. С. 325—326 (на турец. яз.).

Нет причин для беспокойства и паники, всем следует сохранять спокойствие и сидеть тихо. Антанта — враг мусульманства — хочет, чтобы между нами и советской Красной Армией пролилась кровь. Кровавые события в Стамбуле и Измире показали, в какой степени англичане являются врагами мусульман»²⁷. Во время апрельских событий турецкие офицеры и представители Коммунистической партии Турции выступали перед взволнованными бакинцами на улицах и в мечетях, успокаивая народ тем, что «прибывшая русская армия погостит здесь несколько дней» и отправится дальше в Анатолию. Хотя в тот же день 28 апреля Азербайджанский Революционный Комитет направил в Москву телеграмму с предложением «вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и оказать немедленную революционную помощь путем присылки Красной Армии»²⁸. Таким образом, состоялось официальное приглашение оккупационной XI Красной Армии, которая за два дня до того без разрешения уже вторглась в Азербайджан.

Представители Коммунистической партии Турции в Баку продолжали подогревать симпатии народа к большевистскому режиму, и эта пропагандистская деятельность наблюдалась и в последующие дни. 3 мая 1920 года была распространена декларация «Азербайджанскому народу от турецких коммунистических большевиков», в которой азербайджанцев призывали оказать поддержку новой власти — режиму большевиков²⁹.

Тем временем Мюлазим Рефет, ставший свидетелем происходящих в Баку событий, отмечал в своем рапорте Казыму Карабекир-паше: «Велико уважение населения Азербайджана к Турции и туркам. Все внимание приковано к Анатолии, Милли Меджлису. И даже столь легкое и беспрепятственное проникновение большевиков в Азербайджан не повлияло на это чувство. Увидя, как радушно Халил-бек встретил большевиков на границе Азербайджана, народ открыл границы большевикам»³⁰.

В рапорте участника апрельских событий, турецкого офицера, от 1 августа 1920 года отмечается: «Большевики, не имеющие никакого влияния и авторитета среди населения, на подходе к Баку, испытывая потребность успокоить народ, посредством Революционного Комитета распространяли информацию, будто Красная Армия идет на помощь Анатолии, что турки и большевики — союзники, что комиссары исповедуют мусульманство, что губернатором Баку и комендантом назначен Рыфат-бек из османских офицеров и что Красная Армия несколько дней погостит в городе, а затем пойдет в поход на Армению. Османские офицеры и учителя на автомобилях объезжали улицу за улицей, распространяя эту дезинформацию, сбивая народ с толку, и добились своего»³¹.

М.Э. Расулзаде пишет: «Часть действующих в Баку османских турок невольно вводили людей в заблуждение такими словами: «Приближающаяся Красную Армию возглавляет турок по имени Ниджат-бек. Полки этой Армии составлены из турок. Большое количество солдат родом из турок Поволжья. Эта Армия идет на помощь Анатолии, борющейся со смертельными врагами. Сопrotивление, оказанное этой Армии, будет равносильно помехе спасению Турции. С точки зрения великотюркского единства и мусульманской общности это равносильно предательству». День спустя выяснилось, что все эти высокие слова были блефом. Это была всего лишь политическая уловка»³².

М.Э. Расулзаде, прекрасно понимая истинные цели России, обращался к Халил-паше и другим представителям Анатолии: «Не делайте этого, оставьте нас в покое. Мы, сто лет

²⁷ *Кахраман С.С.* Борьба за независимость и Энвер-паша (Трабзонские и Карские воспоминания). Изд-во «Селюлоз», 1949. С. 130—131 (на турец. яз.).

²⁸ *Мамедзаде М.Б.* Указ. соч. С. 150; Архив Азербайджана, 1988, № 1—2. С. 193.

²⁹ См.: *Коммунист*, 3 мая 1920.

³⁰ ATASE, A. 1/4282, K. 586, L.114-34; F.90-1.

³¹ *Мамедзаде М.Б.* Указ. соч. С. 68.

³² *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская республика. Баку: Элм, 1990. С. 67 (на азерб. яз.).

бывшие под игом России, лучше вас знаем ее сущность. Они коварно придут и после растопчут нас»³³. Но Халил-паша и другие анатолийцы не прислушались к его словам.

В азербайджанской армии служили турецкие офицеры, управлявшие броневиками, и военные моряки. В Баку стоял Вспомогательный полк, все солдаты которого были добровольцами-азербайджанцами, а офицеры были турками. Этот полк обеспечивал охрану парламента и всех правительственных зданий. Они перешли на сторону большевиков. С помощью турецких военнослужащих многие важные объекты города, в том числе и железнодорожный вокзал, были захвачены. Военный губернатор Баку генерал-майор М.Г. Тлехас был арестован³⁴. Контролировавшие вокзал турецкие военнослужащие предотвратили попытку правительства покинуть город³⁵.

М.Э. Расулзаде пишет: «С 28 апреля трехцветный азербайджанский флаг был заменен частично Красным советским знаменем и полуофициально османским знаменем. Над милицией, Вспомогательным полком, городской комендатурой и другими официальными учреждениями развевалось турецкое знамя, повсеместно виднелись приказы, декларации и объявления на турецком языке. Создавалось впечатление, что виновата в происшедшем не агрессия российской армии, а турки-османы. Мусаватское правительство было свергнуто, взамен было создано турецкое правительство. Османские офицеры, снующие на автомобилях по городу из конца в конец, были тому ярким подтверждением. Прокламации, подготовленные от имени Турецкого Комиссариата, провозглашали, что... «падение «проанглийского» Мусавата преследует две цели»: 1. Спасение Азербайджана. 2. Обеспечение российской поддержки борющейся за свою жизнь Турции»³⁶.

После того, как при активной помощи и прямом участии анатолийских представителей в апреле 1920 года большевизация Азербайджана была завершена, говоря словами Халил-паши, «в Азербайджане больше нечего было делать»³⁷. Поэтому Халил-паша и Фуад Сабит-бек, получив инструкции Казыма Карабекир-паши, направились в Москву³⁸, где провели переговоры от имени Анатолийского движения с лидерами Советской России и обеспечили получение необходимой советской помощи.

Спустя несколько дней после захвата Баку Красной Армией турецкие «командиры» были заменены русскими. Более того, часть турецких офицеров, участвовавших в оккупации Баку, была арестована, а других выслали из страны³⁹.

Мустафа Кемаль-паша 14 августа 1920 года, выступая в ВНСТ, сказал следующее: «Республика большевиков преследовала цель собственного выживания, и, как только ей удалось вырваться из лап Антанты, стала самым сильным помощником и союзником нашим, и протянула руку помощи... Силами X и XI Армий на Кавказе был разорван Восточный фронт. Эти армии с легкостью прошли Северный Кавказ и вошли в Азербайджан: это было наше целеуказание, наше влияние и наша заслуга»⁴⁰.

Участник московских переговоров 1921 года доктор Рыза Нур в своих мемуарах «Жизнь и воспоминания» пишет: «Азербайджанцы горько жалуются лишь на одно, и, вспоминая это, обычно плачут. С кем бы я ни встретился, все говорят одно: вы нас воо-

³³ Мамедзаде М.Б. Указ. соч. С. 137.

³⁴ См.: Из истории внешнего военного вмешательства в Азербайджан // Архив Азербайджана, 1988, № 1—2. С. 153 (на азерб. яз).

³⁵ См.: Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в 1918—1920 годах. М., 1964. С. 108.

³⁶ Расулзаде М.Э. Указ. соч., С. 67.

³⁷ Халил-паша. Указ. соч. С. 327.

³⁸ ATASE, A. 1/4282, K. 586, L. 114-34; F. 87-2; Карабекир К. Наша война за независимость. Т. II. С. 879.

³⁹ См.: Расулзаде М.Э. Указ. соч., С. 69.

⁴⁰ Байкара Х. История борьбы за независимость Азербайджана. Баку: Азернешр, 1992. С. 265 (на азерб. яз.).

душевили, вы же нас задушили... Возможно, азербайджанцы, не сумев оборониться, покорились бы русским. Страна их была бы захвачена вновь. Хотя бы, воюя, выполнили бы свой долг. Но может быть, они сумели бы защитить свою независимость...»⁴¹.

З а к л ю ч е н и е

Таким образом, на почве турецко-русского сотрудничества, при активной помощи и прямом участии анатолийских представителей 28 апреля 1920 года осуществилась советизация Азербайджана. Правда, были и другие внешние и внутренние причины падения АР (например, чрезмерный демократизм правительства, правительственный кризис, карабахский конфликт, деятельность местных и русских коммунистов, предательство и дезорганизаторская деятельность некоторых лиц в правительстве, отмена экономического эмбарго, установленного союзниками в отношении Советской России, отсутствие реальной военной помощи Кавказским республикам и т.п.).

Сближение Турции с Россией было основано не на идеологическом единстве анатолийского движения с большевиками, оно было следствием реальных задач того времени — стремления получить помощь большевиков в ходе турецкого национально-освободительного движения против европейских оккупантов и в итоге вытекало из необходимости спасти Турцию.

⁴¹ Нур Р. Жизнь и воспоминания. Т. III. Стамбул: Изд-во «Алтындаг», 1968. С. 750—751 (на турец. яз.).